UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00290022 3

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

РУССКІЕ ПРОПИЛЕИ

ТОМЪ 2

МАТЕРІАЛЫ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ МЫСЛИ
И
ЛИТЕРАТУРЫ

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
М. ГЕРШЕНЗОНЪ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916

Gershen
*Q.D

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
739759
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1916.

За сообщеніе матеріаловъ, напечатанныхъ въ этомъ томѣ, приношу искреннюю благодарность М. В. Безъ и Е. Н. Орловой, А. Б. Гольденвейзеру, Н. П. Киселеву и Г. А. Рачинскому.

23 января 1916 г.

I.

С. А. Нѣловъ.

Не многіе знаютъ имя Нѣлова, и скудны свѣдѣнія о немъ, какія еще можно собрать. Богатый баринъ, занимавшій видное мѣсто въ родовитомъ и просвѣщенномъ обществѣ до-пожарной и послѣ-пожарной Москвы, общепризнанный остроумецъ Англійскаго клуба, онъ былъ, конечно, далекъ отъ мысли отдавать въ печать свои стихи. Да и стихи его, въ большинствѣ, по крайней своей непристойности предназначались только на устное или рукописное распространеніе въ пріятельскомъ кругѣ. Тѣ немногіе образчики Нѣловской сатиры, какіе сохранены намъ Вяземскимъ и другими, не могли уберечь отъ забвенія имя Нѣлова. Между тѣмъ онъ былъ несомнѣнно даровитымъ стихотворцемъ-сатирикомъ; его саркастическій, подчасъ очень мѣткій стихъ не разъ накладывалъ неизгладимую печать на мѣдные лбы и по-своему очищалъ затхлую атмосферу тогдашняго общества, а нѣкоторыя его шутки до сихъ поръ не утратили своей забавной выразительности.

Вотъ что разсказываетъ о Нѣловѣ кн. П. А. Вяземскій, бывшій его пріятелемъ въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная еще съ до-Наполеоновскихъ временъ.

„Нѣловъ—основатель стихотворческой школы, послѣдователями коей были Мятлевъ и Соболевскій; только вообще онъ былъ скромнѣе того и другаго. Въ теченіи едва ли не полувѣка, малѣйшее житейское событіе въ Москвѣ имѣло въ немъ присяжнаго пѣснопѣвца. Шуточные и сатирическіе стихи его были почти всегда неправильны, но за то всегда забавны, остры и метки. Въ обществѣ, въ Англійскомъ клубѣ, на балахъ, онъ по горячимъ слѣдамъ импровизировалъ свои четверостишія. Жаль, что многія, лучшія изъ нихъ

не укладываются въ печатный станокъ"...[1] „Неѣловъ, истинный этотъ въ своемъ родѣ, имѣлъ потребность перекладывать экспромтомъ на стихи всѣ свои чувства, впечатлѣнія, замѣтки. Онъ былъ Русская Эолова арфа, то-есть народная игривая балалайка... Этотъ поэтъ по вольности дворянства и по вольности поэзіи, не всегда былъ разгульнымъ циникомъ. Онъ иногда надѣвалъ и перчатку на правую руку и мадригальничалъ въ альбомахъ Московскихъ барышень" [2].

Неизвѣстно, былъ ли Пушкинъ лично знакомъ съ Неѣловымъ, но чрезъ Вяземскаго онъ зналъ, вѣроятно, немало Неѣловскихъ стиховъ, въ особенности скабрезнаго содержанія, и отъ души забавлялся ими. 25 мая 1825 г. онъ писалъ Вяземскому: „Стихи Неѣлова прелесть, не даромъ я назвалъ его нѣкогда le chantre de la merde! (Это между нами и потомствомъ буди сказано)" [3].

Біографическія свѣдѣнія о Неѣловѣ не только скудны, но и не совсѣмъ надежны. По офиціальнымъ даннымъ Сергѣй Алексѣевичъ Неѣловъ [4] родился въ 1779 году; въ 1785-мъ поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи Конный полкъ и оставался въ немъ до 1798 г., когда въ чинѣ корнета вышелъ въ отставку [5]. Между тѣмъ въ „Московскомъ Некрополѣ" [6] Неѣловъ значится умершимъ, въ апрѣлѣ 1852 года, на 75-мъ году жизни; значитъ, годъ его рожденія приходится отнести на годъ или на два за 1779-й. О своей же военной карьерѣ онъ самъ сообщаетъ, въ нижеприводимомъ примѣчаніи къ стихотворенію „Я семь Андреевскихъ въ родствѣ своемъ имѣлъ", что пяти лѣтъ отъ роду былъ зачисленъ сержантомъ въ Измайловскій полкъ, въ 1795 или 96-мъ („въ послѣдній годъ царствованія" Екатерины II) перевелся въ Конную гвардію, на двадцатомъ году жизни произведенъ въ корнеты и черезъ годъ вышелъ въ отставку.

---

[1] „Рус. Арх." 1873, II, стр. 1981, или „Полн. собр. соч.", т. VIII, стр. 158—9.

[2] „Рус. Арх." 1875, I, стр. 476—477, или „Полн. собр. соч.", т. VIII, стр. 361.

[3] „Переписка" А. С. Пушкина, п. ред. В. И. Саитова, т. I, 1906 г., стр. 218 — Неѣловъ былъ пріятелемъ отца поэта. Есть его стихотв. „На завтракъ С. Л. Пушкина, гдѣ хозяйка приступала, чтобы я ѣлъ блины, 1836 г.": „Ни къ пирамъ, — Ни къ блинамъ — Не гожусь, — И боюсь — Блинъ я съѣсть! — Мнѣ не снѣсть — Масла жиръ, — И мнѣ пиръ — Точно то жъ, — Что другимъ — Острый ножъ", и т. д.

[4] Фамилія Неѣлова писалась разно: *Неѣловъ, Нееловъ, Нѣеловъ и Неіоловъ*; послѣднее начертаніе указываетъ, что вторая гласная произносилась, какъ ё.

[5] „Остаф. Арх." II, 498; свѣдѣнія сообщены г. Руммелемъ. Сравн. „Рус. Біограф. Словарь", т. Нзаке—Николай Ник. ст., стр. 273—274.

[6] Т. II, стр. 334.

Судя по помѣткамъ подъ его стихами, онъ по выходѣ въ отставку, до нашествія французовъ, жилъ то въ Казани, то въ Москвѣ; онъ былъ помѣщикъ Казанской губерніи [1]. Въ Москвѣ онъ уже тогда сдружился съ Вяземскимъ, Мерзляковымъ, И. И. Дмитріевымъ, В. Л. Пушкинымъ и А. М. Пушкинымъ. Свой портретъ того времени онъ самъ живыми чертами изобразилъ въ очень плохомъ по формѣ элегическомъ стихотвореніи 1840 года. Полвѣка назадъ,— разсказываетъ онъ, — я былъ молодъ: мнѣ было двадцать лѣтъ, я былъ конногвардейскій офицеръ, былъ красивъ собой, румянъ и бѣлъ, ловокъ и смѣлъ, и на бонмо собаку съѣлъ; я одѣвался у Венкёра [модный тогда портной], каждый день бывалъ на балахъ, и безъ меня былъ балъ не балъ; я ловко танцовалъ кадрили, польскіе, англезы, алагрекъ и полонезы, писалъ стихи дѣвицамъ; мнѣ писали страстныя письма, мнѣ назначали свиданія у M-me Pierson [извѣстная лавка модъ] или на Прѣсненскомъ пруду; моя шкатулка была полна портретовъ, писемъ и колецъ, я точно сыръ въ маслѣ катался, пилъ, игралъ, кутилъ на пропалую, имѣлъ нѣсколько дуэлей, жилъ разгульно и лихо, и только потому уцѣлѣлъ, что Москвою правилъ тогда мой дядя, фельдмаршалъ [гр. И. П. Салтыковъ]: оттого мнѣ все сходило съ рукъ. Такъ прожилъ я *лѣтъ тридцать*.

Этому образу жизни Нѣлова, какъ видно, мало помѣшала его женитьба, въ 1807 году [2], на княжнѣ Еленѣ Петровнѣ Меньшиковой, двоюродной сестрѣ извѣстнаго позднѣе морского министра кн. А. С. Меньшикова; жена была значительно старше Нѣлова (она родилась въ 1771 г.) [3]. Со времени женитьбы Нѣловъ повидимому осѣдло поселился въ Москвѣ. Въ 12-мъ году его домъ, хотя не сгорѣлъ, но сильно пострадалъ отъ французовъ, о чемъ онъ самъ не безъ юмора повѣствуетъ въ приводимомъ ниже посланіи къ Вяземскому. Первая жена Нѣлова умерла въ 1837 году; на слѣдующій день послѣ похоронъ [4] онъ выразилъ свою грусть въ неуклюжемъ стихотвореніи:

[1] Б. Л. Модзалевскій, „Н. И. Лобачевскій, письма его къ И. Е. Великопольскому", Казань, 1902, стр. 9.

[2] Есть его стих. на его серебряную свадьбу, 31 мая 1832 г.

[3] „Остаф. арх." II, 498—499.

[4] 5 февраля 1837 г., а умерла она („Остаф. арх.", тамъ-же) 2 февраля. Въ другомъ альбомѣ это стих. датировано 8 февраля.

Похоронилъ души покой
И въ жизни радостей лишился,
Съ тѣхъ поръ какъ съ милою женой
Я въ этомъ свѣтѣ распростился.
Она мнѣ тритцать лѣтъ была
Души и сердца наслажденьемъ,
и т. д.

Но уже меньше, чѣмъ чрезъ шесть недѣль, онъ былъ женихомъ, а вскорѣ затѣмъ и мужемъ Александры Дмитріевны Киселевой, сестры гр. П. Д. Киселева и тетки Н. и Д. Милютиныхъ. Ему было уже подъ-шестьдесятъ, его женѣ—много за сорокъ [1]. Оба брака Нѣлова были бездѣтны. Подъ старость онъ сталъ прихварывать, плохо слышалъ, но сохранилъ прежнюю склонность къ женскому полу, и старый свой сарказмъ, и веселую шутку. До самаго конца онъ не переставалъ воспѣвать московскихъ красавицъ и минувшія утѣхи стола и алькова, и клеймить насмѣшкою карьеризмъ, погоню за женихами и пр. Онъ умеръ въ 1852 году и похороненъ на Ваганьковомъ кладбищѣ въ Москвѣ; его вторая жена пережила его 6 годами.

Одна часть его сатирическаго „творчества" для насъ почти совсѣмъ потеряна: именно, его прозаическія остроты; современники записали только 2—3 изъ нихъ [2]. За то его стихи дошли до насъ вѣроятно полностью; какъ видно, онъ самъ дорожилъ ими. Уцѣлѣло *шесть* альбомовъ (т. е. переплетенныхъ тетрадей), наполненныхъ его стихами. Изъ нихъ два содержатъ почти исключительно его нецензурныя произведенія, писанныя имъ собственноручно; одинъ альбомъ занятъ на-половину чужими, преимущественно французскими стихами (и рисунками), на-половину—его собственными, писанными собственноручно; двѣ тетради содержатъ исключительно его (приличные) стихи, переписанные писцомъ, и—на послѣднихъ страницахъ—опять его собственныя стихотворныя записи; эти тетради онъ давалъ читать знакомымъ; въ одной изъ нихъ спереди подклеены *въ подлинникахъ* стихотворныя обращенія друзей къ самому Нѣлову, приводимыя ниже. Наконецъ, одинъ альбомъ, весь исписанный авторомъ собственноручно, содержитъ почти полный сводъ его пристойныхъ стихотвореній. Изъ всего этого обилія мы извлекаемъ небольшую часть—

[1] По „Моск. Некрополю" II 334 она умерла въ 1858 г. на 68-мъ году. О ней см. „Р. Стар." 1879, III, 481.

[2] См. „Р. Стар." 1874, XI, 580; „Р. Арх." 1873, II. 1981; „Р. Арх." 1875, I, 471.

образцы всѣхъ родовъ, кромѣ нецензурнаго. Огромное большинство экспромптовъ, мадригаловъ и сатиръ Нѣлова теперь не представляютъ интереса, какъ вслѣдствіе крайней неряшливости ихъ формы, такъ и потому, что заключающіеся въ нихъ личные намеки не поддаются раскрытію. Всего характернѣе и всего забавнѣе его непристойные стихи, но они конечно никогда не увидятъ печати [1].

Всѣ стихотворенія Нѣлова, какъ и стихотворенія, обращенныя къ нему, печатаются съ подлинниковъ, и орѳографія подлинниковъ всюду сохранена, только знаки препинанія въ стихахъ Нѣлова проставлены нами, такъ какъ у него ихъ почти совсѣмъ нѣтъ.

---

[1] Изъ стихотв. Нѣлова намъ встрѣтились въ печати слѣдующія:

„Племянница моя, княгиня Горчакова"—„Рус. Арх." 1873, II, ст. 1982.
„Чрезъ дядю, брата или друга"—тамъ-же, и „Остаф. арх.", III, стр. 110.
„Не тотъ герой, кто вѣкъ сражался"—„Рус. Арх." 1873, II, ст. 2152.
„Прелестная княжна, въ которой все такъ мило" — „Рус. Арх." 1874, I, ст. 1357.
„Сей случай для меня необычайно новъ"—тамъ-же.

[Оба послѣдніе экспромпта *вторично* напечатаны въ „Рус. Арх." 1887 г., кн. 8, стр. 526.]

„Рай старой дѣвушкѣ женихъ"—„Рус. Арх." 1875, III, стр. 109.
Отрывки изъ „амфигури"—„Р. Арх." 1875, I, стр. 476.
„Дай, судьба, ты мнѣ ребенка"—тамъ-же, стр. 477, и повторено въ статьѣ Н. Лернера—„Рус. Стар." 1908, мартъ, 659.
„Я грома не боюся"—„Р. Арх." 1875, I, стр. 477.
„Садовникъ десять лѣтъ трудился"—„Р. Стар." 1908, мартъ, стр. 658; сравн. Н. Лернеръ, „Труды и дни Пушкина", 2-е изд., стр. 488—489.

И. В. Селивановъ приводитъ въ своихъ „Запискахъ", „Р. Стар." 1882, мартъ, стр. 630, стихотворное прошеніе на имя А. А. Башилова:

Сенаторъ и совѣтникъ тайный,
Строеній главный президентъ,
и т. д.,

приписывая его перу нѣкоего П. И. О.—Это „прошеніе"—произведеніе Нѣловской музы; оно находится въ одномъ изъ его альбомовъ, собственноручно-написанное, и съ собственноручною же надписью: *1831 года. Октябрь. С. Нѣловъ.*

Стихотворенія, посвященныя С. А. Нѣлову.

1.

Нѣловъ Діогенъ,
Живи и пользуйся ты тридцатью годами;
Подобно мнѣ ты будешь старой хрѣнъ
Простишься съ красотами.
Про старину одну лишь станешь вспоминать;
Какъ дряхлы кучера, которые конями
По прежнему не въ силахъ управлять
Лишь хлопаютъ бичами;
Но ты еще въ порѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Ты статенъ, свѣжъ, къ тому же и поэтъ,
Ты сердце пламенно имѣешь
И музами красотъ плѣнять умѣешь
Пиши, люби, живи и веселись,
Своими острыми стихами
Верти людей умами,
Но дружеской совѣтъ принять мой согласись
Пожалуй грамоте ты руской поучись.

А. Пшкинъ. [А. М. Пушкинъ.] Февраля 20. 1811.

2.

Пускай, Нѣловъ, свѣтъ толкуетъ,
Его намъ толковъ не унять:
Щастливъ, кому дано Судьбой, о нихъ не знать,
Уменъ, кто зная ихъ на нихъ покойно плюетъ!
Пускай придворный полотёръ
Изшаркалъ городъ весь и дворъ,
Чтобъ на пустой болванъ плюмажъ поставить бѣлой,
Болванъ изъ подъ него выглядываетъ смѣло.
Дуракъ что не надѣнь все тѣмъ-же дуракомъ:
На немъ и самъ вѣнецъ дурацкимъ колпакомъ.
Пускай рифмачь на зло разсудку
Шутя изволитъ сочинять,
А намъ скучаетъ не на шутку
И предастъ вѣкамъ послушная печать
Его твореній сборъ огромный;

Пускай Вздыхаловъ томный
Томитъ пастушекъ нѣжный слухъ,
Хвалы достоенъ онъ! я смѣло утверждаю,
Въ пастушескихъ стихахъ онъ пишетъ, какъ пастухъ.
Нѣловъ! никого ни въ чемъ не осуждаю!
У всякаго свой умъ, иль правильнѣй еще
У всякаго дурачество свое.
Повѣрь, все къ лучшему Судьбы опредѣлили,
И не сердись на глупости людей:
Глупцы подъ часъ, намъ умниковъ нужнѣй,
Безъ нихъ смѣяться-бы забыли.

(К П: Вяземскій
1814 года) [1].

3.

Нѣловъ любезный
Въ бесѣдѣ полезный,
Любитель стиховъ;
Твоей я судьбинѣ
Завидую нынѣ,
Ты молодъ, здоровъ.
Ты можешь собою
Красотокъ плѣнять,
Вечерней порою
Смѣяться и врать.
Подагры не знаешь
До дна осушаешь,
Съ шампанскимъ бокалъ.
Ты бросившись въ сани
Изъ пышной Казани
Къ друзьямъ прискакалъ.
Бобровую шапку
Надѣвъ на бекрень,
Накинувъ чехмень
И денегъ охапку
Схвативъ ты съ собой,
Въ Москвѣ обгорѣлой
Но милой, веселой

[1] Подпись—чужой рукою.

Явился мурзой!
Игръ рѣзвыхъ пріятель
Всегда обожатель
Прелестныхъ Цирцей,
Безъ всякихъ затѣй
Точи имъ ты балы
Пиши мадригалы
Всѣмъ намъ на бѣду.
Будь съ Вакхомъ въ ладу,
Съ Фортуной не въ спорѣ;
Не думай объ горѣ
Нѣловымъ будь
И насъ не забудь.

В. Пушкинъ.

1814 года.
Февраля. 18.

4.

Нееловъ! ты мнѣ милъ, за что не понимаю.
Но вѣрь, что иногда ты мнѣ необходимъ
Такова сорванца другова я не знаю
Приѣдишь!—чуть знакомъ—поѣдишь—и любимъ!!!

[Кн. И. М. Долгоруковъ] [1].

5.

Нѣёловъ безпутной!—
Съ ума ты слѣтѣлъ;
Отъ лиры безструнной,
Стиховъ захотѣлъ!—
Ты знаешь, повѣса,
Что я не Поэтъ
Ни мѣры, ни вѣса,
Въ стихахъ моихъ нѣтъ;—
А тащишъ насильно
Меня на Парнассъ;—
И такъ изобильно

[1] Подписи въ оригиналѣ нѣтъ. Стихи писаны очень неразборчиво; переписаны на той же страницѣ рукою Нѣлова, и эта копія озаглавлена: Переводъ писанья и стихамъ К: И: М: Долгорукова.

Хлыстовыхъ у насъ.—
Ахъ! самъ же бывало,
Я ихъ осуждалъ;
Надъ ними не мало
Я самъ хохоталъ;
А нынѣ не смѣю,
Тебѣ отказать—
Тружуся, потѣю,
И долженъ писать!—

Продолженіе впредь.

А. П[еровск]ій [1].

6.

Стихи подъ слѣдующій портретъ [2].

Художникъ здѣсь рукою вѣрной
Черты того изобразилъ,
Кто былъ всегда любимъ безмѣрно
И отъ роду въ стихахъ самъ мѣры не хранилъ.

К. Петръ Вяземскій.

1813 году.

Стихотворенія С. А. Нѣлова.

1.

Посланіе другу К. В: послѣ 12 г. изъ Петербурга.

Враговъ Россія побѣдила,
И возвратился ей покой,
Но участи моей никакъ не облегчила:
Я всіо то потѣрялъ, что было за душой.
Въ Москвѣ имѣлъ я домъ, въ приходѣ Вознесенья,
Но отъ таво ему не здѣлалось спасенья.
Двѣнадцать комнатъ въ ніомъ, паркѣтныя полы,
Кѣнкѣтовъ нѣсколько, и модные столы,
Кушетки, зеркала, козіозы и диваны,
Фаянсовый сервизъ, и рюмки, и стаканы,

[1] Подпись была: А. П-ій; буквы, поставленныя у насъ въ скобкахъ, вписаны чужой рукою.

[2] На той же страницѣ, подъ стихами Вяземскаго, наклеенъ портретъ Нѣлова.

Прекрасной биліардъ, станокъ токарной мой
Тафтяныя драпри съ широкой бахрамой,
Два бюста бронзовыхъ, на всѣхъ окошкахъ сторы,
Столовые часы и въ уголкахъ фарфоры,—
Всіо это сожжено, изломано, разбито,
Не много хоть вина, но всіо и то расшито,
Запасъ мой годовой безщадно истребіонъ.
Вотъ видишь ли мой другъ, что весь я разворіонъ,
Гдѣ ширмы я возьму, эстампы, шифоньеры!
Портреты праотцевъ, что я любилъ безмѣры,
Гдѣ я возьму шинель изъ синя казимира,
Гдѣ фраки, сюртуки, халатъ изъ кашемира,
Гдѣ я возьму диванъ, что шитъ моей женой,
На коемъ нѣжился иною я порой?
Кто женины отдастъ платки и палатины,
Въ то время какъ теперь я лѣчѣ паутины,
Кто мнѣ отдастъ сіо и лѣнты, и чепцы,
Бездѣлокъ миліонъ, и разныя ларцы,
Что можетъ замѣнить моихъ потѣрю книгъ
И цѣлыхъ три стопы стиховъ моихъ дурныхъ,
Кто возвратитъ бюро карельскія берёзы?
Я вспомнить не могу, не отирая сліозы,
Картоновъ и бумагъ наполненной сундукъ,
И всіо что потерялъ, того не вспомню вдругъ.
А къ дополненью золъ, мнѣ насланныхъ судьбой,
Окончить не могу процесъ несносной мой.
Здѣсь восемь мѣсяцовъ паркѣты натираю,
И съ правымъ дѣломъ я никакъ не успѣваю.
Всѣ обѣщаютъ мнѣ, всѣ говорятъ: ты правъ,
И я съ надѣждой сей ужъ свой испортилъ нравъ:
Всіо грусно, всіо сержусь, несносенъ самъ себѣ,
И кто съ процессомъ сдѣсь, тотъ вѣрно и въ бѣдѣ.
Сенатъ уже велелъ отдать мое имѣнье
Но здѣсь хоть лопни ты—не скорое рѣшенье.
Всѣ деньги прожилъ я, съ процѣсомъ, съ лихорадкой.
Другой я участи такой не знаю гадкой.
Ни въ лавкахъ, ни въ домахъ кредиту больше нѣтъ,
Всѣ денегъ требуютъ, а судъ ихъ не даетъ.

Вотъ, милой, нежной другъ, въ какой я узкой кожѣ!
Отъ этова избавь тебя всесильной Боже.

2.

К. П. А. Вяземскому отсылая ему шаль, которую онъ препоручилъ мнѣ продать.

Тебѣ шлю съ пѣчалью я черную шаль:
Ею что не продалъ сердечно мнѣ жаль.
Когда лѣгковѣренъ и молодъ я былъ,
Для дѣвы прелѣсной ту шаль бы купилъ;
Теперь тягочуся подъ бременемъ лѣтъ,
Любви берегуся,—я грустенъ и сѣдъ.
Прелѣстныя прежде ласкали меня,
Но мнѣ не далеко до чернаго дня.
Слабѣю вседнево я тѣломъ, душой,—
Вотъ что полъ прекрасной надѣлалъ со мной.
Я тожъ отличался на балахъ, пирахъ,
Теперь надорвался и съ болью въ бокахъ.
Съ душевнымъ томленьемъ весь свѣтъ вижу я,
Живу съ огорченьемъ, жизнь постъ моя.
Булатъ мой гречанокъ хотя не мертвилъ,
Но женщинъ невѣрность я тѣмъ же платилъ.
Презренныхъ Еврѣевъ я въ факторы бралъ
И имъ за послуги по злоту давалъ.
Армянъ у Макарья я часто встрѣчалъ,
Отъ нихъ же съ рогами коль былъ такъ не зналъ.
Теперь ужъ рогатымъ и быть не могу—
Болѣзни и старость согнули въ дугу,
Безсонье лишило пріятныхъ ночей
И нѣту мнѣ больше прелѣстныхъ очей.
Назадъ шлю съ тоскою я черную шаль.
Ею что не продалъ сердечно мнѣ жаль.

3.

Отвѣтъ И. И. Дмитріеву, которой чрезъ письмо звавши меня обѣдать, вѣлѣлъ пріѣхать съ своей обыкновенной аттической солью.

Не смѣю на обѣдъ къ вамъ быть,
Боясь всѣ кушанья у васъ пересолить.

4.

Старой дѣвицѣ Поповой которая выговаривала мнѣ, что не вспомнилъ дня ея рожденья 24 декабря.

Прости меня, забылъ, любезная Попова,
Что прежде родилась ты Рождества Христова.

5.

1836. Ч—ену, которому послѣ Телескопа начали щупать пульсъ.

Бѣжалъ Чадаевъ нашъ къ безсмертію галопомъ,
Но остановленъ Телескопомъ.

6.

Достоинъ крѣстъ имѣть, повѣрьте въ этомъ мнѣ,
Но не на шеѣ—на спинѣ.

7.

Онъ генералъ, и по разсудку
Его опредѣлить возможно даже въ будку.

8.

Стихи К: Вяземскому женившемуся на Княжнѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Гагариной.

Для Вяземскаго жизнь ужъ больше не химера:
Въ законѣ началъ жить,—ево прелѣстна Вѣра.

9.

Impromptu новой фрелинѣ которая надѣла при мнѣ свой шифръ.

Я бъ этимъ шифромъ быть желалъ:
Я бъ на плечѣ у васъ лежалъ.

10.

Въ именины Ю. С. Мещерской, сговоренной за кн. Л. Гагарина.

Вотъ ваша копія—ево въ саду сорвалъ,
А щастливый Леонъ возметъ оригиналъ.

11.

П... молодой дамѣ которая всякой годъ рожала.

Ты прелестьми ума и красотой богата;
Ты всякой дѣнь мила—и всякой годъ брюхата.

12.

Пьяному нѣмцу и кривобокой его сестрѣ.

Они живутъ въ гармоньи сладкой:
Братъ налитъ водкою,—сестра набита ваткой.

13.

Эпитафія дѣвицѣ Безсоновой.

Какъ всіо испорчено, какъ всіо идетъ вверьхъ дномъ!
Сама Безсонова заснула вѣчнымъ сномъ.

14.

Достоинствъ носитъ тьму въ себѣ сей господинъ:
Онъ говоритъ какъ гусь, а ходитъ какъ павлинъ.

15.

Съ Клеопомъ кто сравняться смѣетъ?
Высокъ онъ, глупъ онъ и здоровъ,
Рогъ изобилія онъ отъ жены имѣетъ,
И изобиліе роговъ.

16.

Жандармскому полковнику, который ни людей, ни лошадей не кормилъ, отъ чего солдаты бѣгали, а лошади чуть ноги таскали. Онъ былъ подъ судомъ.

За то они тебя виновнымъ сдѣсь находятъ,
Что люди бѣгаютъ, а лошади не ходятъ.

17.

Лѣтъ тридцать у вельможъ паркѣты натиралъ,
Ногами и слиной мучительно трудился,
Какъ рыба объ ледъ колотился,
Онъ явно подличалъ и въ тайные попалъ.

18.

Лаурѣ, старой дѣвицѣ на балъ.

На балахъ 30 лѣтъ она одна сидѣла,
Ждала дансёровъ до зари,
Но щастья ей сего судьба дать не хотѣла,
И съ горестью пошла сидѣть въ tapiserie.

Талантъ понравится въ ней завсегда скрывался,
Въ желаньи быть женой прошелъ почти весь вѣкъ,
А до нее съ крѣстинъ и пальцомъ не касался
Мужскаго полу человѣкъ!

19.

Гремъ дамамъ представившимъ меня М. И. Корсаковой, къ которой явился я съ апельсиномъ.

Одной изъ трехъ богинь Парисъ, Пріамовъ сынъ,
Далъ яблоко—и тѣмъ ихъ вмѣстѣ перессорилъ.
Я, чтобъ никто изъ васъ не спорилъ,
Принесъ съ собою апельсинъ,
И въ избѣжаніе межъ вами шуму-грому,
Даю съ почтеніемъ ево хозяйкѣ дому.

20.

Л. Ф. Салтыковой.

За чѣмъ Лизетѣ опахало?
Коль хочетъ страсть охолодить,
Что рокъ вѣлелъ ей въ души лить,—
Для этаго Борѣя мало.

21.

На смотръ дѣвушки, которую прозвали индѣйкой. 1836. Генваря 16.

Сей часъ пѣтухъ смотрелъ индѣйку,
Со всѣхъ сторонъ сію вертелъ,
Глядѣлъ носокъ, зобокъ и шейку,
Передъ и задъ сію смотрѣлъ,

Трепалъ хохолъ онъ, перья гладилъ,
Хвалилъ сію пушистый хвостъ,
И, мнится, съ нею онъ поладилъ—
И какъ пройдетъ вѣликой постъ,

То, кажется, соединенье,
Коли поможетъ имъ Творецъ,
Наступитъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнья—
Куриныхъ этихъ двухъ сердецъ.

А тамъ чрезъ годъ, смотри, ребята
У нихъ по маслу какъ пойдутъ,
Какія милые цыплята
Отъ нихъ двоихъ произойдутъ!

И ихъ порода разродится,
Какъ пестрой въ огородѣ макъ,
Отецъ и мать возвеселится—
Кудакъ такъ такъ, кудакъ такъ такъ!

22.

Кн. Зин. Александр. Голицыной на балѣ кн. Н. П. Голицынй. 1839 г. Апрѣля 1º.

Она мала,
Она мила,
Она глазами
Души беріотъ,
Она рѣчами
Радость даіотъ.
Готовъ встрѣчатся
Съ нею всегда,
А разставатся—
Нѣтъ, никогда.

23.

16 лѣтней дѣвушкѣ N. о которой тетка говорила, что она очень застѣнчива, мое предсказаніе.

Развернется она
Черезъ годъ, это знай,
И чья будетъ жена,
Тотъ смотри, не зѣвай.
И краснѣетъ она,
И на землю глядитъ,
Да у ней сатана
Подъ бровями сидитъ.
Молчалива, скромна
И воды не мутитъ,
Но въ ней Эвва сама,
До замужства лишь, спитъ.

Выдетъ за мужъ она—
Мужу рай съ ней земной;
Угождаетъ—умна,
Ходитъ ручка съ рукой.
И mon-cher по утру,
И мой другъ ввечеру,
И романсы паіотъ,
Съ него глазъ не сведіотъ,
Je vous aime говоритъ,
На плѣче его спитъ.
Срокъ прошелъ медовой,—
Офицеръ молодой,
Эксельбантъ золотой,
Подползетъ къ ней змѣіой,
И флеретъ нашипитъ,
И букетъ подаритъ,
И еіо завертитъ
И къ себѣ приманитъ.
Тутъ мужъ волкомъ хоть вой,
А изъ раю далой.

24.

С. А. Н. предъ женидьбою 1837 г. Марта 18 [1].

Я дожилъ до преклонныхъ лѣтъ,
И не къ лицу любовны шашни;
Я невеселъ, я хворъ, я сѣдъ,
Мнѣ надобенъ пріютъ домашній.
Другъ нуженъ больше, чѣмъ жена,
Чтобъ въ слухъ со мною разсуждала
И чтобы мнѣ съ собой она
Лѣтъ сто, иль за сто нащитала;
Нужна мнѣ съ нею доброта,
Нужна пріятность разговора;
Вотъ сердца щастье, красота,
И въ жизни лучшая подпора!
Въ тебѣ всіо это вижу я,

[1] Въ другомъ альбомѣ—18 *апрѣля*.

Мой другъ, мнѣ Саша дорогая.
Жизнь будетъ щастлива моя
И заживемъ мы припѣвая.

25.

С. А. Н[ѣловъ] самому себѣ, обривши свои сѣдыя бакенбарды 1845 года Ноября 8 дня.

Быть старичкомъ ужъ мнѣ не въ мочь.
Вертелся, думалъ я съ подушкой,
Какъ горю этому помочь;
Я бакенбарды прочь—
И сдѣлался старушкой.

26.

Сосѣду деревни. 1849.

Любезный мой сосѣдъ, что дѣлается съ вами?
Что урожай? что умолотъ?
Сдаровье ваше какъ идетъ?—
„Какъ урожай,—мѣстами".

27.

Воспоминаніе [1].

О, старость грусная, совсѣмъ ты не красна!
Съ собою радости уносишь.
Прелѣстная моя весна,
Тебя вернутся не упросишь.
Бывало, молодцемъ являлъ
Себя во всякое собранье,
Шутилъ, рѣзвился, восхищалъ,
Внушалъ всѣмъ женьщинамъ желанья.
. . . . . .
Дни щастія, вы отцвѣли!
Я удаляюся отъ свѣта,
Сижу, какъ ракъ я на мѣли,
И только годенъ для совѣта.

[1] Первая, вторая—и послѣдния строфы. Вся середина нецензурна.

28.

Князю Александру Сергѣевичу Меншикову.

Онъ дипломатъ, онъ Адмиралъ,
На сушѣ, на водахъ удачно управляетъ
Хотя онъ часть ноги подъ Варной потерялъ,
За то ужъ головы нигдѣ не потеряетъ.

29.

Юліи Л... 1851. Октября 16.

Кокѣтка Юлія какъ редко кто бываетъ,
Съ глазами быстрыми и съ маленькой ногой,
Которую подчасъ удачно выставляетъ,
Что видя—старой-молодой,
Плѣняясь, тратитъ свой покой,—
И вотъ отъ этаго съ ней рѣдко я бываю:
Боюсь себя—совсѣмъ разтаю.

30.

Письмо къ друзьямъ.

Меня вамъ почитать не грѣхъ,
Я васъ по старѣ въ чинѣ всѣхъ.
Теперь я ровно сорокъ лѣтъ
Какъ конной гвардіи корнетъ.
Быть далѣе въ чинахъ никакъ не хлопоталъ.
Паркѣтовъ у вѣльможъ нигдѣ не натиралъ.
Жилъ не завидуя и носъ не подымая,
Хвалилъ что̀ нравилось, спины не изгибая,
Ѣзжалъ со всѣми въ рядъ, ѣзжалъ и не свисталъ,
И на меня еще никто не наѣзжалъ.
И встьли съ чванливымъ встречался дуракомъ,
То отвѣчалъ ему презрѣньемъ,
Или съ большимъ благоговѣньемъ
Давалъ по рылу кулакомъ.

31.

Подъ дагеротипной портретъ С. Нѣлова снятый 1844 года.

На жизненномъ своемъ пути
Искалъ онъ только два предмета:
Души спокойствіе найти
И независимость поэта.
Чиновъ, крѣстовъ не добивался,
Не гнулся у вельможъ дугой
И до преклонныхъ лѣтъ остался
Онъ баринъ самъ себѣ—и никому слугой.

32.

С. Н[ѣло]ва исторія и послужной списокъ.

Я семь андрѣевскихъ въ родствѣ своемъ имѣлъ [1],
И всякой былъ изъ нихъ правителемъ начальства.
Чрезъ нихъ, какъ и другой, я могъ бы быть въ чинахъ,
Въ крѣстахъ,
Въ мѣстахъ,
Но не хотѣлъ
Изъ моего оригинальства.
Я независимость раненько полюбилъ,
И не служилъ [2].
Къ тому же я въ душѣ поэтъ,
Всегда свободой восхищался,
И до семидесяти лѣтъ
Корнетомъ гвардіи, не сѣтуя, остался.

---

1. 1. Фельдмарш. гр. З. Г. Чернышевъ } мои двоюрод. дѣды
   2. адмиралъ гр. И. Г. Чернышевъ }
   3. фельдмарш. гр. И. П. Салтыковъ } мои двоюрод. дяди
   4. генералъ-аншефъ кн. С. Ф. Голицынъ }
   5. генералъ отъ кавал. кн. Д. В. Голицынъ, мой внучатн. братъ
   6. адмиралъ кн. А. С. Меншиковъ, братъ первой моей жены
   7. графъ П. Д. Киселевъ, братъ второй моей жены.
2. Пяти лѣтъ отъ роду записанъ въ Измайловскій полкъ сержантомъ, въ послѣдній годъ царствованія В. Екатерины II переведенъ въ Конную гвардію, при И. Павлѣ I-мъ на двадцатомъ году произведенъ въ корнеты, чрезъ годъ въ отставкѣ тѣмъ же чиномъ.

II.

Г. С. Батеньковъ.

О Батеньковѣ много писали, но тайна его судьбы до сихъ поръ не разгадана, и еще никто не пытался возстановить глубокое и оригинальное міровоззрѣніе этого замѣчательнаго человѣка. Нижеприводимые матеріалы до нѣкоторой степени поднимаютъ завѣсу и надъ этой тайной, и надъ душевной глубиной, въ которой слѣдуетъ искать ея корни.

Здѣсь не мѣсто излагать подробно біографію Батенькова [1]. Достаточно сказать, что онъ родился въ 1793 году въ Тобольскѣ, окончилъ, вмѣстѣ съ В. Ѳ. Раевскимъ, кадетскій корпусъ въ Петербургѣ, вышелъ въ артиллерію, продѣлалъ кампаніи 1812—14 гг., едва выжилъ отъ ранъ во французскомъ плѣну, послѣ войны—въ 1816 г.—выдержавъ экзаменъ въ Институтѣ путей сообщенія, отправился въ Сибирь на службу по этому вѣдомству, тамъ обратилъ на себя вниманіе Сперанскаго и былъ приближенъ имъ, а съ возвращеніемъ Сперанскаго въ Петербургъ былъ назначенъ правителемъ дѣлъ Сибирскаго комитета и все время жилъ въ домѣ Сперанскаго; въ 1823 году, по рекомендаціи Сперанскаго, онъ перешелъ на службу къ Аракчееву членомъ совѣта военныхъ поселеній, довольно долго жилъ въ Грузинѣ, но осенью 1825 г. вышелъ въ отставку вслѣдствіе разныхъ непріятностей по службѣ. Какъ-разъ въ это время онъ—чрезъ

[1] Она подробно изложена въ „Русск. Біограф. Словарѣ", s. v., въ анонимной статьѣ о Батеньковѣ въ „Рус. Стар." 1889, августъ, стр. 302—358 (здѣсь же его письма 50-хъ годовъ), въ книгѣ В. И. Семевскаго „Полит. и обществ. идеи декабристовъ", СПБ. 1909, стр. 674—677 (см. также passim, по Указателю), въ „Критико-біогр. словарѣ" С. А. Венгерова, т. II, стр. 221—227, въ запискахъ Смогова—„Рус. Стар." 1878 г. ноябрь, стр. 511—518; см. также „Записки" Н. И. Греча, „Замѣтки неизвѣстнаго о декабристахъ" въ „Щукинскомъ сборникѣ", вып. IV, 1905 г., стр. 172—174, и пр.; см. дальнѣйшія ссылки.

А. Бестужева и Рылѣева—вошелъ въ кругъ Тайнаго общества и сразу занялъ въ немъ видное мѣсто, такъ что ему предназначалась даже роль правителя дѣлъ въ будущемъ Временномъ правительствѣ. Онъ высказывался за конституціонную монархію съ двумя палатами по англійскому образцу [1]. Онъ былъ арестованъ 28 или 29 декабря,—сначала запирался, потомъ (въ мартѣ 1826 г.) вдругъ сдѣлалъ полное признаніе и обнаружилъ въ немъ такую зрѣлость политической мысли, которая позволяетъ намъ поставить его на одинъ уровень съ Пестелемъ. Приговоромъ Верховнаго суда Батеньковъ былъ осужденъ на вѣчную каторгу, которую смягченіе ограничило двадцатью годами; но тутъ-то и случилось нѣчто загадочное: его не отправили въ Сибирь, а водворили въ одиночной камерѣ Алексѣевскаго равелина (въ Петропавловской крѣпости), гдѣ онъ и прожилъ — *одинъ изъ всѣхъ декабристовъ*—двадцать лѣтъ, въ самыхъ ужасныхъ условіяхъ.

В. И. Семевскій [2] полагаетъ, что эта кара была местью Николая за убѣжденную апологію возстанія, заключавшуюся въ показаніяхъ Батенькова, и за его мечты стать членомъ временнаго правленія или даже регентства. Но почему Николай для одного Батенькова придумалъ такую особенную форму мести, не смертную казнь и не каторгу, какъ для остальныхъ? Съ другой стороны, въ семьѣ Елагиныхъ, гдѣ Батеньковъ прожилъ конецъ своей жизни, сохранилось такое преданіе [3]. На слѣдствіи будто бы обнаружилась невинность Батенькова, и Николай приказалъ освободить его, произвести въ слѣдующій чинъ и наградить денежно; тогда Батеньковъ, изъ страха, какъ бы остальные заговорщики, узнавъ, не обвинили его въ предательствѣ, написалъ царю, что, если его выпустятъ, онъ составитъ новый заговоръ; вслѣдствіе этого будто бы и приговорили его къ двадцатилѣтнему заключенію въ Петропавловской крѣпости.

Эта легенда слишкомъ фантастична, чтобы ей можно было довѣрять. И тѣмъ не менѣе, можно думать, что *въ главномъ* она сообщаетъ истину: Батеньковъ, повидимому, дѣйствительно былъ

[1] Объ его роли въ дѣлѣ 14-го декабря и поведеніи на слѣдствіи см. у В. И. Семевскаго, въ указ. мѣстѣ, въ книгѣ Довнаръ-Запольскаго „Мемуары декабристовъ", гдѣ приведены *письменныя показанія* Батенькова, въ указанной статьѣ „Рус. Стар." 1889 г., П. Е. Щеголева, „Имп. Николай I — тюремщикъ декабристовъ"—„Былое" 1906 г., май, стр. 202, и, разумѣется, во всѣхъ изслѣдованіяхъ о дѣлѣ 14-го декабря.

[2] Указ. соч., стр. 677.

[3] „Разсказы о Г. С. Батеньковѣ", „Рус. Арх." 1881, III, стр. 438—9.

посаженъ въ крѣпость по его собственному желанію. Это удостовѣряютъ печатаемые здѣсь матеріалы.

Дѣло было, очевидно, такъ. Приговоренный къ 20-лѣтней каторгѣ,—по третьему разряду, вмѣстѣ съ бар. Штейнгелемъ,—онъ, какъ и Штейнгель, былъ отправленъ въ крѣпость Свартгольмъ на Аландскихъ островахъ; какъ извѣстно, Штейнгеля годъ спустя, въ іюнѣ 1827 г., увезли на каторгу въ Сибирь [1],—и та же участь ждала, конечно, и Батенькова. Еще въ февралѣ 1827 г. узниковъ въ Свартгольмѣ посѣтилъ финляндскій генералъ-губернаторъ А. А. Закревскій [2]; тутъ-то повидимому Батеньковъ и ходатайствовалъ предъ нимъ о переводѣ въ Петербургъ въ одиночное заключеніе: „... при посредствѣ Ген.-Губ. Закревскаго"—пишетъ онъ въ нижеприводимомъ письмѣ,—„угодно было Государю, чтобъ я былъ возвращенъ" (т.-е. въ Алексѣев. равелинъ); оборотъ этой фразы указываетъ на то, что это было сдѣлано во исполненіе его просьбы. А. П. Елагиной онъ пишетъ въ 1846 году: „...Писалъ къ вамъ въ то же время [изъ Свартгольма] черезъ Генералъ-Губернатора, *и какъ бы напріемъ вашей доброты круто перемѣнились мои обстоятельства*". И далѣе онъ въ цитированномъ письмѣ поясняетъ, чѣмъ было вызвано такое его желаніе: „Богъ далъ мнѣ вдругъ глубокое чувство... Я убѣдился въ томъ, что не долженъ оставлять своего уединенія и не жалѣть, что прекращаю всѣ связи съ людьми". Что онъ жилъ въ крѣпости по собственному желанію, доказывается и косвенно: къ нему не примѣняли исключительныхъ строгостей, онъ получалъ хорошую пищу, могъ получать книги и писать, ему было дозволено писать въ собственныя руки Государя, А. Ѳ. Орловъ и комендантъ крѣпости, Скобелевъ, относились къ нему сердечно,—и очевидно, онъ могъ выйти изъ крѣпости въ Сибирь во всякое время, когда бы того ни пожелалъ, потому что онъ пишетъ: „Чтобы не оставаться праздными, я предпринялъ изъясниться... Въ 1845 году я закончилъ мое изъясненіе, *и мнѣ нечего было больше тамъ дѣлать*. И хотя располагался 1846 годъ весь пробыть, чтобъ осмотрѣться и опредѣлить что-нибудь для себя лично, но почувствовалъ крайнюю усталость, почти дряхлость и начало цынготной болѣзни. Это заставило меня въ Генварѣ уже настоять объ отправленіи меня въ Томскъ. Въ два

[1] В. И. Семевскій, Біографія бар. В. И. Штейнгеля, въ „Общества. движ. въ Россіи въ первую половину XIX вѣка", т. I, СПБ. 1905, стр. 308.

[2] Тамъ же.

дня все и кончили". Надо замѣтить, что эти 20 лѣтъ Батеньковъ прожилъ дѣйствительно въ полномъ одиночествѣ; по свѣдѣніямъ, заслуживающимъ довѣрія [1], его камера имѣла аршинъ 10 въ длину, 6 въ ширину, освѣщалась день и ночь лампою, потому что наклонныя окна подъ потолкомъ почти не давали свѣта, ежедневно утромъ и вечеромъ являлся офицеръ навѣдываться о здоровьѣ и спросить не нужно ли чего, пищу давали ему, по его желанію, всегда вегетаріанскую и не отказывали въ винѣ, по требованію къ нему являлся священникъ для исповѣди и причастія; первые 4—5 лѣтъ онъ совсѣмъ не выходилъ изъ камеры, а позже могъ прохаживаться по корридору, но никого, кромѣ солдатъ, не видѣлъ и ни съ кѣмъ не говорилъ, такъ что почти разучился говорить. Его одиночество и отрѣшенность отъ жизни были, повторяю, несомнѣнно добровольными. Своимъ ближайшимъ друзьямъ, Елагинымъ, онъ изъ крѣпости ни разу не написалъ, а въ томъ, что и они, *„при отсутствіи препятствій"*, не отыскали его, онъ видитъ подтвержденіе своей мысли, что самъ Богъ захотѣлъ „прервать нить прежней его жизни".

Батеньковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которымъ дана способность съ чрезвычайной силой ощущать въ себѣ и созерцать стихійныя движенія своего духа. Въ его неконченной автобіографіи, писанной уже подъ старость [2], есть удивительный разсказъ о томъ, какъ зажглось въ немъ сознаніе: ему еще не было двухъ лѣтъ; няня держала его на рукахъ, на крыльцѣ ихъ дома; онъ сосалъ рожокъ; въ это время пріѣхалъ изъ Петербурга его дядя и, подойдя къ нему, сказалъ, вѣроятно, строго: „Стыдно сосать доселѣ". „Эти слова такъ сильно на меня подѣйствовали, что я бросилъ рожокъ за окно *и пришелъ въ сознаніе*: увидѣлъ, что я на крыльцѣ, оглядѣлъ наружность строенія, *подлинно увидѣлъ свѣтъ Божій*, и это впечатлѣніе сохранилось во всей его живости доселѣ". Когда съ годами его сознаніе населилось всѣми образами, какіе составляютъ совокупность обычнаго человѣческаго мышленія,—его повидимому рано начала тяготить эта рутина духа, и еще до катастрофы въ немъ зародилось стремленіе разрушить условно-общепринятую картину міра и начать созиданіе новой и истинной. Въ томъ же от-

[1] А. Лучшевъ „Декабристъ Г. С. Батеньковъ", въ „Рус. Арх." 1886, II, стр. 274—275.

[2] „Данныя. Повѣсть собственной жизни". Записки Г. С. Батенкова, „Рус. Арх." 1881, II, стр. 251—252.

рывкѣ, упомянувъ о тайныхъ чертахъ на человѣческой ладони, смыслъ которыхъ намъ неизвѣстенъ, онъ говоритъ [1]: „Но вотъ примѣтное сходство съ этимъ и въ мысли нашей: на ней также напечатлѣваются черты, служащія намъ для душевныхъ отправленій. Онѣ рѣзки и неподвижны, остаются все одинаковыми съ перваго слуху на всю жизнь; чрезъ нихъ и мысль получаетъ образъ. Такъ сохраняются въ памяти названія, имена, особливо отвлеченія; ихъ мы соображаемъ, зиждемъ сліяніемъ съ новыми. *Чувствовалъ я въ себѣ такія черты, и мнѣ впослѣдствіи предстояла большая, серьозная работа отъ желанія узнать, что̀ таится за этими чертами, какъ отъ нихъ высвободиться, чтобы постигнуть новое, сойти сколько возможно съ рутины*".

Къ этой мысли сводится, какъ извѣстно знающимъ, все ученіе Льва Шестова, нашего современника; и Батеньковъ прошелъ тотъ самый путь, который, по словамъ нашего мыслителя, одинъ ведетъ къ истинной свободѣ; онъ употребляетъ даже слова, точно заимствованныя изъ книгъ Шестова: онъ захотѣлъ „самъ творить міръ".

Заключеніе въ Свартгольмѣ глубоко потрясло Батенькова, какъ о томъ свидѣтельствуетъ его стихотвореніе, тамъ написанное: „Одичалый" [2]. Въ этихъ неискусныхъ стихахъ—неподдѣльный ужасъ, вопль души, разорванной до глубины.

Во мнѣ ли оттискъ божества?
Я-ль созданъ міра господиномъ?
Создатель благъ!... *Ужель ихъ два?*
Могу-ль его назваться сыномъ?
. . . . . .
Живой въ гробу,
Кляну судьбу
И день несчастнаго рожденья!
Страстей борьбу
И жизнь—рабу
Зачѣмъ вдохнула изъ презрѣнья!...

И тутъ-то, въ эти страшные дни, онъ видимо рѣшилъ искать свободы. Онъ страдаетъ потому, что всѣми своими чувствами и мыс-

[1] Тамъ же, стр. 253.

[2] Напечатано въ „Рус. Стар." 1880, августъ, стр. 323—327; сравн. „Рус. Бесѣду" 1859 г., т. II и „Библ. д. Чт." 1863, № 10.

лями живетъ въ мірѣ человѣчески-условномъ: надо разрушить его въ себѣ, тогда душа будетъ неуязвима для страданій. А для того, чтобы выйти изъ этого міра, ему необходимо обособиться отъ людей и отъ всего людского (ибо этотъ міръ и есть продуктъ соціальности); такъ возникло въ немъ рѣшеніе *„обнажиться отъ всего, что составляетъ построеніе жизни, слагаемое опытомъ и обстоятельствами"*. Въ его писаніяхъ, печатаемыхъ ниже, есть рядъ указаній въ этомъ смыслѣ. Такъ, въ запискѣ, помѣченной 1 іюля 1860 г., онъ пишетъ о „крутомъ, бурномъ переворотѣ" своей жизни: „Собственно событія никакова не было и не самый переломъ во внѣшнемъ моемъ пути былъ рѣшительнымъ, но служилъ только средствомъ къ переходу къ другому, глубоко измѣнившему въ послѣдствіи внутреннее состояніе моего духа" (см. также далѣе, и стихи тамъ же). Елагиной онъ писалъ въ 1846 г.: „Двадцать лѣтъ провелъ я въ уединеніи... Вы безъ сомнѣнія думали, что мнѣ нестерпимо трудно. Можетъ быть и такъ; *но есть въ душѣ человѣческой что-то могущественнѣе всѣхъ золъ—и это ощутительнѣе для лица вполнѣ обнаженнаго*". Въ другомъ мѣстѣ онъ писалъ: „Пробывъ двадцать лѣтъ въ секретномъ заключеніи, во всю свою молодость, не имѣя ни книгъ, ни живой бесѣды, чего никто въ наше время не могъ перенести, не лишась жизни, или по крайней мѣрѣ разума, я не имѣлъ никакой помочи въ жестокихъ душевныхъ страданіяхъ, *пока не отрекся отъ всего внѣшняго и не обратился внутрь самаго себя*. Тогда [я] воспользовался методомъ масоновъ къ обозрѣнію и устройству *представшаго мнѣ новаго міра*. Такимъ образомъ укрѣпилъ себя и пережилъ многократныя нападенія смерти и погибели" [1].

То немногое, что онъ позднѣе записалъ о своихъ переживаніяхъ въ крѣпости и что мы полностью печатаемъ здѣсь, представляетъ величайшій интересъ. Поразителенъ его разсказъ объ „откровеніи", бывшемъ ему (№ 8-й); поразительны записи, сдѣланныя имъ вскорѣ по освобожденіи, тотчасъ по пріѣздѣ въ Томскъ, гдѣ онъ пытается возстановить ходъ своихъ мыслей, возбужденный тѣмъ переворотомъ (№№ 9 и 10), взглядъ *новаго* человѣка, разрушившаго и теперь заново созидающаго міръ; и если въ этихъ запискахъ многое намъ не-

[1] „Масонскія воспоминанія", писанныя Батеньковымъ въ 1863 г. для С. В. Ешевскаго,—Вѣсти. Евр. 1872 г., № 7, стр. 276–277.—Батеньковъ былъ масономъ сперва въ Томскѣ, потомъ и въ Петербургѣ, о чемъ см. у В. И. Семевскаго въ указ. соч. стр. 293, 322, 354, гдѣ приведена (не совсѣмъ вѣрно) и эта цитата.

понятно, то, быть можетъ, когда-нибудь люди лучше насъ сумѣютъ разобрать эти облеченныя въ слово тайны прозрѣвшаго духа. По выходѣ изъ тюрьмы Батеньковъ явился людямъ и какъ одинъ изъ нихъ, и какъ безконечно чуждый имъ; то и другое въ трогательномъ слiяніи достаточно обнаруживается въ его письмахъ. Онъ съ любовью входитъ во всѣ мелкія нужды земной жизни,—и однако свободенъ среди нихъ, какъ бы безплотный духъ; а внутри неустанно идетъ въ немъ какое-то реальное душевное строительство, начавшееся тогда, въ его второмъ рожденіи. Онъ пишетъ въ 1847—48 гг.: „Чувство Божіей благости проникло весь мой составъ, и въ немъ нѣтъ мѣста, незанятаго любовію къ людямъ".—„Я точно тружусь и трудился, преимущественно въ борьбѣ съ собою... Стараюсь не оставить ничего не обмысленнаго, поколику есть сила, и это-то составляетъ трудъ, при которомъ работа кажется отдыхомъ".—„Не скучаю, потому что ни къ чему не привязываюсь. Встрѣчаю каждый день какъ новый и отдѣльный даръ и оканчиваю какъ продолжившееся звѣно цѣпи, не моею рукою держимой".

Безъ сомнѣнія, еще бо́льшій интересъ представляли бы записи Батенькова, писанныя въ самой тюрьмѣ. И такія записи были, да, можетъ быть, цѣлы и сейчасъ; но ими пренебрегло невѣжество. Въ безымянной статьѣ о Батеньковѣ, напечатанной въ 1889 году въ „Русской Старинѣ" за августъ, читаемъ [1]: „Памятникомъ умственныхъ упражненій Батенкова [именно за время его заключенія] случайно сохранилась толстая, въ 40 писанныхъ листовъ, тетрадь, въ которую заносилъ онъ мысли, или, лучше сказать, обрывки мыслей, накопившихся у него въ головѣ. Предметомъ разсужденій являются тутъ вопросы политическіе, административные, философскіе... но увы! ознакомленіе съ этими записками приводитъ лишь къ убѣжденію, что 20-ти лѣтнее одиночное заключеніе сдѣлало свое дѣло и что стройный ходъ мозговой работы у несчастнаго узника иногда прерывался... да и не мудрено!" А въ 1902 году проф. П. А. Висковатовъ, очевидно наведя справки у наслѣдниковъ покойнаго издателя „Русской Старины", кончалъ свою статью о Батеньковѣ въ „Литературномъ Вѣстникѣ" такими словами: „Можетъ быть, эта моя замѣтка послужитъ къ разысканію матеріала, бывшаго у Семевскаго. Тогда легче будетъ дать характеристику Батенькова." [2]

[1] Стр. 329.

[2] „Замѣтка о Г. С. Батеньковѣ", „Литер. Вѣсти." 1902 г., т. III, кн. 3, стр. 2[illegible].

О послѣднихъ годахъ Батенькова остается немного сказать. Въ Томскѣ онъ прожилъ около десяти лѣтъ, въ семьѣ нѣкоего Лучшева. Въ сентябрѣ 1856 г. онъ, по общей амнистіи получивъ свободу, уѣхалъ въ Россію, къ Елагинымъ: онъ былъ однополчанинъ съ А. А. Елагинымъ въ Отечественную войну, а когда Елагинъ женился на Авдотьѣ Петровнѣ Кирѣевской, матери славянофиловъ, Батеньковъ былъ какъ бы роднымъ въ ихъ домѣ; изъ Томска, въ 1846—56 гг., онъ находился въ оживленной перепискѣ съ овдовѣвшей уже Авдотьей Петровной,—къ ней онъ и поѣхалъ теперь. Поживъ нѣкоторое время у нея въ Петрищевѣ (Бѣлевскаго уѣзда), онъ затѣмъ перебрался въ Калугу, построилъ себѣ тамъ домъ, выписалъ изъ Томска вдову Лучшева съ ея дѣтьми, и прожилъ спокойно еще нѣсколько лѣтъ, занимаясь литературнымъ трудомъ (переводами съ французскаго, оставшимися въ рукописи), живо интересуясь реформами, часто навѣщая Елагиныхъ. Онъ умеръ въ октябрѣ 1863 г. и похороненъ, по своему желанію, въ Петрищевѣ, рядомъ съ А. А. Елагинымъ [1].

Всѣ писанія Батенькова, печатаемыя здѣсь, воспроизводятся съ подлинниковъ.

[1] Некрологи его см. „День" 1863 г. № 45; „С.-Петерб. Вѣд." 1863 г., № 252; „Иллюст. Газ." 1863 г. № 20; „Библ. для Чт." 1863 г. № 10, отд. II, стр. 162.

11 [1].

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь!

Въ теченіи трехъ почти лѣтъ, въ которыя имѣлъ я честь проходить службу при Вашемъ Превосходительствѣ, изволили Вы быть свидѣтелемъ до какой степени полученными въ сраженіяхъ во время послѣдней войны одиннадцатью ранами разстроено мое здоровье.

Давно почувствовавъ необходимость оставить службу въ Арміи я вступилъ въ корпусъ Инженеровъ Путей Сообщенія; но и здѣсь для практическихъ занятій силы мои недостаточны. Два раза предпринималъ я пользоваться на минеральныхъ водахъ и не имѣлъ успѣха.

Такимъ образомъ остается мнѣ одно средство къ удовлетворенію желанія моего продолжать службу: вступленіе въ службу гражданскую.

Ежели Ваше Превосходительство изволите находить меня къ сему способнымъ, я осмѣливаюсь просить ходатайства о томъ Вашего, и будучи увѣренъ, что Всемилостивѣйшее снизхожденіе ко всѣмъ, потерявшимъ на войнѣ силы и здоровье, разпространится и на меня, предаю себя въ полную волю Высшаго Начальства.

Съ глубочайшимъ къ Особѣ Вашей уваженіемъ имѣю честь быть

Милостивый Государь!
Вашего Превосходительства
всепокорнѣйшій слуга
Гавріилъ Батеньковъ.

С. Петербургъ. Марта 1822.

[1] [Вѣроятно, прошеніе на имя М. М. Сперанскаго о назначеніи на должность правителя дѣлъ Сибирскаго комитета.]

26го Марта 1822.

2.

[В. А. Жуковскому.]

26. Сентября 1823. *С. П. Б.*

На прошедшей недѣлѣ получилъ я изъ Москвы два письма. Одно изъ нихъ отъ Авдотьи Петровны—весьма непріятное ибо содержало оно въ себѣ увѣдомленіе о кончинѣ любимаго ею дитяти—Рафаила, прекраснаго какъ Ангелъ и жалкаго по перенесеннымъ страданіямъ, почти съ самаго рожденія. Другое письмо отъ Елагина столькоже пріятное, сколько первое было огорчительно. Онъ пишетъ, что А. П. разрѣшилась благополучно; но сыномъ или дочерью вѣтренной нашъ корреспондентъ, и, какъ видно по тону письма, отъ избытка радости, неблаговолилъ сообщить намъ.

Спѣшу Васъ увѣдомить; ибо знаю и очень знаю, что ета новость для васъ не менѣе важна, какъ и для меня.

Скороли въ Петербургъ? [1]

[На оборотѣ адресъ: Его Высокоблагородію Василью Андрѣевичу Жуковскому. Въ Гатчинѣ.]

3.

[А. А. и А. П. Елагинымъ.]

9. Апрѣля 1825

Немножко болѣзни, побольше суетъ, и многое множество тоски и скуки останавливали меня писать къ Вамъ. Никогда я не спрашивалъ такъ часто, какъ нынѣ самаго себя: для чего я живу? для чего я тружусь? для чего я борюсь? для чего я.... и проч. и проч.

Въ старину смотря на даль своей жизни, я видалъ на ней густыя облака, непроницаемые туманы и кое-гдѣ минутное сіяніе свѣта: можно было думать, что мракъ временно покрываетъ нѣчто свѣтлое, прекрасное. Теперь таже темная даль.... но безъ облаковъ.

---

[1] [12 ноября 1823 г. Жуковскій писалъ Авдотьѣ Петровнѣ изъ Гатчины: „Я былъ, благодаря доброму Батенькову, успокоенъ насчетъ вашихъ родинъ... Благослови Богъ вашего Андрюшу, который такъ во время пришелъ смѣнить своего брата" („Уткинскій Сборникъ", М. 1901, стр. 39].

Не включайте меня въ число чувствительныхъ—недотрогъ, не предполагайте вздыхателемъ. Мнѣ просто душно въ тѣснотѣ, жаль прежней младенческой души своей и несносно терпѣть безпрестанныя ей принужденія.

Здѣсь князь Шаховской—и дай Богъ ему здоровья: мы хотя рѣдко, очень рѣдко видимся, но уже мысль, что есть съ кѣмъ увидѣться подкрѣпляетъ меня.

Весь домъ нашъ на лѣто отправляется въ Ревель, къ морскимъ ваннамъ: и теперь останусь совершенно одинокимъ. Нельзяли навѣять отъ Москвы утѣшеніе; пріѣзжайте сюда или пошлите хоть одного Фердинанда, ему ничто разсѣяніе послѣ разлуки съ Изабеллою.

Богъ да благословитъ васъ всегда нынѣ и присно.

4.

[И м ъ - ж е.]

11. Маія 1825. Грузино.

Отъ безпрестанной тоски, что такъ давно не имѣю отъ Васъ свѣденій, а сохрани Богъ ежели отъ чего нибудь еще другаго, мнѣ ночью съ 10 на 11-е маія приснился такой страшной объ васъ сонъ или почти видѣніе, что я едва опомнился. Ради Бога образумте поскорѣе, любезная сестрица, новаго суевѣра и не дайте сойти съ ума.

Здѣсь живу я недѣлю и отдыхаю; жаль только что дурная погода препятствуетъ въ полной мѣрѣ наслаждаться сельскими удовольствіями. Надобно быть въ Грузинѣ, чтобъ имѣть понятіе до чего можетъ дойти дѣятельность: здѣсь шесть дней не увидите праздныхъ, въ седьмой не увидите трудящихся и поистинѣ нигдѣ нѣтъ ни изнуренныхъ, ни нищихъ. Безъ сомнѣнія трудно было побѣдить первые навыки, но теперь здѣшнему поселянину и помыслить страшно обратиться въ старой бытъ. Когда будетъ у меня деревня возлѣ вашей, увѣряю васъ, что вы позавидуете мнѣ и пожалѣете, что не видали образцовъ.

Что ни толкуй; а меня жестоко мучитъ неизвѣстность объ васъ. Неужели продолжите вы ето тиранство?.... Хоть одну строчьку.

5 [1].

[А. П. Елагина—С. Т. Аргамакову.]

19 Февр. 1826.

Прошу васъ это письмо, немедля передать Вас. Вас. Погодину, мой почтеннѣйшій Семенъ Трофимовичъ! [2] — и еще покорно прошу увѣдомить меня, что вы знаете о Батеньковѣ?—Безвѣстность умножаетъ еще мою грусть.—Что вы придумаете нужнымъ или пріятнымъ для него, прошу васъ посылать къ нему, черезъ Жуков: повторяя при томъ, что о томъ усердно прошу его я.—Мужъ мой въ деревнѣ, отъ того самъ не пишетъ къ вамъ; но я и за него и за себя, умоляю васъ, доставляйте намъ хорошія вѣсти. Что говоритъ М. М.? [3]—Неужели онъ объ немъ не хлопочетъ?—Съ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта; ваша покорная

Е. Елагина. [4]

6.

[Тоже.]

Ваше письмо очень меня тронуло и огорчило: для чего же вы съ нимъ не видались?—Попросите В. В. доставить ему непремѣнно мою записочку.—Васъ, (ежели нашъ другъ не сдѣлалъ никакихъ распоряженій,) прошу сохранить все, что ему принадлежало, въ совершенной цѣлости: вѣроятно, квартира его нужна будетъ для кого нибудь, В. В. не откажется, поберечь до времяни его вещи, и книги.—Мужъ мой скоро самъ сюда будетъ и съ нимъ увидится. Для насъ онъ существуетъ, и всегда существовать будетъ.—Пишите мнѣ пожалоста подробно *куда*, и когда они отправлены?—

Увѣряя васъ въ нашемъ обѣихъ почтеніи остаюсь

24 Іюня

ваша покорная
Елагина.

[1] [№№ 5, 6 и 7 писаны собственноручно А. П. Елагиной.]

[2] [С. Т. Аргамаковъ и В. В. Погодинъ были сослуживцы и ближайшіе друзья Батенькова въ Петербургѣ.]

[3] [Сперанскій.]

[4] [Е. Елагина, т.-е. Евдокія = Авдотья.]

7.

[То-же.]

13 Августа.

Прошу васъ, ежели хотите *по оказіи*, и *съ вѣрнымъ человѣкомъ*, насъ о чемъ нибудь увѣдомить до насъ касающемся, не полѣниться притти къ Еленѣ Ивановнѣ Баронессѣ Черкасовой, которая присылаетъ вамъ это письмо. Ей можете сказать вы, все что узнали послѣ отъѣзда Василья Васильевича, а чего сказать не можете, написать.— Не поѣдетъ ли къ нему кто нибудь? Не возможно ли какъ нибудь переслать ему книгъ?—Теплое одѣяло, бѣлье?—Чаю?—Бога ради, ежели, что возможно не останавливайтесь ни секунды, ежели займете денегъ, для него, стоитъ сказать намъ, въ ту минуту пришлю.— За этимъ не раздумывайте, лишь бы Богъ далъ возможность быть ему чѣмъ нибудь полезнымъ!—Напишите къ намъ съ баронессой добрый Семенъ Трофимовичъ! а это письмо раздерите. Мужъ вамъ кланяется, и я такъ же. И Гонихманъ и сынъ мой Иванъ такъ же.

[На оборотѣ адресъ:] Въ *Петербургѣ*. На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Лаптерева Семену Трофимовичу *Аріамакову*

[Ниже другимъ почеркомъ:] Je loge à l'hotel de Demouth. У Демута въѣздъ съ Конюшенной, № 43 спросить Баронесу Черкасову.

8[1].

I. Съ Ноября 1827 до 1846 года было откровеніе; Слово божіе. Между прочимъ оно обымало очевидность предстоявшихъ потрясеній царствъ, что и означилось въ 1848 году. Это еще не конецъ. Ожидать надобно болѣе важныхъ разрушеній громадъ, которымъ невозможно стоять. Не обходимо должны послѣдовать важныя измѣ-

---

[1] Нарушая хронологическій порядокъ, помѣщаемъ это писаніе *первымъ* послѣ катастрофы, такъ какъ иначе дальнѣйшія писанія Батенькова не были бы понятны читателю. Оно писано во всякомъ случаѣ послѣ революціи 1848 года

Листъ перегнутъ вдоль пополамъ. Частью надъ строками текста, частью на чистой половинѣ страницъ другими чернилами и, судя по почерку, значительно позднѣе, сдѣлано много поправокъ и дополненій, читающихся съ трудомъ, а отчасти и вовсе не поддающихся чтенію. Что удалось разобрать, сообщается здѣсь. Для удобства мы выносимъ эти поправки въ примѣчаніе, отмѣчая ихъ цифрами согласно съ нумераціей строкъ основного текста.

Строка 3-ья основного текста: Это еще не все.

Стр. 4—5: которымъ по нынѣшнему стоять невозможно

Стр. 5: важныя внутреннія измѣненія.

ненія въ наукѣ, въ общежитіи, въ уставахъ и формахъ, въ вѣрованіяхъ, понятіяхъ и убѣжденіяхъ совершившихъ свой кругъ въ послѣднихъ вѣкахъ, въ послѣднее тысящелѣтіе и во всемъ циклѣ человѣческой жизни, во всемъ числѣ проявленнаго сѣмени. Сопряженіе конца съ началомъ.

Это Слово какъ и ожидать надобно было, не было ни принято ни уважено. Оно произвело нѣкоторое слабое сочувствіе въ высшемъ слоѣ властей, къ которому прямо и относилось, но главное почтено сумасшествіемъ и преступнымъ покушеніемъ безпокойнаго ума.

II. Слѣдующимъ образомъ Слово было принято:

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ 1827 года я сталъ чувствовать сильный пиѳтическій восторгъ, неколебимую вѣру Богу, сталъ выражать мысли обыкновеннымъ размѣромъ стиховъ и ясно чувствовалъ, что это дѣйствіе въ душѣ высшей силы. Значеніе этаго вдохновенія... огонь.

Въ Генварѣ или Февралѣ 1828 года послѣдовало дѣйствительное наитіе духа. Казалось весь покой въ которомъ я находился наполнился волнующимся пламенемъ, столько же видимымъ, сколько и понятнымъ. Само собою разумѣется, что пламя не могло сожигать, было невещественное и я разумѣлъ это. Разумѣлъ также что со мною происходитъ то самое, что происходило съ пророками и въ день пятидесятницы.

Съ этаго времяни слагалъ уже я стихи чрезвычайно сильные и умные. Въ нихъ развивалась наиболѣе свобода вѣры, мысли и гражданскаго быта; стремленіе ко сліянію добра и зла въ идеѣ жизни.

Множество предстало сомнѣній. Разумъ не могъ отказаться отъ критическаго направленія.

Жизнь моя естественно стала быть строгою и я приспособился къ моему положенію.

Стр. 10: ...съ началомъ. Новый духъ. Но упадокъ воли предварительно, надолго, ежели великая сила не будетъ дѣйствовать.

Стр. 13: ...относилось, поелику были еще люди, хранившіе преданіе и надежду Слова.

Стр. 17: ...вѣру живому Богу.

Стр. 18: стиховъ, тѣмъ учился и...

Стр. 27: Съ этаго времени я могъ уже быть крайнѣ полезнымъ, но сѣвшій секретною тюрьмою, ограничился самимъ собою и внутреннимъ себя устройствомъ. Слагалъ уже...

Стр. 29: ...зла въ разумѣ воли и правды божіей.

Стр. 33: ...положенію, въ которомъ и пробылъ въ неволѣ 20 лѣтъ.

На Страстной недѣлѣ 1828 года произошло новое потрясеніе души но я примѣтилъ самый переходъ, въ которомъ сталъ слышать голосъ. Съ этаго дня я не имѣлъ уже воли и долженъ былъ безпрекословно слѣдовать всякому повелѣнію, въ которомъ не замѣчалъ еще противорѣчія, и покоряться влеченію силы, далеко превосходившей естественное состояніе. Такъ наконецъ среди ночи стало мнѣ ясно какъ главное въ ученіи христіанскомъ крестъ и воскресеніе. Не знаю уже какъ я вообразилъ что крестъ всякому необходимъ и долженъ состоять въ ощущеніи духа. Ужасно было страданіе этой ночи; мнѣ казалось что если усну, то и погибну со всѣми послѣдствіями Ада. Гортань моя исполнилась желчной горести но къ разсвѣту пролился въ душу мою чистой свѣтъ и на мѣсто горечи прямо въ чувство влилось зримое умомъ чувство новой жизни, которое я и назвалъ живою водою. Голосъ между тѣмъ далъ мнѣ заповѣдь: для сохраненія этой жизни не пить тлѣнной воды. Огонь вдохновенія, замѣнившись свѣтомъ, тогда же и прекратился.

Въ день Пасхи, а можетъ быть, (чего нельзя помнить) въ другой день Свѣтлой недѣли восторгъ достигъ своей высшей степени. Я почувствовалъ себя Творцомъ, равнымъ Богу и вмѣстѣ съ Богомъ рѣшился разрушить міръ и пересоздать.

По окончаніи этаго возторга первый возвратъ обыкновеннаго разума съ отсутствіемъ чрезвычайной силы привелъ меня въ крайній ужасъ. Я не могъ исчислить всѣхъ послѣдствій сдѣланнаго преступленія и поспѣшилъ пить обыкновенную воду какъ средство избавиться отъ навожденія и отъ дѣйствительнаго сумасшествія, слишкомъ возможнаго въ совершенномъ удаленіи отъ людей, въ лишеніи съ ними связи, строго пресѣченной надолго и надолго.

Въ этомъ состояніи возвратился говорящій мнѣ голосъ и сталъ строго судить и осуждать меня. Поступалъ строго и жестоко. Въ

Стр. 39: ..состояніе съ разумомъ одностороннимъ но свѣтлымъ и здравымъ.

Стр. 44: ...горести, полная жажда полный голодъ зремота мучила

Стр. 51: ...недѣли того же года.

Стр. 52: ...Творцомъ, и какъ равный Богу вмѣстѣ съ .

Стр. 53: ..пересоздать. Видѣніе восторгъ сопровождало.

Стр. 54: обыкновеннаго чувства и разума, съ отсутствіемъ чрезвычайной силы наступившимъ.

Стр. 57: и въ простотѣ мысли поспѣшилъ пить тлѣнную воду

Стр. 64: ...разбиться. Ослушаніе было невластно. Теперь уже знаю что не умно слѣпое повиновеніе даже небесному авторитету.

прахъ! вопіялъ онъ—и я долженъ былъ броситься на землю и разбиться. Цѣлую ночь не могъ я различить умеръ я или живъ; голосъ увѣрялъ, что возвращенъ только для покаянія.

Онъ поставилъ меня на колѣни на непрерывную молитву передъ образомъ Троицы и мучилъ повелѣвая и отмѣняя свои повелѣнія и изьясненія.

Такъ простоялъ я на колѣняхъ цѣлый мѣсяцъ. Не знаю уже какъ; но стража совсѣмъ ни чего не примѣчала; но дѣйствія ея также были необыкновенны и я назвалъ это состояніемъ безбрежія, ибо также точно полно и ясно какъ видять обыкновенно въ физическомъ мірѣ, я точно полно и ясно видѣлъ, что это дѣйствіе божіе, и поелику оно въ предѣлахъ то и понялъ что пристойно называть все это дѣйствіе Ангеломъ.

Видя несообразность съ разумомъ такой жестокости я рѣшился не повиноваться Ангелу и оставилъ молитву устрѣмясь всѣми силами къ обыкновенной жизни.

Между тѣмъ понятіе свѣтлѣло и свѣтлѣло, хотя голосъ ничему не наставлялъ, но я зналъ уже, что на языкѣ слово [и] оно ключъ принятію высшаго [служитъ] слова и прямо умъ можетъ руководствовать. Голосъ тѣмъ лжетъ [?] что играетъ употребляемыми въ языкѣ фразами, слабымъ напутствіемъ грамматики и отсутствіемъ въ наукѣ понятія божія бытія.

Стр. 66: Онъ велѣлъ мнѣ стать.

Стр. 67: Троицы, не знаю почему тутъ же принесеннымъ стражею.

Стр. 69: ...мѣсяцъ съ возможно краткимъ отдыхомъ по точному позволенію не понимаю уже какъ.

Стр. 74: что приличнѣе и благоговѣйнѣе.

Стр. 83: ...бытія. Съ измѣненіемъ моего направленія и онъ тотчасъ прояснился: сталъ простъ и добръ, и вскорѣ обратился въ любовь.

[Дальше еще приписано:]

Но языкъ требуетъ для выраженія вѣчныхъ истинъ полнаго пересозданія и умомъ отъ обычнаго употребленія можетъ быть вознесенъ. Вотъ почему и бываютъ нужны символы, какъ категорическое соображеніе въ себѣ приобрѣтенныхъ понятій и установленіе ихъ въ безконечности, выраженіе силъ, выраженіе воли, какъ высшаго дара.

[Выше на полѣ послѣдней страницы безъ всякаго вводнаго знака написано:]

Мало разума и воли въ словахъ, фразахъ и рѣчи при обычномъ употребленіи языка, много униженнаго, глупаго, нечестиваго и всѣ системы безъ воли. Сила только выводитъ изъ этаго.]

9.

19. Марта 1846. Томскъ.

I. Въ челѣ человѣческомъ есть свѣтъ, равный свѣту.

Мысль.

Сей свѣтъ возжигается Творцомъ въ каждомъ человѣкѣ при созданіи его.

Богъ при созданіи перваго человѣка, или, что все равно, при созданіи нынѣ живущихъ людей, вмѣстилъ въ нихъ и сѣмя для будущаго Творенія.

Брачный замокъ сводитъ и смыкаетъ обѣ половины сѣмени.

Смотря механически, отъ этаго не могло бы ничего произойти.

Богъ творящимъ Словомъ и единымъ Словомъ производитъ человѣка.

Всего человѣка отливаетъ (его) въ глубинахъ бытія и произвольно отмѣчаетъ каждаго особымъ физіономическимъ характеромъ.

Характеръ сей проникаетъ весь составъ, все тѣло, всѣ органы, всю душу, все дѣйствіе органами и мыслію. Нѣтъ двухъ человѣкъ совершенно схожихъ между собою.

Какое великое пространство! пространство мысли и для мысли только доступное.

Когда проявилось все сѣмя людей долженствовалъ совершиться первый, полный физіономическій цикль. Творящее слово пересѣклось. Мысль встрѣтилась съ мыслію и характеръ съ характеромъ. Возникло великое Единство.

Такимъ образомъ стала мысль въ опредѣленномъ кругѣ.

Еслибъ не было сего цикля, созданіе людей не имѣло бы никакой опредѣленной цѣли.

Съ совершеніемъ цикля начинается... наше сѣмя.

Отъ стремленія къ сему началу произошли великія общежительства... царства.

Не должно противополагать эгоизмъ общежительству.

Эгоизмъ есть не съ того съ чего слѣдуетъ начатое развитіе лица.

И общежительства часто развиваются не съ того, съ чего слѣдуетъ.

Не изъ сцѣпленія частныхъ интересовъ составляется дѣло. Онъ такъ и есть.... общій интересъ.

II. Образовавшееся во утробѣ матери дитя, какъ въ полнѣ отлитый составъ долженствовало родиться и проявиться войти въ міръ.

Человѣкъ можетъ быть въ мірѣ, слѣдственно онъ съ значеніемъ всего міра паки пересѣкается.

Человѣкъ ходитъ... Сіе мочь ходить необходимо равно всему пространству.

Я говорю человѣкъ: о животныхъ это не полно. Человѣкъ только ходитъ во всемъ мірѣ.

Во всемъ мірѣ и все сѣмя... это что-то одно.

Нѣтъ цѣли проявить все сѣмя животнаго, по крайней мѣрѣ нельзя сего примѣтить.

Разсмотрѣть предметъ... значить сдѣлать открытіе.

Потому и нѣтъ нравственныхъ открытій, что нѣкому разсмотрѣть мысль. Развѣ это уже... путь въ Богъ.

Много можемъ понять, познать, подумать, увѣровать.

Можемъ и новое творить.

Геній дѣлаетъ открытія и симъ себя опредѣляетъ.

Вѣра яко чувство, одна, и разумъ одинъ.

Для знанія силъ и причинъ необходимо познать это.

Мысль есть благороднѣйшее изъ созданій Божіихъ.

Возбудить дѣйствіе въ мысли есть главный предметъ науки.

Дѣйствіе въ мысли возбуждается

1. чрезъ разсмотрѣніе.
2. чрезъ уразумѣніе.

За тѣмъ слѣдуетъ

3. подумать.
4. понять.
5. познать.

---

1. Первая потребность учонаго разсмотрѣть свѣтъ.

Великая разница смотрѣть отъ свѣта или при свѣтѣ.

Кто разсмотрѣлъ свѣтъ, тотъ поставилъ себя въ средоточіе, въ началѣ: настроилъ мысль къ прямому познанію (истины).

Разсмотрѣть свѣтъ прямо не зависитъ отъ труда и заботы. Это устрѣмленіе мысли къ совмѣщенію съ внѣшнимъ ея сходствомъ.

Иногда можно отъ разсмотрѣнія свѣта, перейти къ уразумѣнію внутренняго свѣта чрезъ Аналогію.

Разсмотрѣнію свѣта способствуетъ свѣтлая жизнь во всѣхъ видахъ.

Способствуетъ свѣтлое состояніе народа.

Способствуетъ часъ міра въ вѣчности.

Разсмотрѣніе прекраснаго устрояетъ поэзію, какъ науку.

Разсмотрѣніе высокаго и широкаго раждаетъ въ мысли великое.

Уразумѣніе производится въ мысли дѣйствіемъ слова. Все названное можетъ быть уразумѣваемо.

Уразумѣніе и названіе стоитъ въ одной степени (свѣта).

Всего простѣе уразумѣть числа. Числа названы (въ языкѣ).

Уразумѣніе можетъ имѣть степени и переходы, смотря по степени и разнообразію слова.

Уразумѣніе можетъ быть точнымъ, близкимъ, отстоящимъ.

Точное уразумѣніе приводитъ къ соображенію: близкое къ воображенію и мечтѣ; отстоящее къ сочиненіямъ догадкѣ и предположенію.

III. Подумать... это уже въ Волѣ, и также совершается словомъ.

Подумать точно на да или нѣтъ... Это простѣйшее подумать.

Можно переступить далѣе и подумать произвольно.

Это переступить было бы умереть, по обыкновенному, логическому чувству.

Кто можетъ свободно подумать, тотъ знаетъ

а. что дѣйствіе въ мысли есть дѣйствіе Божіе

б. что всѣ познанія наши зависятъ отъ нашей же воли. Сколько можемъ, столько и знаемъ.

Можемъ не иначе, какъ волею Божіею.

Глубины словъ разнообразятъ познанія и ведутъ отъ познанія къ познанію.

Столько и знаемъ предметъ сколько можемъ, или изволяемъ.

Люди великіе и умные возбуждаютъ соизволеніе и способствуютъ познанію.

Общая воля многихъ производитъ науку.

Высшей или инаковой степень воли измѣняетъ мнѣніе.

Такимъ образомъ познаніе развивается и крѣпится.

Часто можно одолѣть все незнаніе.

Одолѣніемъ незнанія еще не оканчивается познаніе.

Воля можетъ вести познаніе далѣе и далѣе.

IV. Противное... это категорія ума.

Понять, значитъ уже услышать слово.

Понять также зависитъ отъ Воли.

Понять... Это уже поравняться съ предметомъ на высотѣ его бытія.

Понятіе можно возвести въ высшую степень черезъ смерть прежняго понятія.

Понимать это жизнь человѣка. Понялъ... я еще не превысилъ никого. Только и было... что... я понялъ. Да я понялъ-то.

Отъ многихъ понятій свѣтлѣетъ умъ.

Понятое просто на дѣлѣ.

Къ понятію можно достигнуть простою бѣседою, а иногда чрезъ преніе и противорѣчія.

Я понялъ... слѣдственно нѣчто новое умное стало быть.

Я и ты понялъ... мы вступили въ свѣтъ.

Изъяснить... тоже самое.

Дружба необходимо требуетъ понятія.

Любовь требуетъ ума.

Сильныя чувства произходятъ отъ понятій.

Безъ понятія сила страсть только.

Когда все слово услышано тогда бываетъ познаніе.

Истина есть ничто иное какъ познаніе, что Богъ есть.

Тутъ уже нѣтъ степени.

Познаніе это чисто абстрактное и на все довлѣетъ. Къ нему все можетъ быть приводимо и доводимо и все съ нимъ можетъ быть соглашаемо.

Отъ чего? для чего? почему?... при познаніи что Богъ есть... обращаются въ безполезную схоластическую форму.

Въ познаніи что Богъ есть, воля стоитъ безъ предѣловъ. Нельзя уже идти чрезъ да и нѣтъ.

Познаніе, что Богъ есть, есть совершенное наслажденіе умомъ. Познаніе это обильно и составляетъ жизнь мыслящаго человѣка.

Для того и слѣдимъ природу чтобъ жить симъ познаніемъ.

Каждое слово каждой предмѣтъ, всякое дѣйствіе въ мысли приводитъ къ истинѣ.

Глубокъ могущь, многообразенъ свободенъ, безсмертенъ человѣкъ симъ познаніемъ.

Оно одно и безчисленно.

Единъ Богъ знаетъ всю природу, вообще или въ раздѣлахъ, человѣкъ можетъ только разсмотрѣть, уразумѣть, подумать, понять. Можетъ и познать, что Богъ есть.

— Это одно познаніе абсолютное.

— Кто позналъ что Богъ есть... необходимо [?] и необходимо добродѣтеленъ.

— Практическое начало подчинено обстрактному.

— Волею можемъ подумать значеніе предметовъ.

10.

5. Іюля 1846.

Я такъ воображалъ: самъ я творю міръ.

1. Земля выпукла: небо выпукло.

Выпукло... Выпукло неловко приходится.

2. Земля вогнута. Это съ выпуклымъ небомъ составляетъ полную прекрасную круглоту.

3. Словомъ можно повелѣть, чтобъ выпуклое и вогнутое было едино. Совмѣстить обѣ категоріи. Богъ можетъ это.

4. Я вообразилъ, что фигура земли выпуклая, подъ вогнутымъ—выпуклымъ. Земля и небо стали. Пространство стало понятнымъ, и разстояніе понятнымъ.

5. Въ этомъ пространствѣ солнце и луна могутъ двигаться сколько угодно.

6. Половина вопроса уже рѣшена. Мы видимъ, что независимо отъ солнца и луны все небо движется въ 24 часа... Это ведетъ къ Коперникову воображенію.

7. Вывожу противорѣчащее прежнему заключеніе: земля движется въ 24 часа.

8. Это невозможно. И по сему чтобъ приготовиться ко 2-ой половинѣ рѣшенія надобно вообразить... движеніе. Я еще не воображалъ движенія. Дѣйствіе уже воображаю; а дѣйствіе и движеніе... не одно.

9. Покой... Движеніе: такъ категорія.

Ёсть... отраженіе: твердь... все это сюда же принадлежитъ.

Ежели пойму... движеніе—вопросъ разрѣшенъ.

10 Ежели ёсть... высота: то въ сопряженіи идей высота и движеніе можетъ быть изъяснено явленіе дня и ночи.

11. Не знаю еще послужитъ ли это понятіе къ изъясненію явленія зимы и лѣта, хотя чувствую сходство. Боюсь только что дважды высота тогда.

11. Голубое, темное... нельзя ли и это вообразить вмѣстѣ.

11.

[Неизвѣстному.]

Вы желаете подробно знать мои приключенія. Вотъ Вамъ моя чуть не біографія.

Начну съ самаго корня.

Участіе мое въ дѣлѣ дальше знакомства съ Вами не простиралось. Я не зналъ даже и того, сколько вамъ это дѣло извѣстно, и не могъ наименовать ни одного лица. Пять или четыре человѣка мелькнули только передо мною.

Оставаясь на волѣ до 27 Декабря я зналъ уже и ходъ дѣла.

По первому обозрѣнію Государь не принялъ его къ сердцу, и дня черезъ три изъявилъ свою волю быть неограниченно снисходительнымъ и милосерднымъ.

Онъ далъ отъ себя слово.

Это заключалось въ признаніи при первомъ спросѣ: я членъ Тайнаго Общества. Далѣе уже ни въ чемъ не обвиняли. Всякой могъ сказать, что хотѣлъ, о своемъ участіи и въ тоже время имѣлъ свободу писать прямо Государю, что признавалъ полезнымъ.

Онъ великъ былъ въ эти дни.

Кто былъ замѣшанъ показаніями другихъ, тому позволялось выпутаться приличною редакціею на очныхъ ставкахъ.

Никто не воспользовался въ полнѣ изъ имѣющихъ силу, этимъ Его разположеніемъ и всѣ почли нужнымъ кого нибудь да обвинить, боясь, что столь гласное дѣло нельзя уже кончить иначе.

Но многихъ выпутали изъ дѣла.

Очевидно, моя бѣда и начинается съ того, что я не былъ членомъ.

Я былъ представленъ въ Присутствіе Статсъ-Секретарей и докладчиковъ и особо М. М.[1] былъ повѣщенъ.

Государь сказалъ мнѣ слѣдующія слова: „Я не ищу вашего обвиненія и изнурять васъ не буду; вы мнѣ будете нужны".

Въ слѣдъ затѣмъ потребовали отъ меня признанія, что я членъ. Отрицательный отвѣтъ принятъ съ гнѣвомъ и отослали меня въ крѣпость. Тогда же, при мнѣ М. М. и просилъ Государя.

[1] Сперанскій.

Далѣе дѣло приняло совсемъ другой видъ. Васъ оставили, а требовали отъ меня объясненій объ участіи Сперанскаго и уже не вѣрили ни чему, что я пишу.

Богу такъ угодно было; ибо ни съ того ни съ сего схватила меня страшная горячка.

М. М. имѣлъ и друзей и враговъ. На этотъ разъ они согласились, то есть считали всего удобнѣе послать меня въ ссылку. Тогда-то и зародилась искра въ пользу мою, и въ послѣдствіе обнаружила благородное чувство.

До марта Государь все еще меня не оставлялъ. Дибичъ, Князь Михаилъ и еще иные хотѣли, чтобъ я былъ при Государѣ. И сами говорили мнѣ, хваля меня.

Мнѣ нечего было показывать. Я подробнѣе и больше написалъ имъ нежели было.

Меня признали невиноватымъ и велѣно было освободить.

Лукавый дернулъ сидѣвшаго возлѣ меня А. Безтужева, съ которымъ мы въ продолженіи времени и разговаривали черезъ каменную стѣну—упомянуть меня какъ то.

Вотъ и не рѣшились отпустить.

Больнаго Левашевъ привезъ меня опять къ Государю, который приказалъ сказать мнѣ уже такія вещи, которыхъ и онъ не знаетъ, какъ единственное условіе пощады.

Вертѣли, путали и въ маѣ опять рѣшили мое дѣло... выдержалъ въ крѣпости три мѣсяца.

По причинѣ ничтожной и частію скрытой, понятной только мнѣ, а болѣе по волѣ Божіей, перемѣнили и докладъ и все дѣло; не по офиціальному производству, а по бумагамъ писаннымъ въ Собственныя руки, и въ иномъ смыслѣ, на что открытъ мнѣ былъ путь съ полнымъ удостовѣреніемъ... какъ Вамъ уже извѣстно, приговорили меня къ казни.

Сначала пробылъ я около года съ шестью человѣками добрыхъ товарищей въ Свартгольмѣ, больной и изнуренный. Потомъ при посредствѣ Ген. Губ. Закревскаго угодно было Государю, чтобъ я былъ возвращенъ.

И вотъ почему вовсе отдѣлясь отъ Васъ переведенъ въ П. бургскую крѣпость.

Я засталъ, что тамъ было хорошо и благородно. Секр. домъ зависѣлъ отъ министра Внутреннихъ дѣлъ и имѣлъ значительнаго чи-

новника, Ст. Совѣ. Смотрителемъ. Но вскорѣ это перемѣнилось на обыкновенное арестантское устройство. Между тѣмъ мнѣ опять было позволено заниматься дѣломъ и писать въ Собственныя руки Государю.

Надобно чистосердечное довѣріе, что Вамъ не лжетъ человѣкъ, чтобъ принять дальнѣйшее изложеніе моей судьбы.

Богъ далъ мнѣ вдругъ глубокое чувство, и я знаю что Богъ.

Я убѣдился въ томъ, что не долженъ оставлять своего уединенія и не жалѣть, что прекращаю всѣ связи съ людьми.

Я весь предался моему предмету, то есть, устремилъ всѣ силы къ обозрѣнію, какъ это есть, что Царство существуетъ, и какъ это возможно, что слово не многихъ людей дѣйствуетъ на милліоны. Мнѣ послужило руководствомъ извѣстное преданіе о свѣтѣ лучшихъ нашихъ фамилій и я могъ уже безъ обвинчивости разбирать это да будетъ въ практическихъ Его примѣненіяхъ.

Такимъ образомъ и началъ жить умомъ и тою же силою хранить себя.

Не легко сказать о жизни такого рода въ продолженіи двадцати лѣтъ.

Въ наружной жизни я хранилъ крайнюю тишину и кротость.

Это не спасло однакоже меня отъ того, что комендантъ на вопросъ обо мнѣ Государя объявилъ, что я вовсе помѣшался, и нѣтъ никакой надежды къ спасенію.

Чтобъ не оставаться праздными, я предпринялъ изъясниться. Чрезъ годы я писалъ бумаги, ни кѣмъ не будучи ни надзираемъ, ни тревожимъ, кромѣ глупыхъ придирокъ и затрудненій напримѣръ въ счотѣ листовъ бумаги. Это потому, что Литвинъ подпоручикъ назначенный Смотрителемъ ровно уже ничего не зналъ, и имѣя одного меня на всю службу, могъ уже быть столпомъ службы.

Бумаги мои никто не читалъ до вступленія Орлова. Онъ и разобралъ ихъ. Потому съ 844 года и перемѣнилось совершенно мое положеніе. Графъ назначилъ отъ себя деньги на мое содержаніе: выписалъ мнѣ журналы и газеты и объявивъ, что онъ будетъ посѣщать меня, какъ родственникъ, тѣмъ самымъ и далъ уже значительность.

Дѣдушко Скобелевъ, человѣкъ добросердечный повторилъ это, и благородный человѣкъ бывшій тогда плацъ-маіоромъ не пропускалъ ни одного дня, чтобъ чѣмъ нибудь не выказать свою дружбу, и когда произвели его въ Генералы пришолъ проститься.

Въ 845 году я закончилъ мое изъясненіе (бумаги принимали безъ затрудненія) и мнѣ нечего было больше тамъ дѣлать.

И хотя располагался 846 годъ весь пробыть, чтобъ осмотрѣться и опредѣлить что нибудь для себя лично; но почувствовалъ крайнюю усталость, почти дряхлость и начало цынготной болѣзни. Это заставило меня въ Генварѣ уже настоять объ отправленіи въ Томскъ. Въ два дня все и кончили.

Мнѣ объявили свободу и состоявшееся именное повелѣніе, котораго Альфа и Омега заключается въ словѣ: онъ опасенъ.

Двѣ недѣли пробылъ я въ этомъ положеніи. Каждый день пилъ чай у коменданта и разъ былъ въ Соборѣ у обѣдни. Ни съ кѣмъ не могъ видѣться, потому что уже вовсе ничего не зналъ, какъ дикой. Даже едва умѣлъ ходить, а видѣть и говорить вовсе отвыкъ. Любопытные приходили смотрѣть на меня.

Пока вотъ все. Входя въ подробности пожалуй на годъ достанетъ. Потому бы и хотѣлъ пожить съ Вами.

Чудны дѣла провидѣнія, и я увѣренъ, что сдѣлалъ все, что могъ изъ своей жизни. Къ довершенію развѣ женюсь еще.

Не сердитесь на Мациевскаго — онъ мнѣ и письмо отдалъ. Это прекраснѣйшій человѣкъ: я его особенно люблю.

Послѣдній мой поклонъ и живая къ Вамъ грамотка посланы съ сестрами Безстужева. Благодарю ихъ, что они со мною увидѣлись.

О здѣшней моей жизни можно и не писать, хотя бы и то хотѣлось передать Вамъ. Братская ваша любовь и въ самомъ обыкновенномъ найдетъ что-то.

Лѣто я прожилъ въ саду, что вѣрно уже вы знаете, теперь переселился въ городъ, все тудаже, гдѣ остановился съ начала. Одинокій, не имѣю большихъ нуждъ.

Вотъ опять увижусь съ Вашимъ Губернаторомъ.

И у насъ новый Губернаторъ. Человѣкъ хорошій и образованный. Немного познакомился уже съ нимъ. Ожидаемъ и князя.

Вы говорите, что тревожитъ всякая перемѣна. Конечно такъ, но иногда намъ надобно?--лишь бы не гнали. А мы сами уладимъ свою долю. Ничего не дѣлая можно бы кажется и правымъ быть.

Да почему бы и не вѣрить ужъ намъ! худо или хорошо; но все же довелось жить-то передъ потомствомъ.

Тогда же и розберутъ лозунгъ ли это было или умыселъ.

И все не возможное явится невозможнымъ.

12.

[А. П. Елагиной.]

27. Октября 1845. Томскъ.

Въ жизни моей, и безъ того уже скорбной, имянно въ то время, когда силы стали ослабѣвать, двѣ великія потери потрясли до основанія мою душу. Одна общая съ Вами; другая... Вы догадаетесь, что говорю о Михайлѣ Михайловичѣ [1]. У меня нѣтъ уже друзей: недовольно ли этаго для слезъ и печали.

Но Богъ еще меня не оставилъ. Я имѣю въ рукахъ Ваши, твои, милая сестрица, драгоцѣнныя строки. Тысячу разъ цѣлую ихъ и перецѣловываю, тысячу разъ благодарю Васъ. Не нужно много говорить о моемъ чувствѣ. Кто можетъ Васъ болѣе любить какъ я? Ты мой Ангелъ хранитель, единственная отрада. О! да продлитъ Богъ жизнь Вашу... и тѣмъ самымъ я буду вознагражденъ за всѣ мои страданія.

Не оставляй меня, любезная. Ты найдешь во мнѣ тоже сердце, которое знала, но можетъ быть глубже очищенное. Любовь къ дѣтямъ не помѣшаетъ оставить и мнѣ мѣсто. Въ свѣтлыхъ пространствахъ вѣры и упованія мы найдемъ много для взаимнаго утѣшенія и подкрѣпленія.

Чтобъ сказать что нибудь о себѣ, оборотимся съ начала къ прошедшему.

Въ Шваргольмѣ, въ 1826 году, я получилъ ваше письмо. Подлинно оно было бальзамомъ на мои раны. Денежное пособіе, которое вы мнѣ тогда сдѣлали, было почти необходимо. Изъ него вчера только я издержалъ остальныя 15 рублей, какъ ненужныя уже для памяти; но съ нѣкоторыми вещами, тогда купленными, не разстанусь.

Писалъ къ вамъ въ тоже время черезъ Генералъ-Губернатора, и какъ бы нантіемъ Вашей доброты, круто перемѣнились мои обстоятельства. Много еще было тогда людей, которые мнѣ желали лучшаго, но вы едвали не всѣхъ болѣе. Перемѣнились мои обстоятельства, и опять перемѣнились. Богу такъ было угодно: я говорю это весьма положительно.

Двадцать лѣтъ провелъ я въ уединеніи: Вы конечно знали гдѣ

[1] [М. М. Сперанскій.]

я. Вы безъ сомнѣнія думали, что мнѣ не стерпимо трудно. Можетъ быть и такъ; но есть въ душѣ человѣческой что-то могущественнѣе всѣхъ золъ—и это ощутительнѣе для лица вполнѣ обнаженнаго. Какъ бы то ни было, но я перенесъ всю тяжесть своего положенія... не ропталь и не ропщу.

Такъ быть подобало.

Скорбно было не знать объ Васъ ничего. Давно уже пересталъ я думать, что вы живы. Казалось мнѣ невозможнымъ, чтобъ вы не нашли меня. Стоя такъ близко къ разпорядителямъ моей судьбы, при отсутствіи препятствій, чѣмъ, кромѣ смерти, могли вы быть остановлены простерѣть ко мнѣ руку? Тутъ и видна десница Божія: ему угодно было прервать нить прежней моей жизни, и намъ остается, не входя въ изъясненія, покориться Его волѣ.

Въ послѣдній мой проѣздъ черезъ Москву, я пролилъ нѣсколько слезъ на опустѣвшія уже для меня мѣста около Сухаревой башни, и ничего не могъ узнать объ Васъ. Зналъ, однакоже что вы живы изъ Отечественныхъ Записокъ (я получалъ этотъ журналъ съ 1844 года), въ которыхъ также мелькнули имена Ванюши и Петруши [1].

О Машинькѣ и доселѣ ничего не знаю. Не слыхалъ и о Зонтагѣ [2]. Въ послѣднемъ письмѣ вѣрно вы забыли извѣстить меня. Скажите, ради Бога, обо всѣхъ вашихъ яснѣе, подробнѣе. Не предвижу, чтобъ намъ было невозможно писать другъ къ другу.

Томскомъ я вполнѣ доволенъ. Нашлись люди, которые меня любятъ и не оставляютъ. Они по возможности примирили меня съ жизнію. Еще я живъ, еще дышу, и вотъ даже пишу къ тебѣ. О! какъ милостивъ Богъ.

Ахъ, сестра, все сердце мое радъ бы послать къ тебѣ... да, къ тебѣ,... мой безцѣнный, вѣчный другъ. Люблю твою безсмертную душу, и ты знаешь это.

Не тщетно мы слились сердцами:
Перстъ Божій узелъ сей вязалъ,
И тотъ же жаръ къ добру межъ нами
Въ единокровіе создалъ.
Покойна будь въ душѣ прекрасной!
Намъ упованье не напрасно:
Отецъ нашъ не оставитъ насъ.

[1] (Н. В. и П. В. Кирѣевскіе; Машенька — ихъ сестра, М. В.)

[2] (Е. В. Зонтагъ, мужъ Анны Петровны, сестры Авд. Петр. Елагиной.)

Богатъ онъ въ милостяхъ и силѣ,
И сторожемъ къ святой могилѣ
Приставилъ воскресенья часъ.

Давнымъ давно я пропѣлъ это для тебя.

Уже мы состарились. Ты вѣрно внуковъ обымаешь. Я навсегда одинокъ. Скоро промчались десятилѣтія. Кажется мы вчера еще хлопотали, заботились о будущемъ, и не успѣли оглянуться, какъ оно уже все позади. Въ самомъ дѣлѣ какъ-то крайне кратка наша жизнь, и тѣмъ самымъ рѣзко противорѣчитъ всѣмъ гармоніямъ. Не очевидно ли, что настоящее время есть ничто иное, какъ пріуготовленіе къ лучшему. Есть Богъ. Удѣлъ Его безконечнаго духа долженствуетъ и на насъ изліяться.

Я много мыслилъ, очень много: весь оборотился на самаго себя, знаю уже, чего не знаю, и вѣрую Богу по неколебимому убѣжденію. Могъ бы теперь достойнѣе тебя бѣседовать съ тобою. А кто знаетъ будущее?—Можетъ быть мы обымемся и лицомъ къ лицу скажемъ другъ другу, чѣмъ наполнены наши души. Покрайней мѣрѣ не запрещай мнѣ это усладительное мечтаніе. Ты сама обѣщалась увидѣться, и это должно сбыться.

Прекрасная, нѣжная женщина, кому какъ не тебѣ меня услышать? Кому какъ не тебѣ понять, сколько наполнена мысль моя чистымъ небеснымъ свѣтомъ, когда говорю съ тобою. Видишь, могу еще веселиться и радоваться... для тебя и съ тобою.

Ну! крайнихъ нуждъ я теперь еще не терплю. Годъ могу прожить какъ живу, далѣе ничего не знаю. Ни чего излишняго мнѣ не нужно. Не заботься обо мнѣ.

Прощай мой безцѣнный другъ. Не грусти, не хилѣй.

Господь съ тобою.

Батеньковъ.

13 [1].

[Е. М. Сперанской-Багрѣевой.]

1847. 12. Марта. Томскъ.

Слишкомъ двадцать лѣтъ я не зналъ объ васъ ничего. Съ первымъ основательнымъ свѣденіемъ я почитаю себя счастливымъ, что имѣю возможность исполнить долгъ благодарности.

[1] Очевидно, черновикъ или непосланное письмо. Елизавета Мих. Багрѣева—дочь М. М. Сперанскаго.

Глубокое къ особѣ вашей уваженіе и вся душа моя да будутъ Вамъ должною данію.

Великія лишенія, которыя вы испытали въ немногіе годы, смѣю увѣрить Васъ, милостивая Государыня, едвали и на меня менѣе дѣйствуютъ. Ни чего болѣе я и не могъ потерять. Я потерялъ все, что можетъ вмѣстить въ себѣ человѣкъ. Для меня только и осталось отъ моего счастія... продолженіе Вашихъ дней. Каждымъ дыханіемъ молю Бога, да живете вы долго, во свидѣтельство Его истины и милосердія.

О себѣ мнѣ нечего сказать. Продолжительныя страданія положили на все бытіе мое неизгладимыя печати. Уже я старъ и сѣдъ. Впрочемъ вы еще узнали бы меня. И еслибъ, малолѣтнему, судьба возвратила благополучіе еще разъ въ жизни поцаловать Вашу руку, многія воспоминанія оживили бы сиротѣющій мой духъ, и сами Вы почувствовали бы, что съ Вами есть еще кто-то.

Вы удивитесь, что я не раньше, какъ черезъ два года узналъ о кончинѣ Михайла Михайловича. Что же было тогда со мною? — Замолчалъ... и молчу.

Иначе я встрѣтилъ извѣстіе о смерти Мишеньки. Мнѣ пала на сердцѣ ваша слеза, и доселѣ жжетъ его.

И вдова уже Вы....

Кудаже въ самомъ дѣлѣ дѣвалось все необъятное благополучіе, которымъ мы наслаждались? Всѣ надежды, которыя самъ Богъ давалъ на его прочность. Я не робшу. Но конечно уже нѣтъ другаго утѣшенія, какъ только въ безсмертіи нашего духа.

Мы были... и нѣтъ насъ. Много надо свѣта, чтобъ мысль, сама мысль не погасла; а истина такъ: ищущему дано будетъ.

Вы всегда хотѣли меня благословить. Со мною и пребыло ваше благословеніе: я принималъ его съ дѣтскою радостію оно и теперь меня подкрѣпляетъ. Добрая мать! Все, что могу я почувствовать прекраснаго—это сама вы, и къ счастію, здѣсь все наполнено Вами. Ваши должники мнѣ и плотятъ. Повторю: вотъ какъ сильно Ваше благословеніе.

Все вкругъ меня перемѣнилось. Сама фортуна здѣсь махнула на многихъ своею волшебною ширинкою; но правда и то, что многіе первымъ шагомъ въ свѣтѣ обязаны Вашему родителю. По сему-то и будете вы жить тутъ не въ одномъ поколѣніи. Мнѣ остается только издали слушать: говорить о Михайлѣ Михайловичѣ я не смѣю.

Вы, безъ сомнѣнія, будете столько великодушны, что не почтете

за дерзость чистый, родственный мой къ вамъ отзывъ. Вся моя жизнь, все мое добро и зло, могутъ еще быть нѣчто для меня, только при искреннемъ Вашемъ въ нихъ участіи.

Во всю жизнь мою уповаю на Бога. Да. Точно уповаю. Но слаба моя молитва: помогите мнѣ. Крестъ имѣлъ свою мѣру. Вѣдомый и перенесенный всегда имѣлъ силу. Можетъ и теперь свести лучь заступленія въ Царское сердце; а гдѣ же какъ не тамъ и живетъ Божіе милосердіе. Молитвою-то и помогите мнѣ.

Я годъ уже живу въ Томскѣ. Нѣсколько отдохнулъ. Снова увидѣлъ людей, какъ изъ гроба вставшій. Всѣ мои чувства психическая рѣдкость. Понятія переступили время и пространство. Многолѣтній бытъ вижу вдругъ. Чрезъ сравненія и противоположенія могу дѣлать такія комбинаціи понятій, какія и не предполагалъ возможными. Жадно смотрю на женщинъ. Не естественная разлука съ матерями, супругами, сестрами, невѣстами произвела во мнѣ такую къ нимъ нѣжность, что я понимаю почему змѣй не передъ Адамомъ поглотилъ пастью свой ошибъ [1].

Вы знаете, милостивая Государыня, лучше меня, что любить людей значитъ разгадать тайну жизни, и потому милостиво уважите мое стремленіе смотрѣть на всѣхъ съ лучшей стороны. И въ печальной долѣ, которая мнѣ досталась на землѣ, я смѣю надѣяться, что не всѣ меня забыли. Предъ Вами и свидѣтельствую мое уваженіе ко всѣмъ тѣмъ, которые были своими въ вашемъ домѣ, особенно Варварѣ Васильевнѣ: она была къ вамъ ближе всѣхъ. Она довольно свѣтла, чтобъ не испугаться моего привѣтствія.

Я не тотъ уже, чтобъ дать полную свободу игривымъ фантазіямъ, но и не такъ не тотъ, чтобъ былъ еще хуже прежняго. Я имѣлъ случай много думать, и повѣрте, могъ выдумать вновь всю жизнь, ту самую, которую имѣли вы щедрость возбудить во мнѣ высокимъ вашимъ словомъ.

Благоговѣя передъ неисповѣдимыми судьбами провидѣнія, я съ христіанскою покорностію храню миръ въ душѣ моей. Память великаго моего благодѣтеля не перестанетъ быть властію надо мною. И освѣтитъ мнѣ путь къ вѣчному съ нимъ соединенію.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и сердечною преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопревосходительства

Покорнѣйшимъ слугою

Гаврінлъ Батеньковъ.

[1] [Ошибъ—хвостъ.]

14.

[П. В. Кирѣевскому.]

Маія 10. 1847. Томскъ.

Всѣми силами сердца обрадовался я дружескому твоему письму добрый мой Петръ Васильевичь [1]. Ахъ! какъ много вы меня обязываете.

Ты прочитаешь мои письма къ маминькѣ и сестрѣ — остается тутъ отвѣчать самому тебѣ.

Семья наша довольно разширилась и по милости Божіей вѣрно еще разширится. Слѣдовательно намъ позволительно оставаться въ ней только со своими двумя руками [2]. Правда, теперь моимъ пригодилось бы и подкрѣпленіе, но такъ какъ это худо зависитъ отъ меня, то станемъ добре пока на настоящемъ основаніи, обымемъ Машеньку [3] и покатимся вмѣстѣ по желѣзнымъ рельсамъ одиночества. Пусть кондукторомъ нашимъ будетъ одно общее чувство, а цѣлію Богъ, съ святою Его волею. Не думаю, чтобъ такая жизнь была святѣе, даже беззаботнѣе; однако и она имѣетъ свои добрыя стороны. Я привыкъ быть всемъ доволенъ, и хотя часто говорю строго и горько, но не помню ни одного дня въ жизни, который бы кончилъ ропотомъ. Чувство Божіей благости проникло весь мой составъ, и въ немъ нѣтъ мѣста, незанятаго любовію къ людямъ. Она пресуществила во мнѣ всякое чувство зла, и мнѣ все кажется, что я недовольно еще терпѣлъ. Это потому не самохвальство, что я не могу и хвалить себя.

Ты недоволенъ литературною разладицей. Но этому такъ быть надлежало.

Доселѣ изящная словесность и наука текли особыми руслами. Дѣйствительная жизнь и дѣловыя ея отношенія стояли къ нимъ объективно въ своихъ громадахъ. Настала пора ближайшему ихъ соприкосновенію. Мысль стала дѣлиться, понятія различествовать, фразы потребовали опредѣленія; сроки многимъ условіямъ кончились.

[1] [Письмо адресовано П. В. Кирѣевскому, сыну А. П. Елагиной отъ ея перваго брака.]

[2] [Т.-е. оставаться холостыми. Батеньковъ причисляетъ себя къ семьѣ Елагиныхъ-Кирѣевскихъ и оттого пишетъ: „*наша* семья".]

[3] [Марія Вас. Кирѣевская, незамужняя сестра Ив. и П. Кирѣевскихъ.]

Съ той самой минуты, какъ схоластика потеряла господство надъ умами, надлежало означиться новымъ линіямъ, новымъ узламъ. Почувствовали, что тамъ и идетъ слово въ передъ, гдѣ совершается великій творческій Актъ, проявляемый мѣною поколѣній. Время унесетъ съ собою страсти, такъ не стройно дѣйствующія въ настоящемъ; останутся истинны, онѣ раздѣльны, по существу своему, но это раздѣленіе невраждебно, и какъ чистой умъ, какъ самое безсмертіе, не могутъ и быть иначе, какъ въ вѣчномъ покоѣ и согласіи.

Добро есть владѣть своими страстями и въ литературныхъ броженіяхъ, но нельзя въ нихъ неучаствовать, это значило бы отказаться отъ жизни. Религія не стѣсняетъ, не ограничиваетъ—она Сила, и въ литературѣ и въ художествѣ она же Сила. Тотъ развѣ ставитъ ее особо, кто не вѣруетъ. Мнѣ жаль, что изъ тебя не вышелъ художникъ. Вотъ какъ обманчивы обѣщанія юношества!

Ты посвѣщаешь себя Археологіи. Слѣдственно ты по обязанности Славянофилъ, и потому только не романтикъ, что наша древность не романская. Будучи Археологомъ ты не защитишь себя отъ поэзіи. Увидясь съ Жуковскимъ, скажи ему отъ меня, что онъ отчаянной Археологъ и Славянофилъ, и что его муза увлекла тебя на избранный тобою путь.

Не можешь также разстаться и съ логикой. Гдѣ нибудь да встрѣтишся съ пословицами, а они ни что иное, какъ практическая логика.

Что теперь сказать о себѣ. Я въ самомъ дѣлѣ сдѣлался порядочнымъ философомъ, и къ довѣршенію бѣдъ, нѣмецкимъ. А такъ какъ ты, къ тяжкой моей обидѣ, помѣстилъ меня въ число предметовъ Археологическихъ, то я долженъ обратиться немного къ старинѣ. Еще во время утомительныхъ походовъ французской войны насъ трое: Елагинъ, я и нѣкто Паскевичъ вздумали пересадить Шелинга на русскую почву, и въ юношескихъ умахъ нашихъ идеи его слились съ нашимъ товарищескимъ юморомъ. Мы стали изъясняться въ новыхъ отвлеченіяхъ легко и пріятно. Цѣлые переходы окружалъ насъ конвой слушателей и цѣлые корпуса со всѣми ихъ штабами, называли насъ Галиматейными философами (это слово вѣрно слыхалъ и ты). Вотъ какъ глубоко мое право почитать себя дѣдушкомъ нынѣшнихъ литературныхъ партій. Правда, я смотрю теперь гораздо серьезнѣе, да и дѣло уже разширилось не на шутку.

Итакъ ежели ты въ пыли отцовскихъ кладовыхъ отыщешь лоскутки моихъ старыхъ къ нему писемъ, то будешь имѣть одинъ изъ

самыхъ Археологическихъ изъ самыхъ присушныхъ корней, къ изъясненію господствующей теперь любви въ литературѣ къ Германской философіи. И какъ пренебречь такимъ богатствомъ?

Между тѣмъ нельзя ли немного подѣлиться со мною нѣмецкими книгами, которыхъ много было у отца. Иначе имѣть ихъ мнѣ нѣтъ никакой возможности. Много ихъ было у Михайла Михайловича [1], частію и моихъ; но туда уже нѣтъ приступа.

Оканчиваю порученіемъ. Кланяйся старшему брату [2] и попроси его поклониться отъ меня знакомой ему Маріѣ Николаевнѣ Горловой и ея отцу, увидѣться съ ними и поцаловать ихъ. Арбеньевъ [3] у меня не побывалъ, а поручилъ только сказать, что онъ проѣхалъ и подарилъ мнѣ книгу церковнаго содержанія.

Прощай. Богъ да благословитъ тебя.

Батеньковъ.

15.

[А. П. Елагиной.]

Томскъ. 18. Января 1818.

Я полу чилъ твое письмо, милая сестра отъ 8 Декабря.

Опасенія о Вашей холерѣ въ значительной степени уменьшились.

Наступилъ новый годъ.

Городъ нашъ удостоился посѣщенія Главнаго Начальника здѣшняго края.

Подъ совокупнымъ вліяніемъ этихъ причинъ я пишу къ тебѣ весело.

Новый годъ не успѣлъ еще означить своего характера. Говорятъ, что всѣ дни равны; но я думаю немножко иначе: мысль многихъ милліоновъ въ этотъ день переходитъ къ чему-то новому; къ огромному счисленію прибавляется цифра. Все это составляетъ скачокъ, и вызываетъ небывалый лучь свѣта. Знаетъ Богъ первый день.

И такъ я обновляю мое желаніе, и возношу молитву о низпосланіи благословенія небеснаго на твои прекрасные дни. Да бѣгутъ отъ тебя всѣ неудачи и да не приближается старость! Быть съ тобою, хотя и въ разлукѣ, для меня больше всѣхъ потребностей. Из-

[1] [Сперанскій.]
[2] [Иванъ Вас. Кирѣевскій.]
[3] [См. ниже, № 15.]

мѣряя свой крестъ я вижу на немъ твое дружеское участіе, какъ единственный бальзамъ на мои не зажившія раны.

Главный начальникъ нашъ произходитъ изъ древнихъ фамилій. Трудно описать тебѣ какую глубокую симпатію производитъ соединеніе власти и благородія. Онъ старше всѣхъ здѣшнихъ городовъ. Для меня это данныя, чтобъ тишина и покой, которыми здѣсь пользуюсь, имѣли видимое основаніе.

Велика потребность человѣку въ надеждѣ и утѣшеніи.

Въ прошедшій мѣсяцъ проѣздомъ изъ Красноярска былъ здѣсь Вашъ Николай Петровичъ [1]. Я былъ у него, видѣлъ жену и подержалъ на рукахъ двухъ милыхъ малютокъ, которыя называютъ тебя своею Бабушкой. Это много было для моего сердца. Онъ проговаривалъ, что заѣдетъ къ Вамъ въ деревню. Но какъ я по положенію моему, не могъ выйти изъ рамъ обыкновеннаго поклона, то и не думаю, чтобъ показалось тебѣ, что я принялъ его холодно и не какъ своего семьянина. На противъ я прошу тебя увѣдомить меня, благополучно ли онъ довезъ дѣтей, которые здѣсь сильно кашляли и принудили его останавливаться. Онъ и самъ былъ очень ласковъ и внимателенъ. Вотъ и прежде свадьбы сестры онъ бывалъ у Васъ въ домѣ, но я не могъ вспомнить. Кажется только мать его обѣдала у Васъ въ бытность мою въ Москвѣ.

Живу я однообразно; но время какъ-то скоро течетъ: уже скоро два года какъ я здѣсь. На дняхъ мы перетерпѣли страшные морозы и это замедлило мой отвѣтъ на твое письмо. Чувствовалъ большую тяжесть; ибо совершенно отвыкъ отъ здѣшняго климата. Голова отяжелѣла, нервы ослабли, заболѣли зубы, раны начали безпокоить и никакъ не могъ согрѣваться. Теперь не болѣе 17° по Реомюру, и это считаемъ оттепелью. По обыкновенному ходу природы, возможны еще три мороза. Съ дня твоихъ имянинъ и здѣсь считаютъ уже весну. Нерѣдко воробей напивается въ ручейкѣ.

Само собою разумѣется, что посланныя тобою три ста рублей я получилъ. Благодарю всею душею. И хотя принимать отъ тебя пособія мнѣ какъ-то легко и просто: однакоже отнюдь не дѣлай это въ чувствительный ущербъ другимъ потребностямъ. Что радъ васъ пообидѣлъ я читалъ въ журналѣ; теперь поѣздка въ Москву

[1] Н. П. Арбеневъ, см. выше, № 14. Его сестра, Наталья Петровна, была замужемъ за Ив. Вас. Кирѣевскимъ.

потребуетъ издержки. А я такъ установилъ свою жизнь, что для собственнаго потребленія всегда могу ограничиться урочнымъ положеніемъ. Сверхъ того судьба сохранила еще мнѣ на мѣстѣ въ двухъ-трехъ домахъ воспоминаніе прежней пріязни, и меня не допустятъ они до безобразной нищеты.

Книги читаю охотно; но не имѣя никакой возможности прослѣдить все, что было безъ меня, я стараюсь приводить къ общимъ понятіямъ, и привыкнувъ сливать понятія и соображать, читаю съ равнымъ участіемъ и старое и новое. Не легко поставить мысль въ Гармонію съ мыслію цѣлаго поколѣнія, при мнѣ не существовавшаго, и которое мнѣ довелось видѣть, только въ углу и въ отрывкѣ. Но это психически и занимаетъ меня преимущественно. Вижу ежечасно новое, и не знаю скуки.

Все, сестра, минуетъ и добро и зло. Скоро не будетъ и слѣдовъ нашего бытія. Однакоже умъ, сколько нибудь возбужденный къ самодѣятельности, знаетъ, что вещественныя стихіи не могутъ его уничтожить, что среда, въ которой онъ дѣйствуетъ—Богъ Самъ, и хотя непостижимо, какъ можно быть, когда рушатся всѣ извѣстныя условія бытія; однакоже въ благости и обѣтованіяхъ Творца, можно найти успокоеніе. Умъ возрастаетъ и разширяется въ понятіяхъ, и ни одно изъ нихъ не погибаетъ. Научиться можно, а разучиться никто не умѣетъ. Забыть... отвыкнуть... все это относится только къ удобности дѣйствія и упражненія, и такія понятія, какъ смерть и душа, никто свести не можетъ.

Этими послѣдними строками я равно отвѣчаю и на ваше письмецо, милая Марья Васильевна. Пріятно мнѣ читать твои выраженія, исполненныя истиннаго чувства. Добрая, любящая Бога душа, всегда много сказать можетъ. Воображеніе мое далеко отстало. Этотъ милый ребенокъ, съ которымъ часто встрѣчалъ я новый годъ, хотя все таже ты, но вполнѣ и опредѣлительно теперешній твой бытъ мнѣ не высказываетъ, и мнѣ даже чудно, что ты меня не забыла. Не надѣясь никогда тебя видѣть, я долго, очень долго, останавливался на прежнемъ образѣ, и вотъ безъ примѣтнаго скачька опять съ тобою.

Передай мои поклоны братьямъ. Они слишкомъ разбросаны, и мнѣ легче всего поставить тебя въ средоточіи. Служи опорой и мнѣ и матери.

Наконецъ обращаюсь и къ тебѣ добрая Лили[1]. Ежели желаніе

[1] [Лили (Елизавета) — дочь А. П. Елагиной въ второмъ бракѣ.]

твое погостить въ Москвѣ исполнилось, то ты слишкомъ теперь разсѣяна. Молодость требуетъ легкихъ впечатлѣній, и чтобъ я не лежалъ тяжелымъ баластомъ, забудь мои лѣта. Будь увѣрена, что все отъ тебя, хотя бы и совершенно дѣтское приму готовымъ сердцемъ и оцѣню. Дѣды внучать особенно любятъ: приласкайтесь вмѣстѣ съ Катею [1], и помолодите меня. На твой вопросъ скажу: дѣлать... Это еще не то; умѣть... Вотъ что упражняетъ волю.

Прощайте, мои безцѣнныя. Богъ да хранитъ васъ и исполнитъ несчетныхъ милостей. О томъ и молюсь непрестанно.

Гавріилъ Батеньковъ.

16.

[Ей-же.]

Сентября 12. 1818. Томскъ.

Въ твоей горести, моя добрая сестра, я боюсь и утѣшать тебя. Что тутъ можетъ человѣкъ, гдѣ Богъ посѣщаетъ!

Машенька и Катя глубиной сердечнаго чувства ясно поняли мою потребность, подробно описавъ мнѣ послѣдніе дни и часы нашей юной Лилы. Душа вѣрующая и не испытавшая здѣсь никакихъ золъ не могла и воспарить иначе къ своему началу, какъ съ радостію. Намъ не легко подражать ей; ибо вся наша радость давно обратилась въ терпѣніе. Его и понесемъ къ вѣчному престолу.

Но умъ нашъ болѣе созрѣлъ: въ немъ ярче сіяетъ убѣжденіе, и превозмогаетъ иногда всю слабость, произведенную трудомъ и лѣтами. Трудомъ, говорю я, потому что я точно тружусь и трудился, преимущественно въ борьбѣ съ собою, умножаемой напоромъ странной судьбы моей. Стараюсь не оставить ничего не обмысленнаго, по колику есть сила, и это-то составляетъ трудъ, при которомъ работа кажется отдыхомъ. Христосъ оправдался духомъ въ значеніи Сына Божія и безгрѣшнаго: намъ должно усвоять его оправданіе, конечно не безъ очищеній. Да будетъ благословенъ Богъ и въ крестѣ и въ воскресеніи.

Катя смущается, что молитва ея не услышана, и обвиняетъ въ томъ горько самое себя. Далеко завлекаетъ ее невинное чувство. Такъ, молитва все можетъ, но не достанетъ ума поставить ее выше

[1] [Екат. Ив., рожд. Мойеръ, жена Вас. А. Елагина.]

другихъ законовъ, вовсе намъ невѣдомыхъ, безъ сомнѣнія праведныхъ или премудрыхъ и потому самому однимъ желаніемъ неодолимыхъ. Самая правда Божія есть правда вѣчная и милость его есть таже правда. Въ Богѣ все нераздѣльно.

Въ нашъ вѣкъ трудна молитва, и преданность волѣ Божіей становится не находимою рѣдкостью. Мы живемъ въ средѣ новой, чуждой древнихъ молитвъ и самое слово молитвы для насъ какъ-бы неуготовано. Это тоже судьбы Божіи. Духъ святый за всѣхъ молится и ходатайствуетъ; а Богъ никогда не оставитъ міръ безъ свѣта и освященія. Онъ можетъ перестановить наши понятія, смѣшать ихъ и паки устроить. Ежели чувствуемъ недостатокъ въ благоговѣніи, не находимъ и смиренія въ себѣ, все же не перестаемъ быть всецѣло созданіемъ Божіимъ, въ десницѣ котораго и слабый и великой даръ. Si ascendero in Coelum, tu illic es; si descendero in infernum, ades... жить не зная Бога, вотъ зло единственное и неизцѣлимое.

Жизнь моя течетъ въ ея обычной тишинѣ. Не скучаю, потому что ни къ чему не привязываюсь. Встрѣчаю каждый день какъ новый и отдѣльный даръ и оканчиваю какъ продвинувшееся звѣно цѣпи, не моею рукою держимой. Когда же небесная благость осѣнитъ своимъ наитіемъ, осіяетъ умъ и согрѣетъ сердце, я люблю предаваться сему святому влеченію, и тогда нахожу себя вполнѣ счастливымъ. Въ эти минуты уже не раздѣляетъ пространство: я слышу тебя въ себѣ. Гармонія чувства дѣлаетъ насъ сосѣдями и не на этомъ ли основана надежда увидѣться, когда очей не будетъ? Казалось мнѣ когда то, что освобожденный отъ размѣровъ умъ превратится въ одну свѣтлую точьку, подобную понятію, сосредоточится въ вѣдѣніи Бытія Божія и займетъ мѣсто въ стройныхъ радужныхъ украшеніяхъ духовной, безбрежной, алмазной урны, осѣненной волею Божіею и созидаемой въ значеніи всѣхъ красотъ нынѣшняго міра, роскошные цвѣты котораго есть только матеріальное проявленіе, красующейся въ Богѣ мысли. Вотъ тамъ бы и хотѣлъ имѣть твое сосѣдство.

Богъ, сей великой Океанъ, сіе всюду окружающее насъ небо, будучи единожды усмотрѣнъ мыслію, даетъ ей основаніе и успокоеніе, возвышаетъ науку, дѣло и знаніе и никогда не изтощится. Въ свѣтѣ Его рождаются понятія, развиваются, строятся и всегда новы. Форма осудила названіе Деистовъ и Пантеистовъ, но это въ значеніи лицемѣрномъ и въ схоластическихъ спорахъ одинъ ли Богъ и есть ли онъ, выведенныхъ чрезъ отрицаніе, въ борьбѣ съ заблужденіемъ, а

словомъ Богъ искони все опредѣлено. Обыкновенно выводятъ и нравственные заключенія мелко и близко. Сплошь у моралистовъ причина не причина, а повелитель, или сознаніе причины ставятъ въ отрицаніе долга. Умъ знаетъ причину, совѣсть долгъ, и одно безъ другаго быть не могутъ. При томъ они даны намъ, и мы отъ нихъ отрѣчься не въ силахъ. Откровеніе, какъ превосходная сила, только предваряетъ естество, изъ котораго рѣшительный выходъ никому невозможенъ. Пусть наука всѣми средствами испытываетъ естество, но она не можетъ отрицать причины, даже и дурно когда матеріалисты приписываютъ природѣ разумное дѣйствіе, а въ этомъ каждая фраза ихъ обличаетъ. Чудно какъ имъ сходитъ съ рукъ, когда при изложеніи системъ, то электричество, то время, то неизмѣримыя массы и перевороты сами такъ и разыгрываютъ обдуманную драмму.

Прощай мой безцѣнный другъ! Мнѣ хотѣлось бы много, много,— безпрестанно говорить съ тобою.

Твой

Гавріилъ Батеньковъ.

17 [1].

[И. Н. Скобелеву.]

Октябрь. 1848. Томскъ.

Милостивый Государь!

Вотъ уже скоро и три года, какъ я нахожусь въ томъ состояніе, въ которое Вы, отецъ, слѣдуя несомнѣнной доброть Вашего сердца меня поставили. Благодаря Бога, доселѣ ко мнѣ милосердаго, пользуюсь здоровьемъ, покоемъ и тишиною; отдохнулъ отъ непосредственнаго страданія, поглотившаго всю мою жизнь. Благородная и сдительная мѣстная власть много тому содѣйствовала, а мнѣ только и нужно было, чтобъ быть на виду. Общество покойныхъ и мирныхъ гражданъ не отвергло меня, какъ бывшаго нѣкогда ихъ семьянина.

Вашему Высокопревосходительству и Графу Алексѣю Ѳедоровичу [2] я извѣстенъ и возбудилъ Ваше великодушное участіе ничѣмъ другимъ, какъ терпѣніемъ и простодушіемъ. Вы доставили родственное

[1] [Позднѣе, болѣе блѣдными чернилами, сильно исправлено; эти поправки почти не поддаются прочтенію, вслѣдствіе чего мы даемъ одинъ первоначальный текстъ, но зато въ полномъ видѣ.]

[2] [А. Ѳ. Орловъ.]

пособіе въ нуждѣ, первую нитку нагому, согрѣли меня и накормили. Я храню какъ святыню всѣ вещи, которыя мнѣ это напоминаютъ.

Вы сдѣлали болѣе, скрѣпили самую нить жизни моей, которая уже готова была порваться.

Итакъ я долгъ имѣю благодарить васъ, и худо бы сдѣлалъ, еслибъ навсегда умолчалъ.

Надѣюсь и съ своей стороны, какъ въ свое время удостовѣрилъ Васъ, что я не подалъ никакаго повода жалѣть Вамъ о принятомъ на себя ручательствѣ и слово въ слово исполнилъ ваше рѣшеніе.

Но жизнь моя (мнѣ нѣкому кромѣ васъ сказать объ этомъ), представляетъ существенныя неудобства. Какъ бы я ни скрывалъ, какъ бы ни глубоко принялъ видъ жизни простой и младенческой, все же мнѣ стоитъ ежедневныхъ страданій, чтобъ заглушать всякое проявленіе той высоты, которой я касался и особенно въ странѣ управляемой законами, коихъ я имѣлъ честь быть въ числѣ гласныхъ редакторовъ и подъ пятою установленій, которыя я самъ изобрѣлъ, въ странѣ, гдѣ прежде въ управленіи я много значилъ. Да куда и скрыться?—Ужели въ низшемъ классѣ общества возможно мнѣ уже и прилично смѣшаться въ понятіяхъ и дѣлѣ?

Мнѣ доставляютъ отъ напора безобразной нищеты родственныя пособія. Не могу сказать чтобъ я могъ жить, но по этой статьѣ терпеніе мое, хоть и крайнее, еще возможно.

Вашему высокопревосходительству и многимъ лицамъ окружающимъ престолъ извѣстно, что я страдаю очень мало въ слѣдствіе своей вины, болѣе по стеченію обстоятельствъ, далеко глубже нежели требовала прямая отвѣтственность и два первыя рѣшенія, какъ жертва можетъ быть частію неосторожная и не благоразумная, преимущественно не имѣвшая средствъ и силы идти по пути новому, на который увлекло усердіе къ пользѣ общей, усердіе выраженіе котораго по важности и необычности предмета, какъ легко удостовѣрить, иначе и невозможно.

Мое положеніе было совсѣмъ особеннымъ: оно частію и понято. Убѣжденный въ значеніи обуревавшаго меня чувства я предавался ему съ вѣрою Богу и можетъ быть на невѣрномъ пути воззрѣнія въ даль. Не многіе со мною въ Европѣ предвидѣли что случится, какъ необходимость разумная и по направленію своему столько опасная, что не надобно бы отказываться, что для насъ все это было менѣе неожиданнымъ. Предвидѣть вообще нелегко, а простымъ умомъ не

вдаваясь въ лабиринтъ связей и событій нельзя иначѣ какъ принявъ на себя видъ рѣшительно экстра ординарный. Я доселѣ держу этому умную нить, могущую принести и пользу.

Почему бы не положить рѣшительный конецъ моимъ страданіямъ и это никогда не поздно. Почему бы не исполнить и часть тѣхъ великихъ обѣщаній, буквально: не обвинять и не изнурить, по слову высокому и священнѣйшему въ мірѣ, на которомъ во все время я доселѣ основывалъ я надежду. Стоитъ обратить вниманіе и я чистъ буду. Да и для чего не оказать справедливости одному лицу безсильному и по вашему же выраженію, ничего незначащему. Сохрани меня Богъ чтобъ я роптала; да и не ропщутъ на всемогущество. Оно всегда въ полномъ правѣ на привязанность иначѣ было бы уже въ самомъ дѣлѣ съ моей стороны сумасшествіе.

Сильна привычька, я часто скучаю о продолжительномъ уединеніи при васъ и вы бы не сдѣлали мнѣ вреда, еслибъ при нѣсколько лучшихъ условіяхъ и снова его возстановили. Тогда все бы я еще что то дѣлала. Вы и сами такъ много испытали семейныхъ потерь, что душевно сочувствуя имъ я не могу и вообразить вамъ другаго утѣшенія, какъ только доброе дѣло. Не пренебрегите, отецъ, я способенъ нѣчто значить въ самомъ замѣщеніи вашихъ утратъ.

Примите искреннѣе, душевное сыновнее увѣреніе во всегдашней къ особѣ вашей моей любви и преданности.

М. Г.

в. в.

покор. слуги.

Моему старому дѣду и въ продолженіе 20 лѣтъ не отступному стражу примите трудъ сказать мою любовь.

13.

[А. П. Елагиной.]

Томскъ. 9 Февраля 1849.

Пора, милая сестра, сказать тебѣ нѣсколько словъ о себѣ, и всегда пора, непрерывная потребность; но надобно соображать бой маятника и слушаться сопутствующихъ ему указаній.

Вотъ и новый годъ шагнулъ на вторую ступень. Скоро летитъ время и рѣзко оставляетъ за собою слѣды разрушенія. Усталъ и

въ моей дорогѣ, и непреклонная доселѣ моя голова озирается, кружась, то въ прошедшее, то въ будущее. Видно только, что тамъ Богъ, и тамъ Богъ.

Я прочиталъ оба послѣднія произведенія Жуковскаго музы, и вотъ хочу подѣлиться съ тобою впечатлѣніемъ. Прежде всего радуетъ меня, что животворящая поэзія торжествуетъ надъ лѣтами. Не примѣтно ничего дряхлаго: стихъ гладокъ, и чувство льется. Конечно нельзя уже требовать безпечной веселости; она долженствовала отцвѣсти; мечты замѣнились опытомъ и игра фантазіи уже не простая игра, а разумный узоръ зрѣлой мысли.

Рустемъ Азіатское произведеніе. Тутъ бурное развитіе исполинскихъ силъ и соотвѣтствующее имъ зрѣлище громадныхъ цѣлостей природы; прямое рожденіе иперболъ изъ созерцанія, какъ единственный приличный способъ къ выраженію. Крѣпкому нашему старику это прямо по душѣ; а извѣстно что такіе старики и бываютъ сами сказочниками. Однакожъ силы эти не Русскія и на вкусъ нашъ недостаетъ тутъ разгульнаго безсмыслія нашихъ сказокъ, все еще до селѣ не выраженнаго. Кое-гдѣ въ Рустемѣ проглядываютъ юмористическіе усмѣшки разума, но печаль уже слишкомъ—Азіатская—печаль, на даль рисована, и судьба болѣе похожа на силу тяготѣнія, нежели на разумный актъ верьховной воли.

Грекъ все обдумывалъ, все воображалъ. Онъ въ мірѣ глядитъ на человѣка и въ его сердце, у него преданіе, общежитіе и народность. Его иперболы стоятъ въ той же дали отъ разума, какъ и сама натура. Онъ любитъ соразмѣрность и мягокъ, какъ покойный созерцатель. Цѣлое представляетъ не гору нестройную и утесистую, но округъ земли, раціонально воздѣланный. Онъ точно пѣвецъ.

Мнѣ болѣе нравится Грекъ.

Ежели бы кто и могъ въ безбрежномъ, возторженномъ состояніи, вдохновенный для указанія, замѣнить Олимпъ и Боговъ кабинетами и министрами, тоже самое и значащими, то и тогда въ современной намъ эпопеѣ, слѣпой старикъ можетъ послужить совѣтомъ. Правда эпопея наша должна и стать выше; ибо въ древнихъ недостаетъ все—управляющей идеи—знанія Творца вселенной, Единаго, всему причины и двигателя. Эпосъ древнихъ у насъ вошолъ въ текущую жизнь: мы окружены чудесами, и столько богаты мыслями, чувствомъ, выраженіемъ, знаніемъ причины, понятіями болѣе нежели выводами и заключеніями, прямымъ раціональнымъ соображеніемъ,

критикою преданія, воображеніемъ лучшаго міра и той же въ немъ причины,—что всемъ этимъ планъ титановъ давно исполнили: сами населяемъ Олимпъ.

Когда земное оставляя
Душа безсмертная паритъ,
По волѣ всемъ разполагая
Міръ новый для себя творитъ—
Міръ свѣтлый, стройный и священный—
Когда одинъ я во вселенной,
Одинъ, и просто Божій Сынъ;
Какъ пульсъ огнемъ, не кровью бьется,—
Тогда-то пѣснь рѣкою льется,
И языка я властелинъ.

Поэзія теперь окована схоластическими и миѳологическими формами: она въ куколкѣ, трупъ минувшихъ вѣковъ еще не убранъ, свѣтъ слабо сіяетъ въ необнятомъ и неизслѣдованномъ пространствѣ. Настанетъ день, Давидъ возметъ перевѣсъ надъ Гомеромъ, а вдохновеніе, произтекая изъ прямаго его истока, разольется въ обиліи и конечно уже не истощится. Безъ Бога какая поэзія? и безъ Бога міръ нашъ—міръ безъ природы, простой оточенной шаръ.

Съ природою поэзія только можетъ помирить математику, безъ нее пресловутая вязальщица количествъ останется навсегда мертвою и ничего не изъяснитъ. Едвали не въ желѣзѣ вся душа ее.

Но матерь точнаго ученья,
Представь ты намъ теперь свои
Великія произведенья!—
Въ Символы углубясь твои,
Какъ-бы въ глаголы прорицанья,
Кривыя сводитъ начертанья
Художникъ съ своего пера;
Тутъ внявъ совѣтъ твой—отмѣчаетъ
На мѣстѣ камнемъ;—продолжаетъ—
И вотъ—храмъ Римскаго Петра.

Стекайтесь дѣти просвѣщенья
Стекайтесь любоваться имъ,
Какая стройность размѣренья!
Красивъ величествомъ однимъ!
Се! кровы вышняго селенья...

Стекайтесь дѣти просвѣщенья
Стекайтесь любоваться имъ.
Вотъ въ наготѣ его искуство,
Вотъ новое создали чувство,
Которымъ Бога ощутимъ!

Ученые еще не рѣшили природа ли натянута на поверхность шара, или весь этотъ символъ—шаръ вполнѣ поглощается природою.

Тритонъ огромный и крылатый,
Сей милый сынъ, любимецъ твой—
Какъ въ морѣ блещутъ его латы!
Лазурь отводитъ бѣлизной;
Цвѣтныя косы разпускаетъ,
И чорны кудри развиваетъ,
Играетъ бурями и льдомъ;
Кольцомъ на шарѣ вьетъ дорогу
Кидаетъ Рака къ Козерогу
Страшнѣе тучь бросаетъ громъ.

Записные физики всякой частичькѣ тумана и испаренія даютъ право существенности и съ без-условнымъ пренебреженіемъ говорятъ о мечтѣ, воображеніи и воображаемомъ. Ахъ, и это силы, и ближе онѣ къ свѣту многихъ другихъ силъ.

Когда душа наша разстанется съ тѣломъ большая часть нынѣ важныхъ предметовъ многозаботливаго нашего ума потеряетъ свое значеніе; но поэзія и въ новый моментъ ума не прекратится. Какъ младенцы новаго міра мы будемъ имѣть въ ней нужду, она должна быть языкомъ нашимъ и мышленіемъ, когда творческой свѣтъ откроетъ намъ разумно всю совокупность созданія, связь и совершенство, внутреннее значеніе отдѣльныхъ его красотъ. Мы должны будемъ по человѣчески сказать объ нихъ. Эти красоты конечно не будутъ уже непосредственно видимы; но въ централизаціи причины, не должны потерять своего слова.

Я живу одною поэзіею, черезъ нее и гоню старость, недуги и печали.

Вотъ камень твердый и холодный,
И признака въ немъ жизни нѣтъ!
Вотъ грубіянъ языкъ народный,
Инымъ посмѣшища предметъ—
Резецъ Венеру въ камнѣ сыщетъ;

Пѣвецъ какъ соловей засвищетъ...
Холодный, грубый—гдѣ они?
Се! огненный языкъ слетаетъ,
Его всякъ въ мѣру понимаетъ;
Имъ Боги говорятъ одни.

Но довольно о поэзіи. Это дань вашей деревенской жизни и воспоминаніе о Жуковскомъ. Оборотимся теперь въ обыденный нашъ міръ.

Живу все также, довольно тихо, довольно покоенъ, удаляю отъ себя всѣ значительныя заботы, почти и не думаю о завтрашнемъ днѣ, и если чувствую скорбь то тогда только, когда проходитъ мѣсяцъ безъ свѣденія объ Васъ. Всѣ прочія застарѣлыя скорби одолеваю преданностію волѣ Божіей.

Поздравляю тебя съ приближающимся днемъ имянинъ. Не лучшая ли съ нимъ и весна наступитъ...

У насъ все начинаетъ дешевѣть. По недостатку ли это денегъ, или потому, что поднявшіяся горою цѣны улеглись, какъ бы то ни было, а намъ нищимъ это пріятно. По прежней прогрессіи можно было опасаться и за насущный хлѣбъ. Повѣришь ли: фунтъ сѣна на золотыхъ пріискахъ стоилъ до 4 коп. серебромъ.

Теперь показались и работники безъ дѣла: постройки становятся сносными, обуться и одѣться уже не раззореніе. Полагаю, что полная дань по этимъ предметамъ мною уже окончательно внесена. Заговорили о экономіи и не показывать роскоши уже не стыдятся. Такъ все идетъ къ лучшему. Странно, послѣднее поколѣніе слишкомъ чувствовало свою молодость, и вотъ мало-по малу остепеняется.

Душевно обнимаю милую Марью Васильевну. Что то она замолчала. Я люблю ея строки, всегда искреннія, всегда простыя и полныя чувства. Катя не безпрестанно же съ Вами; радъ бы писать къ ней особо, часто писать; но нелегко это. Она такая молоденькая, что какъ будьто на рукахъ у меня. Николай Алексѣевичь безъ сомнѣнія погрязъ въ Агрономіи, но для полноты сельскаго хозяина ему не достаетъ еще чего-то такова же, какъ Катя. Сего-то усердно и желаю ему въ настоящемъ 1849, не высокосномъ году. Дѣло сбыточное, сердце не камень; довольно въ семьѣ и одного Петра [1].

Прощайте, мои безцѣнные друзья; Да хранитъ васъ Богъ.

Среда на масляницѣ. вечеръ.

Вашъ безъ конечно
Гавр. Батеньковъ.

[1] [П. В. Кирѣевскій не былъ женатъ.]

19.

[Ей-же.]

Томскъ. Марта 11. 1840.

Опять беру въ руки перо съ удовольствіемъ, потому что къ тебѣ пишу мой благородный другъ. Рѣдки примѣры вѣрности чувства во всю жизнь: такому чувству надобно безусловно слѣдовать. Но и сопровождающія дружбу твою обстоятельства такъ жестоки и мучительны, что кажется жизнь сама себѣ непріязненна и оправдываетъ дѣлаемыя ей упреки мизантропами, самыми мрачными.

Давно я наизусть выучилъ и практически перешолъ все, что сказано о терпѣніи, и надобно признаться, что если бы не разтворяло его небесное утѣшеніе своимъ благотворнымъ дыханіемъ и не измѣняло въ живительный духъ, я не могъ бы и такъ не часто какъ теперь, сколько нибудь стройно извѣщать тебя о себѣ.

Живемъ въ желѣзный вѣкъ, хотя онъ же и золотой въ матеріальномъ отношеніи. Ужъ подлинно сошлись концы съ концами. Можетъ быть для того и тяжело такъ душѣ, чтобъ огрубѣла она и легла плотнѣе на тѣлѣсную массу, и потомъ согласнѣе съ нею разположила свои теоріи.

Какъ тварь, мы глубоко не самобытны и не можемъ себѣ дать полнаго отчота ни въ дѣлахъ, ни въ мысляхъ. Все получаемъ или изъ внѣ чрезъ чувства или внутрь дѣйствіемъ слова. Умъ не можетъ творить изъ ничего, а еще менѣе творить самаго себя.

Что простѣе стиха? Часто и того недостаетъ.

Желалъ бы потокъ излить чувства: слова нѣтъ... и кажется ни чего не чувствую.

Настоитъ Мартъ мѣсяцъ—горькій вспоминаніемъ нашихъ лишеній; три года я здѣсь: три года и ты вдовою.

Ежели не вѣрить что чрезъ добро и зло душа зиждется для новаго бытія, и что эти самыя города и царства выработываютъ для него стихію, если не вѣрить, говорю, то жизнь не имѣетъ никакого смысла. Можно еще подумать, что человѣкъ есть черта, до которой достигла и на которой остановилась природа въ невозможномъ для нея самой себя сознаніи. Но если есть слово этаго выраженія; то и любовь Божія должна быть.

Къ сей-то любви и прилепляемся, къ ней-то и прислушиваемся среди шумовъ міра.

Вотъ и все, что намъ надобно. Отсюда глубокая покорность Провидѣнію. Она всякой жребій въ жизни дѣлаетъ сноснымъ и обязываетъ нелицемѣрно благословлять руку которая на насъ его налагаетъ.

Рѣдко или часто получаю я Ваши письма, всегда остаюсь въ полной объ васъ неизвѣстности. Въ Камчаткѣ на одной почтѣ узнали о началѣ и концѣ войны 812 года. У насъ хотя нѣтъ такова промѣжутка, однакоже цѣлый мѣсяцъ раздѣляетъ настоящее наше отъ всякаго событія. Въ это время умъ всегда успѣетъ упредить чувство, такъ что я не нахожу разницы между совершенною разлукою и нынѣшнею жизнію, и двадцать лѣтъ неизвѣстности были ни болѣе, ни менѣе какъ этотъ мѣсяцъ. Но это конечно отъ того, что сердце разширилось и вышло изъ мѣры въ святой его привязанности.

Потому же самому и въ рѣчи моей къ Вамъ нѣтъ подробностей, нѣтъ и раздѣленія.

Конечно, бывши вмѣстѣ съ Вами я бы вполнѣ вкусилъ блаженство семейной и родственной жизни, блаженство, которое во всѣ дни отъ меня удалялось, и котораго цѣну я тѣмъ болѣе чувствую, чѣмъ ближе становлюсь къ послѣднему предѣлу. Но мы не одни въ мірѣ и отъ насъ сокрыто почему то или другое мѣсто намъ назначено. Конечно сердце, въ добрыхъ его стремленіяхъ не осуждается; но идти собственными своими путями оно не можетъ, потому что ни когда ихъ не приготовляло и не могло приготовить. Какъ бы оно сильно ни было, всегда будетъ носимо и удерживаемо окружающимъ его потокомъ, и одной ошибки достаточно, а несчастія и слишкомъ уже много, чтобъ сойти съ попутной струи и никогда на нее не возвратиться. Мудрецомъ никто не раждается.

Я здоровъ, хотя и чувствую какую-то слабость во всемъ моемъ составѣ.

Богъ да хранитъ тебя!—Это всегдашняя моя молитва. Прошу обнять за меня всю милую семью и привѣтствовать радостію Христова Воскресенія. Душа моя съ вами и встрѣтитъ первый о томъ возгласъ святой нашей церкви.

Батеньковъ.

20.

[Ей-же.]

Томскъ 24—26 Іюня 1849. Пятница / Воскресенье.

Одно изъ твоихъ писемъ (безъ означенія числа, съ деньгами 150 руб.) долго странствовало по случаю отсутствія отсюда Г. Губернатора и пересылки къ нему и отъ него; другое отъ 21 мая дошло въ одинъ конецъ изъ Омска безъ большаго замедленія. Итакъ оба получилъ я почти въ одно время. Эти письма особенно и крайне живо меня обрадовали, потому что долго ты молчала. Сердце легко тебѣ скажетъ какой праздникъ для меня письма моего безпримѣрнаго друга.

Въ наши лѣта не мудрено, что мы много говоримъ о мертвыхъ. Уже мы видѣли массы трехъ покслѣній и сколько изъ нихъ достигли запада? Сколько тутъ любезныхъ, сколько тутъ близкихъ? Признаюсь тебѣ, у меня есть своя философія мертвыхъ. Разумъ, самая юность статистики показываютъ и Писаніе свидѣтельствуетъ, что родъ человѣческій развился отъ немногихъ. Эти немногіе могли жить долго, занять все прошедшее время, окрѣпнуть душею, привлечь на себя и сосредоточить въ себѣ великій духъ; но Богу угодно было ускорить развитіе всѣхъ имянъ, всего сѣмяни, видѣть всю жизнь и въ добрѣ и злѣ: онъ наслалъ смерть и далъ разливъ множеству. Смерть и дѣйствуетъ до совершенія великаго цикля. Но духу изчезать и уничтожаться не свойственно; онъ идетъ въ свое собраніе и это собраніе, такъ называемыхъ мертвыхъ, въ наше время далеко уже превосходитъ всю возможность земнаго поколѣнія. Царствіе Божіе настанетъ, когда оба океана сольются; тогда и будетъ свѣтъ, конецъ сопряжется съ началомъ.

Красотъ въ Немъ сущихъ основанье
Въ единой мысли состоитъ;
На ней вращается созданье,
Всего, что вѣчность не вмѣститъ.
Сей полной мысли выраженье:
Конца съ началомъ сопряженье.
Чрезъ разложеніе въ числѣ
Раждается сія безбрежность,
Въ которой тонетъ даль и смежность,
Былъ, есть и будетъ какъ въ нулѣ.

Обращаюсь къ нашимъ мертвымъ, чтобъ почтить и возлюбить ихъ воспоминаніемъ.

Алексѣй Андрѣевичъ[1] выразилъ собою нѣчто Анти-схоластическое; сложность души. Старинные ученые крѣпко держались за простоту, по простому противоположенію рукотворной, матеріальной сложности, и не внимали сложности и различію дарованій. Тутъ мы съ тобою видѣли вопервыхъ умъ—это сосредоточенное произведеніе времяни съ его правою и лѣвою стороною, онъ взятъ былъ въ твореніи изъ одного вѣка, XVIII вѣка. Вовторыхъ сердце—это была глубина и широта, истинное благородство и вѣрность, взятое въ твореніи изъ дали среднихъ вѣковъ и проведенное чрезъ все послѣдующее время. Намъ и надлежало слиться, чтобъ плюсы и минусы уравновѣсились.

О твоей Лилѣ[2], объ этомъ разпускающемся цвѣткѣ, я имянно въ лишеніи, въ могилѣ ея и почерпаю поэтическое изъясненіе.

Вотъ видишь я самъ охотно говорю о мертвыхъ. Мы обязаны, живые, не потушать нашихъ къ нимъ чувствъ, особенно въ то время, когда люди слишкомъ уже какъ-то оземленели.

Вторая статья теперь о больныхъ и скучающихъ. Тѣмъ и другимъ лучшее лекарство — сочувствіе природѣ и извлеченіе изъ нея новыхъ силъ, сочувствіе самымъ духомъ. Я не думаю, чтобъ городъ удалялъ отъ этаго сочувствія, напротивъ въ немъ болѣе жизни, свѣтлѣе, и городъ для человѣка... устроеніе той же натуры. Вотъ почему я всегда радуюсь когда ты съ частію семейства переселяешься въ Москву. Эти мертвыя, рукотворенныя вещи, которыя насъ окружаютъ не могутъ ничего незначить для жизни; иначе онѣ не были бы прекрасны. Всякой гармоніи сопутствуетъ духъ и повиваетъ ее. Все наполнено силами творца, и хорошо написано: „Щедроты Его на всѣхъ дѣлахъ Его".

Ты пишешь о хозяйствѣ Николая Алексѣевича. Заведенный отцемъ порядокъ не можетъ быть слишкомъ ветхимъ и совершенно рутиннымъ, потому и хорошо что онъ ему слѣдуетъ. Но здѣсь надобно замѣтить два предмета: 1-е, добычу изъ земли. 2, пути и средства сбыта. Одно, какъ происходящее въ силахъ отъ насъ независящихъ, можетъ быть почитаемо, при всѣхъ улучшеніяхъ, постоян-

[1] [А. А. Елагинъ, покойный мужъ Авдотьи Петровны.]
[2] [Умершая дочь Авдотьи Петровны.]

нымъ, и ежели не увлечетъ приманка блистательныхъ выгодъ (столь нынѣ обыкновенная) къ средствамъ не весьма подручнымъ, то польза, хотя бы и съ переменками и затрудненіями, на долго будетъ обезпечена. Другое уже зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ людей и волею или неволею но можетъ внезапно перемѣнять направленіе и смыслъ. Вотъ и незнаю какъ простъ у васъ сбытъ. Не знаю также до Оки или и Окою, что имянно и въ чьи руки? Счастье, ежели молодой не имѣетъ еще нужды ни чего обдумывать, а это кажется такъ, судя по твоему письму.

Здѣсь я еще замѣчу, что какъ бы по нашей логикѣ заключеніе ни выходило точнымъ, но сама логика вмѣстѣ съ мыслію движется, и не отъ насъ зависитъ дать ей колоритъ а волѣ силу и свойство. По этому дѣти и не могутъ строго идти по слѣдамъ отцовъ. Въ нихъ самихъ есть Богомъ созданный эксцентрицитетъ, который рано или поздно произведетъ новый овалъ. Вотъ почему кажется мнѣ, что и тебѣ въ семействѣ не худо было бы кого нибудь ближе ознакомить и даже обогатить наукою въ современномъ хозяйства направленіи къ будущему. Для Василья Елагина, если онъ чуть склоненъ это было бы хорошо, а можетъ быть такую цѣль и Моллеръ уважитъ.

Теперь обращаюсь къ твоимъ заботамъ о моихъ нуждахъ. Я говорю крайнѣ откровенно и чистосердечно и желалъ бы чтобъ у тебя ничего не оставалось въ сердцѣ неяснаго.

Крайней нужды я вовсе не имѣю, и могу сносно жить такъ какъ теперь, развѣ только одряхлею и изкалечусь или судьба нанесетъ новый, столь же неожиданный ударъ. Но по чистой совѣсти я неимѣю никакой причины ожидать худшаго, тѣмъ болѣе, что твердо уповаю на Бога, чувствую его милость и благодаренъ за нее. Я не принимаю никакихъ восточныхъ преданій, но знаю по опыту, что ни отъ болѣзней ни отъ несчастія или простѣе, отъ произрастающаго въ громадахъ жизни зла, нѣтъ вѣрныхъ пред-ограждений, и выходъ отъ-туда вовсе скрытъ и загражденъ, и нелегко открывается самому чуду. Да правду сказать и нѣкогда намъ быть счастливыми, а еще менѣе умными. Шестьдесятъ лѣтъ—вотъ все. Эти десятки монетъ поденьщика никогда ему не позволяютъ проглянуть въ океанъ богатствъ.

Итакъ нѣтъ нужды; будь въ этомъ вполнѣ и несомненно покойна; но есть большія лишенія. Вотъ тутъ и стараюсь всѣми силами одолѣть ихъ чувство, и полагаю, что давно уже началъ чувствовать по крайней мѣрѣ независимость отъ излишества и умертвленіе въ себѣ прихо-

тей. Но прихоть ли то, къ чему влечетъ само естество?—Въ мои лѣта надобно бы имѣть гнѣздо... Надобно бы и имя, особенно доброе имя. Эта потребность уже не отразима. Всѣми силами стараюсь слиться съ семействомъ моихъ хозяевъ и къ счастію, къ особенному счастію, нашелъ въ нихъ мирныхъ, простосердечныхъ и добрыхъ людей [1]. Отсюда возникаетъ особенная для меня дѣятельность. Мнѣ хочется все время подарить имъ, отдать на службу весь опытъ и знаніе. Сперва переработывали мѣсто, осушивали, улучшали; теперь станемъ строиться и перестраиваться. Заводимъ и ферму.

Можешь понять, какъ досадилъ мнѣ неладный сосѣдъ, котораго мѣстишко намъ только и пригодно, да пригодно-то слишкомъ, ломитъ за него такую цѣну, что я вчера уже рѣшительно отказался перевернуть нашъ старый домъ, какъ избушку на курьихъ ножкахъ къ лѣсу задомъ, а къ людямъ лицомъ. И бросая прощальный взглядъ на церьковную площадку, беру въ руки шнуръ, чтобъ протянуть по прежнему глухому переулку. Нѣчего уже и говорить, что присланныя отъ тебя деньги тутъ намѣренъ убить, а благодарность мою раздѣлить новая моя сѣмья до самаго малолѣтняго. Изъ устъ младенецъ и ссущихъ и да совершится хвала.

Что-то замолкла моя Марья Васильевна и ты объ ней ни слова. Значитъ дни ровно текутъ. Однакоже ей надобно знать, что я съ великимъ удовольствіемъ получаю ея строки. Будучи ребенкомъ она рѣзко рисовалась въ моей молодости и часто меня переноситъ въ тѣ дни, когда еще мечта и разумъ владѣли мною черезъ-полосно. Лѣто у насъ непаче обильно мухами, не грибовно, безкомарно и не зело горяче. Громы часто... и теперь гремитъ.

Весь городъ въ разъѣздѣ. Прервался и преферансъ.

Тебѣ хочется знать и о моихъ привычькахъ.

Помнишь, что я всегда удалялся отъ мясной пищи. Теперь уже четверть вѣка совсемъ не ѣмъ мяса, даже рыбнаго. Питаюсь молошнымъ, хлѣбомъ и зеленью, здѣсь не слишкомъ роскошною. Но роскошны у насъ плоды; ибо бываютъ рѣдко, рѣдко у богатыхъ. Водокъ вовсе не пью, а вино люблю, и сей часъ передъ глазами рюмка Донскаго. Трубку не курю, а сигары. Гардеробъ соотвѣтствуетъ моему положенію и самымъ привычькамъ. Конюшни нѣтъ, а пользуюсь безвозбранно хозяйскою.

[1] Семьи Лучшевыхъ.

Ну вотъ ужъ написалъ тебѣ много—отъ избытка сердца уста глаголятъ.

Прощай мой доброй другъ. Богъ да благословитъ тебя на многія и многія лѣта.

Гавр. Батеньковъ.

21.

[Ей-же.]

Томскъ. Августа 11. 1849.

За тяжкими хлопотами я замедлилъ писать къ тебѣ, мой превосходный другъ. Что же это за хлопоты, спросишь ты? — Обыкновенное лѣтнее хозяйство, отъ котораго я частію отвыкъ, частію не привыкалъ и не имѣлъ вовсе на то возможности, а признаться не имѣю и потребнаго на то дара. Главное обижаетъ насъ вода. Величавая и быстрая Томь бываетъ крайне безпокойна въ весеннее вскрытіе. И въ обыкновенное половодье подымается на нѣсколько аршинъ, и проникая по лощинамъ неровнаго мѣсто-положенія нашего города потопляетъ многія домашнія строенія; когдаже при мелководье въ извѣстныхъ мѣстахъ между островами затретъ ледъ до самаго дна, тогда бываетъ дѣйствительный потопъ. Для этихъ десяти дней, обыкновенно холодныхъ и случающихся лѣтъ черезъ десять, при землѣ мерзлой какъ камень и не совсемъ разстаявшихъ снѣгахъ, доводится всѣ строенія возвышать или огораживаться невѣрными дамбами на большую длину и около двухъ саженъ. Часто нѣтъ никакой возможности удовлетворить оффиціальнымъ требованіямъ красоты и строго держаться первоначальныхъ плановъ и предположеній, съ ихъ смѣтами.

Все это задачи, ибо къ несчастію наше жилье примыкаетъ къ низменности и болоту, а пришла крайняя нужда много построить, и потому уже жаль оставлять далѣе и одинъ аршинъ земли въ пусте и негодности. Съ самой весны я каждый день въ земляной работѣ; а теперь сверьхъ того тянутъ въ разныя стороны плотники, каменьщики, кузнецы, фашинники, печники.

Отъ этихъ не совсемъ-то питательныхъ занятій голова моя теперь такъ пуста, что кромѣ театральной хроники изъ печатнаго міра ничего въ себя не беретъ и кромѣ ариѳметики ни чего изъ себя не изливаетъ. Между прочимъ странное дѣло открывается: Ста-

тистика не въ полномъ ладу съ Ариѳметикой. Статистическое вдвое, въ-трое далеко не то, что Ариѳметическое. Одна изъ этихъ наукъ дальше чиселъ именованныхъ нейдетъ, въ другой же и числа-то оживаютъ. Пропорція между ними выходитъ не простое число, а уже мысль, красота и слово. Правъ Пиѳагоръ, что гармонія не есть число. Смѣшно, а такъ—и соленіе огурцовъ—процессъ, а не движеніе.

Какая бы ни была жизнь и что бы ни предстало живое, всегда уже тутъ про́свѣтъ изъ бытія безчувственнаго и тяготѣющаго къ причинѣ его произведшей въ область воли; а воля только сама собою, первоначально и необходимо существуетъ. Какое же теперь отношеніе числа къ волѣ?—такое, что нѣтъ числа, ежели воля не выразитъ его формой.

Въ практикѣ это самое и производитъ молитву. Богъ для меня не отмѣнитъ законовъ природы, но для самаго меня получаютъ они смыслъ, единство и стройность, а степень свѣта, который въ дѣлахъ нашихъ обитать будетъ, уже и зависитъ отъ благословенія.

Ученые легко все изъясняютъ. Имъ нужно какъ нибудь смотать пряди на принятыя формы и огородиться отрицаніемъ и презрѣніемъ. Чувство всегда шире и не насмѣшливо.

Что-то вы дѣлаете? и что съ Вами?—Мѣсяцъ путь письма, мѣсяцъ послѣ полученія—и я ровно ничего объ Васъ не знаю. Тоска такъ и сосетъ.

Не знаю чему вѣрить, чему не вѣрить: много надобно ума, чтобъ разобрать это. Встревоженному сердцу отъ всякихъ пустяковъ больно и сна довольно, чтобъ больше встревожиться, а я на 15 Іюля видѣлъ объ Васъ дурной сонъ. Не думаю, чтобъ симпатіи мои такъ далеко телеграфировали чрезъ пространство, а все какъ-то будь-то покалываетъ и страшно. Ежели и для симпатій, во второмъ небѣ, существуетъ планета, то не мудрено, что лучи ея въ одно время соединяютъ отдаленное. Хотя невидимый міръ вѣковъ за XIX предъ симъ и имѣлъ своего Колумба, однакоже пространство, орбиты его и топографія доселѣ совсемъ не изслѣдованы, а это, не шутя, лишаетъ науку не только цѣлой половины, но и основанія.

Оканчиваю... потому что еще груснѣе стало. Обымаю всю твою семью. Иду въ поле за свѣжими силами.

Твой Гавр. Батеньковъ.

22.

[Ей-же.]

Томскъ. Сентября 8. 1849.

Довольно медленно отвѣчаю я тебѣ моя добрая Евдокія Петровна на послѣднее письмо отъ 13 Іюля. Причина тебѣ весьма извѣстна. Съ каждымъ отправленіемъ письма я затрудняю власти, и потому долженъ соблюдать въ этомъ крайнюю экономію. Такъ случилось, что я писалъ за нѣсколько сутокъ до полученія твоего письма.

Искренно и много благодарю тебя за начатое описаніе жизни покойнаго нашего друга [1] и представляемой чрезъ то картины семейнаго Вашего быта. Для сторонннхъ конечно тутъ ни чего нѣтъ интереснаго, а мнѣ все дойдетъ къ сердцу. Во время нашей разлуки цѣлое поколѣніе выдвинулось и окружило себя новыми отраслями. Чудно какъ течетъ эта великая рѣка. По математическимъ разсчетамъ казалось бы мнѣ, неподвижному, надлежало далеко отстать въ чувствахъ и мысляхъ, не понимать и не видѣть. Однако все тоже: есть вѣчное и неизмѣнное въ законахъ. Много прошло родовъ, много еще настанетъ; но всѣ увидятъ тотъ же востокъ, тотъ же западъ и пройдутъ черезъ одинъ зенитъ. Это движеніе тѣмъ только разнится отъ Астрономическаго, что въ немъ имѣются концы и начала. Отсюда умножаются понятія, умная жизнь представляется зиждемою; а духъ на землю наведенный и на всю вѣчность достаточный, отъ непрерывныхъ да будетъ и быть идетъ изъ неопредѣленнаго состоянія—

„въ твореньи простираясь новомъ".

Изъ этаго прогрессъ необходимо слѣдуетъ.

Шатки думы человѣческія о прогрессѣ, и это имянно потому, что человѣкъ самаго себя ставитъ причиною. Вездѣ, гдѣ ты умѣешь открыть слѣды провиденія — о, какъ ты проста и краснорѣчива. Кстати скажу, краснорѣчіе не ложно, хотя бы оно выражало не болѣе, какъ истинну страсти. Оно психическій фактъ; оно сила. Гдѣ нѣтъ краснорѣчія, тамъ упадокъ.

И такъ Жуковскій продолжаетъ странствовать. Ему и будетъ хорошо; ибо Европа близка уже къ покою. Это тѣмъ утѣшительнѣе,

[1] А. А. Елагинъ, мужъ адресатки.]

что мысль о переворотахъ исполнивъ свою мѣру, представляется въ будущемъ законченною, и вновь обращаться къ ней, значило бы обращаться къ понятіямъ устарѣлымъ и мертвымъ. Вотъ тутъ-то премудрость Божія и глубока. Для Россіи уже двумя моментами въ наше время наросла священная исторія. Если она пойдетъ живою вѣрою и обыметъ свое благополучіе; то можно убѣдиться въ вѣчной неколебимости. Тогда любовь къ отечеству будетъ категоріею, раціональною опорою въ наукѣ, и можетъ спасать временно и вѣчно.

Я люблю миръ и довольно его уже въ себѣ имѣю, потому не боюсь увлеченій. Терплю и мечты въ себѣ; но какъ бы то ни было, все же Россія то не мечта и можно любить ее. Океанъ этотъ великъ, и въ самомъ злѣ, которое для себя въ немъ встрѣчаемъ, можно чувствовать живую струю.

Весь нашъ Августъ былъ дождливъ и не тепелъ. Начало Сентября прекрасное; но по обыкновенію начались и морозы. Цвѣты въ садахъ отжили свой вѣкъ. Въ Елизавѣтинъ день сорваны послѣдніе букеты.

Домашніе наши работы, сколько позволяло краткое лѣто, хотя не безъ убытковъ, но приходятъ къ концу, или лучше сказать къ безпредному прекращенію на многіе мѣсяцы. Чрезъ нѣсколько дней начнемъ готовиться къ зимѣ, которую, не знаю уже почему, но я встрѣчаю безъ страха, вѣроятно сталъ привыкать. Морозъ дикое состояніе природы; по мѣрѣ приближенія къ нему жизни смягчается. Городъ представляетъ большую массу, которая, впадая въ неустроенную природу жизненнымъ элементомъ, удобряетъ ее и украшаетъ. Такъ и въ частномъ быту Эстетика и Геометрія обстройки жилищъ торжествуетъ надъ климатомъ. Кто-то сказалъ, что математика, заключивъ союзъ съ поэзіей, объ совокупно преобразятъ природу.

Но матерь точнаго Ученья
Представь ты намъ теперь свои
Великія произведенья.—
Въ законы углубись твои
Какъ бы въ глаголы прорицанья
Кривыя сводитъ начертанья
Художникъ съ своего пера...
Тутъ вникъ совѣтъ твой—отмѣчаетъ
На мѣстѣ камнемъ. Продолжаетъ—
И вотъ храмъ Римскаго Петра.

Стекайтесь дѣти просвѣщенья,
Стекайтесь любоваться имъ!
Какая стройность размѣренья,
Красивъ величествомъ однимъ.
Се, кровы вышняго Селенья!—
Стекайтесь дѣти просвѣщенья,
Стекайтесь любоваться имъ.
Вотъ въ наготѣ его искуство—
Вотъ новое создали чувство,
Которымъ Бога ощутимъ.

Тритонъ огромный и крылатый,—
Сей милый сынъ, любимецъ твой.
Какъ въ морѣ блещутъ его латы,
Лазурь отводитъ бѣлизной.
Цвѣтныя косы распускаетъ
И чорны кудри развиваетъ,
Играетъ бурями и льдомъ.
Кольцомъ на шарѣ вьетъ дорогу,
Кидаетъ рака къ Козерогу,
Страшнѣе тучь бросаетъ громъ.

Или вдругъ смѣлою рукою
Въ хаосъ я расплетаю ткань;
Надъ неустроенной Землею,
Держу вновь творческую длань...

Довольно. Старость не позволяетъ намъ долѣе держать духъ въ напряженіи, хотя мнѣ всегда легко, легче отраднѣе обыкновенныхъ дней, то время, когда меняюсь съ тобою чувствами. Теперь едва уже имѣю мѣсто сказать нѣсколько словъ остальной семьѣ.

Во первыхъ обымаю Машеньку [1], какъ друга особенно близкаго сердцу. Николинька вѣрно теперь и обо мнѣ молится. Петръ Васильевичь, Вася, Катя—всѣ они всегда со мною. Особенно желалъ бы я чтобъ ты поблагодарила за родственныя ко мнѣ чувства Наталью Петровну; Ивану Васильевичу больше всего желаю здоровья.

Прости мой безцѣнный другъ. Богъ да хранитъ тебя.

Навсегда съ тобою душа
Гавр. Батенькова.

[1] [Машенька, Петръ Вас., Иванъ Вас. — Кирѣевскіе; Николинька, Вася, — дѣти Авдотьи Петровны отъ А. А. Елагина; Наталья Петр. — жена Ив. Вас. Кирѣевскаго.]

23.

[Ей-же.]

Томскъ 11. Января 1850.

Не знаю какъ и благодарить тебя, моя добрая сестра, за нѣжное обо мнѣ болѣзнованіе. Развѣ мало у тебя заботъ, что еще и я лежу на твоемъ попеченіи? Ты еще извиняешся! и чуть не оправдываешся: только ты и можешь это сдѣлать такъ без-обидно.

Недугъ мой не былъ столько важнымъ какъ показался. Это ничто иное какъ припадокъ, послѣдствіе другаго, бывшаго въ дѣтствѣ отъ испуга. Тотъ только и былъ въ свое время значительнымъ. Только изъ предосторожности не выходилъ я теперь изъ комнаты цѣлый мѣсяцъ. Больше уже нечего и говорить объ этомъ.

Другая напасть настойчивѣе и продолжительнѣе. Зима у насъ лютая. Морозы начались вскорѣ послѣ Николы и доселѣ не было оттепели менѣе двадцати градусовъ. Сегодня тридцать три. Это меня держитъ точно подъ прессомъ и двигаться свободно не въ силахъ. Примѣтно однакоже менѣе страдаю, нежели въ первые годы. Примѣнился немного жить.

Такая погода имѣетъ свою величавость. Воздухъ густъ, какъ бы маслянистъ и совершенно спокоенъ. Солнце въ радугахъ; все покрыто алмазами; птицы летаютъ низко; лица румяны; пусто и тихо. И въ это-то время напала на нашъ городъ корь, похитила многихъ дѣтей, поражала и старыхъ. Но я не люблю долго останавливаться... на печальныхъ картинахъ жизни. Все же болѣе на насъ милости Божіей, нежели гнѣва...

Можетъ быть мѣра добра не для всякаго поколѣнія одна и та же, и ежели прогрессивный оптимизмъ, по всеобщей экономіи провиденія, не сомнителенъ, все же этимъ не исключается цикль и мѣра въ разпредѣленіи: и горы и долины суть отраженіе красотъ того же духа. Въ нашъ вѣкъ много разумнаго познанія: надлежало бы думать что умъ просвѣтлитъ и разширитъ чувство. Но оно становится мельче, тускнетъ и слабѣетъ. Господи сохрани сколько было громкихъ событій, но слѣдъ ихъ не болѣе какъ слѣдъ простаго движенія. Не возникъ ни одинъ глубокій характеръ, не просіяло имя, которое бы можно было помнить безъ усилія. Дѣла прошумѣли съ-тылу, и Лотовой женѣ ни чего не осталось болѣе какъ оглянуться на Со-

домъ. А будущее?—Его не освѣщаетъ никакая звѣзда и кажется оно стало еще болѣе непонятнымъ.

Грудь моя еще не совсемъ остыла, въ тяжкій и величественный 12 годъ возмужала она, и полна святыни его чувства. Я желалъ бы вознестись воображеніемъ на самую твердь, и взглянуть на духовный кордирьеръ нашего отечества. Какъ теперь онъ представляется въ мірѣ, высоки ли его пики, далеко ли лежитъ отъ океановъ и не безплоденъ ли надъ громами?

Какимъ огромнымъ великаномъ
Я зрю тебя Россія мать!—
Пол-міра облегла ты станомъ,
И не перестаетъ сіять
Въ твоихъ удѣлахъ дня свѣтило,
И море синее повило
Фатой волнистою тебя.
Ты опоясалась хребтами,
И снѣговъ вѣчныхъ сѣдинами
Покрыла, древняя, себя.

Вѣетъ изъ сѣверныхъ сіяній
Почіетъ на челѣ твоемъ;
Какъ очи, полныя познаній,
Такъ сопки блещутъ ихъ огнемъ.
Какъ жилъ для боя напряженье,—
Великихъ рѣкъ въ тебѣ теченье;
Въ громахъ лишь слышенъ голосъ твой.
Кристалловъ соли напиталась,
Металловъ квасомъ напоилась—
Полкругомъ видима луной.
Подъ гребнемъ зубчатымъ норвежскимъ,
Виситъ финляндская коса.
. . . . . .
„Я русской: гордо бьется грудь
„При имени Россіи".

Все такъ; но не прежде, какъ пока вся эта громада обратится по истинѣ въ живую вѣру Богу, можемъ мы совершить вѣчное наше назначеніе.

Но мы ли тотъ народъ, котораго ожидаетъ столь великая судьба—неизвѣстно; и въ этомъ священномъ мракѣ самое гордое чувство разстворяется благоговѣйнымъ сомненіемъ.

Но пора кончить: лишь прочтешь эти строки, легко примѣтить можешь, что писалъ ихъ человѣкъ удаленный, уединенный, а я прибавлю еще и замерзшій. Можетъ быть ты еще и ближе схватишь картину моего бытія... въ этой-же картинѣ, обрисованной безъ намѣренія, вотъ уже чистый оптимизмъ.

Отъ старости что ли, слова, а особливо частицы безпрестанно повторяются. Попробую такъ и писать: можетъ быть сдѣлаю психическое изслѣдованіе.

Такія изслѣдованія обязанность стариковъ.

Рацiональная истина никогда не можетъ быть опасною и непріятною. Она не вредитъ ничьимъ интересамъ, а объясняетъ ихъ общимъ выраженіемъ.

Опасна бываетъ истина практическая: она касается личныхъ тайнъ; дѣлаетъ гласными, а рѣдко исправляетъ человѣческіе недостатки.

Я хорошо знаю, что даръ слова имѣетъ свою волю. Съ этой стороны трудно наблюденіе; но есть привычки и вклады памяти, которыя можно анализировать; есть запасы, объясняемые біографіей и въ свою очередь объясняющіе біографію.

Одно и тоже повтореніе словъ: въ силѣ бываетъ красотою; въ слабости безграмотствомъ. Вотъ почему смѣшны стариковскія претензіи, и какъ легко имъ привычьку принять за поэзію! У нихъ бы и должно быть контролю собственнаго чувства: такъ, да жизни-то не достаетъ. Вообще въ старости надежнѣе жить умомъ. Но и тутъ опять страшное нашествіе. Сами мысли повторяются, и не возходя отъ повторенія въ высшую степень, производитъ совершенную (нѣтъ не хорошо, сущую) безтолковщину.

Разширивъ понятіе, это можно приложить и къ послѣдовательности поколѣній, и тутъ начинается пестрота. Прогрессъ смѣшивается то съ импровизаціей, то съ не примѣченнымъ одряхленіемъ. Вотъ почему языкъ, наука, самый организмъ общежитія жаждутъ обновленія. Едва ли въ нашъ вѣкъ и китайцы устоятъ въ своей колеѣ. Есть признакъ совершенія какого-то великаго цикля въ жизни. И въ самомъ дѣлѣ пора уже ей имѣть свой экваторъ.

Я люблю воображать твердь. Въ чемъ нибудь укрѣпленно же наше .. я. Въ отношеніи къ внѣшнему пространству оно при всякомъ движеніи неподвижно, при всякомъ разстояніи близко. Взгляни на зеркало. Велика и разумна разница между бытіемъ за твердію и бытіемъ надъ твердію. Ну! Если нѣчто подобное существуетъ и въ строеніи м[illegible]ра...

Какъ бы тогда просто было наукѣ отнести жизнь къ матеріи;
изъяснить разнообразіе субстанцій;
выразить различіе движеній;
опредѣлить мѣсто силамъ и разумѣть ихъ существо;
изъяснить могущество свѣта, существо сіянія;
мыслить строго о бытіи географическихъ линій, о точности небесныхъ аспектовъ и самыхъ ихъ вліяній;
объяснить явленіе тѣни отъ предмѣтовъ; ибо въ безконечномъ пространствѣ, безъ тверди, онѣ смѣшивались бы, не могли сохранить порядка и изчезали;
въ строй привести теорію, цвѣтовъ, звуковъ, уханій;
даже освободить отъ физики Богомысліе.

Меня всегда сбиваетъ съ толку это ни мало неизслѣдованное пространство, наполненное такимъ множествомъ міровъ, что въ немъ изчезаетъ всякое понятіе пользы созданія, и совершенно противно чувству, изчезаетъ всякая возможность разумнаго бытія. Математика такъ много на себя нагромоздила, что едва и пищитъ подъ тяжестію собственнаго своего созданія. Въ молодости я любилъ систему Ламберта, но примѣтилъ, что она не возвышаетъ столько чувства, сколько простое зрѣлище горныхъ высотъ.

О Ѳеодосія! священнымъ
Ты вѣчно храмомъ будешь мнѣ.
По высотамъ къ тебѣ склоненнымъ,
Какъ Моисею въ Купинѣ
Призывный огнь мнѣ возгорѣлся,
Въ полетъ имъ къ небу я нагрѣлся,
Узрѣвъ въ кольцѣ его концы
И моря и земли волненье.
Мнѣ указало вдохновенье,
Денницы гаснувшей вѣнцы.

Конецъ. Прошу тебя поцаловать Марью Васильевну, пожать руку Николаю Алекс. при свиданіи поблагодарить за память обо мнѣ Ивана Васильевича и Наталью Петровну. Они вѣроятно въ Долбинѣ. Странно, что Катя до сихъ поръ не поправилась: вѣрно уже ей не судьба побывать нынѣшнюю зиму въ Москвѣ.

Три ста рублей я получилъ.

Прощай мой не оцѣненный другъ. Вся душа моя съ тобою.

Гавр. Батеньковъ.

24.

[Ей-же.]

Среда на Пасхѣ 1850. Апрѣля 26 Томскъ.

Христосъ воскресе! Этимъ радостнымъ словомъ мнѣ нельзя тебя не привѣтствовать, моя добрая сестра, оно сближаетъ наши души и проливаетъ въ нихъ обильный свѣтъ вѣры, надежды и любви.

Велико милосердіе Божіе! Ну что еслибъ мы при нашемъ развитіи чувствъ и разума, въ наши тяжкіе вѣка, оставались доселѣ въ языческомъ служеніи... Вотъ ужъ подлинно были бы бѣдны и суетны, и не бывъ безбожниками, были бы безбожны.

По простому взгляду на всеобщее веселіе, по не обходимой потребности въ успокоеніи ума въ нынѣшнемъ его разливѣ, еслибъ мы вовсе не слыхали о Воскресеніи Христовомъ,—Геній указалъ бы, что прославленіе Богомъ хотя одного лица, хотя одного имяни, въ исторіи дѣйствительно не достаетъ, и кругъ ея ни чѣмъ инымъ сомкнуть быть не можетъ. Не зная въ небѣ неподвижной точьки мы бы носились въ пространствѣ какъ капли воды въ морѣ, и не имѣя понятія о возвратахъ, не могли бы сдѣлать употребленія изъ своего разума. Теперь также имѣемъ и нравственную опору въ небѣ, при которой всѣ языческіе миѳы и всѣ различныя вѣрованія стали быть небезсмысленны. Чаяніе царствія Божія во всей природѣ, то есть дѣйствія Его въ ней, по понятнымъ намъ и согласнымъ съ бытіемъ нашимъ законамъ, подъ верьховною его волею,—все изьясняетъ, представляетъ исходный пунктъ и основаніе уму, и вводитъ его въ обѣщанный покой. Къ труду ли обратимся, въ страданіи ли являемъ терпѣніе, властвуемъ или повинуемся—все это ни на чомъ другомъ основать невозможно. И такъ привѣтствую тебя и цалую, съ полною увѣренностію, что Христосъ во истинну воскресъ.

Съ окончаніемъ зимы и я ожилъ, почти помолодѣлъ. Передъ тѣмъ раны мои начинали багровѣть, и я крайнѣ опасался, чтобъ онѣ не открылись. Здѣсь точно уже оставался бы безъ всякой помощи. Лечить такаго свойства болѣзнь и такъ застарѣлую едвали кто съ увѣренностію взялся бы; минеральныя воды далеко, и доступъ мнѣ къ нимъ труденъ. Что-то окажетъ будущая зима, а до того времяни перебиваться буду попрежнему купаньемъ въ Томи, которая имѣетъ еще силу избавлять меня отъ глухоты. Съ этой стороны струи

ея благотворны, но худо то, что при нынѣшнемъ вскрытіи отъ льда совсемъ насъ затопила. Въ Страстную пятницу вода очень высоко поднялась и оставила въ нашемъ домѣ не болѣе пяти саженъ сухаго мѣста. Въ обѣдъ того дня упала аршина на полтора и въ субботу прибыла почти столькоже, опять съ полудня начала убывать, и теперь уже ее немного. Наше мѣсто самое низкое въ городѣ, но по многимъ причинамъ не хочется его бросить. Послѣ праздника примемся опять за работу и въ нѣсколько лѣтъ усильнаго старанія что нибудь да успѣемъ. Я былъ свидѣтелемъ Петербургскаго наводненія 824 года и ты вѣрно помнишь какое глубокое и мрачное сдѣлало оно на меня впечатлѣніе. Это чувство повторилось и теперь. Пожары страшны; потопы убійственны. Въ первыхъ люди кажутся живыми и дѣятельными зданія разрушаются съ красотою и величествомъ; въ послѣднихъ люди унылы, безъ жизненны, и потопленное сооруженіе кажется плачущимъ.

Не знаю самъ для чего я и пишу объ этомъ. Пожалуй наведу еще грусть. Ты уже и такъ много обо мнѣ заботишся, и я боюсь, что дѣлаю тебѣ тяжесть. Перестань и думать, что мнѣ много нужно. Пожалуйста перестань. Отъ нищеты и упадка Духа да сохранитъ насъ Господь, а жизнь на половину съ нуждами и трудомъ я очень люблю, лишь бы не свалиться въ дѣйствительный цинизмъ. Сибирь имѣетъ чудное свойство: климатизировать всѣхъ кто въ нее какъ нибудь попадетъ; стоитъ перешагнуть единожды за Уралъ, тотчасъ и прильнетъ названіе Сибиряка надолго, на всю жизнь, хоть уѣзжай за море. Можетъ быть это есть общее свойство пустыни, и нѣчто подобное примѣтно за Кавказомъ, въ Новороссіи, въ Тавридѣ. Но я здѣсь родился и окрѣпъ: все кажется около меня новымъ и всѣ воспоминанія уснули или преобразовались; однакоже основаніе чувства не измѣнилось. Великая, широкая и грозная здѣшняя природа поглощаетъ всѣ особенности и имѣя явное свойство первозданнаго покоя, являетъ въ немъ отличительную черту отъ прочихъ странъ. Мы не въ Европѣ, даже не въ Россіи; но никогда не было мысли, что составляемъ ея колонію, хотя этнографически это не оспоримо. Исторія Сибири проста и раціональна. Сначала богатые звѣриные промыслы были главнымъ двигателемъ и произвели сѣверное населеніе, сѣверные пути; потомъ соприкосновеніе съ Китаемъ на протяженіи трехъ тысячь верстъ, безопасною и мирною границею, съ покойнѣйшею изъ всѣхъ странъ земнаго шара, хотя

въ немногихъ пунктахъ но изливающею достаточное богатство и транзитомъ его оживляющее необъятную страну. Далѣе разработка серебряныхъ рудъ, сближеніе съ кочевыми пастушескими народами и съ промышленностію средней Азіи населили южную часть. Наконецъ золотые пріиски соединили Югъ и Сѣверъ и стерли Азіатскій характеръ. Въ прошедшемъ столѣтіи (въ концѣ его) востокъ получилъ сильное развитіе по случаю присоединенія Американскихъ острововъ. Всѣ нити нашихъ богатствъ стекаются тамъ въ одинъ узелъ и орбита Сибири явно означила оба свои фокуса. Въ Перигеѣ (относительно Россіи) разтетъ ея народонаселеніе; въ Апогеѣ матеріальный баластъ и точька опоры всѣхъ дѣлъ. Въ цѣломъ — это маховое колесо для движеній неизмѣримаго нашего отечества и необходимая черта его величества.

Сибирь на рамо опираясь
Приосѣняетъ благодать.
Порфирой полной простираясь,
Кладетъ величія печать.
Ея воскраія — граниты,
Ея нарамникъ—мѣхъ открытый.

Прошу поздравить и во имя воскресенія Христова поцаловать за меня всю твою семью. Марью Васильевну, Катю и супруга ея, Николиньку; съ полною семьею Ивана Васильевича, и одинокаго Петра.

Остаюсь здоровъ и дышу прекраснымъ весеннимъ воздухомъ.

Гавріилъ Батеньковъ.

25.

Графу А. Ѳ. Орлову.

[Черновая.]

Іюля 1850.

Великъ лежитъ на мнѣ долгъ благодарности за великодушное воззрѣніе Вашего сіятельства на мою судьбу. Чрезъ Васъ возстановлена возможность счислить ее въ добро и смотрѣть мнѣ на всѣ свои страданія, какъ на совершающіяся въ виду свѣтлой власти, могущей опредѣлить ихъ мѣру и оцѣнить неограниченную покорность ея волѣ.

Такъ и провелъ я здѣсь четыре съ половиною года испытанія, послѣ тѣхъ двадцати лѣтъ, которыя необходимо должны были очистить душу и освятить.

Оживленный, успокоенный и снабженный вашимъ Сіятельствомъ въ первыхъ потребностяхъ вновь начатой вами мнѣ жизни, я пріобрѣлъ навыкъ и самую обязанность мыслить, что благородному Вашему сердцу не свойственно однимъ актомъ добраго дѣла отсѣкать отъ себя всѣ его послѣдствія.

На такомъ основаніи пріемлю смѣлость представить вашему Сіятельству искреннее изложеніе моихъ нуждъ.

Въ Сибири я надѣялся найти родной воздухъ, а можетъ быть и дѣло къ покрытію насущныхъ потребностей. Въ первомъ отношеніи жестоко обманулся. Вся жизнь не здѣсь проведенная произвела рѣшительную отвычьку въ старости отъ суроваго климата. Въ продолженіе краткаго лѣта я бывалъ здоровъ; но съ наступленіемъ осени весь обращаюсь въ болѣзнь, многія раны полученныя въ сраженіяхъ противъ французовъ; предразположеніе къ цынготнымъ, апоплексическимъ а частію нервнымъ и душевнымъ недугамъ особливо при морозахъ зимою, проницающихъ чрезъ всякое жилище, и при недостаткѣ медицинскихъ пособій, мучатъ меня и изтощаютъ.

Сибирь обширна и не однимъ климатомъ ограничена. Болѣзненный человѣкъ на волѣ можетъ и въ ней находить лучшее, по крайней мѣрѣ въ перемѣнѣ мѣста; можетъ нуждающійся въ содержаніи приискать себѣ занятіе. Эти выгоды до меня не относились и я долженъ ѣсть печальный хлѣбъ казеннаго и частныхъ пособій. Бездѣйствіе мнѣ не по природѣ, оно теснитъ душу и разлучаетъ съ силами. Заключенный въ стѣнахъ города неимѣющій никакихъ гражданскихъ правъ никакой собственности, я могу трудиться только уныло и не для себя.

Служба мнѣ одна возможна — Гражданская. Но я редакторъ здѣшнихъ законовъ и многія установленія мною изобрѣтены и названы [1]. Въ ходѣ дѣлъ течетъ мое собственное слово, Страшно стопою цинизма вступать въ это святилище. Предпочитаю совершенно уничтожиться.

Еще одно обстоятельство тяготитъ меня. Все что я ни имѣлъ

[1] [Намекъ на дѣятельное участіе Батенькова въ выработкѣ административныхъ реформъ, предпринятыхъ Сперанскимъ въ Сибири.]

прежде взято въ казну, а я оставилъ не обезпеченные долги, обыкновенные по счотамъ. Слѣдовало бы ихъ заплотить.

Прибѣгаю къ вашему Сіятельству съ докукою о новомъ за меня ходатайствѣ. Оно того же свойства какъ и первое: сохранить мнѣ жизнь. Смѣю увѣрить, что она таже и съ тѣми же чувствами, которымъ счастливые мои сверстники имѣли возможность пріобрѣсть столь блистательное развитіе.

Сближеніе средствъ содержанія съ условіями лучшаго климата, возможность заработать сдѣланныя мнѣ одолженія. Вотъ что составляетъ теперь мое желаніе. Прошу позволенія мнѣ жить въ родственномъ семействѣ, въ Тульской губерніи, и если потребно точнѣе въ городѣ Бѣлевѣ и его уѣздѣ[1]. Этимъ благодѣяніемъ Вы бы еще разъ меня воскресили.

Сіе мое желаніе и предаю милостивому благоусмотрѣнію вашего сіятельства, въ настоящій часъ всеобщаго благоденствія и радости.

Опасно возбуждать въ себѣ стремительныя чувства. Но обнажая себя предъ Вашимъ Сіятельствомъ я увлеченъ пріятностью не имѣя никакого предостереженія. Переношусь на минуту въ ту высокую стихію гдѣ полагалъ мой рай и гдѣ находилъ родственные привѣты.

Въ крестѣ моемъ много темныхъ мѣстъ. Таже самая десница, которая его возложила не разъ помогала мнѣ снять его или нести. Ужели это можетъ быть забыто или отемнѣно? Насильно судьбою я низвергнутъ. Баснь и кара и совершившіяся событія, еслибъ я былъ хотя единожды спрошенъ, могли бы изъяснить мое поведеніе, и ясновидѣніе принадлежа состоянію необычайному это мѣсто не на той степени было на которой судиться[2]. Въ нынѣшнее время такой разительный опытъ въ жизни могъ быть и обширно употребленъ въ пользу дѣлъ науки и мысли, по простой экономіи въ людяхъ.

Въ сихъ послѣднихъ строкахъ, я представляю моимъ извиненіемъ единственно неограниченное и неизмѣнное въ самой глубинѣ души моей къ особѣ вашей почтеніе и любовь.

Въ царствѣ необходимъ элементъ чудеснаго. Отъ презрѣнія его народы разстраиваютъ и теряютъ свои правительства, лишаясь практическаго признанія бытія Божія, единственной ихъ опоры и связи

[1] [Т.-е. въ семьѣ Елагиныхъ.]

[2] [Вся эта фраза нѣсколько разъ переправлена, и конецъ совершенно неразборчивъ.].

Уповая что всю даль до моего состоянія наполняетъ сіяніе вашей доброты.

Непонятенъ гнѣвъ.

Всѣмъ извѣстно что въ существѣ вина моя ближе подходитъ подъ народную пословицу: „былъ на Иванѣ Великомъ, а птицы не согналъ".

26.

[А. П. Елагиной.]

Сентября 18. 1850. Томскъ.

Получилъ я твое письмо мой почтенный и добрый другъ отъ 10-го Августа. Намъ нѣчего считаться отвѣтами; они безъ всякаго сомнѣнія всегда пишутся и всегда доходятъ. Точно такъ было, что я долго не имѣлъ объ тебѣ свѣденій, но зналъ, что причина этому мѣстная. Здѣшній Гражданскій Губернаторъ, по званію Главнаго начальника Алтайскихъ горныхъ заводовъ, отлучается съ весны въ Барнаулъ и заводскую округу, тогда и случается, что письма изъ Омска проходятъ къ нему, и чрезъ то теряется нѣсколько недѣль. Включая же время, требуемое разстояніемъ между нами, выходитъ полныя два мѣсяца въ одинъ конецъ. Вотъ тутъ и не легко, когда порвется на какомъ нибудь извѣстіи о болѣзни и разныхъ трудностяхъ семейной жизни.

Пріятно слышать, что наши крымскіе купальщики извлекли достаточную пользу изъ своей поѣздки. Если они еще тамъ, то позволь мнѣ имъ позавидовать. Знаю, что цѣлыхъ два мѣсяца они будутъ пользоваться живительною природою, тогда какъ наша съ 1-го Сентября, точно уже по индикту, накинула на себя сѣрую мантію съ бѣлыми лентами и пожелала доброй ночи до будущаго Іюня. Что же читаю въ твоемъ письмѣ?—жары въ 25 и 27°. Суди сама легко ли управляться съ такими аномаліями, даже воображеніемъ.

Ты стала въ каждомъ письмѣ упоминать и о Натальѣ Петровнѣ (прежде всего кланяюсь ей). Я и предвидѣлъ это, стоило только въ самомъ дѣлѣ заболѣть, чтобъ материнское сердце, и еще такое доброе какъ твое, обильно излило глубоко затаенное въ немъ чувство. Вотъ и этотъ послѣдній эксцентрицитетъ въ твоемъ семей-

ствѣ сильно укоротился, и вѣрно скоро вся система, около тебя, своего средоточія, будетъ двигаться по одному закону [1].

Мѣсяцъ прожилъ я въ новомъ моемъ жильѣ радостно, и какъ будто чувствую себя легче, крѣпче и моложе. Не чего много доискиваться: пространство, свѣтъ и воздухъ намъ необходимы, а я долго, долго получалъ ихъ гомеопатическую дозу. Благодарю тебя, милая сестра. Безъ твоего ангельскаго обо мнѣ попеченія мнѣ трудно было бы и овладѣть частью хозяйскаго болота и осушить его, прочее же мѣста въ городѣ по чудовищной цѣнѣ ихъ вовсе недоступны. Правда я не имѣю и теперь ничего собственнаго, но Провидѣніе видимо помогло мнѣ и я слабо чувствую это лишеніе. Шестидесяти пяти-лѣтній мой хозяинъ добрый христіанинъ, добрый гражданинъ, добрый отецъ семейства,—говоря свѣтскимъ языкомъ, случайно, на двѣ недѣли только принялъ меня подъ тѣсную, старинную свою кровлю и подѣлился необходимымъ ему помѣщеніемъ. Это было въ то время, когда всѣ отъ меня побѣжали, а я отвыкъ и не умѣлъ даже купить на рынкѣ чернаго хлѣба. Онъ почувствовалъ сердечную мою теплоту и приселилъ къ себѣ. Повторю, все это случайно, не свѣтски, а по моей вѣрѣ—перстъ всемилостивѣйшаго Бога.

Производя хозяйскую работу, я имѣлъ случай видѣть, что быстрое развитіе индустріи требуетъ многаго и очень многаго времени, чтобъ укрѣпиться; увѣрился, что наука неодномѣтное растеніе. Все что мы выиграли эстетически и спекулятивно, теряемъ въ экономіи и прочности. Работникъ тщится ставить дѣло на лицо и не щадитъ матеріаловъ. На примѣръ въ лѣсахъ у него нѣтъ обрубковъ; на каждый клинъ давай новое дерево, или разсчитай и отпусти. Не могу и не хочу иначе — вотъ и весь отвѣтъ. Я принужденъ былъ внушать, что строительные матеріалы такой же даръ Божій, какъ и хлѣбъ, — и если считается за грѣхъ бросать подъ ноги кусокъ и даже крошку, для которыхъ зерно ежегодно произрастаетъ, то не надобно ли усилить еще чувство благоговѣнія и благодарности къ Творцу, когда потребляешь лѣсъ, во многія десятилѣтія Имъ взлелѣянный и лишеніе котораго, особливо здѣсь, угрожаетъ бѣдствіемъ худшимъ голода. Непріятно, что досюда не простерлось религіозное чувство, столь свойственное нашему народу. Это открытіе, что по-

[1] [Между А. П. Елагиной и ея невѣсткой, Нат. Петр., женою И. В. Кирѣевскаго, отношенія были не хороши.]

печеніе о благѣ будущихъ поколѣній состоитъ въ разумномъ употребленіи даровъ, принимаемыхъ отъ лица живаго Бога, и потому уже отнюдь не съ пренебреженіемъ и злоупотребленіемъ,—объемля этимъ правиломъ совокупно дары матеріальные и душевные.

У насъ и второй Тоновской конструкціи Соборъ не устоялъ. Кажется я писалъ уже, что куполъ упалъ въ Томскѣ 26 Іюля. Можетъ быть самая консепція геніальнаго художника не сообщима исполнителю, вышедшему не изъ его школы; можетъ быть также качество здѣшнихъ матеріаловъ и жестокій климатъ физическимъ ихъ дѣйствіемъ одолѣваютъ геометрическій строй и разстроиваютъ равновѣсіе. Велика еще задача для науки и много ей потребно жизни. О, какъ трудно привести ее всю къ понятію Божія бытія. Сказать легко, что тутъ Божіе наказаніе, Божій гнѣвъ; но чтобъ это было разумно, надобно еще найти такой грѣхъ, который бы влекъ за собою полную мѣру законовъ природы, дабы судящая воля могла стать свободно выше ихъ. Оно такъ какъ-то, но точно непостижимо. Намъ остается въ такихъ катастрофахъ видѣть только и безъ того бѣдную сторону нашей слабости и невѣжества.

Медвѣдя, который насъ цѣлое лѣто безпокоилъ, солдаты и охотники убили. Страшный и дерзкій былъ звѣрь. Замѣчательно, что передъ смертью изломалъ онъ человѣка, который пошолъ воровать лошадей. Любопытно должно быть въ судѣ показаніе. Много также говорятъ о разкаяніи довольно безнравственнаго лица, которое Богъ привелъ къ этому почти чудомъ. Это упавшій съ самаго верьха купола и не сокрушенный громадою камня и дерева. Полной кажется урокъ, но достанетъ ли силъ имъ воспользоваться.....

Сердце человѣческое вода. Брось камень — она дастъ многочисленные и рѣзкіе круги. Но скоро все утихнетъ и не можетъ вещество повторить явленія изъ самаго себя, собственными силами.

О Марьѣ Васильевнѣ и аскетической ея жизни много бы мнѣ хотѣлось поговорить съ Вами; но діалектика моя все какъ-то не готова. Я испыталъ это настроеніе души, въ которомъ кажется, что изъ міра одинъ только шагъ стоитъ сдѣлать, и послѣдуетъ совершенное отъ него отрѣченіе. Нѣтъ; міръ не башмакъ, съ ноги не сбросишь. Куда проходитъ воздухъ, пройдетъ и міръ, вездѣ свѣтское гдѣ есть свѣтъ, и что могутъ тутъ толстыя монастырскія стѣны и самый нахлобученный клобукъ? Кажется простѣе въ мірѣ и искать его Творца. Какъ въ обыкновенныхъ проѣздахъ остаются въ насъ

неподвижными память, разумъ, воображеніе; такъ и благочестіе, по мѣрѣ его въ душѣ содержанія, пребываетъ и среди треволненій жизни, со всею удобностію къ развитію. Мы ищемъ изключительный даръ святаго духа, но прежде должны знать, что все твореніе свято. Искомый даръ не есть категорія, а нѣкая поляризація. Онъ покой; умъ и воля. Склонность къ аскетизму есть какая то потребность въ изключительномъ дѣлѣ въ изключительной заслугѣ и если ограничиться одними размышленіями благочестивыми то всего опаснѣе. Дѣятельный умъ непремѣнно впадетъ въ скептицизмъ; умъ слабый обымется суевѣрнымъ страхомъ. Жизнь, въ самомъ простомъ значеніи слова, и отрицаніе того, что ведетъ къ смерти, есть лучшее угожденіе Богу, и по разуму и по буквѣ Евангелія. Тогда только и самопожертвованіе, разумѣется въ важныхъ случаяхъ, имѣетъ полную цѣну.

Прощай мой несравненный другъ. Въ бесѣдѣ съ тобою все мое утѣшеніе. Господь да хранитъ тебя на долго и долго — на всегда.

Твой Гавріилъ Батеньковъ.

27.

[Е й - ж е.]

Томскъ. 2. Декабря 1850.

Зима наша до 25 Ноября была довольно сносною, при томъ же и покой, который я занимаю въ новомъ домикѣ вышелъ очень теплымъ, а зимнею одеждою я обзавелся. Не думай, однакоже чтобъ это здѣсь было уже очень легко. Напротивъ; получаютъ сюда мѣха изъ столицъ и даже изъ Польши; грубый матеріалъ есть, но недостаетъ рукъ и искуства для обработки. Особенно грѣетъ меня прекрасная волчья шуба, которою снабдили при отъѣздѣ изъ Петербурга и за которую каждый день благодарю и каждый день утѣшаюсь мыслію, что были и есть еще на свѣтѣ добрые люди.

Итакъ здоровье мое, вопреки всѣмъ опасеніямъ, въ хорошемъ состояніи. Мужественно перенесъ я наступившій и продолжавшійся до вчерашняго дня 20—30° морозъ, законный первенецъ нынѣшняго года. Но у насъ еще въ переди кадеты его: спиридоновскій, рождественскій, Крещенскій, Аѳонасьевскій, Сретенскій, Обретенскій.... и такъ не благоразумно еще хвалиться побѣдою и покоемъ.

Твой бюллетень о состояніи юной части семейства, прервался

черноморскою невзгодою, и ты, вѣроятно въ хлопотахъ радости, не здержала слова о благополучномъ возвращеніи странниковъ извѣстить меня. Отъ насъ Ялта, посредствомъ Крымской лихорадки, вытребовала благородную жертву. Мы лишились И. Д. Асташева, (брата извѣстнаго лица той же фамиліи), отставнаго флотскаго капитана, человѣка среднихъ лѣтъ, по превосходству добраго и почетнаго. Онъ ѣздилъ лечиться морскими водами и нашелъ въ Симферополѣ гробъ, на обратномъ уже пути. О, это гробъ! Человѣку въ наши лѣта онъ тянется черезъ всю жизнь длинною и непрерывною аллеею, въ оба пола, и въ концѣ перспективы довольно ясно выказываетъ собственную нашу цѣль. Тутъ уже все стало какъ-то знакомымъ, не страшнымъ; какъ актъ воли Божіей—величественнымъ, и даже цвѣтистымъ надеждою на Его благость.

Вотъ уже приближился и конецъ полустолѣтія, быстро летитъ время. Оно одно на берегу и на морѣ. Но право отрадно чувствовать себя уже въ покоѣ отъ житейскихъ треволненій. Полстолѣтія... Въ дѣтствѣ далеко казался этотъ предѣлъ, въ переди и назади. Теперь какъ-бы сошлись крайнія точьки въ чувствѣ; я почти вижу отца въ прусскомъ походѣ, и онъ будь-то бы со мною на знакомыхъ ему берегахъ Томи (зеркало вполнѣ напоминаетъ мнѣ его образъ)—выходитъ, что столѣтіе недлинный періодъ. Не всегда эта мѣрка, подобно нынѣшней, испещрялась рѣзкими замѣтками дѣлъ, такъ густо; но всегда сердце человѣческое издавало ровное число аккордовъ и измѣряло время въ полнѣ и точно. Не пора ли уже ему успокоиться и предоставить уму совершить рабочій свой циклъ, чтобъ въ отдаленномъ будущемъ оба эти начала жизни слились въ одну гармонію? — Кажется и въ самомъ дѣлѣ происходитъ что-то подобное, ежели только чувству и разуму провидѣніе благоволитъ открывать себя. Но не опустѣло ли сердце и не изтощится ли умъ въ ихъ трудахъ? И это можетъ быть, но только на столѣтіе, на тысящелѣтіе; а потомъ.... опять умъ и сердце; ибо причина ихъ не изсякнетъ никогда и ничего не теряетъ въ своемъ созданіи; а циклей будетъ уже два, и слѣдственно сила удвоится.

И такъ поздравляю тебя съ новымъ годомъ, и съ новымъ полустолѣтіемъ!

Но что же все сказанное мною выше?—Канва, обыкновенное соображеніе и разсчетъ человѣческій, не лучше математическаго, а потому приличнѣйшее поздравленіе есть преданность абсолютной

волѣ Божіей, дѣйствіе которой по всеобъятности и порядку и есть существенный законъ міра.

Не могу тебѣ сказать ничего новаго о моей, вовсе—не моей жизни. Природа теперь подо льдомъ и снѣгомъ, люди копошатся по обыкновенію, и мысли даже мало. Небольшой городъ скоро все выказываетъ все что въ немъ есть. Послѣ брани его или хвали, удивляйся или смѣйся — всего ненадолго. Полной циклъ совершился, а тамъ календарь и календарь. Я имѣлъ еще въ жизни рѣдкое преимущество: увидѣть вдругъ цѣлое наступившее поколѣніе, и такимъ образомъ совершилъ на дѣлѣ франклинову мечту. Мой циклъ отъ этаго обширнѣе, и досужный умъ могъ бы нѣчто подобное Меркаторовой канвѣ накинуть на исторію. Но премудрость провидѣнія все сосредоточила въ крестѣ, его и должно нести до могилы и ставить на могилѣ. Thesaurus meos mecum porto.

Надобно сказать, что нашъ городъ по преимуществу скромный. Всегда онъ служилъ этапомъ для неимущихъ, въ ихъ странствіи по Сибири, не былъ скупцомъ на частное благотвореніе, и вотъ дастъ нѣсколько благородныхъ спектаклей въ пользу бѣдныхъ... а все молчитъ. Онъ попускаетъ смотрѣть на себя, описывать себя, а самъ о себѣ не говоритъ ни слова. Нельзя сказать чтобъ былъ вовсе безграмотнымъ или объятъ былъ ложнымъ стыдомъ; но такъ уже установился быть скромнымъ, и дай Богъ, чтобъ это продлилось. Мало занимаются даже Сибирскими новостями; владычествуетъ общій умъ. Здѣсь не глушь, но любопытство какъ-то поглощено. Не запаздываютъ въ познаніи современности, но все принимаютъ покойно, безъ страсти, безъ увлеченія. Это оазисъ въ пустынѣ, предѣльная грань Европейской цивилизаціи, крайній пунктъ тяготѣнія главныхъ интересовъ къ Западу. Далѣе начинается Азія, ощутительнымъ становится сосѣдство другаго великаго народа.

Дешевизнь у насъ стала быть ощутительна; остаются еще два желанія: чтобъ скорѣе миновалъ денежный кризисъ и сколько нибудь смягчился климатъ. То и другое представляется какъ нѣчто не нормальное. Первое по обилію естественныхъ богатствъ; второе по цифрѣ широты мѣста теперь, однакоже, въ самомъ дѣлѣ тяжело.

Предоставляя себѣ молитву о покоѣ и продолженіи твоей безцѣнной для меня жизни, добрая, безпримѣрная сестра, я прошу тебя обнять за меня все твое милое семейство. Всею душею тебѣ преданный

Гавріилъ Батеньковъ.

28.

[Е й - ж е.]

Апрѣля 5. 1851. Томскъ.

Не могъ я дождаться обѣщаннаго мнѣ тобою письма изъ Москвы, и остаюсь съ томящею меня грустію, не зная гдѣ ты, и что твоя болѣзнь? Пишу на удачу въ Бѣлевъ, куда вѣроятно послѣ праздника ты и возвратишся. Уповаю на милосердіе Божіе, что остаться мнѣ круглымъ сиротою часъ еще не насталъ. Живи, пока я дышу, моя добрая сестра, желалъ бы безъ разлуки въ одинъ моментъ съ тобою переселиться изъ этаго холоднаго и грязнаго міра. Старости, въ собственномъ смыслѣ, я еще не чувствую, хотя недавно Архангелъ Гавріилъ перелетѣлъ со мною на 58-й кругъ. Но это меня радуетъ не много: уклоняясь отъ малодушнаго нетерпѣнія, я не вижу однакоже для себя большихъ благъ и въ долгой жизни. Въ полныхъ силахъ меня никто не видѣлъ, конечно ни кого не удивитъ и нищенская дряхлость; но что въ ней добраго?

Недѣлю поклоняемаго креста я кончилъ причащеніемъ; молюсь и въ настоящую недѣлю креста болѣзненнаго. На будущей радостной недѣлѣ поздравлю тебя, и надѣюсь получить отвѣтную радость.

Мысль занята теперь тѣмъ однимъ, чтобъ собрать все, что посѣяно въ душѣ благочестиваго. Я люблю эти святые дни, и какъ-то жаль, что они кратки. Въ нынѣшній годъ еврейская пасха почти совпадаетъ съ нашею. Такъ точно было и въ Христово время. Впечатлѣніе удвояется, какъ будто бы страданіе и воскресеніе теперь и происходитъ. Тутъ передъ глазами агнецъ и опресноки: тутъ и крестъ. Фактъ писанія очевиденъ, а осьмнадцати вѣковая его торжественность явно свидѣтельствуетъ, что и внутренняя истина несомнѣнна.

У насъ все еще зима, снѣги; едва и таять начинаетъ. Въ прошломъ году въ это время клали уже каменныя стѣны, такъ здѣсь не постоянно. Ожидаемъ, что теплые дни настануть вдругъ, а это можетъ помочь Томи очиститься отъ льда. Чѣмъ больше воды будетъ, тѣмъ меньше наводненіе. Вотъ естественный парадоксъ! а изъясненіе его просто: при глубинѣ, ледъ не запруживаетъ рѣки. Приближается и мой рабочій сезонъ. Примусь за городьбу, за огородъ, за осушку, за скотный дворъ и птичникъ. Цѣлы все еще отложить доводится. Не такъ ли и вся жизнь моя протекла? право не знаю: шестидесятилѣтнему едва ли уже что разцвѣтетъ.

Изъ газетъ узналъ я о кончинѣ В. Д. Корнильевича. Некрологъ его вѣренъ, и я самъ тоже бы сказалъ объ немъ. Вотъ и онъ, свидѣтель моего дѣтства; неизмѣнный другъ въ счастіи и несчастіи, оставилъ насъ наконецъ. Скорблю глубоко, и знаю что ты раздѣляешь мою скорьбь. Боже всемогущій! сколько уже лишеній. Міръ наполнятъ и украсятъ внуки, но для насъ дѣды не замѣнимы...

Возходитъ, заходитъ и паки возходитъ солнце, говоритъ Соломонъ. Правда. Но чувство наше возходитъ единожды; померкнетъ, закатится и не взойдетъ. Нельзя однакоже согласиться на его уничтоженіе. Умъ нѣчто вѣчное, неразрушимое; бодрствуетъ, стремится и вѣроятно воспаритъ. Свободный и чистый, какъ его истокъ, лучше и познаетъ что такое быть, когда вольется въ океанъ своей Причины.

Я не мастеръ на матеріальные розыски въ природѣ. При всемъ стараніи слѣдить что объ этомъ пишутъ, всегда выходитъ у меня въ результатѣ бездушный механизмъ. Во всей громадѣ опытовъ Парижскихъ Академиковъ, во всемъ обиліи цифръ, добытыхъ изумительно-остроумными инструментами, не вижу ровно никакого изъясненія. Мнѣ Бога надобно; чтобы понятіе его бытія было единственнымъ свѣтильникомъ, а гдѣ онъ скрывается, тамъ и не могу ничего видѣть. Мнѣ тяжело и выговорить, что свѣтъ есть непрерывно и скоро движущаяся матерія. Кажется въ простомъ наименованіи его больше смысла, и явленія свидѣтельствуютъ, что это царь и истолкователь природы, черта Божіей Сущности, параллель уму, и изслѣдованъ быть можетъ только непосредственнымъ чувствомъ.

Этимъ эпизодомъ желалъ бы я дать тебѣ отчотъ въ настроеніи моей души наистрѣчу весны естественной и весны духовной.

Прощай моя душа, сердечно обымаю всю твою семью, и жду отъ нихъ и отъ тебя радостныхъ вестей. Когда ты здорова будешь, вѣрно мнѣ скажешь, и велишь сказать объ этомъ. Навсегда твой

Гавріилъ Батеньковъ.

29.

[Ей-же.]

5. Августа 1851. Томскъ

Вотъ и Августъ—величавый по имени, хотя и послѣдній. У насъ продолжаются жары; но по вечерамъ начались сильныя росы, а потомъ холодная ночь. Приближаются осеннія и зимнія страданія. Богъ знаетъ перенесу ли ихъ.

Завтра понесутъ изъ города образъ Спасителя, и масса народа двинется провожать до Басандайки. Изъ окрестностей это самое лучшее мѣсто, въ 9 верстахъ отсюда. Въ бытность мою здѣсь, за 34 года прежде, оно было пусто, и мы ѣзжали туда на лѣтнюю прогулку, потому, что оно нравилось, еще молодому тогда, Ѳедоту Ивановичу Попону. Въ послѣдствіи, когда онъ сдѣлался знаменитымъ, чрезъ открытіе въ Сибири золотыхъ пріисковъ, обратилось и мѣсто имъ любимое въ прекрасную дачу, и украсилось каменною церковью. Недавно еще Поповы, по старинному русскому обычаю, въ домѣ и на лугахъ, угощали огромное число богомольцовъ. Прелестна была картина пестрыхъ кружковъ и бѣлыхъ палатокъ; а радушная хозяйка, рѣдкая женщина по жизни и нраву, не оставляла никого безъ привѣта и вниманія. Теперь многое уже не такъ. Дѣла Поповыхъ затруднились—а съ тѣмъ вмѣстѣ и праздникъ лишился торжественности и обилія. Въ жизни человѣческой возвышеніе и упадокъ смежны, и это самая грустная часть ея. Лучше бы судьба была болѣе строга, но не играла крайностями. Для кого ей нужны эфекты? — Кромѣ человѣка зрителей нѣтъ, а онъ и безъ того непрестанно плачетъ. Можетъ быть рѣзкими противоположностями восполняется краткость вѣка, а иначе и счислять было бы нѣчего, или уже грубый, машинальный ходъ нашихъ дѣлъ по необходимости ломаетъ всѣ выдающіяся части, и не могутъ онѣ не крушиться отъ сотренія и тяжести.

Страсти и обстоятельства дѣйствуютъ безъ разсчета: въ нихъ нѣтъ правды. Когда же начинаетъ человѣкъ чувствовать ея святыню, казалось бы все прошедшее долженствовало послужить бутовымъ мусоромъ для возведенія въ немъ новаго, лучшаго зданія; однакоже большою частію является оно обрывомъ и не насытною пропастью. Выходитъ, что время точно течетъ, и уноситъ съ собою наше счастіе и надежды. Не смѣю думать, что лучше было бы, еслибъ мы меньше чувствовали и меньше знали. Ибо это значило бы отказываться отъ жизни и поприщать свѣтъ. Все что есть въ насъ, втекаетъ или возникаетъ, уже сливается съ нашимъ бытіемъ и уничтоженіе возможно только самому творцу. Всяко уже должно терпѣть самаго себя. Много спорили о волѣ и пред-опредѣленіи [1].

[1] Письмо не кончено.

30 [1].

Копія.

По указу Его Величества Государя Императора Александра Николаевича Самодержца Всероссійскаго и проч. и проч. и проч.

Объявитель сего, бывшій Подполковникъ Гаврило Степановъ Батеньковъ, сужденный по прикосновенности къ политическимъ дѣламъ 1825 года 14 Декабря, шестидесяти двухъ лѣтъ; холостъ которому на основаніи Высочайшаго указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 26 день Августа 1856 года, даровано право потомственнаго дворянства, съ возвращеніемъ изъ Сибири на жительства въ предѣлы Россійской Имперіи, гдѣ жить пожелаетъ (исключая С. петербурга и Москвы) Въ удостовѣреніе чего и данъ сей изъ Томскаго Губернскаго Правленія, за подписомъ присутствующаго и съ приложеніемъ Казенной Печати. Сентября восемнадцатаго тысяча восемъ сотъ пятдесятъ шестаго года. Г. Томскъ. Подлинное подписалъ исправляющій должность Совѣтника Романовъ скрепилъ Секретарь Лалетинъ, справилъ управляющій столомъ Ярмалевъ на подлинномъ приложена Печать Томскаго Губернскаго Правленія. Съ подлиннымъ Вѣрно

Въ д. Секретаря Кузнецовъ.

Сія копія выдана изъ Тобольской Градской Полиціи дворянину Батенькову собственно для предъявленія оной въ установленныхъ мѣстахъ по тракту отъ Тобольска до Города Белева Тульской Губерніи; Подлинный же паспортъ выданный изъ Томскаго Губернскаго Правленія находится при немъ Октября 17-го дня 1856 года.

Полицмейстеръ *Кувичинскій.*

Въ должности Секретаря *Кузнецовъ.*

31.

[Е. И. Елагина—В. В. Павловой.]

[Нижеслѣдующее письмо требуетъ предварительнаго поясненія. Оно писано женою одного изъ сыновей Авдотьи Петровны Елагиной, Василія Ал. Елагина,—Екатериной Ивановной, рожд. Мойеръ (дочь Марьи Андреевны). По тонкости ума, по теплотѣ и задушевности чувства Екатерина Ив. во многомъ походила на мать;

[1] [Писано чужой рукою.]

тѣмъ не менѣе, какъ показываетъ это письмо, она не поняла воскресшаго изъ мертвыхъ Батенькова; она мѣряетъ его обычной мѣркою, тогда какъ пережитый имъ transcensus дѣйствительно сдѣлалъ его новымъ человѣкомъ, по-новому смотрѣвшимъ на міръ и влагавшимъ въ обыденныя слова иное содержаніе. Онъ расцѣнивалъ вещи по критерію необычному, открывшемуся его душѣ въ грозѣ и пламени, — а она судитъ объ его оцѣнкахъ съ точки зрѣнія общепринятой истины, и оттого не понимаетъ ихъ, готова обвинять его въ легкомысліи и фривольности. И еще застила ей взглядъ славянофильская доктрина, крѣпко укоренившаяся въ семьѣ ея мужа, а Батеньковъ, какъ и понятно, былъ совершенно равнодушенъ къ этой, какъ и ко всякой другой, системѣ идей. — И все-же письмо Е. И. любопытно, какъ живое показаніе изъ среды окружавшихъ Батенькова, и какъ разсказъ очевидца о его внѣшнемъ бытѣ.]

11-го Февраля 1857.

Ты спрашиваешь Вѣра, моего мнѣнія о Гав: Степановичѣ, увы, я нашла въ немъ много такаго чего не ожидала, онъ такой же добрый, веселый и даже такой же умный какъ казался мнѣ по письмамъ, но у него такое *громадное* самолюбіе, что этотъ умъ совершенно заглушенъ и загороженъ въ глазахъ слушающихъ его. Въ глаза бросается прежде всего одно самолюбіе! Онъ не терпитъ возраженія, не допускаетъ и тѣни несогласія съ его мнѣніями, споръ для него вещь невозможная. При мнѣ пріѣхалъ въ Петрищево Кошелевъ, ему показалось оскорбительно и неуважительно къ нему, что Кошелевъ [1] распрашивалъ у насъ о болѣзни, о смерти, о послѣдней волѣ Петра [2], и не слушалъ мнѣній и статей (которыя онъ ему хотѣлъ прочесть) Гаврiила Степановича. — То что теперь волнуетъ, занимаетъ, сердитъ нашу семью, ему несносно, вмѣсто того, какъ мы надѣялись чтобы принимать живое участіе въ нашихъ дѣлахъ, помогать намъ напр: своимъ вліяніемъ на Нат. Петр.: [3], которое ему очень легко бы было имѣть еслибы захотѣлъ, онъ ни во что не входитъ, ничего не слушаетъ, такъ что теперь мы совершенно перестали говорить при немъ о чемъ бы то ни было семейномъ. Чтобы дать тебѣ объ этомъ понятіе, вотъ тебѣ обращикъ: онъ слышалъ что Василій [4] очень заботится о томъ, чтобы пѣсни [5] были, по возможности изданы такъ какъ были приготовлены Петромъ, и Батеньковъ говоритъ, есть о чёмъ хлопотать, если онъ чувствуетъ себя на это не-

[1] [А. И.]
[2] [П. В. Кирѣевскаго.]
[3] [Н. П. Кирѣевская, вдова Ив. Вас-ча.]
[4] [В. А. Елагинъ—мужъ пишущей.]
[5] [Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ.]

способнымъ, скажите ему чтобы онъ привезъ ихъ сюда (въ Петрищево), я ему мигомъ всё приготовлю къ изданію, тогда ступай и печатай. Никола [1] спросилъ какой же планъ думаете вы избрать. Петръ выбиралъ по одной пѣсни лучшую въ текстъ, а остальныя въ варіанты. Ну это вздоръ, этаго не надо, варіанты глупость, будетъ того, чтобы просто взять по одной пѣсни, да и тиснуть скорѣе. И вѣдь онъ увѣренъ, что онъ и въ пѣсняхъ понимаетъ больше всѣхъ. Изъ Москвы пишетъ онъ ко мнѣ: „Здѣсь великое множество народа тебя знаетъ и любитъ (слѣдуютъ похвалы Смирновымъ и Павловымъ, которые ему *очень* полюбились и которые составляютъ въ его глазахъ Петрищевскій элементъ)". Находятся и Долбинскія симпатіи (Долбино, если помнишь, деревня И. В: Кирѣевскаго, слѣд: онъ нашелъ друзей Нат. Петр:) „одна Мар: Серг: [2] не играетъ никакой роли, и нельзя не дивиться, что такое могучее лице въ Орловской области, здѣсь мнѣ ни разу не упомянуто, и потому кажется будто главный узелъ домашней нашей драмы, рѣшительно развязался". Это съ его стороны непонятная вѣтреность и фривольность. Онъ слышалъ не разъ, что эта домашняя драма, какъ онъ называетъ, содержанія самаго простаго, мы хотимъ, чтобы не *обижали* женщину которую Петръ просилъ не обижать, и заботимся о томъ, чтобы ей заплаченъ былъ Петрушинъ долгъ, неужели же отъ того что Мар: Серг: лице въ Москвѣ неизвѣстное можно её обижать, и не заботиться о томъ чтобы она не нуждалась, какъ мы обѣщали умирающему Петру! Конечно Батеньковъ этаго не думаетъ, но какое же легкомысліе писать такъ, и для чего? — Онъ серіезно думаетъ что въ пѣсняхъ понимаетъ гораздо больше Петра, который посвятилъ на нихъ больше половины своей жизни, и рѣшаетъ что издавать *такъ*, какъ онъ хотѣлъ, вздоръ, а что онъ Батеньковъ, издастъ лучше. Уединеніе деревенское ему невыносимо. Мы пріѣхали наканунѣ Н: Г: Алеша и я, онъ намъ очень обрадовался, говоритъ ну теперь ужъ я завтра въ городъ не поѣду, а останусь съ малолѣтными (такъ называетъ онъ всѣхъ). Василій и Никола шепнули мнѣ, уговаривай ѣхать. Я стала говорить, да вѣдь мы останемся до 12, отчего же вамъ не ѣхать, вѣдь вамъ хотѣлось къ обѣднѣ и познакомиться съ властями,

[1] [Н. А. Елагинъ.]

[2] [Вдова землемѣра, котораго со всей семьей пріютилъ у себя П. В Кирѣевскій; по смерти мужа Марья Серг. съ дѣтьми оставалась въ домѣ П. В. до его смерти.]

(съ почтмейстеромъ *Журавкой*, городничемъ и проч: тому подобными) въ новый годъ это всего удобнѣе бы было, пожалуста поѣзжайте, не стѣсняйтесь нами. Онъ поѣхалъ, воротился уже въ вечеру, и весь день ужъ только разсказывалъ про Бѣлевъ. Вѣдь онъ часто изъ Томска писалъ мнѣ, что ему *очень* интересно узнать меня. Теперь же разговоръ всегда самый пустой, самый фривольный, если же зайдетъ рѣчь о чемъ нибудь интересномъ, то говоритъ ужъ онъ одинъ и *никого* не слушаетъ. Мы съ нимъ были *гораздо* знакомѣе, пока онъ былъ въ Томскѣ. Письмо уже должно было прочесть, а рѣчей онъ рѣшительно не слушаетъ!— За это сердиться на него не слѣдуетъ, да и нельзя, горько за него, чувствуешь, что это тюрьма разрушила. Онъ былъ посаженъ 27 лѣтъ, потомъ, со всѣми своими (по необходимости) отсталыми понятіями перескочилъ изъ царствованія Александра I-го въ царствованіе Александра II-го на 28-мъ году отъ роду. 10 лѣтъ въ Сибири, былъ онъ въ обществѣ добрыхъ людей конечно, но гораздо ниже его по образованію, тамъ его слушали какъ оракула, онъ былъ не въ томъ положеніи какъ остальные сосланные, которые составляли всё таки *просвѣщенную колонію*, онъ жилъ одинъ, въ обществѣ въ которомъ былъ всѣхъ умнѣе, всѣхъ ученѣе, всѣхъ краснорѣчивѣе. Не его вина, что и до сихъ поръ, онъ думаетъ что право говорить и учить осталось за нимъ однимъ. — Это бы еще ничего, онъ и между нами, за отсутствіемъ Петра и Ивана Васильевича всѣхъ умнѣе, но онъ не хочетъ слушать возраженій, думаетъ что должно принимать его мнѣнія на вѣру. А между тѣмъ мнѣнія сложились уже иначе, на его колодку уже не лезутъ. Напр: онъ часто говоритъ, что народъ глупая масса, что не должно обращать вниманіе, на то, чего народъ хочетъ, должно заботиться о немъ вопреки его воли, и не такъ какъ онъ хочетъ. Это конечно были мнѣнія заговорщиковъ 14-го Дек: но я увѣрена, что они всѣ уже давно отреклись отъ этихъ убѣжденій. Допетровская Русь ему противна, онъ её не знаетъ и знать не хочетъ. Преобразованія Петра Великаго были по его мнѣнію либеральны, потому что первые года царствованія Александра были продолженіемъ Петровскаго царствованія, а что могло быть лучше этаго времени?—Для него всѣ разысканія по русской исторіи, сдѣланныя во всѣ эти 30 лѣтъ, о свободѣ, которая была при Великихъ Князьяхъ и при Царяхъ даже, о тогдашнемъ конституціонномъ устройствѣ Россіи, какъ бы не существовали. Это понятно, его мнѣнія были мнѣніями тогдашняго образованнаго общества, онъ не пережилъ

вмѣстѣ съ нимъ перемѣны этаго образа мыслей, къ нему не вошло въ голову и сердце всё то, что вошло съ тѣхъ поръ въ понятія другихъ. Чудо еще что онъ могъ сохранить что либо, а не то, что такой умный человѣкъ коё что утратилъ. Между тѣмъ, въ немъ очень сильно еще *желаніе жить*, дѣйствовать, знакомиться, проповѣдывать. Онъ какъ будто всё спѣшитъ высказаться, и не хочетъ терять время на то, чтобы слушать. Напередъ увѣренъ, что возраженія всѣ вздоръ, что истина извѣстна одному ему, и что его призваніе провозгласить её. Напр: эмансипація кажется ему вовсе не вопросомъ первой важности, онъ объ ней мало думаетъ, но если коснется до него рѣчь, онъ отвѣчаетъ просто, ну такъ освободи! И это кажется ему также легко, какъ приготовить пѣсни къ изданію. – Впрочемъ (какъ мнѣ кажется) глупый народъ не понимающій блага свободы, не стоитъ того, чтобы быть свободнымъ, по его мнѣнію, сколько я могла понять его. Онъ хочетъ однако купить имѣніе по сосѣдству съ Петрищевымъ, для того чтобы освободить. И въ этомъ много вѣтрености, надо тебѣ знать, что у него ничего нѣтъ. Оставшевъ другъ его, золотопромышленникъ даетъ ему въ годъ 1 т: с: такъ пусть онъ купитъ для меня. Тогдашнее время было лучше, друзья принимали другъ отъ друга денежные подарки безъ всякихъ церемоній, а теперь это какъ то неловко. — Неловко даже для маминьки [1], что у нея въ домѣ Батеньковъ какъ будто нуждается, если проситъ купить ему деревню.—Ты понимаешь, что я хочу сказать.— Надѣюсь, Вѣра, что всё это не дастъ тебѣ дурнаго мнѣнія о немъ, онъ бѣдный меньше всѣхъ виноватъ въ этихъ, по нашему, недостаткахъ. М: б: онъ даже еще и перемѣнится когда поживетъ въ Москвѣ, среди людей образованныхъ, имѣющихъ авторитетъ, потому что онъ необыкновенно уменъ, весь недостатокъ въ томъ, что онъ кое о чемъ еще вовсе не подумалъ, какъ напр: объ эмансипаціи. При Кошелевѣ былъ одинъ весьма ограниченнаго ума помѣщикъ, заступникъ крѣпостнаго права, жалко и досадно было видѣть, какъ его возраженія Кошелеву, были умнѣе въ сравненіи съ возраженіями Батенькова. А вѣдь вся разница въ томъ что одинъ въ продолженіи многихъ лѣтъ привыкъ слушать объ этомъ споры, разсужденія; этотъ вопросъ для него вещь знакомая, а для Батенькова, также новь, также незнакомъ, какъ если-бы дѣло шло о какомъ нибудь Китайскомъ

[1] [А. П. Елагиной.]

преобразованіи! Съ помѣщикомъ Кошелевъ говорилъ, спорилъ, а Бат: и не слушалъ, или ничего не отвѣчалъ. Досадно и горько было за него.—Самолюбіе же его, мѣшаетъ ему видѣть, что вина не Кошелева а обстоятельствъ сдѣлавшихъ его отсталымъ. Вѣдь ему бы мало труда стало догнать, перегнать, и опять быть во главѣ мнѣнія! Только для этаго надо сознаться что теперь отсталъ, а противъ этаго сознанія, въ обществѣ людей обыкновенныхъ, возстаетъ гордость.—Послѣ этаго чистосердечнаго признанія моего мнѣнія о немъ, Вѣра, ты должна написать мнѣ права ли я по твоимъ наблюденіямъ? Какое впечатлѣніе сдѣлалъ на тебя онъ, послѣ болѣе близкаго знакомства. Судя по его похваламъ тебѣ и всей семьѣ твоей онъ должно быть коротко познакомился съ вами. Но я думаю, что врядъ ли слушалъ что вы говорите, а вѣрно вы *хорошо* слушали. Въ Москвѣ, судя по другимъ письмамъ, кажется что его не высоко цѣнятъ. И это очень горько мнѣ, онъ всѣ таки необыкновенно уменъ, *необыкновенно* добръ, и кажется имѣетъ достаточно правъ на состраданіе общества, которое бы должно было быть снисходительнѣе къ его странностямъ и парадоксамъ. Il faut faire une part, et une très grande part, à la forteresse! Но онъ не требуетъ снисходительности, но гордости, а другіе не хотятъ помнить о ней.

32.

[Неизвѣстному.] [1]

Сіятельнѣйшій Князь!

Милостивѣйшимъ Указомъ 26-го Августа 1856 года возвращено мнѣ потомственное дворянство, съ правомъ жить во всѣхъ мѣстахъ Россійской Имперіи, кромѣ С. Петербурга и Москвы.

Къ несчастію моему эти два мѣста и суть тѣ самыя, въ которыхъ только мнѣ возможно было искать прибѣжища.

Въ смутной надеждѣ, что Ваше Сіятельство удостоитъ благосклоннаго вниманія и окажетъ вашею властію и ходатайствомъ возможное облегченіе тягостному моему положенію, я рѣшился кратко представить объ немъ на ваше усмотрѣніе.

Изувѣченный контузіею въ плечо во время одного небольшаго

[1] [Писано чужой рукою, съ поправками самого Батенькова.]

дѣла въ Силезіи 1813 года, а потомъ изколотый штыками подъ Мон-Миралемъ, я не имѣлъ и первоначальной перевязки ранъ своевременно, оставленъ зимою на полѣ сраженія съ убитыми, истекъ кровію и прибранъ былъ потомъ въ непріятельскій Госпиталь.

Такимъ образомъ моя молодость протекла въ борьбѣ съ болѣзнями, въ трудахъ на службѣ, о которыхъ не имѣю я нужды напоминать самъ; пока наконецъ буря, навѣявшая на мою жизнь со стороны, схватила меня внезапно и послѣ нѣсколькихъ колебаній оставила подъ гнѣвомъ Государя какъ понималъ я тогда строгаго и непреклоннаго; это конечно уже къ крайнему пораженію человѣка, которому прежде сказалъ Онъ въ лице, что считаетъ его себѣ нужнымъ и желаетъ сохранить.

Хотя назывался я только прикосновеннымъ къ дѣлу и помѣщенъ въ одинъ изъ низшихъ разрядовъ осужденія, однако судьба моя была такъ странна, что и при дошедшемъ до меня вновь обнадеженіи,—я остался однако въ секретномъ содержаніи въ равелинѣ Петропавловской крѣпости *двадцать лѣтъ*, въ продолженіе которыхъ не смотря на мои раны и страданіе, я ни разу не имѣлъ лекарскаго посѣщенія.. Наконецъ отосланъ въ Сибирь и пробылъ тамъ еще десять лѣтъ въ климатѣ суровомъ и также безъ помощи. Вотъ участь непохожая на то, что она выпала кому нибудь въ XIX вѣкѣ! и благодаря Бога, я не ропщу.

Но изъ всего этаго ясно, какъ много нужны мнѣ искусство и совѣты врачей сильныхъ наукою и знаніемъ, и какъ мало потребно благодушія, чтобъ снять не допускающія къ тому препоны. Помѣстясь въ селѣ за 300 верстъ отъ Москвы, и опять подверженный по возникшему неизвѣстно уже мнѣ откуда ограниченію духа и буквы Высочайшаго Манифеста, учрежденіемъ и означеніемъ въ паспортѣ,—безъ всякаго опредѣленія, гласнаго надзора, лишающаго главныхъ юридическихъ послѣдствій Царской милости, — я не смѣю и думать, что бы въ Христіанскомъ Правительствѣ не нашлось сердца способнаго услышать вопіющій и умоляющій голосъ.

Наконецъ самое опредѣленіе мѣстопребыванія совсѣмъ не зависитъ отъ меня, оно зависитъ отъ лицъ, которыя меня призрѣть могутъ; все, что я имѣлъ прежде невыключая именныхъ банковыхъ билѣтовъ взято въ казну, по тому случаю, сказано въ бумагахъ тоб. приказа общественнаго призрѣнія, что я умеръ, безъ наслѣдниковъ, а долги за меня не заплочены.

Обращаясь къ Вашему Сіятельству,— я испрашиваю милости позволить мнѣ хотя временное посѣщеніе Москвы и С. Петербурга для пользованія отъ десяти боевыхъ ранъ и увѣчья,— равномѣрно и освобожденія отъ надзора, хотя съ той стороны и того вида, отъ куда ничего не можетъ выйти кромѣ крайняго и незаконнаго стѣсненія.—

33 [1].

[Копія.]
Секретно.

30 Апрѣля 1857.

Господину Бѣлевскому Исправнику.

Военнаго
Губернатора
Г. Тулы
и
Тульскаго Гражданскаго
Губернатора
Канцелярія
Отдѣленіе 3.
Апрѣля 25 дня 1857 года.
№ 104.
Тула.

Главный Начальникъ III-го Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи отъ 13 Апрѣля за № 877-мъ увѣдомилъ меня, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу его просьбы возвращеннаго изъ Сибири и жительствующаго Бѣлевскаго Уѣзда, въ селѣ Петрищевѣ, дворянина Гавріила *Батенькова* Высочайше соизволилъ ему разрѣшить временно пріѣзжать въ Москву, для совѣта съ медиками и для пользованія отъ болѣзни, съ тѣмъ, чтобы дальнѣйшее тамъ пребываніе было дозволено ему Г. Московскимъ Военнымъ Генералъ Губернаторомъ.

О таковой Монаршей волѣ предписываю Вашему Высокоблагородію объявить Г-ну Батенькову, и въ свое время доносить мнѣ каждый разъ какъ объ отъѣздахъ его въ Москву, такъ и о возвращеніи его въ Бѣлевскій Уѣздъ, въ отношеніи же порядка дозволенія ему означеннаго выѣзда руководствоваться установленными правилами.

Генералъ Лейтенантъ *Даранъ*.
Правитель Канцеляріи *И. М...*
Помощникъ Правителя *А. Кас...*

[1] [Писано чужой рукою.]

34.

1-го іюля 1860. Дзенки[1].

Чтобъ сказать ясное слово о крутомъ, бурномъ переворотѣ въ моей жизни, мнѣ доводится говорить совсемъ другимъ языкомъ, нежели какимъ обыкновенно излагаются событія.

Собственно событія никакова не было и не самый переломъ во внѣшнемъ моемъ пути былъ рѣшительнымъ, но служилъ только средствомъ къ переходу къ другому, глубоко измѣнившему въ послѣдствіи внутреннее состояніе моего духа. Въ жизни моей есть черта проявленія судьбы, доселѣ для меня непостижимой, ни по цѣли, ни по объему; но тѣмъ не менѣе дѣйствительной.

Темницы тишина святая
Сосредоточила мой Духъ;
Къ громамъ священнаго Синая
Покорный пріучила слухъ.
Открыла въ чемъ прямая Сила,
И въ огненномъ столпѣ учила
Источникъ красоты искать;
Языкомъ моря Бога славить,
Завѣтъ средь Іордана ставить
И ночь на землю не пускать.

Задача немаловажная, чтобъ обо всемъ этомъ истину сообщить дружбѣ. Все доводится говорить о себѣ и провидѣніи, и вообще что-то меня удерживаетъ отъ всякой рѣчи.

Это не самолюбіе и скрытность, ибо я смотрю на себя какъ уже на отжившаго, минувшаго, и въ нѣкоторомъ смыслѣ только свидѣтель, мыслитель о самомъ себѣ или точнѣе сказать о человѣкѣ. Всѣ связи мои съ общежитіемъ и съ самою природою были надолго прерваны; я не имѣлъ къ кому обратиться кромѣ единаго Бога, и когда вновь увидѣлъ людей и природу, чисто съ младенческимъ чувствомъ уже къ нимъ прилѣпился, обнаженный отъ всего, что составляетъ построеніе жизни, слагаемое опытомъ и обстоятельствами, но способный

[1] [„Дзенки" было имѣніе-майоратъ В. В. Погодина, сослуживца Батенькова еще по управленію военныхъ поселеній въ 1823—25 гг. Съ тѣхъ поръ Погодинъ успѣлъ дослужиться до большого чина,—онъ былъ теперь сенаторомъ въ Варшавѣ. Лѣтомъ 1860 г. Батеньковъ гостилъ у него. Погодинъ умеръ въ началѣ 1863 г. и Батеньковъ написалъ его некрологъ, см. „День" 1863 г. № 7.]

возсоздать языкъ, направить воспоминаніе и наблюденіе къ устроенію новаго быта. Жажда дѣятельности и теплота сердца, сжатые самымъ тяжолымъ прессомъ, не отступно требовали разширенія и счастье мое, что я обратилъ ихъ на ближайшіе, опредѣленные предметы, которые впрочемъ сами по себѣ не имѣютъ никакова особаго значенія, кромѣ моего избранія и не могли имѣть достаточной широты, по совершенному отсутствію средствъ. Но благодареніе Богу, я нашолъ непотухшія симпатіи которые не допустили меня впасть въ зѣвъ новаго страшнаго чудовища... нищеты. Я готовъ былъ смѣло наступить и на него, обдумалъ уже жизнь птицы небесной съ гнѣздомъ и безъ гнѣзда и не пугался, ежели стану въ состояніе полнаго отрицанія и лишеній, надѣясь что приведетъ Богъ какъ угодно ему будетъ къ концу, лишь бы не оставилъ умъ и самъ я не потерялъ бы достоинство своей независимости.

Но надобно объяснить фактъ. Черты его такъ разсѣянны и не связны, что онѣ данными могутъ быть только для того, къ кому близко относились.

Я жилъ въ другой обстановкѣ, въ иныхъ отношеніяхъ и не въ тѣхъ мысляхъ, въ которыхъ образовалось тайное общество.

Направленіе ума моего было отъ первой юности серьезное, дѣльное, при вкусѣ критики, ироніи, смѣлыхъ ипотезъ, нерѣдко парадоксальныхъ въ неизвѣстномъ.

Болѣе всего занималъ меня раціональный отчотливый, живой и широкой строй государственныхъ и общественныхъ установленій; дѣло, и приложеніе къ нему математическаго метода въ мышленіи; ясность не украшеннаго но простаго выраженія.

Все это, разумѣется въ тотъ возрастъ ни могло достигнуть зрѣлости и требовало непрерывнаго руководства и уроковъ, что и составляетъ ключь къ уразумѣнію дружбы моей съ лицомъ [1], стоящимъ высоко въ Государствѣ по уму добротѣ и правотѣ, которое искренно желало воспитать меня въ преемники не сбывшихся его мыслей и отклоненныхъ въ бездѣйствіе силъ или направленныхъ къ несвойственнымъ обладаемымъ имъ свѣтомъ, цѣлямъ и средствамъ.

Надѣюсь, что предполагая своевременный конецъ моему кресту, какъ явно изъ нѣкоторыхъ разпоряженій, смутно до меня дошедшихъ, М. М. и не усиливался освободить меня изъ подъ креста, тревожась только, что не достанетъ во мнѣ твердости снести его.

[1] [Сперанскимъ.]

Живя въ столицѣ и не избѣгая соприкосновеній съ людьми, я имѣлъ наивную способность быть со всѣми свой, ни съ кѣмъ не заводилъ вражды. Терпѣлъ все разнообразіе мыслей и чувствъ: смотрѣлъ, слушалъ но съ немногими скрѣплялъ искреннюю, неразрывную связь.

Либеральное мнѣніе мнѣ было по душѣ и укоренилось въ ней съ самаго дѣтства совпадавшаго съ первыми благословенными годами царствованія Александра I; въ юности на широкомъ полѣ войны 1812—1815 годовъ, въ продолженіи которыхъ я имѣлъ превосходное товарищество, блисталъ остротой прилежалъ къ наукѣ и въ начальныхъ чинахъ имѣлъ уже нѣкоторую извѣстность у первыхъ военныхъ лицъ.

У извѣстнаго Греча были тогда вечера каждый четвергъ, и это ввело меня въ кругъ тогдашнихъ литераторовъ. Оттѣнки ихъ были различны, но всѣ какъ и общественное мнѣніе, согласны были въ неудовлетворительности настоящаго положенія дѣлъ, пріобрѣли по времяни и при пособіи Наполеоновскихъ войнъ образовавшихся повсюду масонскихъ ложъ новыя понятія и сильную жажду, ежели не политической, по крайней мѣрѣ Гражданской свободы, прочнаго юридическаго быта и открытыхъ дверей прогрессу.

Благородное не могло не нравиться юному, пылкому чувству. Во всемъ этомъ не встрѣчалъ я никакой обработанной формы самаго дѣла, вездѣ показывались любители но непримѣтно было ни одного рѣшительнаго дѣятеля.

Можетъ быть тайное общество, особливо часть его подъ Диктатурою Павла Пестеля на югѣ имперіи имѣла уже организацію и опредѣленное дѣйствіе, но до меня и самый слухъ о томъ не доходилъ, и я доселѣ увѣренъ, что въ П.бургѣ, весь смыслъ и сосредоточеніе заключались въ одномъ лицѣ Рылѣева, человѣкѣ скрытномъ, уособленномъ, съ которымъ знакомство мое не доходило и до простой свѣтской пріязни, да и самъ онъ видимо избѣгалъ сближенія со мною, опасаясь моего положенія, близкаго при Графѣ Аракчеевѣ, и не вѣря, чтобъ либеральныя склонности сколько нибудь совпадали дѣйствительно съ моею свободною среди людей рѣчью.

Не упускалъ я также посѣщать семейныя, довольно многочисленныя собранія въ воскресныя дни у Градскаго Головы Кусова, гдѣ всѣ также были на волѣ, не стѣсняясь и не рѣдкимъ присутствіемъ Генерала Бекксндорфа, не имѣвшаго тогда полицейскаго значенія и

бывшаго со всѣми, какъ прилично симпатизующему къ своему кругу гостю.

Не умѣю я излагать факты въ ихъ непрерывной хронологической послѣдовательности. Они въ моей не блистательной дѣятельности, проистекая изъ обыденной жизни, никакъ не представляютъ интересной связи, и когда я дѣлалъ попытку всегда выходилъ пошлой скучной разсказъ. Почти принудить себя надобно, чтобъ для поясненія всего дѣла, я здѣсь прибавилъ и о томъ, что мнѣ доводилось часто и почти въ опредѣленные дни посѣщать домъ Американской Компаніи, по знакомству съ Директорами, а особливо съ Прокопьевымъ. Это было основано на Сибирской моей жизни и на участіи моего дяди въ самомъ завладѣніи островами. Но тутъ произошло первое соприкосновеніе съ тайнымъ обществомъ, хотя я не зналъ, что Рылѣевъ и Безстужевъ живутъ въ томъ же домѣ и не слишкомъ бы обратилъ на это вниманіе, еслибъ и сказали мнѣ о томъ.

Доводится припоминать, отыскивать какъ бы слѣды не яснаго пути, групировать черты, въ свое время совершенно разсѣянныя.

Случилось однажды, что я пріѣхалъ обѣдать къ Прокопьеву въ урочной его день. Онъ сказалъ мнѣ, что отправляется въ гости по случаю имянинъ и убѣждалъ идти вмѣстѣ съ нимъ; а это не трудно, стоитъ только спуститься въ низъ; мнѣ же будутъ очень рады. Какъ-то случилось, что онъ меня увлекъ, и я очутился у Рылѣева, рѣшительно внезапно. Было нѣсколько гостей, но не могу припомнить кто имянно, иныхъ я зналъ прежде иныхъ встрѣтилъ помня какъ-то въ лицо. Тутъ мы отобѣдали, ведя живой, острой, свободной разговоръ. Казались всѣ вѣрными и дружными, однако послѣ какъ имѣю причину думать, вмѣнено имянинное собраніе въ засѣданіе Тайнаго общества и указано на мое въ немъ присутствіе, хотя не было и намека, что общество существуетъ.

Въ другой разъ въ небольшомъ кружкѣ шолъ разговоръ о революціонномъ времяни во Франціи, и я отходя въ сторону сказалъ, что доселѣ насильственные перевороты вели къ Деспотизму одного честолюбца. Тогда Рылѣевъ въ слѣдъ мнѣ громко произнесъ, что на всякаго честолюбца есть кинжалъ свободнаго человѣка. Не почитая нужнымъ возражать ему, я не вернулся, но такія слова, какихъ не случалось прежде слышать, хотя и не почиталъ за что-либо серьезное, но довольно почувствовалъ какъ отпечатокъ на молодыхъ душахъ чего-то недобраго одобрѣнія кратчайшихъ средствъ извѣстнаго терроризма.

Много прошло послѣ того обыкновеннаго времяни, и вотъ когда весь Петербургъ предавался толкамъ въ кривь и въ кось объ убійствѣ маіорши Шумской въ Грузинѣ, принадлежащемъ Графу Аракчееву, это уже въ октябрѣ или ноябрѣ 1825 года, я засталъ войдя послѣ обѣда въ биллiардную комнату у Прокопьева, Александра Безстужева одинокаго, задумавшимся и мрачнымъ. Спросилъ не любовь ли его смущаетъ? Это по обстоятельствамъ было немного ему щекотливо, и отвѣчалъ онъ съ упрекомъ, что любовь да не та, а онъ думаетъ о приложеніи недавняго явленія этой страсти къ предмету болѣе общеполезному. Вотъ какъ образуются герои, замѣтилъ я.—Да, возражалъ Безстужевъ, оно бы смѣшно было, если бъ такимъ героемъ я былъ одинъ, но насъ уже многихъ насчитать можно.

Эта рѣчь, тогда же прерванная появленіемъ хозяина дома, сверьхъ всякаго моего чаянія обратилась въ узелъ, изъ котораго развились въ послѣдствіи нити къ перевороту моей жизни. Уже можно было сказать, что секретъ мнѣ открытъ, и я донести былъ долженъ.

35.

8 февраля 1862. Уткино.

Сперанскій остатокъ жизни послѣ своей ссылки, провелъ въ полномъ противорѣчіи своего дѣйствія съ убѣжденіемъ.

Однажды я говорилъ ему, что мнѣ несносно мое положеніе и непрестанная необходимость лгать передъ своею совѣстью, отъ чего слово мое не имѣетъ никакой силы и выражаетъ только раболѣпное ремесленничество по безтолковому заказу капризныхъ хозяевъ. Что я рѣшаюсь потушить въ себѣ всѣ лучшія и живыя стремленія и удалиться куда нибудь въ Губернію или уѣздъ на самое незначительное и покойное мѣсто, и прошу только совѣта, что̀ бы избрать? Губернаторомъ быть не могу: завалять бумагами и все надобно склонить на выставленіе самаго себя, фальшиво исправлять дороги и украшать городъ Декораціями. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что такъ мечтать и самъ умѣетъ, но опытъ научилъ его, что ни какова желаемаго покоя на службѣ въ провинціи нѣтъ. А въ частной жизни, даже богатому, неизбѣжно покаряться всей суетѣ мелочныхъ требованій и напрасно тратить мысль и время. Указалъ я ему на скромное занятіе въ Кон-

тролѣ. „Самъ переговори съ Кампенгаузеномъ [1] ежели это дѣло тебѣ нравится".

Балтазаръ Балтазаровичъ жилъ съ нами въ одномъ домѣ и я нашолъ случай войти съ нимъ въ откровенный разговоръ.

Вотъ его слова:

„Ошибаетесь. Вамъ дѣлать у меня нечего. Я искренно желалъ учредить въ Россіи контроль и завелъ только путаницу, мелочныя придирки, необъятное множество бумагъ. Чуть скажешь дѣльное слово, тотчасъ встрѣтишся съ Фердинандомъ VII. и онъ молчать заставитъ. Залучшее считаю предаться совсемъ Аракчееву: онъ по-крайней мѣрѣ напугалъ министровъ".

Въ самомъ дѣлѣ и умирая первый нашъ Государственный Контролеръ отказалъ свою небѣдную и съ трудомъ собранную библіотику Аракчееву.

Сильно были тогда недовольны испанской политикой Александра, и извѣстіе о казни Ріего выразилось и разнеслось по городу злымъ и грубымъ сарказмомъ.

Насъ было въ гостяхъ молодежи человѣкъ до двадцати въ тотъ день, какъ получено было извѣстіе, вдругъ вошолъ Гречъ [2] и громогласно объявилъ, что Ріего повѣшенъ и въ вящее его уничиженіе оторваны самые безчестные члены тѣла и присланы сюда, для положенія въ Соборѣ на гробъ Екатерины великой.

Самые умѣренные и спокойные люди отзывались, что до Испаніи нѣтъ имъ никакова дѣла, но Ріего имѣлъ полное право, какъ бы онъ ни дѣйствовалъ по крайнему своему разумѣнію протестовать противъ безумнаго и неблагодарнаго своего Короля-мучителя.

Тогдашняя политика Александра не вполнѣ еще означилась. Но изъ словъ Барона можно было заключить, что и министры не весьма ей сочувствовали и даже страшились.

Конечно для нихъ ничего не значило мнѣніе молодыхъ и не знатныхъ людей и даже не могли доходить ихъ рѣчи.

Шпіонство шло большею частію мимо ихъ и было въ рукахъ немногихъ. Разнородныя полиціи были крайнѣ дѣятельны, но Агенты ихъ вовсе не понимали, что надобно разумѣть подъ словами Карбо-

[1] [Баронъ Балтазаръ Балтазаровичъ Кампенгаузенъ, 1772—1823, первый государственный контролеръ (съ 1811 г.)]

[2] [Ник. Ив., извѣстный журналистъ.]

наріи и Либералы и не могли понимать разговора людей образованныхъ. Они занимались преимущественно только сплетнями, собирали и тащили всякую дрянь, напримѣръ разорванныя и замаранныя бумажки, и доносы обработывали какъ приходило въ голову. Никому не были они страшны, и кому надлежало понять, что правительству нужно 600 шпіоновъ а частному товариществу одного. Таковъ и былъ у насъ нѣкто Платоновъ, кажется изъ Евреевъ крѣстникъ митрополита. Онъ сообщалъ намъ всѣ тайны и говорилъ, „что одна крайняя бѣдность заставила его отдаться Дьяволу, но что не вручилъ ему всю свою душу и охотнѣе служитъ въ то же время противной сторонѣ. Полиція не упажитъ самыхъ крайнихъ нуждъ, а вы накормите голоднаго, дадите что нибудь, когда сего дня нужно крестить ребенка, хоронить жену и даже праздновать имянины". Трудно утверждать чтобъ какой нибудь шпіонъ изъ преданности былъ вѣренъ правительству.

Мудрено ли что въ такомъ положеніи дѣлъ Аракчеевъ былъ полезенъ, какъ нѣкоторое средоточіе, знамя, которое видѣть можно. Полиція наблюдала и за нимъ. Вотъ случай.

Я шолъ съ нимъ по набережной Фонтанкѣ. Вдругъ указалъ онъ мнѣ на одного порядочнаго человѣка. И когда сказалъ я, что въ немъ ничего не примѣчаю особеннаго, онъ отвѣтилъ, Смотри только на него. Съ приближеніемъ нашимъ щоголь поворотилъ въ сторону и быстро вошолъ въ мелочную лавочку. Это уже замѣтилъ и я. Графъ пояснилъ, что вотъ и шпіонъ, который за нимъ наблюдаетъ. Къ тому прибавилъ: „Государь уменъ, истинный царь, это не значитъ, чтобъ онъ въ чемъ нибудь мнѣ недовѣрялъ, но ему нужно знать гдѣ когда, какъ и съ кѣмъ меня видятъ, и полиція хотя безъ его приказанія, но исполняетъ, на всякой случай, свое дѣло. Меня не такъ она любитъ, какъ свой долгъ".

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I. тайныхъ полицій было нѣсколько. Кромѣ того, что огромная Городская въ П.бургѣ отдѣлялась отъ министерской, составлялись еще отдѣльные раіоны изъ Почтъ, Духовенства, Медиковъ, и отъ того то чувствовалась невыносимая тяжесть и было мнѣніе, что тирановъ многихъ представляетъ исторія, но деспота подобнаго побѣдителю Наполеона, превозносимаго всей Европой, не бывало. Онъ не приводилъ въ трепетъ душу, не давилъ ее, и все же напугалъ всѣхъ до безмолвія. Странно, что и знаменитый Моро полагалъ шпіонство великимъ средствомъ.

Къ 8 февраля 1862.

Въ Россіи въ это время, кромѣ Императора, едвали кто такъ думалъ, хотя многіе изъ страха и корысти развивали на дѣлѣ эту мысль. Аракчеевъ слушалъ наушниковъ, подобно диктатору Парагвая, запрѣтилъ строго въѣздъ въ свои Новгородскія Поселенія и ограничилъ проѣздъ чрезъ Грузинское имѣніе, но въ системѣ шпіонства онъ не былъ ни образцовымъ мастеромъ ни страстнымъ дилетантомъ. Легко можно удостовѣриться, что въ Полиціи онъ не имѣлъ никакова дѣйствія.

На представленномъ здѣсь фонѣ уже никакъ нельзя искать даже и силуета Сперанскаго.

36.

[Неизвѣстному.]

1. Ноября 1862. Калуга.

Рѣдкую изъ рѣдкихъ вещей, письмо ваше, отъ 27 октября, получилъ я ночью 31-го; а къ вамъ почта пойдетъ 3-го ноября, и ранѣе пяти дней не получится. Вотъ какая даль отъ меня до дальныхъ Елагиныхъ. Какъ ни торопись, всегда опоздаешь.

Вы конечно ожидаете отъ меня короткаго отклика. Да или нѣтъ, но чтобъ не вышло никакова недоумѣнія, мнѣ доводится написать цѣлую повѣсть.

Когда отпустили меня изъ Равелина въ 1846 году, я былъ какъ новорожденный младенецъ, и снявъ ризы вѣтхаго человѣка очутился буквально безъ нитки.

Первымъ воспріемникомъ былъ комендантъ Скобелевъ, обернувшій меня въ свое бѣлье; потомъ рука провидѣнія и начала простираться. Алекс. Ѳед. Орловъ опредѣлилъ, сколько нужно было, на ношобное платьѣ и на нѣкоторое удобство въ дорогѣ отъ себя; а царь приказалъ выдать уже на мѣстѣ на обзаведеніе 500 рубл. серебр.

Такъ и доѣхалъ. Томскъ засталъ я въ великой славѣ и богатствѣ. Знакомымъ, прежде малолѣтнымъ, золотопромышленность доставила обиліе. Изъ нихъ Поповы, Асташовъ, особливо Гороховъ приняли дѣятельное участіе въ моей судьбѣ и первые поручили меня своему свойственнику, по извѣстной вамъ Ольгѣ Павловнѣ, Лучшеву, на полное попеченіе, видя что я дикъ, отвыкъ жить и едва говорю.

Аргамаковъ тогда только еще начиналъ оперяться и въ тотъ только годъ вышелъ съ компаньономъ своимъ Асташевымъ изъ огромнаго долгу, накопившагося вслѣдствіи предпріятія.

Еще прежде моего появленія рѣшили они между собою не жадничать большой добычи металла, а все стараніе употребить на полное удовлетвореніе кредиторовъ, жить скромно и обезпечить себѣ работы и заготовленія на наличныя деньги. Опытъ показалъ, какъ благоразумна была эта мѣра и пренебрегшій ею Гороховъ разстроился въ немногіе годы, а они стали прочно.

Вскорѣ Аргамаковъ прислалъ мнѣ черезъ сестру 1000 рублей; но какъ и сама сестра съ пятью дѣтьми и двумя младшими сестрами, съ бабушкой и вдовой теткой терпѣли большіе недостатки, я оставилъ у нее присланныя мнѣ деньги и не находилъ нужнымъ брать ихъ и издерживать, получивъ тогда же помочь отъ Авдотьи Петровны и царскіе. Покойной другъ [1] нашолъ возможнымъ удѣлять по 500 рубл. въ годъ и вообще принялъ на себя опеку надо мною.

Такъ увидѣлъ я себя богачомъ, имѣя на мѣсяцъ для расхода по крайней мѣрѣ 80 рубл., что хотя не было огромнымъ по страшной тогда въ Томскѣ дороговизнѣ, но мнѣ было достаточно, и принялъ я за самый высокой размѣръ на всю будущую жизнь. Успѣлъ одѣться, съ Лучшевымъ условился платить за помѣщеніе и столъ по 30 рубл. Онъ имѣя дѣло съ золотопромышленниками, частію родственными, частію товарищами съ дѣтства, былъ при деньгахъ, но жилъ безъ толку. Три брата еще учились и одинъ служилъ, а остальной, женатый на племянницѣ Поповыхъ, жилъ въ уѣ. городѣ Бійскѣ, и не съ нами.

Такъ прошло два года. Между тѣмъ я очнулся. Вся семья ко мнѣ всей душой привязалась. Самъ я, приподнявъ тяготѣвшій надо мною прессъ, чувствовалъ не обходимую потребность въ дѣятельности и обратилъ все вниманіе на домъ, въ который втолкнула меня судьба. Аргамаковъ увеличилъ мою пенсію сперва до 800, потомъ до 1000 рублей, а съ пособіемъ отъ Авдотьи Петровны, уже видѣлъ себя въ избыткѣ, о чомъ и писалъ въ тоже время. Я отказался на отрѣзъ пользоваться всѣми другими предложеніями, чтобъ не сбиться съ пути, особливо сердилъ Горохова самыми мелкими съ нимъ расчотами, опираясь на томъ, что добывающему 50 пуд. золота въ

[1] [С. Т. Аргамаковъ, золотопромышленникъ, бывшій сослуживецъ Батенькова и его вѣрный другъ всю жизнь.]

годъ, я не товарищъ. Предвидѣлъ уже не добрый изходъ и помышлялъ даже вить ему не зависимое отъ дѣлъ гнѣздо, на всякой случай. Но на меня смотрѣли, какъ на отсталаго и совѣты мои и предложенія ни къ чему не служили. Только Лучшевъ внялъ имъ, и въ согласіи съ бійскимъ братомъ рѣшился лучше основаться. Соединивъ уже въ одно наши средства и видя жилье наше очень плохимъ, задумали построить новой домъ и завести загородную дачу, вышелъ извѣстный соломенный дворецъ при нѣсколькихъ десятинахъ земли, что и успѣли выполнить. Это и было моимъ занятіемъ въ теченіи жизни въ Томскѣ. Скорбно только было, что женатый братъ умеръ и вдова его съ двумя дѣтьми нашлась въ затрудненіи. Для нашего хозяйства была она не лишняя и мы пригласили ее жить съ нами.

Конечно мнѣ всего простѣе и желательнѣе было помѣститься въ семействѣ Парасковьи Трофимовны, но почему-то опекунъ мой того не захотѣлъ.

Питая всегда надежду когда-нибудь выбраться изъ Сибири, я старался что нибудь сберечь для проѣзда, какъ и оказалось весьма нужнымъ.

Въ числѣ причинъ, ускорившихъ мой выѣздъ было и опасеніе, чтобъ не задержали какими нибудь мудростями власти и разпоряженіе Семена Трофимовича получилъ уже въ Тобольскѣ. Оно состояло въ порученіи одному его агенту купить у меня за что-бы ни было все мое заведеніе. Не желая обижать Лучшева и не имѣя возможности съ нимъ разсчитываться, а равно и потому чтобъ не совсемъ отчуждиться отъ любимаго мною, какъ называлъ я земляного дѣла, оставилъ все какъ было и отвѣтилъ отрицательно.

Асташовъ былъ тогда въ Петербургѣ и принялъ на себя водвореніе мое въ Россіи, что и исполнилъ, когда Калуга была для того найдена удобною.

Нѣсколько лѣтъ спустя князь Орловъ изходатайствовалъ возвращеніе мнѣ конфискованнаго имущества; и такъ очутился мой собственный капиталъ въ 5 т. рублей. Попечители мои въ П.-бургѣ рѣшили однакоже деньги эти у меня отобрать и вложить въ кассу ихъ общаго прокопьевскаго пріиска, выдали мнѣ только документъ въ 1000 золотыхъ полуимперіаловъ съ обезпеченіемъ дохода 7% и прибавивъ къ тому еще ежегодную высылку 1000 руб., что доставляло уже 27%, утвердили мой бюджетъ въ 100 руб. на мѣсяцъ, съ карманными въ годъ 150 руб.

Такъ я остался въ прежней нормѣ, жить здѣсь.

III.

„Profession de foi" Н. П. Огарева.

(1835—1836 гг.)

Подлинникъ писанъ по-французски на семи листахъ почтовой бумаги большого формата, весь собственноручно; изъ этихъ листовъ пять носятъ фабричное клеймо съ литерой Ђ, два—клеймо „Bath" съ короною вверху и водяной знакъ: *1834*. Рукопись состоитъ изъ двухъ частей; первые 6 листовъ содержатъ изложеніе философской системы, которая здѣсь и закончена; седьмой листъ (одинъ изъ тѣхъ пяти) есть начало сердечной исповѣди, о любви, и вѣроятно имѣлъ продолженіе, которое теперь утрачено; этотъ листъ писанъ, по всѣмъ признакамъ, непосредственно послѣ „Profession de foi", но въ другой присѣстъ, болѣе мелкимъ и болѣе аккуратнымъ почеркомъ; въ немъ есть ссылка на первую часть, которая въ этой ссылкѣ такъ и именуется: *profession de foi*.

Здѣсь мы впервые получаемъ связное изложеніе той философской системы, надъ которою работалъ Огаревъ въ первое время своей ссылки (1835—38 гг.) и которая донынѣ была извѣстна только въ отрывкахъ, по его письмамъ, напечатаннымъ въ „Русской Мысли" 80-хъ годовъ и въ „Идеалистахъ тридцатыхъ годовъ" П. В. Анненкова. Но слѣдуетъ помнить, что это—только одна изъ версій системы, имѣвшей нѣсколько редакцій. Система зародилась въ умѣ Огарева очевидно еще до ареста; по крайней мѣрѣ, въ первомъ письмѣ, которое Огаревъ написалъ Герцену изъ ссылки, изъ Пензенской губ.,—отъ 29 августа 1835 года [1],—онъ, обращаясь къ своей

[1] „Изъ переписки недавнихъ дѣятелей", „Рус. Мысль" 1888, сентябрь, стр. 3 - 5. Письмо это въ „Рус. Мысли" ошибочно датировано 1836 годомъ: оно писано въ 1835-мъ, какъ о томъ упоминалъ Герценъ въ письмѣ къ Н. А. Захарьиной 1837 года. *Соч.* Герцена, изд. Павленкова, т. VII, стр. 251.

„спекуляціи", говоритъ: „Помнишь ли ты маленькій очеркъ мой? Да, можетъ быть, онъ у тебя" [1]. Это же письмо даетъ возможность установить terminus ante quem нашей рукописи: именно, здѣсь онъ впервые высказываетъ догадку, что первоначальное вещество есть свѣтъ [2]; въ нашей рукописи эта мысль формулирована уже опредѣленно. Съ другой стороны, версія нашей рукописи предшествуетъ той версіи, которая изложена въ письмѣ Огарева къ Герцену, писанномъ вѣроятно въ самомъ концѣ 1838 г. или въ началѣ 1839-го [3], потому что въ этомъ письмѣ система Огарева является гораздо болѣе разработанной, чѣмъ въ нашей рукописи (идея троичности положена въ основаніе всей схемы, серіи и пр.). Такимъ образомъ, для нашей рукописи опредѣляется промежутокъ: между серединой 1835 года и началомъ 1839-го. Отрывки изъ философскихъ писемъ Огарева къ московскимъ друзьямъ, приведенные Анненковымъ [4], не могутъ помочь болѣе точному датированію нашей версіи, потому что они сами у Анненкова не датированы.

Но есть вѣскія основанія думать, что наша версія писана уже послѣ женитьбы Огарева на Маріи Львовнѣ Рославлевой (26 апрѣля 1836 г.), и писана въ первой линіи именно для Маріи Львовны: оттого она и писана по-французски, какъ и письма Огарева къ ней до брака; весьма вѣроятно, что именно объ этой рукописи Огаревъ писалъ Герцену въ письмѣ, которое Герценъ получилъ въ Вяткѣ въ 20-хъ числахъ марта 1837 года: „Писалъ очеркъ моей системы (который, можетъ, дойдетъ и до тебя) и усталъ ужасно", и т. д. [5] Въ такомъ случаѣ нашу рукопись пришлось бы датировать началомъ 1837 г., чему вполнѣ соотвѣтствуетъ и характеръ изложенной въ ней схемы.

Французскій языкъ Огарева очень дуренъ и философская терминологія его крайне невыдержана; это необходимо помнить при чтеніи перевода, на которомъ не могли не отразиться качества подлинника.

---

[1] Тамъ-же, стр. 4.

[2] Тамъ-же. Въ „Рус. Мысли" очевидно опечатка; надо: „Не есть-ли первоначальное вещество свѣтъ..."

[3] „Рус. Мысль" 1888, сентябрь, стр. 12—16 (Огаревъ уже говоритъ о своей предстоящей вскорѣ поѣздкѣ къ Герцену, которая состоялась, какъ извѣстно, въ мартѣ 1839 г.).

[4] „П. В. Анненковъ и его друзья", Спб. 1892, стр. 40, 42.

[5] Герценъ, Соч., изд. Павленкова, т. VII, стр. 251 и 280—281 (здѣсь текстъ письма, оно же и въ „Рус. Мысли" 1888, сентябрь, стр. 5—6).

Гдѣ было возможно безъ нарушенія точности, въ переводѣ употреблены тѣ русскіе реченія и термины, которыми Огаревъ пользовался для изложенія своей системы въ своихъ одновременныхъ письмахъ къ друзьямъ.

I

(Profession de foi.)

I.

Préludes.

J'ai peu vécu mais j'ai beaucoup souffert. Souffert de cette souffrance qui se cache devant le monde mais qui torture l'âme d'autant plus qu'elle est inconnue, seule, rentrée en elle même, de cette souffrance morale, démon qui ronge sa victime, lui enlève une à une toutes les illusions de la vie et lui laisse le dégout et le désespoir. Alors restent deux chances: heureux celui qui, ferme et resigné, se relève et entre dans le chemin de la foi—mais l'autre chance est terrible—c'est la mort. Oui, il y a de ces douleurs qui ne peuvent finir que par la mort—et la mort des moralement malades c'est le suicide; il m'arrivoit d'y penser, mais étoit ce peur ou résignation je suis resté vivant et j'en remercie la providence.

J'apportai dans le monde un coeur plein d'amour, et le monde m'a glacé; une main amie me soutenoit encore, une seule âme rechauffoit la mienne—une seule!... et tous ces hommes qui passoient en foule devant moi pourquoi ne venoient ils pas me presser la main et m'offrir leur amitié, je leur en aurois donné tant de retour? Pourquoi me répugnoit-il, à moi, d'approcher les uns, pourquoi ma main restait elle froide dans celle des autres?—Ils ne sont pas venus m'ouvrir leur âme car il y avoit du noir au fond, horreur à montrer; je ne suis pas allé à eux par instinct; jeune pouvois-je les connoitre pour les hair ou les mépriser?.. et cependant je leur est voué haine et mépris... instinct mystérieux mais qui tourmente.

Dante Alyhieri! tu fais subir dans ton enfer la première peine à ceux qui n'ont fait durant leur vie ni bien ni mal, rien fait pendant toute une vie! et la dernière peine aux traitres. Eh bien, j'ai vu toute l'échelle, depuis l'égoïste paresseux jusqu'au traitre, je les ai vu tous, tous ont eu une influence dans les circonstances de ma vie... Grand

Dieu! que me restoit-il donc?.. haine et mépris! Pauvre vie!.. pauvre vie!.. Il falloit mourir.

Mais mon intelligence travailloit, je questionnai les faits et les siècles,— je cessai d'aimer les hommes et j'aimai l'univers, car il falloit que j'aime, mon coeur étoit gros d'amour. J'aimai l'univers, j'aimai Dieu, car dieu et l'univers c'est un. Je me perdais dans cet amour, moi si peu de chose dans cette immensité et j'ai vu alors ma déstinée écrite, c'était dévouement et abnégation de soi-même. Et ensuite je me sentois grand, grand de toute la grandeur de Dieu, car je l'aimai ce Dieu et l'amour s'approprie ce qu'il aime, et ma destinée s'éclaircit encore, c'étoit — montrer aux hommes la voie divine.

Mais il falloit trouver cette destinée et pour cela il falloit entrevoir tous les fils qui attachent mon existence à celle du grand Tout; c'est de cela que nacquit mon système, c'est cette impulsion qui m'a dévoilé la verité, et je vis d'une vie sublime dans le monde que j'ai compris,... mais le désespoir me prend lorsque je redescends sur la terre.

Dans le livre du monde je n'avois à lire
Qu'une page remplie de malheur,
Et des accords plaintifs s'échappoient de ma lyre
Et la corde frémissoit de douleur.
Un désespoir delirant déchiroit mon âme,
Bientôt je me sentois las de souffrir,
D'une pauvre vie j'étaignis la triste flamme
Et mon bras étoit levé pour mourir.

Mais le voix de Dieu retentit dans le tonnerre,
Et je levai la tête vers les cieux,
La voute s'agitoit au dessus de la terre
L'immensité s'ébranloit à mes yeux.
Et je compris que Dieu se revêt de la vie,
De la vie de l'immense univers,
Je me compris moi même et ma voix annoblie
Du grand tout retentit dans les concerts.
J'ai compris: l'homme est petit, l'humanité grande
Pour elle je voue penser et action,
Sur son autel de ma vie je fais offrande,
Et j'accomplirai ma sainte mission.

II.

Dieu.

> Et s'ils me demandent, Seigneur, qui t'a envoyé que leur dirai-je? — „Dis leur que *Je suis* t'a envoyé"
>
> (Moïse Livre de la génèse).
>
> Au commencement étoit le verbe et le verbe étoit à Dieu et Dieu étoit le verbe... Et le verbe se fit chair
>
> (Evangile de Johannes).

Je te cherchois, o mon Dieu, parmi les croyances humaines et je ne voyois que cette figure immense mais à forme humaine, imaginée par les hommes par besoin de croire et pour porter consolation à leurs douleurs morales—et je ne croyois pas. On me disoit que tu es un Dieu vengeur, un Dieu qui après avoir fait souffrir tes créatures ici bas, leur as préparé un autre monde pour punir les méchants et récompenser les bons; Dieu juge, consolant pour ceux qui voient le crime impuni sur la terre!—je ne te croyois pas.

Et cependant mon intelligence avoit besoin de croire, la rigidité logique de mon esprit vouloit que je crois—alors j'ai rejetté toutes les croyances humaines je me suis recueilli en moi-même, je me suis orienté au milieu de la nature et j'ai adoré Dieu.

Toutes les choses vivent et se meuvent au milieu du temps et de l'espace, mais le fond de toutes c'est l'existence. L'existence se présente donc sous la double condition de temps et de l'espace. Dieu ne peut être conditionné puisqu'il est le principe du monde qui doit lui-même conditionner toutes les choses; Dieu est donc un principe du monde hors du temps et de l'espace, sans aucune condition, qui est parce qu'il est, nec plus ultra; c'est l'être absolu. Concevez bien ce mot: être absolu, mot abstrait mais qui résume tout. *Etre* (Seyn, бытие) l'intélligence comprend si bien ce mot, si clairement qu'en le nommant elle l'a déjà expliqué; *absolu*—voyez ici l'independance de toute chose et la consistance par soi-même. *L'être absolu*, c'est donc un être qui est par soi-même, sans condition, qui est parce qu'il est.

Si l'être absolu est—donc il sent qu'il est, donc il se pense. L'être absolu a l'idée de soi-même, mais cette idée lui est si immédiatement liée, que dès que je dis qu'il est je comprends qu'il se pense, qu'il

est à la fois en réalité et en idée. A la fois puisque s'il est il se pense, s'il se pense il est; la réalité et l'idée en lui sont un.

Si l'idée et la réalité sont identiques il s'en suit que dès que la réalité est elle devient idée, elle s'idéalise; dès que l'idée est elle devient réalité, elle se réalise. Dieu étant réalité (être absolu) se fait idée et cette idée de l'être absolu se réalise, elle se réalise dans l'univers; oui! la réalisation de l'idée de Dieu c'est l'univers. Et l'univers comme Dieu n'a ni commencement ni fin, puisqu'en lui la réalité et l'idée sont à la fois et non dans des séries qui se suivraient l'une l'autre; et l'univers comme Dieu est hors du temps et de l'espace, puisqu'au lieu de l'espace l'univers contient l'immensité, et l'éternité au lieu du temps. Le temps et l'espace sont les relations des choses entre elles, mais l'être dans l'infini et l'éternel, dans l'univers est un et invariable.

Or, voici le cadre du système:

Pour se réaliser l'idée de l'être absolu a du prendre une forme et cette forme c'est l'existence; l'existence s'idéalise dans le temps et l'espace (séries), elle se réalise dans la matière. La matière en s'idéalisant et en se réalisant, en se posant à la fois en idée et en réalité, a produit les existences qui peuplent le monde jusqu'à l'homme où elle s'est faite idée. L'humanité c'est une idée qui se réalise. Le lien de l'idée et de l'univers c'est l'amour divin, purement intellectuel; le lien de la nature c'est l'affinité—amour matériel pour ainsi dire; le lien de l'humanité c'est l'amour moral. De la nature à l'homme il y a marche progressive.

Observez ici la loi divine que régit le monde, c'est que la réalité s'idéalise et l'idée devient réalité.

Maintenant aux faits.

Remarque. Moïse a eu la pensée que dieu est l'être absolu—pour preuve l'épigraphe du chapitre. Le verbe (Λόγος) de l'évangile c'est l'idée; car Λόγος en grec signifie aussi idée; et voyez comme la parole et l'idée se sont présentés liées aux Grecs, peuple éminement spirituel; si liées qu'ils ont un même mot pour les désigner.—Le verbe s'est fait chair—c'est l'idée de dieu qui s'est faite univers. C'est ainsi que je le comprends. Et voyez la marche progressive de l'esprit de l'humanité: avant elle a eu la pensée de l'être absolu; ensuite de son rapport à l'idée. Mais nous reviendrons à cela.

III.

Nature.

L'idée de l'être absolu se réalise, ai-je dit, en existence, et par cela elle entre dans le domaine du temps et de l'espace. L'existence s'idéalise dans le temps et dans l'espace puisque l'idéalisation c'est l'acte progréssif, l'acte par lequel tout marche dans l'univers; or l'existence se projette dans des series et le temps et l'espace sont des series. Mais pour qu'elle puisse se projetter dans des series il faut qu'elle prenne réalité, consistance — et cette réalité c'est la matière. Voici la marche qu'on doit remarquer jusqu'à présent:

Etre absolu { idée — idée-series. / existence — matière.

Et la matière pour suivre la loi divine doit s'idéaliser; or son idée avions nous dit c'est la projection en series—c'est l'expansion. Comme l'existence dans son idéalisation, dans les series, reste toujours immuable, de même la matière doit conserver une consistance dans l'expansion. Voilà donc le caractère de la matière primitive, mais quelle est elle cette matière. Je hasarde une hypothèse et pourquoi ne le ferai-je lorsqu'au pressentiment de la vérité je joins l'évidence des resultats?

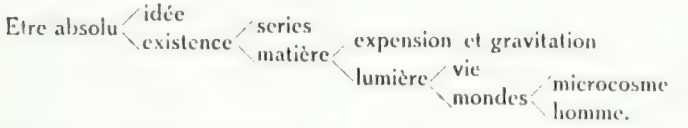
Cette matière primitive, c'est la lumière. Oui, puisqu'elle contient consistance ou gravitation et l'expansible; y-a-t'il quelque chose de plus expansible que la lumière et c'est vers le soleil que gravitent les planètes.

Etre absolu { idée / existence { idées-series — expansion / matière — gravitation } lumière.

La lumière s'idéalise dans la nature; l'expression de cette idée c'est le magnétisme, car c'est encore la gravitation et l'expansion, mais dans la vie planétaire (régne minéral). Voyez ce lien que le magnétisme forme entre les êtres inanimés, lien qu'on appelle tout simplement affinité chimique, mais que moi dans mes rêves j'ai cru être l'amour materiel pressentiment de l'amour moral qui est du domaine de l'humanité. Et n'est ce pas bien sublime à voir tous ces corps qui se meuvent l'un vers l'autre, se rencontrent s'unissent, et tantôt forment de nouveaux corps tantôt ces cristaux si luisants, dernière et la plus belle expression de la vie planétaire, que l'œil de l'homme admire. A genoux devant toi nature, grandiose dans tes dimensions, belle dans tes plus moindres atomes.

Et voilà que le magnétisme s'idéalise dans la vie organique, se projette et de la vie planétaire s'échappe la plante gracieuse aux couleurs si variées. Ici plus de désordre tout est régulier. L'idée de la plante c'est le grain (embryon), et la plante en est la réalisation; réalisation qui vient d'un seul jet et non par assimilation comme dans le régne précédent; l'amour materiel s'est aussi élevé à un plus haut degré; il s'est reservé dans la fleur et les individus végètaux se propagent. Mais la vie organique va plus loin et voici le régne animal qui paroit plein de force et de mouvement, plein de sentiment; la plante n'en a pas encore ou bien rarement (comme dans la plante dont les feuilles attrappent les insects qui s'y posent et dont le nom m'échappe). Mais l'animal est déja plein de sentiment, l'animal est un monde a part, il n'est plus collé à la terre et ses désirs instinctifs sont comme un antécédant de la vie morale. Et en effet tout de suite après, comme une dernière réalisation de la matière qui s'idéalise, vient l'homme. Mais malheur aux naturalistes qui le repoussent dans la classe des animaux dans leurs livres d'étude; pauvres esprits qui ne se sont pas compris et ne voient dans l'homme que l'animal bipède sans plumes. Non l'homme est un monde à lui, il a recueilli en soi tout ce monde qui l'a précédé et de plus il a recueilli en soi la vie divine dans sa pureté intellectuelle.

Voici le cadre de la nature:



J'aurais voulu présenter les systèmes ou classifications des trois régnes (minéral, végétal, animal) mais le temps et l'expérience me manquent. Cette ébauche de la nature est trop imparfaite, je le sens, mais il faudroit des années et des voulumes pour que cela s'éclaircisse à me propres yeux.

PS. Cette ébauche est bien imparfaite, obscure même je le sens, mais il faudroit des explications que le temps et la place ne me permettent pas de faire. Plus d'étude, infiniment plus d'étude pour s'orienter ici. Mais helas! la vie est courte et la science infinie!..

IV.

Homme.

L'homme est donc la plus haute réalisation de la matière; la plus haute puisque dans son organisation toute la nature se recapitule; tous les dégrès de l'échelle animale se trouvent repétés dans le corps humain (Voyez Geoffroi de St. Hilaire: histoire naturelle des mammifères). Et maintenant cette réalité materielle, l'homme, commence à s'idéaliser; il se pose lui même en idée et de là vient l'intelligence; pour poser l'idée de soi-même il doit se voir, ensuite comparer ce qu'il aura vu à ce qu'il pense et enfin se reconnoitre. De là la marche logique de l'intelligence: Contemplation, Raisonnement, Conclusion. L'homme (l'individu) réalise l'idée de soi-même dans sa vie; nous voici au chapitre de la volonté; la volonté c'est l'amour; l'amour de son existence et alors c'est égoïsme, ou l'amour de sa nature humaine et alors c'est dévouement, car s'il aime son existence, il s'isole, s'il aime sa nature humaine il aime en soi tout l'univers, il aime en soi Dieu, puisque dans sa nature humaine toute la nature s'est réunie, il falloit un univers pour produire l'homme, la plus parfaite manifestation de Dieu. Et voyez donc un peu quels liens attachent les individus les uns aux autres; voyez cette marche de l'idée divine dans l'univers qui s'est posée comme base, comme lien, comme âme de toutes les existences, pouvez vous renier alors que chaque existence a une influence l'une sur l'autre par ce lien commun, une influence telle que si vous otez un atome de ce grand Tout—vous détruisez l'univers? Et pouvez vous renier alors l'influence des individus humains les uns sur les autres, influence occulte même, mystérieuse, et qu'on nomme Magnétisme animal; et pouvez vous renier d'autant plus l'influence morale et intellectuelle qui se propage avec la rapidité de la pensée et que je nommerais volontiers: magnétisme du sentiment et de la pensée? Non ce lien existe; j'en suis tellement convaincu que je crois que si l'homme réuniroit dans sa pensée toute cette marche divine depuis l'être absolu jusqu'à son individu, qu'ainsi fort de l'idée de l'univers entier il pourroit influencer par cette pensée, rien qu'en y pensant les autres individus;—point de folie peut-être et, mais, qui dirait que cela n'est pas? — Mystère et toujours mystère, quand donc saurais je tout?

L'amour des hommes entre eux, cette fraternité si belle et si pure proclamée par Jesus, c'est aussi le reflet du lien commun, de cette âme

du monde qui vit dans l'univers, c'est dans l'amour de Dieu que repose l'amour des hommes—l'égoïsme est athée.

Comme l'idée de l'homme individu se réalise dans sa vie, de même l'idée de l'esprit humain se réalise dans l'humanité. Et l'humanité comme l'esprit suit la marche de l'intelligence. Mais voici que je viens aux prédestinations: oui, si l'humanité suit la marche de l'intelligence elle va vers un but, une conclusion, et alors chaque individu doit concourir à cette conclusion, chaque individu a une tache à remplir dans l'humanité, chaque individu a une mission que l'âme du monde dans l'ordre de sa voie en se revelant en lui implique, chaque individu est un apôtre d'une idée et c'est ainsi que nous vient la révelation divine. Mais où est la volonté alors? La volonté elle existe toujours parce que l'âme du monde est libre, c. à d. toujours suivant sa propre loi, ne s'écartant jamais de sa propre nature. Mais pourquoi alors l'homme s'écarte-t-il de sa propre nature et engendre le mal? A-t-il une mission pour le mal? Ou sont ce des élus ceux qui ont des missions? Oui ce sont des élus, oui il y a des élus, parce que l'individu pour soi même n'est rien s'il est isolé, il a une signification dans l'humanité, et pour l'humanité la nature engendre les génies qui doivent la conduire vers son but et c'est dans ces chefs d'oeuvres de la nature humaine, que l'âme du monde se revèle à l'humanité et lui montre le but où elle doit tendre. Aussi ne vous effrayez pas du mal, le mal est une dissonance dans l'harmonie, et toute harmonie finit par un parfait accord.

L'homme est une réalité materielle, l'humanité représente cette phase de la nature humaine par l'industrie; l'homme se pose en idée, de là l'intélligence, et l'humanité la represente par la science; l'homme réalise son idée par l'action et ici c'est l'homme moral que l'humanité représente par la société et par la force créatrice de l'homme: l'art. Mais le lien de la nature humaine c'est l'intélligence et l'humanité suit la voie de l'intélligence.

V.

Humanité.

Oui, l'idée de l'homme se réalise dans l'humanité, et pour se réaliser elle y suit la voie de l'intelligence. Or, nous avons dit que l'intelligence a trois moments: le moment de la contemplation, celui du raisonnement

et celui de la conclusion. Donc l'humanité doit nécessairement renfermer ces trois moments de l'intelligence; elle les renferme; voyez l'histoire et vous verrez que c'est une vérité.

Première période. Contemplation. La nature imposante et grandiose s'est emparée de toute l'existence de l'homme; il ne la domine pas, il ne lutte pas avec elle, il lui est soumis comme un enfant encore faible. Il la regarde étonné et s'abandonne à elle; tout ce qu'il conçoit, tout ce qu'il sent il le reporte dans la nature dans ce qui n'est pas lui. Son dieu c'est la nature, sa morale c'est la nature, son art c'est la nature. Voyez la religion de l'antiquité, non seulement que la divinité y est conçue dans la nature, matérialisé pour ainsi dire, mais encore suit elle à differentes époques la formation de la nature. Voyez ces peuplades qui adorent tantôt le soleil, tantôt les planètes, materialisant ainsi Dieu dans la vie planétaire, voyez l'indien qui adore la feuille du lotos, et ainsi Dieu se trouve matérialisé dans la vie végétale, voyez l'Egyptien adorant son Apis et matérialisant ainsi la divinité dans la vie animale. Ensuite vient l'antropomorphisme, et Dieu se revêt de la forme humaine; la réligion a suivi la voie de la nature; aussi comme elle est symbolique cette réligion! Combien d'idées sublimes et profondes sont cachées dans les mythes de l'antiquité; car toute existence dans la nature revèle en soi une idée de Dieu. Mais comme Dieu a réalisé son idée dans la nature en la faisant matière, et en même temps en la réalisant dans l'univers, de même des peuples ont adoré des êtres partiels de la nature et d'autres ont adoré l'univers. Le monothéisme des Hebreux c'est l'adoration de l'univers; car quoique Moïse ait l'idée de l'être absolu, mais son Dieu est encore comme une force matérielle qui domine et écrase, à forme grandiose plus qu'humaine, mais ni idée pure, ni être dans la plus haute conception du mot. Mais toujours plus élevée que toutes les autres, la religion de Moïse paroit en rapport aux autres religions comme l'univers envers ses parties.—Voilà pour la religion; maintenant voyez la tendance morale; voyez la société, c'est la domination de la force matérielle que vous y trouvez; c'est Nemrod, chasseur, c'est l'homme plus fort qu'une bête féroce qui devient despote, et tout le despotisme asiatique est le vrai type de la force matérielle dominant la société. La Grèce aussi a ses héros pleins de cette force, c'est Achille guerrier térrible; Lacédèmone a toute son institution faite pour acquerir une force matérielle; et la démocratie de la docte Athène, n'est que l'expression de la force matérielle du peuple. Enfin la dernière

réalisation de la société antique de l'idée de la force matérielle c'est Rome. — L'art de l'antiquité est colossale comme la nature, mais aussi comme la nature est il entièrement plastique. La poèsie c'est une copie de la nature; l'homme n'est pas encore rentré dans son âme, il ne fait que regarder autour de soi et redire ce qu'il voit; les héros d'Homère sont des athlètes, les femmes sont l'expression de la beauté plastique. Et au dessus de toutes ces personnes renfermés dans les poèmes anciens, nous voyons un sort qui subjuge, anéantit—ce sort c'est la domination de la nature.—L'industrie ancienne ne fait que prendre à la matière ce qu'elle peut donner, mais ne la dirige pas au gré de l'esprit; c'est qu'aussi la nature est encore fertile, tendre nourrice de l'homme, son enfant.

Seconde Periode. Raisonnement (comparaison de l'idée à son objet). Ici tout est opposition, l'homme se rencontre avec les choses, se place devant eux, réfléchit et la lutte s'engage. Dans la religion c'est Dieu qui s'oppose à la matière. Dieu est bon et la matière mauvaise; voila ce qu'enseigne le Christianisme; pour être bon il faut s'élever à Dieu et s'éloigner de la matière, et l'homme lutte dans sa tendance morale avec la nature, il veut s'échapper de la triste terre qu'il habite, et la terre ne le laisse pas, il lutte pour s'élever à la divinité et succombe, il succombe pleure et croit à un autre monde où sa lutte sera recompensée. Et cette lutte est partout. Elle est dans la société et là le pouvoir de Dieu combat—le pouvoir du monde, la force spirituelle — la force matérielle, le pape—le roi. L'art aussi est basé sur des contrastes: c'est l'architecture Gothique qui se reposant grandiose sur la terre élève sa croix dans les nues, parfaite expression de l'homme qui malheureux sur la terre porte sa prière vers le ciel; c'est le diable qui combat la divinité, c'est le mal qui combat le bien dans le poème du Dante; c'est la matière qui combat l'âme dans le drame de Schakespeare, c'est la nécessité qui combat la volonté dans Goethé et enfin au cris de désespoir de Byron se mèle en politique le triste système des garanties, où tout est opposition; roi, aristocratie, peuple, tout lutte, tout est malheureux; la pauvreté oppresse l'homme et dans son industrie il lutte avec la matière—et le tout est dominé par l'idée: *il réfléchit*. Est ce là la fin—non il faut *la conclusion, l'avenir*. Ecoutez l'intelligence prophétise, écoutez je vais vous parler de l'avenir de l'humanité, beau et grand comme le rêve d'un poète. Oui, vous n'adorerez plus ce Dieu qui s'oppose à la nature qu'il a crée, vous adorerez le Dieu qui se

revèle dans l'univers, panthéisme sublime, où tout devant vous rentrera dans cet ordre qui est au dessus de toutes choses et que vous nommez la providence, c'est cette voie logique de Dieu, d'où vous ne pouvez pas oter impunément la moindre action humaine; oui, vous adorerez l'être absolu dans l'immensité et l'éternité de l'univers. Et le pouvoir du monde tombera, et une hierarchie qui vous révelera la divinité et vous éclairera le chemin succedera, et votre art sera l'expression de la divinité dans l'univers, il sera le poème de l'univers, l'hymne à Dieu. C'est dit. Je vois le siècle qui passe et meurt et l'avenir qui renait de sa cendre. J'irai dire mon mot de cet avenir, voilà ma tache à moi, j'y vais et périssent les entraves que je rencontre dans mon chemin.

Un mot sur l'amour moral: dans le Christianisme c'est dit: aime ton prochain comme toi même; dans l'avenir on dira: aime ton prochain plus que toi-même. Là charité, ici abnégation de soi-même. Dans la société antique l'égoïsme disparut dans l'amour de la famille, de la patrie; dans la société moderne l'égoïsme disparut dans l'amour de la nation, dans l'avenir l'égoïsme disparoitra dans l'humanité. Il eut des cités dans l'antiquité, des nations chez les modernes, il n'y aura que l'humanité dans l'avenir; les hommes seront *un* peuple de frères.

VI.

Conclusion.

Ma prière.

Etre absolu! Gloire à toi! parce que tu es.

Gloire à toi parce que tu es dans l'univers et l'univers en toi!

Gloire à toi parce que tu es dans l'humanité et l'humanité en toi!

Gloire à toi, parce que tu es en moi et moi en toi—et je tacherai de marcher dans tes vois et d'accomplir ce que tu m'auras ordonné. Gloire à toi! Amen!

VII.

Chapitre qu'il ne falloit pas écrire.

Epitre de Méphistophéles au poëte.

Et pourquoi cette presomption dis moi poëte?
Qui te l'a mis donc cette idée dans la tête,

Que tu sois élu pour proclamer la parole
Du grand être divin au siècle qui s'envole?
Et quelle raison pour te choisir? Qu'en dis tu?
As tu jamais joui d'une plus haute vertu
Que tant d'autres? Ou bien comptes tu dans ta vie
Plus d'actions bonnes que de mauvaises? Folie!
Tu es fou mon cher, pauvre garçon tu es fou,
Fou—rien de plus, oui fou mon cher et voilà tout.
Pourquoi croire que la divinité s'abaisse
D'élir un si chétif? Pardon, si ça te blesse.
Rentre dans la foule; pour élu—tu n'es pas,
Crois en au diable, ami, ha, ha, ha, ha, ha, ha!

II.

Amour.

Nenne meine Faura mir den Wirbel,
Der zum Körper Körper mächtig reißt,
Nenne meine Faura mir den Zauber
Der zum Geist gewaltig zwingt den Geist.

1.

Regarde en toi-même, mon âme, et cherche: qu'est ce ce désir insatiable d'aimer? D'où vient il? qu'est ce qui l'a fait naitre? Pourquoi se rapporte-t-il toujours à une femme? Toute ma vie s'est passée à la recherche de l'amour; le rêve étoit vaste, le rêve étoit beau et la réalité apportoit des déceptions poignantes. Et savez vous que ces déceptions laissent dans l'âme tant de sombre qu'on est porté à crier au desespoir, on se sent si seul, si abandonné et ensuite le désir d'aimer renait avec une force nouvelle et de nouveau on cherche la femme qui puisse remplir l'âme, pour laquelle sont toutes les pensées de l'esprit, toutes les sensations du coeur, pour laquelle il n'y a pas de dévouement trop grand, de sacrifice impossible, la femme qui vous aime de tout l'amour d'une belle âme, dont l'affection est quelque chose de sublime et de saint, dont le regard vous arrache une larme de bonheur, dont le baiser vous saisit comme un vertige, et le ciel et la terre s'écrouleroient que vous ne le sentiriez pas, la femme du rêve enfin

avec cette candeur angélique et cet amour qui vous revêle tout un univers. Eh bien! qu'est ce donc ce désir insatiable d'aimer et pourquoi se rapporte-t-il toujours à une femme?

2.

L'amour vint me saisir dans un tout jeune âge et me trompa après ne s'être laissé qu'entrevoir. C'est encore avec délice que je donne un souvenir à ce temps si plein de vie, où toutes les idées ressortoient de leurs germes, les passions s'éveilloient et l'homme commençoit à sentir battre son coeur avec force. Qu'étoit l'amour alors, je ne le comprends pas. Ce n'étoit ni rêve ni réalité. Ce n'étoit pas un rêve car je n'en avais pas l'idée avant; ce n'étoit pas une réalité, car il s'évanouit trop tôt. Il s'évanouit en laissant une impression douloureuse, en otant la foi dans les hommes, la foi dans l'amour sur la terre. Oui, quand on s'est vu tromper par la première femme qu'on a aimé—plus de foi dans l'amour, toutes les illusions vous sont ravies d'un seul coup. Plus tard le tumulte de la jeunesse me fit comprendre la femme matériellement, mais l'amour n'étoit plus dans l'âme - il resta un rêve.

3.

Oui, le désir insatiable d'aimer remporta l'amour dans un rêve. Et comme il étoit beau dans ce rêve, comme il s'y maintint pur et sublime avec toutes ces émotions enivrantes, sa douce tristesse et ses vagues désirs. Mais la femme de mon rêve n'avoit pas de forme, c'étoit quelque chose d'immatériel comme l'idée que j'avois de l'amour. Une sympathie d'esprit à esprit, une étreinte des âmes, c'étoit comme une musique lointaine qui n'est pas distincte pour l'oreille, mais qui émeut, mais qui fait penser et souffrir. Je n'étoit pas content. Tout sentiment veut se réaliser. Je n'avois pas compris l'amour, car celui là n'existe pas, comme il n'existe pas d'idée sans forme, comme il n'existe pas de divinité sans l'univers. Mon coeur se brisa, je perdis l'amour de mon rêve et ma pauvre tête bruloit et se consumoit au milieu des doutes innombrables.

4.

Je m'abandonnai aux travaux de l'esprit, audacieusement je déployai le livre de la nature; bien des idées vinrent m'assaillir, bien des efforts agitèrent l'âme, bien de mystères se dévoilèrent—et l'horizon de l'amour devint plus clair.

5.

Pourquoi l'amour n'existe-t-il qu'entre des individus des sexes différents? — Tout dans la nature porte l'empreinte de la différence des sexes et cette différence est la cause de la tendance qu'ils ont l'un vers l'autre. Mais qu'est ce cette différence en elle même—question jusqu'à présent pour moi insoluble, tout ce que je sais c'est que la tendance entre eux existe. Dans la plante ce n'est que le produit des forces planétaires — l'électricité peut-être. — Dans l'animal c'est de l'instinct et peut-être une première réalisation de libre arbitre. L'homme c'est la matière qui s'idéalise *. Résumant en soi tout le monde matériel il contient en soi la tendance physique d'un sexe à l'autre, mais il l'idéalise, mais il élève cette tendance à une tendance d'idée à idée, d'âme à âme. Et l'amour devient la plus haute expression de l'homme sur la terre, puisqu'il renferme l'homme entier — c. à d. l'union du monde matériel et du monde intellectuel, il renferme tout un univers. C'est pourquoi l'amour absorbe, puisque toute la vie humaine est là; aimer c'est vivre. Quand j'aime, c'est moi homme, resumé du monde matériel, qui m'élève vers la divinité — vers le domaine de l'intélligence; j'aime et dans ce mot je vois s'anéantir l'abime qui me sépare de Dieu, car je sens mon corps s'unir à l'âme, la matière à l'idée et l'amour devient comme un hymne du monde matériel à la divinité. Et la matière elle même s'ennoblit en moi; ce n'est plus un désir instinctif, aveugle, brute que je ressens — non — je cherche un mot pour cette sensation et le voilà: volupté. Le baiser dans l'amour humain, dit Herder, est déjà une preuve de la noblesse de l'homme.

6.

Volupté, volupté! Les hommes ont avili ce mot par leur dépravation; ils ont cru que leurs baisers sans amour, que leur désirs brutes— c'est de la volupté! Erreur! Il n'y a pas de volupté sans amour. Et qui vous a prié de vous avilir vous même et par là avilir une sensation humaine, qui n'a rien d'avilissant en soi! Oui, quand mon âme s'est unie à l'âme d'une femme, j'aime à la regarder, j'aime à voir ses yeux où son âme me parle de l'amour, j'aime à ressentir l'attouchement de ses cheveux sur mon visage, j'aime à aspirer le souffle de son haleine, qui semble m'identifier à elle, j'aime l'étreinte de ses bras qui me rendent tout à elle, en m'enlevant à tout ce qui m'entoure, j'aime ce baiser

* Voyez profession de foi.

qui semble nous unir en un même individu et la volupté ne me parait pas avilissante. Oui il n'y a de la volupté qu'en amour. C'est qu'en amour la tendance l'un vers l'autre est tellement grande qu'on ne voudrait former qu'un même être. Oui, l'amour humain c'est l'union de corps à corps, d'âme à âme, l'union du monde matériel et du monde idéal, c'est l'univers se renfermant dans deux êtres qui s'identifient.

7.

Voilà comme j'avois compris l'amour. Mais pour l'union d'âme à âme, pour réaliser dans toute sa plénitude l'amour humain, il me falloit une femme qui soit accessible à ce monde divin des idées, accessible à cet amour vaste qui reunit en soi tout l'univers. Je la cherchais, je ne la trouvais pas.

(Переводъ.)

I.

Прелюдія.

Я мало жилъ, но много страдалъ, страдалъ тѣмъ страданіемъ, которое таится отъ міра, но терзаетъ душу тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе она безотвѣтна, одинока, углублена въ себя,—тѣмъ нравственнымъ страданіемъ, которое, какъ злой духъ, гложетъ свою добычу, отнимаетъ у нея одну за другою всѣ иллюзіи жизни и оставляетъ ей отвращеніе и отчаяніе. Тогда остаются два выхода: счастливъ, кто съ твердой рѣшимостью и смиреніемъ способенъ подняться и вступить на путь вѣры; но второй выходъ страшенъ: это—смерть. Да, есть страданія, которыя кончаются только смертью, а смерть нравственно-больныхъ—самоубійство. Я иногда думалъ о немъ, но, былъ-ли то страхъ или покорность, я остался въ живыхъ, и за это я благодарю Провидѣніе.

Я принесъ въ міръ сердце, полное любви, а міръ оледенилъ меня. Дружеская рука еще поддерживала меня, одна душа согрѣвала мою—одна единственная!... а всѣ эти люди, которые толпою шли мимо меня, почему не подходили они, чтобы пожать мнѣ руку и предложить мнѣ свою дружбу? вѣдь я такъ щедро отплатилъ бы имъ тѣмъ-же! Почему мнѣ самому претило приближаться къ однимъ, почему въ рукѣ другихъ моя рука оставалась холодной?—Они не хотѣли открыть мнѣ свою душу, потому что въ глубинѣ ея была чер-

нота, которую они боялись обнаружить; я же не шелъ къ нимъ по инстинкту: будучи молодъ, могъ-ли я стремиться узнать ихъ для того, чтобы ненавидѣть и презирать ихъ?... И тѣмъ не менѣе, я проникся ненавистью и презрѣніемъ къ нимъ... инстинктъ таинственный, но мучительный.

Данте Алигьери! въ твоемъ аду ты обрекаешь первой мукѣ тѣхъ, кто въ жизни не творилъ ни добра, ни зла, кто ничего не сдѣлалъ въ продолженіе цѣлой жизни!—а послѣдней—предателей. И вотъ, я видѣлъ всю іерархію, начиная съ празднаго эгоиста, кончая предателемъ, я видѣлъ ихъ всѣхъ,—они всѣ имѣли вліяніе на обстоятельства моей жизни... Боже! что-же мнѣ оставалось?... ненависть и презрѣніе! Бѣдная жизнь!... бѣдная жизнь!... Надо было умереть.

Но мой умъ работалъ, я вопрошалъ событія и вѣка:—я пересталъ любить людей и началъ любить вселенную, ибо я не могъ не любить,—мое сердце было переполнено любовью. Я полюбилъ вселенную, и полюбилъ Бога, потому что Богъ и вселенная—одно. Я потонулъ въ этой любви—я, столь ничтожный среди этой безконечности,—и тогда я увидѣлъ начертаннымъ мое предназначеніе: это были—преданность и самоотреченіе. И вслѣдъ затѣмъ я ощутилъ, что я великъ, великъ всѣмъ величіемъ Бога, ибо я любилъ этого Бога, а любовь присваиваетъ себѣ любимое, и мое назначеніе еще болѣе освѣтилось предо мною: оно заключалось въ томъ, чтобы указать людямъ божескій путь.

Но нужно было найти это назначеніе, и для этого нужно было разгадѣть всѣ нити, связывающія мое существованіе съ бытіемъ великаго цѣлаго. Вотъ откуда возникла моя система; именно это побужденіе открыло мнѣ истину, и я живу высокой жизнью въ мірѣ, понятомъ мною... Но когда я спускаюсь на землю, меня охватываетъ отчаяніе.

„Въ книгѣ міра мнѣ было суждено прочитать лишь одну страницу, полную горя, и съ моей лиры слетали жалобные аккорды, и струна дрожала отъ скорби. Безумное отчаяніе разрывало мою душу,—и скоро я изнемогъ отъ страданій, я былъ готовъ погасить печальный свѣточъ моей бѣдной жизни и уже поднялъ руку, чтобы умереть.

„Но Божій гласъ прозвучалъ въ громѣ, и я поднялъ голову къ небу; небесный сводъ колыхался надъ землею, безконечность сотрясалась предо мною. И я понялъ, что Богъ облекается жизнью, жизнью безконечной вселенной, и я понялъ себя самого, и мой облагороженный голосъ слился съ хоромъ великаго цѣлаго. Я понялъ, что

человѣкъ малъ, а человѣчество велико; человѣчеству я отдаю мою мысль и мое дѣло, на его алтарь я жертвенно приношу мою жизнь, и тѣмъ я исполню мое святое назначеніе".

II.

Богъ.

> И если они спросятъ меня, Господи, кто прислалъ тебя,—что̀ я скажу имъ?—„Скажи имъ, что Я прислалъ тебя".
>
> *(Моисей. Книга Бытія.)*

> Въ началѣ было слово, и слово было у Бога, и Богъ былъ слово. И слово стало плотью.
>
> *(Евангеліе отъ Іоанна.)*

Я искалъ тебя, мой Богъ, среди вѣрованій человѣческихъ, и видѣлъ лишь этотъ образъ необъятный, но съ человѣческимъ ликомъ, который люди выдумали изъ потребности въ вѣрѣ и ради утѣшенія въ своихъ нравственныхъ страданіяхъ; и я не вѣрилъ. Мнѣ говорили, что ты—Богъ-мститель, что ты—Богъ, заставляющій страдать свои созданія здѣсь, на землѣ, и уготовившій имъ другой міръ, чтобы тамъ наказывать злыхъ и награждать добрыхъ, Богъ-судья, утѣшительный для тѣхъ, кто видитъ преступленіе безнаказаннымъ на землѣ!- и я не вѣрилъ въ тебя.

Между тѣмъ мой разумъ нуждался въ вѣрѣ, логическая строгость моего духа требовала, чтобы я вѣрилъ. Тогда я отвергъ всѣ людскія вѣрованія, я сосредочился въ себѣ самомъ, созналъ свое мѣсто въ природѣ,—и поклонился Богу.

Все живетъ и движется во времени и въ пространствѣ, что̀ основа всякой вещи—бытіе. Такимъ образомъ, бытіе двояко-обусловлено: временемъ и пространствомъ. Богъ не можетъ быть обусловленъ, такъ какъ онъ—основное начало міра, которое должно само обусловливать всѣ вещи; слѣдовательно Богъ—внѣвременное, внѣпространственное, безусловное основное начало міра,—онъ есть, потому что есть, онъ—nec plus ultra, абсолютное бытіе. Поймите хорошо эти слова: абсолютное бытіе,—слова отвлеченныя, но вкратцѣ выражающія все. *Бытіе* (être, Seyn)—разумъ такъ хорошо, такъ ясно понимаетъ это слово, что, произнося, мы тѣмъ самымъ уже объясняемъ

его; *абсолютное* означаетъ, что вещь ни отъ чего не зависитъ и держится сама собою. Итакъ, *абсолютное бытіе*—это бытіе, существующее само собою, внѣ всякихъ условій, существующее потому, что оно существуетъ.

Если абсолютное бытіе существуетъ, то оно, конечно, и чувствуетъ, что существуетъ, слѣдовательно оно себя мыслитъ. Абсолютное бытіе имѣетъ идею самого себя, но эта идея такъ непосредственно слита съ нимъ, что говоря: оно есть, я разумѣю вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно себя мыслитъ, что оно существуетъ одновременно и въ дѣйствительности, и въ идеѣ; одновременно, ибо если оно есть, то оно и мыслитъ себя, и если оно мыслитъ себя, то оно есть; въ немъ дѣйствительность и идея—одно.

Если идея и дѣйствительность тожественны, то отсюда слѣдуетъ, что какъ только дѣйствительность возникаетъ,—она становится идеей, идеализуется, и какъ только возникаетъ идея,—она становится дѣйствительностью, реализуется. А такъ какъ Богъ—дѣйствительность (абсолютное бытіе), то онъ также—идея, и эта идея абсолютнаго бытія реализуется,—она реализуется въ мірозданіи: реализація идеи Бога есть мірозданіе. И мірозданіе, какъ Богъ, не имѣетъ ни начала, ни конца, такъ какъ дѣйствительность и идея сосуществуютъ въ немъ одновременно, а не въ видѣ послѣдовательныхъ рядовъ; и мірозданіе, какъ Богъ, пребываетъ внѣ времени и пространства, ибо вмѣсто пространства мірозданіе содержитъ въ себѣ безконечность, вмѣсто времени—вѣчность. Время и пространство суть отношенія вещей между собою, но Бытіе въ безконечности и вѣчности, въ мірозданіи—едино и неизмѣнно.

Итакъ, вотъ основныя черты системы.

Чтобы реализоваться, идея абсолютнаго бытія должна была принять форму, и эта форма—существованіе; существованіе идеализуется во времени и пространствѣ (ряды), реализуется въ матеріи. Матерія, идеализуясь и реализуясь, полагая себя одновременно въ идеѣ и въ дѣйствительности, произвела творенія, населяющія міръ, до человѣка, въ которомъ она стала идеей. Человѣчество—это реализующаяся идея. Связь между идеей и мірозданіемъ—божественная любовь, чисто-интеллектуальная; связующее начало природы—сродство, которое можно назвать матеріальной любовью; связующее начало человѣчества—нравственная любовь. Отъ природы до человѣка есть прогрессивный ходъ.

Замѣтьте здѣсь божественный законъ, управляющій міромъ, именно—что дѣйствительность идеализуется, а идея становится дѣйствительностью.

А теперь—къ фактамъ.

Примѣчаніе. У Моисея была мысль о томъ, что Богъ—абсолютное бытіе: доказательство—эпиграфъ къ этой главѣ. Слово (Λόγος) Евангелія — это идея, потому что Λόγος по-гречески значитъ также идея; и смотрите, какъ тѣсно-связанными представлялись слово и идея грекамъ, народу въ высшей степени духовному,—столь тѣсно-связанными, что они пользовались однимъ словомъ для обозначенія обоихъ. Слово стало плотью—это значитъ, что идея Бога стала мірозданіемъ; такъ я понимаю это. И обратите вниманіе на прогрессивный ходъ человѣческаго духа: прежде всего въ человѣчествѣ возникла мысль объ абсолютномъ бытіи, потомъ объ его отношеніи къ идеѣ. Но мы еще вернемся къ этому.

III.

Природа.

Идея абсолютнаго бытія, сказалъ я, реализуется въ существованіи и тѣмъ вступаетъ въ царство времени и пространства. Бытіе идеализуется во времени и въ пространствѣ, ибо идеализація есть прогрессивный актъ, тотъ актъ, которымъ все движется въ мірозданіи. Но бытіе проявляется рядами, и время и пространство суть ряды. Но для того, чтобы оно могло проявляться рядами, оно должно воплотиться, стать реальностью, и эта реальность есть матерія. Такова послѣдовательность, которую пока слѣдуетъ замѣтить:

Абсолютное бытіе: 1. идея; 2. существованіе.

Существованіе: 1 идея-ряды; 2. матерія.

И матерія, повинуясь божественному закону, должна идеализоваться; но ея идея, сказали мы,—проявленіе въ рядахъ, другими словами—распространеніе. Какъ бытіе въ своей идеализаціи, въ рядахъ, остается всегда неизмѣннымъ, такъ и матерія должна сохранять нѣкое постоянство въ своемъ распространеніи. Итакъ, вотъ каковъ характеръ первоначальной матеріи. Но что такое эта матерія? Я рѣшаюсь высказать гипотезу,— и почему же мнѣ не сдѣлать этого, если къ предчувствію истины присоединяется для меня очевидность результатовъ?

Эта первоначальная матерія есть свѣтъ. Да — потому что ея признаки — плотность или тяготѣніе и расширяемость, — а есть-ли что-нибудь, что̀ обладало-бы большею расширяемостью, чѣмъ свѣтъ, и созвѣздія тяготѣютъ къ солнцу.

Абсолютное бытіе: 1. идея; 2. существованіе.

Существованіе: 1. идея-ряды; 2. матерія.

Матерія: 1. расширяемость; 2. тяготѣніе.

Расширяемость + тяготѣніе = свѣтъ.

Свѣтъ идеализуется въ природѣ; выраженіе этой идеи — магнетизмъ, потому что это тѣ-же тяготѣніе и расширяемость, но въ планетной жизни (царство минераловъ). Обратите вниманіе на связь, какую составляетъ магнетизмъ между неодушевленными существами, связь, которую называютъ просто химическимъ средствомъ, но которая мнѣ, въ моихъ мечтахъ, представляется матеріальной любовью, предчувствіемъ нравственной любви, присущей одному человѣчеству. И не величественно ли видѣть, какъ всѣ эти тѣла движутся одно къ другому, встрѣчаются, соединяются и образуютъ то новыя тѣла, то блестящіе кристаллы, это послѣднее и прекраснѣйшее проявленіе планетной жизни, чарующее человѣческій взоръ? На колѣни предъ тобою, природа, грандіозная въ своихъ размѣрахъ, прекрасная въ своихъ малѣйшихъ атомахъ!

И вотъ магнетизмъ идеализуется, проявляется въ органической жизни, и изъ планетной жизни возникаетъ граціозное растеніе, столь разнообразно окрашенное. Здѣсь больше нѣтъ безпорядка, все правильно. Идея растенія—зерно (зародышъ), и растеніе—его реализація, реализація, являющаяся сразу, а не путемъ ассимиляціи, какъ въ предыдущемъ царствѣ. Матеріальная любовь также поднялась на высшую ступень; она избрала себѣ мѣстомъ пребыванія цвѣтъ, и растительныя особи размножаются. Но органическая жизнь идетъ дальше, и вотъ является животное царство, полное силы и движенія, полное чувства, которыми растеніе еще не обладаетъ или обладаетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (напримѣръ, то растеніе,— не припомню его названія,—листья котораго овладѣваютъ насѣкомымъ, ставшимъ на нихъ). Но животное уже полно чувства, оно — особый міръ, оно уже не прикрѣплено къ почвѣ, и его инстинктивныя желанія—какъ-бы предвѣстіе нравственной жизни. И дѣйствительно, тотчасъ затѣмъ, какъ послѣдняя реализація идеализующейся матеріи, слѣдуетъ человѣкъ. Но горе естествоиспытателямъ, которые въ сво-

ихъ ученыхъ книгахъ низводятъ его въ классъ животныхъ; бѣдные умы, не понявшіе себя и видящіе въ человѣкѣ лишь двуногое неоперенное животное! Нѣтъ, человѣкъ - самостоятельный міръ, въ немъ сосредоточился весь міръ ему предшествующій, и въ немъ-же сосредоточилась жизнь божественная, въ ея интеллектуальной чистотѣ.

Вотъ планъ природы:

Абсолютное бытіе: 1. идея; 2. существованіе.

Существованіе: 1. ряды; 2. матерія.

Матерія: 1. расширяемость и тяготѣніе; 2. свѣтъ.

Свѣтъ: 1. жизнь; 2. міры.

Міры: 1. микрокосмъ; 2. человѣкъ.

Я хотѣлъ-бы изложить системы или классификаціи всѣхъ трехъ царствъ природы (минеральнаго, растительнаго и животнаго), но для этого мнѣ не хватаетъ времени и опыта. Этотъ очеркъ природы—я чувствую—очень несовершененъ, но понадобились бы годы и томы, чтобы все это уяснить мнѣ самому.

P. S. Я чувствую, что этотъ очеркъ очень несовершененъ и даже неясенъ, но онъ требуетъ поясненій, на которыя у меня нѣтъ ни времени, ни мѣста. Надо учиться, безконечно больше учиться, чтобы разобраться въ этомъ. Но увы! жизнь коротка, а наука безпредѣльна!...

IV.

Человѣкъ.

Итакъ, человѣкъ—наивысшая реализація матеріи, наивысшая потому, что въ его организаціи рекапитулируется вся природа; всѣ ступени животной іерархіи повторены въ человѣческомъ тѣлѣ (см. Geoffroi de S-t Hilaire, Histoire naturelle des mammifères). И вотъ, эта матеріальная реальность, человѣкъ, начинаетъ идеализоваться; онъ полагаетъ себя самого въ идеѣ,—отсюда разумъ; чтобы полагать идею самого себя, онъ долженъ видѣть себя, затѣмъ сравнивать то, что увидѣлъ, съ тѣмъ, что онъ мыслитъ, и наконецъ сознать себя. Отсюда логическій путь разума: созерцаніе, разсужденіе, заключеніе. Человѣкъ (индивидуумъ) реализуетъ идею самого себя въ своей жизни; такъ мы подошли къ главѣ о волѣ. Воля—это любовь: любовь къ своему существованію,—тогда это эгоизмъ; или любовь къ

своей человѣческой природѣ,— тогда это преданность, ибо, любя свое существованіе, онъ обособляется, а любя свою человѣческую природу, онъ любитъ въ себѣ все мірозданіе, онъ любитъ въ себѣ Бога, такъ какъ въ человѣческой природѣ сосредоточилась вся природа,—нужна была цѣлая вселенная, чтобы произвести человѣка, совершеннѣйшее проявленіе Бога. И взгляните хоть мелькомъ, какими узами связаны особи между собою; взгляните на этотъ постепенный ходъ божественной идеи въ мірозданіи, какъ она положила себя основаніемъ, связью, душою всѣхъ существованій: сможете ли вы тогда отрицать, что чрезъ эту общую связь каждое существованіе вліяетъ на другое, вліяетъ такъ сильно, что, вынувъ одинъ атомъ изъ этого великаго цѣлаго, вы разрушили-бы вселенную? И можете ли вы отрицать тогда вліяніе человѣческихъ особей другъ на друга, вліяніе даже сокровенное, таинственное, называемое животнымъ магнетизмомъ; и тѣмъ болѣе, можете ли вы отрицать вліяніе моральное и интеллектуальное, которое распространяется съ быстротою мысли и которое я охотно назвалъ бы магнетизмомъ чувства и мысли? Нѣтъ, эта связь существуетъ; я такъ убѣжденъ въ этомъ, что вѣрю— если бы человѣкъ воспринялъ своей мыслью весь этотъ божественный прогрессъ отъ абсолютнаго бытія до его собственной личности, тогда, вооруженный идеей всего мірозданія, онъ могъ бы этой мыслью, даже только мысля ее, вліять на другихъ людей. Можетъ быть, это — безуміе, но кто скажетъ, что это не такъ?—Тайна, вѣчная тайна! когда-же я узнаю все?

Взаимная любовь людей, это прекрасное и чистое братство, провозглашенное Іисусомъ, есть также отраженіе всеобщей связи, этой міровой души, живущей въ мірозданіи; взаимная любовь людей коренится въ любви къ Богу,— эгоизмъ безбоженъ.

Какъ идея человѣка-особи реализуется въ его жизни, такъ идея человѣческаго духа реализуется въ человѣчествѣ. И человѣчество, какъ духъ, слѣдуетъ за ходомъ разума. Теперь я дошелъ до предопредѣленія. Да, разъ человѣчество слѣдуетъ за ходомъ разума, то очевидно, что оно движется къ какой-то цѣли, къ какому-то завершенію, а въ такомъ случаѣ каждая особь должна содѣйствовать этому завершенію, каждой особи предназначено исполнить извѣстную задачу въ человѣчествѣ, каждая особь имѣетъ свою миссію, которую налагаетъ на эту особь, раскрываясь въ ней, душа міра въ своемъ послѣдовательномъ шествіи; каждая особь есть апостолъ извѣстной

идеи, и именно такъ нисходитъ къ намъ божественное откровеніе. Но гдѣ-же тогда воля? Воля все-таки существуетъ, ибо душа міра свободна, т.-е. всегда слѣдуетъ своему собственному закону, никогда не отклоняется отъ собственной природы. Но почему-же въ такомъ случаѣ человѣкъ отклоняется отъ своей природы и творитъ зло? Имѣетъ ли онъ миссію на зло? Или миссію вообще имѣютъ только избранные? Да, только избранные; да, есть избранные, потому что личность сама по себѣ—ничто, если она обособлена; есть смыслъ въ человѣчествѣ, и ради человѣчества природа порождаетъ геніевъ, которые должны вести его къ его цѣли, и въ этихъ-то совершеннѣйшихъ созданіяхъ человѣческой природы открывается человѣчеству душа міра и показываетъ ему цѣль, къ которой оно должно стремиться. Поэтому не пугайтесь зла; зло—диссонансъ въ гармоніи, и всякая гармонія кончается полнымъ аккордомъ.

Человѣкъ—матеріальная реальность, и человѣчество представляетъ этотъ фазисъ человѣческой природы промышленностью. Человѣкъ полагаетъ себя въ идеѣ—отсюда разумъ, и человѣчество представляетъ его наукою. Человѣкъ реализуетъ свою идею дѣйствіемъ—здѣсь человѣчество представляетъ моральнаго человѣка обществомъ и творческой силою человѣка: искусствомъ. Но связующее начало человѣческой природы—разумъ, и человѣчество движется путемъ разума.

V.

Человѣчество.

Да, идея человѣка реализуется въ человѣчествѣ, и чтобы реализоваться, она движется здѣсь по пути разума. А разумъ, какъ мы сказали, проходитъ три стадіи: стадію созерцанія, стадію разсужденія и стадію заключенія. Слѣдовательно человѣчество необходимо должно содержать въ себѣ эти три стадіи разума; и оно ихъ содержитъ въ себѣ; взгляните на исторію, и вы увидите, что это—истина.

Первый періодъ. Созерцаніе. Могучая и величественная природа завладѣла всѣмъ существованіемъ человѣка; человѣкъ не властвуетъ надъ нею, не борется съ нею,—онъ подчиненъ ей, какъ еще слабый ребенокъ. Онъ взираетъ на нее съ изумленіемъ и предается ей; все,

что онъ постигаетъ, все, что чувствуетъ,—онъ относитъ къ природѣ, къ тому, что—не онъ. Его богъ—природа, его нравственность—природа, его искусство—природа. Взгляните на религіи древности: мало того, что божество здѣсь заключено въ природѣ, такъ сказать матеріализовано,—но оно еще въ различныя эпохи слѣдуетъ образованію природы. Взгляните на эти народы, поклоняющіеся то солнцу, то планетамъ, и такимъ образомъ матеріализующіе Бога въ планетной жизни, взгляните на индуса, поклоняющагося листу лотоса, такъ что Богъ оказывается матеріализованнымъ въ растительной жизни, взгляните на египтянина, поклоняющагося своему Апису и такимъ образомъ матеріализующаго божество въ животной жизни. Далѣе слѣдуетъ антропоморфизмъ—Богъ облекается въ человѣческую форму; религія шла путемъ природы, и оттого — какъ символична религія! Сколько возвышенныхъ и глубокихъ идей скрыто въ миѳахъ древности! ибо всякое бытіе въ природѣ открываетъ въ себѣ какую-нибудь божественную идею. Но точно такъ-же, какъ Богъ реализовалъ свою идею въ природѣ, сдѣлавъ ее матеріей и вмѣстѣ съ тѣмъ реализовавъ ее во вселенной, такъ одни народы поклонялись существамъ, представляющимъ частицы природы, другіе же поклонялись вселенной. Единобожіе евреевъ есть поклоненіе вселенной, ибо, хотя у Моисея была идея абсолютнаго бытія, но его Богъ все еще какъ бы матеріальная сила, которая властвуетъ и сокрушаетъ, въ величественномъ, сверхчеловѣческомъ образѣ, но—не чистая идея, не существо въ наивысшемъ смыслѣ этого слова. Тѣмъ не менѣе религія Моисея выше всѣхъ другихъ, и по сравненію со всѣми другими религіями кажется тѣмъ же, чѣмъ является вселенная въ сравненіи съ ея частями.—Столько о религіи. Теперь взгляните на моральную склонность, взгляните на общество: вы найдете здѣсь царство матеріальной силы. Здѣсь Немвродъ, охотникъ, человѣкъ болѣе сильный, чѣмъ дикій звѣрь, становится деспотомъ, и весь азіатскій деспотизмъ есть истинный типъ матеріальной силы, господствующей въ обществѣ. Греція также имѣетъ своихъ героевъ, полныхъ этой силы,—таковъ грозный воинъ Ахиллесъ; весь строй Лакедемона былъ разсчитанъ на пріобрѣтеніе матеріальной силы, и демократія ученой Аѳины—ничто иное, какъ выраженіе матеріальной силы народа. Наконецъ, послѣдняя реализація античной общественности, идеи матеріальной силы—есть Римъ. Искусство древности колоссально, какъ природа, но и такъ-же, какъ природа, всецѣло-пластично. Поэзія—копія при-

роды, человѣкъ еще не углубился въ свой духъ, онъ только смотритъ вокругъ себя и пересказываетъ то, что̀ видитъ, герои Гомера—атлеты, женщины—воплощеніе пластической красоты. И надо всѣми этими лицами, выведенными въ древнихъ поэмахъ, мы видимъ рокъ, который покоряетъ, уничтожаетъ: этотъ рокъ — власть природы.— Древняя промышленность только беретъ отъ матеріи то, что̀ послѣдняя можетъ дать, но не направляетъ ее по волѣ духа; и природа пока еще плодоносна, еще является нѣжной кормилицей человѣка, своего дитяти.

Второй періодъ. Разсужденіе (сравненіе идеи съ ея объектомъ). Здѣсь все—противоборство, человѣкъ встрѣчается съ вещами, становится передъ ними, размышляетъ, и завязывается борьба. Въ религіи Богъ противопоставляется матеріи. Богъ благъ, матерія зла—вотъ чему учитъ христіанство; чтобы быть добрымъ, надо подняться къ Богу и удалиться отъ матеріи, и человѣкъ въ своемъ нравственномъ влеченіи борется съ природой, онъ хочетъ бѣжать отъ печальной земли, на которой онъ живетъ, а земля не отпускаетъ его; онъ борется, чтобы подняться къ божеству, и изнемогаетъ,—изнемогаетъ, плачетъ и вѣритъ въ иной міръ, гдѣ его боренье будетъ награждено. И эта борьба идетъ всюду. Она идетъ въ обществѣ—здѣсь власть Бога борется съ властью міра, сила духовная—съ силой матеріальною, папа—съ королемъ. Искусство также основано на контрастахъ; здѣсь готическое зодчество, величественно опираясь на землю, устремляетъ свой крестъ въ облака—совершенное выраженіе человѣка, который, томясь на землѣ, возноситъ свою молитву къ небесамъ; здѣсь дьяволъ борется съ божествомъ, зло борется съ добромъ въ поэмѣ Данте; здѣсь матерія борется съ духомъ въ драмѣ Шекспира; здѣсь необходимость борется съ волей у Гёте, и наконецъ съ крикомъ отчаянія Байрона соединяется въ политикѣ печальная система гарантій, гдѣ все—оппозиція: король, аристократія, народъ—все борется, всѣ несчастны; бѣдность гнететъ человѣка и въ своей промышленности онъ борется съ матеріей—и надо всѣмъ господствуетъ идея: *онъ мыслитъ*. Конецъ-ли здѣсь?... нѣтъ, нужно *завершеніе, будущность*. Слушайте пророчество разума, слушайте—я стану говорить вамъ о будущемъ человѣчества, прекрасномъ и величественномъ, какъ греза поэта. Да, вы болѣе не будете поклоняться этому Богу, который противопоставляетъ себя созданной имъ природѣ, вы будете поклониться Богу, который открывается во вселенной,—

возвышенный пантеизмъ, гдѣ все на вашихъ глазахъ взойдетъ въ тотъ строй, который стоитъ надо всѣми вещами и который вы называете Провидѣніемъ; это—тотъ логическій путь Бога, изъ котораго вы не можете безнаказанно устранить даже ничтожнѣйшаго человѣческаго поступка; да, вы будете поклоняться абсолютному бытію въ безграничности и вѣчности вселенной. И власть міра падетъ, и воцарится іерархія, которая откроетъ вамъ божество и освѣтитъ вамъ путь, и ваше искусство будетъ выраженіемъ божества во вселенной, оно будетъ поэмой міросданія, гимномъ Богу. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать. Я вижу, какъ этотъ вѣкъ проходитъ и умираетъ, и какъ будущее рождается изъ его праха. Я стану возглашать мое слово объ этомъ будущемъ, это моя задача, и вотъ я начинаю, и да сгинутъ преграды, которыя я встрѣчаю на моемъ пути.

— —

Два слова о нравственной любви. Въ христіанскомъ ученіи сказано: люби твоего ближняго, какъ самого себя; въ будущемъ станутъ говорить: люби твоего ближняго больше, чѣмъ себя самого. Тамъ милосердіе, здѣсь отреченіе отъ самого себя. Въ античномъ обществѣ эгоизмъ исчезалъ въ любви къ семьѣ, къ отчизнѣ, въ обществѣ новаго времени эгоизмъ исчезалъ въ любви къ своей націи; въ будущемъ эгоизмъ будетъ исчезать въ человѣчествѣ. Въ древности существовали замкнутые города, въ новое время—націи, въ грядущемъ будетъ существовать лишь человѣчество; люди будутъ составлять *одинъ* народъ братьевъ.

VI.

Заключеніе.

Моя молитва.

Абсолютное бытіе! Слава тебѣ! ибо ты еси. Слава тебѣ, ибо ты еси во вселенной и вселенная въ тебѣ!

Слава тебѣ, ибо ты еси въ человѣчествѣ и человѣчество въ тебѣ!

Слава тебѣ, ибо ты во мнѣ и я въ тебѣ—и я буду стараться идти твоими путями и исполнять то, что ты повелишь мнѣ. Слава тебѣ! Аминь!

VII.

Глава, которой не слѣдовало писать.

Посланіе Мефистофеля къ поэту.

„Откуда эта самонадѣянность — скажи мнѣ, поэтъ? Кто вложилъ въ твою голову эту идею, будто ты избранъ возвѣщать уходящему вѣку глаголъ великаго божественнаго бытія? И почему могъ ты быть избранъ? Что ты скажешь объ этомъ? Отличался ли ты когда-нибудь большей добродѣтелью, чѣмъ многіе другіе? Или ты насчитываешь въ своей жизни больше добрыхъ поступковъ, нежели дурныхъ? Безуміе! Ты помѣшанъ, мой милый; бѣдный малый, ты помѣшанъ, да, помѣшанъ, ни болѣе, ни менѣе,—вотъ и все. Какъ ты можешь думать, что божество снизойдетъ избрать такого дурного человѣка? Извини, если это тебя оскорбляетъ. Вернись въ толпу, ты нисколько не избранный, можешь въ этомъ повѣрить дьяволу, дружокъ; ха-ха-ха-ха-ха-ха!"

II.

Любовь.

Милая Лаура, назови ту силу,
Что такъ тѣло къ тѣлу трепетно влечетъ!
Назови, Лаура, то очарованье,
Что насильно сердце сердцу отдаетъ! [1]

1.

Взгляни въ самое себя, моя душа, и изслѣдуй: что̀ представляетъ это ненасытное стремленіе любить? Откуда оно? чѣмъ оно порождено? и почему оно всегда связывается съ женщиной? Вся моя жизнь прошла въ поискахъ любви; мечта была громадна, мечта была прекрасна, а дѣйствительность доставляла мучительныя разочарованія. И знаете-ли вы, что эти разочарованія оставляютъ въ душѣ столько мрачнаго, что хочется кричать отъ отчаянья, чувствуешь себя столь одинокимъ, столь брошеннымъ,—а потомъ жажда любви ожи-

[1] [Шиллеръ, „Фантазія Лаурѣ", пер. Н. Гербеля. — *Прим. ред.*]

вастъ съ новой силой, и снова ищешь женщину, которая могла бы наполнить душу, которою полны всѣ мысли ума, всѣ чувства сердца, которой нельзя быть слишкомъ преданнымъ, ради которой никакая жертва не кажется невозможной, женщину, которая любитъ васъ всей любовью прекрасной души, привязанность которой есть нѣчто высокое и святое, взглядъ которой исторгаетъ у васъ слезу счастья, которой поцѣлуй овладѣваетъ вами, какъ головокруженіе, такъ что, если бы земля и небо рухнули,—вы не почувствовали бы этого, словомъ женщину вашей мечты съ тою ангельской чистотой и той любовью, которыя открываютъ вамъ цѣлую вселенную. Итакъ, что же такое эта ненасытная жажда любви и почему она всегда связана съ женщиной?

2.

Любовь овладѣла мною въ очень раннемъ возрастѣ и обманула меня, едва давъ взглянуть на себя. И все-же я съ наслажденіемъ вспоминаю это время, столь полное жизни, когда всѣ идеи прорастали изъ своихъ зачатковъ, страсти пробуждались и человѣкъ начиналъ чувствовать свое сердце бьющимся съ силой. Чѣмъ была тогда любовь—я не понимаю. Она не была ни мечтою, ни дѣйствительностью. Она не была мечтою, потому что до того я не имѣлъ представленія о ней; она не была дѣйствительностью, потому что она исчезла слишкомъ быстро. Она исчезла, оставивъ мучительное впечатлѣніе, унеся съ собою вѣру въ людей, вѣру въ любовь на землѣ. Да, если человѣкъ обманутъ первой женщиной, которую онъ полюбилъ,—у него навсегда отнята вѣра въ любовь, всѣ иллюзіи изгнаны сразу. Позднѣе, въ чаду юности, я сталъ понимать женщину матеріально, но въ сердцѣ больше не было любви,—она осталась мечтою.

3.

Да, ненасытная жажда любви превратила любовь въ мечту. И какъ прекрасна была она въ этой мечтѣ! Она оставалась здѣсь чистой и возвышенной, со всѣми своими упоительными волненіями, своей сладкой грустью и смутными желаніями. Но женщина моей мечты была лишена формы, она представляла собою что-то нематеріальное, какъ та идея любви, которая жила во мнѣ. Симпатія двухъ сознаній, объятіе двухъ душъ—это была словно далекая музыка, которой ухо не слышитъ раздѣльно, но которая волнуетъ, заставляетъ мыслить и страдать. Я не былъ удовлетворенъ. Всякое чувство ищетъ

воплощенія. Я не понялъ любви, потому что ея нѣтъ, какъ нѣтъ идеи безъ формы, какъ нѣтъ божества безъ вселенной. Мое сердце было разбито, я утратилъ мою мечтаемую любовь, и моя бѣдная голова горѣла и терялась въ хаосѣ безчисленныхъ сомнѣній.

4.

Я предался умственнымъ трудамъ, я смѣло развернулъ книгу природы; множество идей нахлынуло на меня, всевозможныя усилія волновали мой духъ, многія тайны раскрылись предо мною—и горизонтъ любви прояснился.

5.

Почему любовь существуетъ только между особями разныхъ половъ?—Все въ природѣ носитъ печать разности половъ, и этой разностью обусловлено ихъ взаимное влеченіе. Но что такое эта разность сама по себѣ?—вопросъ, понынѣ для меня неразрѣшимый; я знаю только одно—что влеченіе между ними существуетъ. Въ растеніи это лишь продуктъ планетныхъ силъ—быть можетъ, электричество! Въ животномъ это инстинктъ и, можетъ быть, первое проявленіе свободной воли. Человѣкъ—идеализующаяся матерія [1]. Резюмируя въ себѣ весь матеріальный міръ, онъ заключаетъ въ себѣ физическое влеченіе одного пола къ другому, но идеализуетъ его, возводитъ его на степень влеченія одной идеи къ другой идеѣ, одной души къ другой душѣ. И любовь становится высшимъ проявленіемъ человѣка на землѣ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ всего человѣка, т.-е. сочетаніе міра матеріальнаго съ міромъ интеллектуальнымъ,—она заключаетъ въ себѣ цѣлую вселенную. Вотъ почему любовь поглощаетъ человѣка, ибо въ ней вся жизнь человѣка; любить значитъ жить. Любя, я—человѣкъ, существо, въ которомъ резюмированъ весь матеріальный міръ,—поднимаюсь до божества, возношусь въ обитель разума; я люблю, и въ этомъ словѣ наглядно исчезаетъ пропасть, отдѣляющая меня отъ Бога, ибо я чувствую, какъ мое тѣло сливается съ духомъ, матерія съ идеей, и любовь становится какъ бы гимномъ матеріальнаго міра въ честь божества. И сама матерія облагораживается во мнѣ; то, что я чувствую, есть уже не инстинктивное желаніе, слѣпое и грубое,—нѣтъ, я ищу слова, чтобы опредѣлить это

[1] См. Profession de foi (*Прим. Огарева*).

чувство, и вотъ оно: сладострастіе. Поцѣлуй въ человѣческой любви, говоритъ Гердеръ, уже одинъ свидѣтельствуетъ о благородствѣ человѣка.

6.

Сладострастіе, сладострастіе! Люди унизили это слово своей испорченностью; они думали, что ихъ поцѣлуи безъ любви, что ихъ грубыя желанія—сладострастіе. Это заблужденіе. Безъ любви нѣтъ сладострастія. И кто просилъ васъ унизить самихъ себя и тѣмъ унизить человѣческое ощущеніе, въ которомъ по существу нѣтъ ничего унизительнаго! Да, когда моя душа слилась съ душою женщины,—я люблю смотрѣть на нее, люблю видѣть ея глаза, въ которыхъ ея душа говоритъ мнѣ о любви, люблю чувствовать прикосновеніе ея волосъ къ моему лицу, люблю вдыхать ея дыханіе, которое какъ-бы отожествляетъ меня съ нею, люблю объятіе ея рукъ, которое отдаетъ меня ей всецѣло, отрывая меня отъ всего окружающаго, люблю это лобзаніе, которое какъ бы сливаетъ насъ въ одно существо, и сладострастіе не кажется мнѣ униженіемъ. Да, сладострастіе возможно лишь въ любви, потому что въ любви влеченіе одного къ другому такъ велико, что хотѣлось бы составлять одно существо. Да, человѣческая любовь есть сліяніе тѣла съ тѣломъ, души съ душою, сліяніе міра матеріальнаго съ міромъ идеальнымъ, сосредоточеніе вселенной въ двухъ личностяхъ, отожествляющихся другъ съ другомъ.

7.

Такъ я понялъ любовь. Но для сліянія души съ душою, для полнаго осуществленія человѣческой любви мнѣ нужна была женщина, которая была бы доступна этому божественному міру идей, доступна этой обширной любви, вмѣщающей въ себѣ вселенную. Я искалъ ее, и не находилъ.

IV.

Неизданныя стихотворенія Н. П. Огарева.

Всѣ помѣщаемыя здѣсь стихотворенія, за исключеніемъ одного („Безлунною ночью плылъ трупъ по рѣкѣ"), печатаются съ подлинниковъ; названная сейчасъ пьеса сохранилась только въ копіи, писанной Н. А. Огаревой. Бо́льшая часть этихъ рукописей найдена послѣ смерти Н. А. Огаревой среди ея бумагъ, остальныя хранятся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, въ „Комнатѣ людей 40-хъ годовъ".

1. „*Царица Моря*". Подлинникъ писанъ на листахъ почтовой бумаги большого формата, сложенныхъ вдвое (такъ что образовались листки малаго почтоваго формата); листы эти—такіе же, съ фабричнымъ клеймомъ: B a t h, какъ и тѣ, на какихъ писана часть „Profession de foi" (см. выше, стр. 111), но безъ водяныхъ знаковъ. Какъ по этому признаку, такъ и по почерку и цвѣту чернилъ, главное же—по характеру самой поэмы, послѣдняя должна быть отнесена къ 1836—1839 годамъ. Рукопись—чистовая; немногія поправки поверхъ зачеркнутаго писаны тѣмъ же почеркомъ и тѣми же чернилами, какъ текстъ, т.-е. очевидно очень близки по времени къ написанію самой рукописи.

2. „*Изъ безднъ скорбей, изъ безднъ мученья*"—писано на полулистѣ почтовой бумаги совершенно того же формата и качества, какъ та, на какой писана „Царица Моря".

3—4. „*Городъ*" и *переводы изъ „Гамлета"* писаны на отдѣльныхъ листочкахъ почтовой бумаги; по бумагѣ, черниламъ и почерку должны быть отнесены къ тому же времени, т.-е. ко второй половинѣ 30-хъ годовъ.

5—6. „*Что ты вдали готовишь предо мною*“ и „*Мнѣ было скучно въ разговорѣ*“ писаны карандашемъ въ маленькой записной книжкѣ 1839 года; отъ книжки сохранилось лишь восемь листковъ (четыре двойныхъ). На этихъ же листочкахъ находятся: первая редакція „У моря“ (изъ Гейне, см. „Стихотворенія“ Н. П. Огарева, 1904, т. I, стр. 75); черновой набросокъ перевода изъ Гейне же „Атласъ“ и двѣ записи—Н. А. Герценъ и А. И. Герцена, первая карандашемъ, вторая чернилами, обѣ на одной страничкѣ, относящіяся къ свиданію Огарева съ Герценами во Владимірѣ. Вотъ эти записи.

„Прощай Другъ Николай, на долголи—знаетъ *Онъ*: но не грусти, *довольно* дано намъ, просить *больше* неблагодарность.

Natalie.

Владиміръ
1839.
Маія 3-е.

„Благословенье дружбы надъ тобою Братъ Милой, благословенье твоего

Александра.“

7. „*Что мнѣ въ сей жизни скучной*“—подлинникъ на полулисткѣ почт. бумаги; съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ можетъ быть отнесено, по бумагѣ и почерку, къ первой половинѣ 1840-хъ годовъ.

8. „*О ты! котораго вчера*“—писано на крошечномъ клочкѣ бумаги, который былъ сложенъ вчетверо и на оборотѣ носитъ адресъ, рукою Огарева же: Mr. Maykoff ou Vorobieff. Via bocca di leone, № 10, 2-do piano. Это, очевидно, записочка, посланная со слугою въ Римѣ А. Н. Майкову (поэту) и жившему съ нимъ С. Воробьеву (художнику). Огаревъ и Майковъ одновременно жили въ Римѣ съ осени 1842 до лѣта 1843 гг., чѣмъ и опредѣляется дата этой записочки.

9—12. „*Миннезенгеръ*“, „*Длинный день проходитъ вяло*“, „*Паукъ*“, „*Тускло сквозь сѣренькихъ тучекъ*“.—Пол-листа почт. бумаги большого формата; наверху написано рукою Огарева:

„Печатать дозволяются всѣ сіи пьэсы, кромѣ тѣхъ, которые не будутъ одобрены вашимъ вкусомъ, carissimi! Печатать или въ Альманахъ въ память Вадима, или въ Отечест. запискахъ“.

Далѣе написаны, все рукою Огарева, въ два столбца, съ обѣихъ сторонъ листка, стихотворенія: „Эмсъ“, „Рейнъ“, „Миннезенгеръ“,

„Ожиданіе“, „Онъ ужъ былъ испытанъ“, „Длинный день проходитъ вяло“, „Паукъ“, „Пустой домъ“, „Тускло сквозь сѣренькихъ тучекъ“.

Изъ этихъ пьесъ друзья Огарева напечатали въ сборникѣ памяти Вад. Пассека, „Литературный Вечеръ“ 1844 г.,—пять (именно 1-ое, 2-ое, 4-ое, 5-ое и 8-ое). Остальныя остались въ рукописи и впервые печатаются здѣсь.

13. „*Илья Васильичъ Селивановъ*“ — писано на узкой полоскѣ бумаги. И. В. Селивановъ, авторъ небезызвѣстныхъ „Провинціальныхъ воспоминаній“, былъ сосѣдомъ Огарева по Пензенскимъ имѣніямъ. Въ неизданныхъ запискахъ Н. А. Огаревой есть такія строки о Селивановѣ: „Въ 48 году мы видались съ нимъ часто въ Парижѣ. Тургеневъ [И. С.] увѣрялъ, что С. опасно ѣхать въ Россію, потому что онъ былъ въ Парижѣ во время баррикадъ. Тург. сочинилъ пѣсню на голосъ Марсельезы:

Илья Васильичъ Селивановъ
И Фастовна его жена
Мальчишка Митька изъ болвановъ
И гувернантка со слона.

Дальше не помню“.—Печатаемое нами стихотвореніе Огарева есть очевидно пародія на стихотворную шутку Тургенева. По проискамъ пензенскаго губернатора А. А. Панчулидзева Селивановъ въ 1850 году былъ арестованъ одновременно съ Огаревымъ, Сатинымъ и А. А. Тучковымъ, и вслѣдъ затѣмъ сосланъ на короткое время въ Вятку, о чемъ и говоритъ Огаревъ въ послѣдней строфѣ; судя по стиху: „...ссыльнымъ жилъ *недавно* въ Вяткѣ“, надо думать, что стихотвореніе писано въ 1851 или 1852 г. Изъ „Записокъ“ Селиванова („Рус. Стар. 1880, іюнь) видно, что незадолго до ареста онъ отпустилъ своихъ крестьянъ на вѣчный оброкъ и тѣмъ, между прочимъ, обрекъ ихъ на голодъ въ неурожайный 1849 годъ; въ 1850 году онъ дѣйствительно купилъ домъ въ Москвѣ. Подтверждаютъ „Записки“ и вторую строфу Огаревской шутки; сообщая о своихъ отвѣтахъ на допросѣ, онъ пишетъ: „Я отвѣчалъ письменно... а на вопросъ объ отношеніяхъ помѣщика къ крестьянамъ написалъ, что отношенія мои къ крестьянамъ лучше всего можно видѣть изъ того, что въ продолженіе десяти лѣтъ, которыя я прожилъ въ деревнѣ, ни одно слабительное не было дано безъ того, чтобъ я не былъ у мужика въ избѣ; что я самъ всѣмъ пускалъ кровь, въ случаѣ надобности; самъ

присутствовалъ при родахъ женщинъ, когда они были трудны", и т. д. (тамъ же, стр. 309—310).

14. [*Н. А. Огаревой*] написано въ письмѣ къ Н. А. Огаревой. Строка точекъ — въ подлинникѣ. Стихамъ предшествуютъ слѣдующія строки:

Ночь 14 Іюля. 1865.

„Натали, сегодня день твоего рожденья. Я долго бродилъ удрученный. Въ памяти моей переходило много вещей—и пришелъ мнѣ на память отрывокъ изъ моихъ неизвѣстныхъ стиховъ во время скарлатины Лизы. Я его пишу тебѣ, потому что лучше ничего не умѣю".

[Затѣмъ слѣдуютъ стихи, а послѣ нихъ—опять приписка:]

„Вотъ мое воспоминаніе! Теперь одно прошу—возьми себѣ въ сердце двѣ недавнія смерти и возведи свою жизнь до богослуженія, т.-е. до служенія тому что̀ для насъ составляетъ цѣль, до служенія любви и добру".

[Когда именно Лиза была больна скарлатиною (1860 — 1862?), опредѣлить не удалось. „Двѣ недавнія смерти" — смерть двухъ малютокъ, дѣтей Нат. Ал. Огаревой отъ Герцена, въ концѣ 1864 г.].

15. „*Наташѣ*"—написано на полулисткѣ почтовой бумаги, вклеенномъ Н. А. Огаревой въ ея дневникѣ между записями 5 ноября 1867 и 11 ноября 1867 г.

16. „*Безлунною ночью плылъ трупъ по рѣкѣ*" печатается съ явно-дефектной копіи Н. А. Огаревой. Принадлежность этого стихотворенія Огареву была засвидѣтельствована намъ лично покойной Н. А. Огаревой. Рѣчь идетъ о смерти молодой женщины, англичанки простого званія, близкой семейству Герцена. Эта печальная исторія еще не можетъ быть сейчасъ раскрыта, но мы считаемъ долгомъ сообщить относящіеся къ ней матеріалы.

На конвертѣ рукою Н. А. Огаревой написано: Sur la mort de Charlotte Huttson (1867)—retrouvée en 1870. Внутри конверта двѣ бумажки: во-первыхъ, листокъ, весь писанный рукою Н. А. Огаревой; верхняя часть листка занята текстомъ печатаемаго здѣсь стихотворенія, нижняя—слѣдующей выпиской:

Le 23 juin. Journal de Genève.

„Nous apprenons que l'enquête faite par la police afin de constater l'identité du cadavre retrouvé, il y a environ une semaine, au borde du Rhone aux iles d'Aïre, dans les circonstances que nous avons racontées, vient d'aboutir à un résultat positif. Ce cadavre, d'après certaines constatations qui ne laissent aucun doute, est celui d'une jeune Anglaise nommée Charlotte Hudson, qui se trouvait en pension, il y a trois ans, chez une dame à Lancy et qui disparut alors, prise d'un accès d'aliénation mentale, sans que depuis lors il eût été possible de retrouver d'elle aucune trace".

[*Переводъ.* — Намъ сообщаютъ, что разслѣдованіе, предпринятое полиціей съ цѣлью установить личность утопленницы, найденной около недѣли назадъ при изложенныхъ нами тогда обстоятельствахъ на берегу Роны на Аирскихъ островахъ, привело къ положительному результату. По извѣстнымъ признакамъ, не оставляющимъ мѣста сомнѣнію, эта утопленница — молодая англичанка по имени Шарлота Гёдсонъ, которая года три назадъ жила на пансіонѣ у одной дамы въ Ланси и исчезла тогда въ припадкѣ умственнаго разстройства, съ каковыхъ поръ болѣе не удавалось напасть на ея слѣдъ].

Второй листокъ, находящійся въ конвертѣ,—собственноручная записочка Огарева:

„Мери возвратилась благополучно; присутствіе консульскаго агента было очень удачно; всѣ были учтивы; требовалось только подтвержденіе о ключахъ и porte monnaie, въ чемъ она и дала декларацію. Ключи etc. будутъ переданы англійскому консулу, откуда Мери, вѣроятно, ихъ получитъ и передастъ тебѣ для Тутса. Похоронена она въ Cimetière du Plain palais, № сообщитъ Консулъ, гдѣ мы его и узнаемъ и тогда всѣ вмѣстѣ можемъ сходить на могилу. Платье — кромѣ кармана и одного сапога — представляло только нитки.

Твой Ага".

* * *

Печатая здѣсь нѣсколько неизданныхъ стихотвореній Огарева и *не* печатая, по цензурнымъ соображеніямъ, нѣкоторыхъ другихъ, также неизданныхъ донынѣ и сохранившихся въ рукописи, пользуюсь случаемъ, чтобы снять съ себя обвиненіе въ чрезмѣрной цензурной осторожности, какое предъявили нѣкоторые рецензенты къ редактированному мною изданію стихотвореній Н. П. Огарева (М. 1904, 2 т., изд. М. и С. Сабашниковыхъ).

Изданіе печаталось на основаніи спеціальнаго Высочайшаго разрѣшенія, полученнаго послѣ долгихъ хлопотъ вдовою поэта, Н. А. Огаревой: вопреки дѣйствующему закону, которымъ возбранялось вообще печатать въ Россіи что-либо вышедшее изъ-подъ пера эмигранта, царское разрѣшеніе дозволяло издать стихотворенія Огарева на общихъ основаніяхъ. Я былъ предупрежденъ, что цензура смотритъ косо на предполагаемое изданіе и отнесется къ нему съ исключительной строгостью (въ то время министромъ внутр. дѣлъ былъ Плеве). Весною 1904 года оба тома, составляющіе изданіе, были отпечатаны и, какъ содержащіе каждый болѣе 20 печ. листовъ, представлены въ мѣстную, московскую цензуру. Московскій цензурный комитетъ постановилъ слѣдующее рѣшеніе, одобренное главноуправляющимъ по дѣламъ печати, Н. А. Звѣревымъ, который въ тѣ дни какъ-разъ случился въ Москвѣ: первый томъ, лирику, выпустить безпрепятственно, второй, поэмы,—только съ выключеніемъ указанныхъ тринадцати мѣстъ.—Предлагалось выбросить непочтительный отзывъ Огарева поклонника итальянской музыки—объ *операхъ* „Жизнь за царя", именно четыре стиха изъ „Юмора":

Слыхали-ль вы „Жизнь за царя"?
Нѣтъ,—ну и впредь спаси васъ Боже,
И русскихъ оперъ вообще
Не нужно бъ намъ имѣть еще.

Предлагалось вырѣзать и перепечатать цѣлую страницу, чтобы устранить написанные *65 лѣтъ назадъ* два стиха:

И политическій нашъ бытъ
Меня безъ отдыха томитъ.

Въ повѣсти, гдѣ разсказывается объ убійствѣ съ цѣлью грабежа, учиняемомъ по приказанію и въ интересахъ исправника („Разсказъ этапнаго офицера"), предлагалось вырѣзать *всѣ* мѣста, говорящія объ участіи въ этомъ дѣлѣ исправника, даромъ что дѣйствіе поэмы происходитъ еще въ крѣпостное время—и что съ устраненіемъ этихъ мѣстъ поэма теряетъ всякій смыслъ. Предлагалось выбросить характеристику полупьянаго, торгующагося съ крестьяниномъ за требу деревенскаго попа, непочтительное четверостишіе о Вильгельмѣ I и Наполеонѣ III, и т. п. Но всего разительнѣе было слѣдующее требованіе. Въ концѣ 2-го тома помѣщенъ сухой алфавитный перечень тѣхъ стих. Огарева, которыя уже раньше были въ печати, но въ настоящее изданіе по разнымъ причинамъ не вошли, и противъ каждаго заглавія проставлено названіе той книги (или журнала), гдѣ данное произведеніе было напечатано; въ этомъ указателѣ пришлось, между прочимъ, назвать три книги, вышедшія за-границей, именно: лондонское изданіе Стихотвореній Огарева, одинъ выпускъ „Полярной Звѣзды" и „Письма М. А. Бакунина къ Герцену",

изд. Драгоманова. И вотъ, предложено было вырѣзать *весь* алфавитный списокъ ($2^1/_2$ стр.), на томъ основаніи, что онъ-де является *пропагандою нелегальной литературы*.

Впрочемъ, исторія эта кончилась благополучно. Первый томъ былъ выпущенъ весною 1901 г., второй рѣшено было задержать до осени, съ тѣмъ, чтобы возбудить хлопоты о немъ въ Петербургѣ. Но въ промежуткѣ министромъ внутр. дѣлъ сдѣлался кн. Святополкъ-Мирскій и произнесено было знаменитое слово о довѣріи. Осенью издателя неожиданно вызвали въ цензурный комитетъ и съ дружескимъ участіемъ заявили ему: „Ваша книга лежитъ съ весны; почему бы вамъ не войти съ прошеніемъ? Мы бы ее вамъ разрѣшили"; однако замѣтили, что *кое-что* все-таки впридется вырѣзать. А на слѣдующій день изъ типографіи дали знать, что второй томъ разрѣшенъ безъ всякихъ урѣзокъ—и безъ прошенія.

Таковы были условія, при которыхъ печаталось изданіе „Стихотвореній" Огарева; зная о нихъ заранѣе, я не могъ не быть осторожнымъ.

1.

Царица Моря.

(Литовское преданіе).

1.

Простёрто небо тёмно-синимъ сводомъ,
Ночь тишины и роскоши полна,
Гуляютъ звѣзды яркимъ хороводомъ
И между нихъ, задумчиво-ясна,
Идетъ торжественно, спокойнымъ ходомъ
Краса ночей, волшебница луна;
А море, вдаль безгранно простираясь,
Лежитъ и свѣтится, не колыхаясь.

*

Все предалось полночному покою...
Но слышится, таинственно, порой
Какой то вздохъ, исполненный тоскою
Рождается подъ сонною водой;
И часто онъ поверхность надъ собою
Тревожитъ робко легкою струёй,
И вотъ—волною звонкою плесская
Всплываетъ тихо дѣва молодая.

*

Слегка надъ пробужденными волнами
Качается ея жемчужный челнъ,
И гибкій станъ, и съ длинными власами
Печальный ликъ, красы и нѣги полнъ;
Она взираетъ влажными очами,
Склонясь главой, на бездну синихъ волнъ
И съ кудрей русыхъ, каплями стекая,
Шумитъ вода, на воду упадая.

*

И долго такъ сидѣла и молчала
Царица водъ, печальна и блѣдна,

На руку бѣлую главу склоняла
И долго горько плакала она;
А море челнъ съ любовью колыхало,
Бросала лучь съ любовію [1] луна.
Но вдругъ откинувъ волосы руками
Царица встала съ гнѣвными очами.

*

И раздалося громкое воззванье:
„Сюда, сюда! наперсницы мои,
Мои подруги въ счастьи и въ страданьи,
Жилицы водъ, питомицы струи,
Сюда, ко мнѣ! о! я полна негодованья,
Месть, месть сынамъ безжалостнымъ земли".
Такъ дѣва горделивая сказала,
И бездна съ робостью затрепетала.

*

Волна мутится, гонится волною,
Кипитъ, дробится съ пѣною—и вотъ,
Возставъ надъ изумлённою водою,
Головокъ нѣжныхъ дивный рядъ плывётъ,
И руки бѣлыя согласной чередою
Плеская, бьютъ по лону синихъ водъ
И косы русыя, распавъ кудрями,
Плывутъ во слѣдъ, мѣшаяся съ волнами.

*

Плывутъ, поютъ плѣнительныя дѣвы,
И будто ропотъ льющейся волны
Надъ синимъ моремъ сладкіе напѣвы
Средь ночи ясной далеко слышны:

„Мы надъ моремъ въ поздней ночи
Наши косы расплели,
И лазоревыя очи
На царицу возвели.
Ты скажи царица моря,
Ты скажи намъ поскорѣй,
Ты скажи намъ, что за горе

[1] *Вар.* И тихо любовалася.

Залегло въ душѣ твоей?
Не печалься, мы готовы,
Сёстры вѣрныя пришли,
За тебя карать сурово
Обитателей земли".

Такъ пѣли стройно водяныя дѣвы
Среди наставшей снова тишины
И грудью бѣлой, бѣлыми плечами
Качалися надъ сонными водами.

*

Любуется царица молодая
Прекрасныхъ дѣвъ подвластною толпой,
И руки къ нимъ съ любовью простирая
Имъ говоритъ съ волненьемъ и тоской,
Слезу на гнѣвъ, гнѣвъ на слезу мѣняя,
И взоръ ея, то томный, то живой
Вдругъ вспыхнетъ пламенемъ негодованья
И никнетъ вновь отъ грусти и страданья:

*

„Вы знаете, жильцы синя моря,
Какъ хорошо среди бѣгущихъ водъ
Гуляетъ вольно рыбка на просторѣ,
То жадно дышетъ, то хвостомъ мелькнётъ,
И просто любитъ жизнь, не зная горя...
И кто изъ васъ чешуйчатый народъ
Обидѣть можетъ словомъ или дѣломъ
Когда нибудь въ жестокосердьи смѣломъ?

*

Вы знаете какое наслажденье
Стада сельдей вокругъ себя сбирать,
Смотрѣть на ихъ проворное движенье
И пищу имъ своей рукой бросать,
Или среди шумящаго волненья
На ходъ леща задумчивый взирать.
И плачьте! ловитъ, неводомъ владѣя,
Ихъ человѣкъ съ жестокостью злодѣя.

*

Но месть, но месть! мы не снесёмъ позора,
Злодѣя мы на берегу найдёмъ,
И силой рукъ иль хитрой лаской взора
На лоно водъ со смѣхомъ привлечёмъ,
Накажемъ строго дерзостнаго вора,
Ко дну его мы цѣпью прикуёмъ,
Чтобъ, жадный, видѣлъ рыбъ надъ головою
И заливался горькою волною".

*

Тутъ въ путь янтарнымъ скиптромъ указала
Царица, взоромъ гнѣвнымъ повела,
И бездна чолнъ сердито всколыхала,
И на хребтѣ его стрѣлою понесла.
Въ путь, въ путь! толпа за нимъ кричала
И съ хохотомъ и съ воплемъ поплыла,
И заклубясь, сребристой пѣной полны,
Ей вслѣдъ лились разсерженныя волны.

*

О! сколько тутъ головъ прекрасныхъ было,
И свѣжихъ устъ, и голубыхъ очей,
И сколько русыхъ косъ по волнамъ плыло,
И бѣлыхъ плечъ подъ сѣнію кудрей!
Кого бы ихъ краса не погубила?...
Но какъ луна межъ звѣздъ, въ тиши ночей,
Такъ межъ подругами, красой блистая,
Являлась водъ царица молодая.

2.

Встаетъ заря на небѣ отдаленномъ,
Румяный блескъ по морю пробѣжалъ,
И ранній вѣтръ на брегѣ пробужденномъ
Траву и листъ слегка заколыхалъ,
И юный цвѣтъ, росой посеребренной,
И съ шумомъ кустъ вѣтвями закачалъ;
Орелъ взлетѣлъ надъ ближнею скалою,
Взвилася чайка съ крикомъ надъ водою.

*

На берегу изъ хижины убогой
Рыбакъ выходитъ тихо молодой
И вдаль идетъ прибрежной дорогой...
Лицо полно отвагой и красой,
Блистаетъ взоръ и пламенной и строгой,
И вьется змѣйкой локонъ смоляной,
И губу пухъ, черня́сь, оттѣняетъ,
И крѣпость мышцъ движеньемъ управляетъ.

*

Идетъ. Его одежды ткань сурова,
Но гибкій станъ себя въ ней очертилъ.
Рыбакъ взялъ сѣти съ берега крутаго,
Гдѣ бережно ихъ на ночь разложилъ,
И удочку, забаву рыболова,
И къ морю внизъ потомъ поворотилъ,
И съ берега, цѣпляяся руками,
Спустился тихо скользкими стезями.

*

Онъ сѣлъ у моря. Сильною рукою
Закинулъ лѣсу съ гибельнымъ крючкомъ,
И закачало поплавокъ волною...
И съ жадностью, въ вниманіи нѣмомъ,
Рыбакъ слѣдилъ его, склонясь главою
Къ груди и взоръ остановивъ на нёмъ.
Но поплавокъ все на водѣ качался
И вслѣдъ за рыбкой въ глубь не опускался.

*

„Что за несчастный ловъ! ужъ солнце встало
И волны блещутъ, что смотрѣть не льзя,
А рыба въ морѣ будто задремала
И не клюётъ... Я разбужу тебя,
Постой! Наловишся во чтобъ ни стало;
Дай сѣти взять и будешь ты моя".
Онъ сѣти взялъ, но вдругъ въ оцѣпененьи
Остановился, полонъ удивленья.

*

Озарены младаго дня лучами
Плывутъ толпой и брызжутъ по волнамъ
Младыя дѣвы съ русыми косами,
Развитыми по бѣлымъ ихъ плечамъ;
На рыбака лазурными очами
Глядятъ такъ нѣжно; робко по устамъ
Улыбка бродитъ; съ рѣзвостью, небрежно
Его манятъ рукою бѣлоснѣжной.

*

А впереди, въ плѣнительномъ движеньи
Жемчужный челнъ съ царицею плывётъ.
Надменная, она таитъ волненье;
Знакъ одобренья скиптромъ подаётъ,
Чтобъ приступали, чтобъ свершалось мщенье,
Чтобъ духомъ не упали дѣвы водъ;
Сама же, притворясь угрюмѣй ночи,
На рыбака поднять не смѣетъ очи.

*

А онъ недвиженъ, весь въ очарованьи,
Остановился взоръ передъ толпой,
Стѣснилося тревожное дыханье,
Упала сѣть изъ рукъ... Какъ не живой
Стоялъ онъ... Только локонъ въ трепетаньи
Качался по вѣтру надъ головой;
Видѣнья душу робкую смутили....
А дѣвы все къ себѣ его манили:

„На лоно водъ, рыбакъ младой,
Ты къ намъ приди скорѣй,
Мы увлечёмъ тебя съ собой
Далёко въ глубь морей.
Покажемъ рыбокъ въ глубинѣ
Какихъ ты не видалъ,
Покажемъ на широкомъ днѣ
И жемчугъ и кораллъ;
И погуляемъ мы въ водахъ
Безпечныя съ тобой,

И убаюкаемъ въ волнахъ
Ласкающей рукой.
Приди! мы всѣ равны красой,
Люби одну изъ насъ,
Она тебя своей рукой
Обниметъ въ поздній часъ.
Лобзая сладостно къ устамъ
Она твоимъ прильнётъ,
И косу по твоимъ плечамъ,
Накинувъ, разовьётъ,
И не разстанется съ тобой,
Тебя, рыбакъ, любя,
И зацалуетъ въ тмѣ ночной,
Младой рыбакъ, тебя".

И дѣвы хитрыя рѣзвящейся толпою
Его манятъ къ себѣ на лоно водъ,
Онъ рвётся къ нимъ влюблённою душою,
Онъ съ нихъ и глазъ влюбленныхъ не сведётъ...
Вотъ робко ногу поднялъ надъ водою,
Трепещетъ, хочетъ броситься... Но вотъ—
Царица тихо на него взглянула
И гнѣвъ исчезъ, и робкая вздрогнула.

*

„Стой, стой!" она вскричала съ сожалѣньемъ,
„Несчастный! смерти ищешь ты своей.
Умѣрь восторгъ, противься искушеньямъ,
Я не хочу погибели твоей.
Какъ ты хорошъ! Я право съ умиленьемъ
Гляжу на юный блескъ твоихъ очей.
Живи, люби меня. Зови своею
Въ тиши ночей. И я любить умѣю!"

*

Глядитъ рыбакъ и сладкими рѣчами
И красотой невольно поражёнъ,
И на колѣняхъ робкими устами
Её любить клянется вѣчно онъ.
„Такъ жди меня: я выйду надъ волнами

Когда луна взойдётъ на небосклонъ
И приплыву къ тебѣ"—она сказала
И скиптромъ въ путь обратный показала.

*

И дѣвы вновь обратною толпою
Плывутъ; качается жемчужный челнъ
И тихо все видѣнье неземное
Уходитъ вдаль по лону синихъ волнъ.
Рыбакъ стоитъ съ поникшей головою
И смотритъ, грустью и любовью полнъ,
И ужъ они изчезли за волнами,
А долго онъ все ихъ искалъ очами.

*

И вотъ когда они давно сокрылись,
Онъ вновь поднялся на берегъ крутой,
Видѣнья въ памяти его носились,
Онъ думалъ о царицѣ молодой,
Въ душѣ мечты неясныя толпились,
Любилъ, томился, плакалъ онъ порой
И цѣлый день бродилъ все, молчаливый,
И тихой ночи ждалъ нетерпѣливо.

3.

Луна взошла и звѣзды засвѣтились
И ночь опять величія полна,
И снова волны шумныя смирились,
И какъ стекло поверхность водъ ясна,
И въ нихъ опять спокойно отразились
И синій сводъ и звѣзды и луна...
И вновь,—волною звонкою плеская,
Всплываетъ тихо дѣва молодая,—

*

И море челнъ жемчужный закачало...
Но ужъ она печальна не была,
И косу влажную не опускала
Надъ моремъ; слезъ горючихъ не лила;
Своихъ подругъ къ борьбѣ не призывала,

Но съ яснымъ взоромъ въ тишинѣ плыла
И все на небо, гдѣ луна блестѣла,
Въ мечтательномъ раздумiи глядѣла.

*

Безпечно челнъ плывётъ и за собою
Рисуетъ слѣдъ блестящiй при лунѣ
И берега съ зеленою травою
Уже видны въ безмолвной тишинѣ
И все кругомъ полуночной порою
Почiетъ въ безмятежномъ снѣ;
Одинъ рыбакъ влюбленный, сна не зная,
Сидитъ у моря, дѣву ожидая.

*

Сидитъ, томимъ надеждою, безмолвный
И смотритъ вдаль и слушаетъ порой
Не встрепенутся ль дремлющiя волны....
Когда жъ онъ челнъ завидѣлъ надъ водой
Въ лицѣ весь вспыхнулъ и восторгомъ полный
Простёръ объятья къ дѣвѣ молодой
И ждалъ, и сильно грудь его вздымалась,
А между тѣмъ царица приближалась.

*

Шумитъ вода на сонный брегъ плеская,
Качаетъ челнъ прибрежная волна
И вотъ выходитъ дѣва молодая....
Все ново ей; какъ будто смущена
Она, головкой влажною качая,
Остановилась робости полна;
Ей страшно: какъ рѣшилася впервые
Изъ водъ идти на берега земные!

*

И самъ рыбакъ стоялъ въ недоумѣньи
И къ дѣвѣ водъ приблизиться не смѣлъ,
И только лишь въ безмолвномъ удивленьи
На прелесть юнаго лица глядѣлъ;
Но наконецъ тревожное смущенье
Въ своей душѣ преодолѣть успѣлъ

И тихо станъ ея обвилъ рукою;
Звучали рѣчи сладко той порою.

*

Царица.

Ты счастливъ, любишъ?

Рыбакъ.

О!.. я самъ не знаю
Что я? я на яву или во снѣ?...
Отнынѣ я привычки измѣняю:
Не стану рыбъ тревожить въ глубинѣ,
Сѣть изорву и удочку сломаю
Лишь только бъ ты принадлежала мнѣ...

Царица.

О! я твоя. И для тебя средь ночи
Разтворены лазоревыя очи,

*

Уста лобзаній ищутъ...

Рыбакъ.

Я скитался
День цѣлый. Ловля мнѣ не шла на умъ.
Все образъ твой въ мечтахъ моихъ являлся,
Не покидалъ моихъ тревожныхъ думъ.
Я ждалъ тебя, мнѣ длинень день казался,
Несносенъ сталъ мнѣ моря вѣчный шумъ
И звалъ я ночь съ отрадной тишиною...
Она пришла—и наконецъ съ тобою!

*

Царица.

Сладка любовь твоя, дитя земное!
И я сама, я все бы отдала
И милыхъ рыбъ, и царство водяное,
На вѣкъ бы отъ подругъ своихъ ушла,
Чтобъ ты любилъ меня, чтобы съ тобою

Всегда и днёмъ и ночью я была
И все бы чернымъ локономъ играла
И въ очи черныя тебя лобзала...

*

Но ночь межъ тѣмъ примѣтно холодѣетъ
И легкій вѣтеръ шевелитъ волной,
Туманъ ложится, свѣтлое тускнѣетъ
Море, влаженъ воздухъ сталъ ночной
И дѣву съ берега, гдѣ холодъ вѣетъ,
Рыбакъ зоветъ въ пріютъ убогой свой,
Тамъ такъ тепло... Она жъ смутилась
Потомъ подумала—и согласилась.

*

Влечетъ её съ собой рыбакъ влюбленный,
На берегъ взводитъ медленно крутой,
Подводитъ тихо къ хижинѣ смиренной...
Дверь скрыпнула, все дышетъ простотой,
Все мирно въ комнаткѣ уединенной,
Сквозь окны мѣсяцъ свѣтитъ золотой...
Рыбакъ огонь проворно раздуваетъ,
Трещитъ очагъ радушный и пылаетъ.

*

Глядѣла дѣва, все ей было ново,
Все нравилося ей въ быту земномъ,
Прохладу водъ была забыть готова
И яркимъ любовалася огнёмъ,
И тихо сѣла на скамьѣ дубовой,
И грѣться стала передъ очагомъ;
Потомъ головку на бокъ наклонила
И отряхая волосы сушила.

*

И было странно такъ ея явленье
Средь хижины, въ обители людской...
Съ испугомъ котъ въ внезапномъ пробужденьи
Ушелъ подъ лавку и глядѣлъ порой,
Сверкая взоромъ въ дикомъ изумленьи;
Два голубя на полкѣ угловой

Въ просонкахъ робко крыльями махали
И про себя невнятно ворковали.

*

Потомъ утихло все... Рыбакъ склоняетъ
Къ царицѣ голову подъ сѣнь кудрей
И страстно руки бѣлыя лобзаетъ,
Иль неподвижно пламенныхъ очей
Съ ея очей лазурныхъ не спускаетъ
И станъ рукою обвиваетъ ей,
И тихо сладкія даетъ названья,
И такъ у нихъ летятъ часы свиданья.

*

Очагъ тускнѣетъ. Только что порою
Мелькаютъ угли синимъ огонькомъ;
Устало тѣло, просится къ покою,
Живительнымъ на очи вѣетъ сномъ;
Готово ложе, постлано, простое,
Изъ травъ душистыхъ на полу простомъ;
Склонилась дѣва тихо къ изголовью,
И съ ней рыбакъ, волнуемый любовью...

*

О! сколько тутъ лобзаній страстныхъ было,
Какъ хороша царица водъ была!
Какъ къ другу кудри русыя склонила
И чернымъ локономъ перевила!
Луна въ окно отрадно имъ свѣтила...
Но между тѣмъ ночь быстрая все шла,
Земля простилась съ блѣдною луною
И небо освѣтилося зарёю.

*

Проснулась дѣва водъ, слегка краснѣя,
И робостью была душа полна:
Какъ? свой высокій родъ забыть умѣя
Дѣлила ложе смертнаго она?
Что скажутъ боги? Гнѣва ихъ сильнѣе
Что можетъ быть? И тутъ устрашена,
Потупя грустный взоръ она вздыхала
И къ рыбаку на грудь въ слезахъ упала.

*

И онъ не спитъ и въ горестномъ смущеньи
Онъ видитъ дѣву милую въ слезахъ,
Утѣшить хочетъ, полонъ сожалѣнья,
И слёзы ей цалуетъ на глазахъ....
Но тщетно все! онъ скорбнаго волненья
Унять не можетъ; на ея устахъ
Улыбки снова вызвать не умѣетъ
И только самъ все плачетъ и жалѣетъ.

*

Она жъ его тревожить не желала,
Не показала страха своего,
И плачетъ только потому, сказала,
Что тяжко ей оставить вновь его,
Сама жъ какъ листъ осенній трепетала
И къ морю все просилась отъ него,
И плакали лазоревыя очи
Такъ горько послѣ столь блаженной ночи.

*

И вотъ пришла минута разставанья,
И милымъ съ берега царица сведена,
Уже дано послѣднее лобзанье
И до ночи прощается она...
Жемчужный челнъ трепещетъ въ ожиданьи
И вотъ его съ царицей мчитъ волна,
И взоромъ въ синевѣ теряясь дальней,
Рыбакъ стоитъ безмолвный и печальный.

4.

Проходитъ день. Ночь снова наступила
И дѣва снова тихо приплыла,
И ночь прошла какъ прежде проходила,
И снова день и снова ночь прошла.
Но въ третью ночь на небѣ тёмно было,
И туча черная надъ моремъ налегла,
И съ воемъ вѣтръ носился злобы полный
И пѣнились разсерженныя волны.

*

Дождь крупно капалъ и потомъ сильнѣе
Все становился онъ съ часу на часъ,
Шумѣло море, туча шла чернѣе
И ничего кругомъ не видѣлъ глазъ;
Лишь часто молнья, ярко пламенѣя,
Тьму озаряла, змѣйкою віясь
И отголоски грома разносили...
Казалось боги недовольны были!..

*

Рыбакъ, звѣриной кожей прикрываясь,
На берегу сидѣлъ и дѣву ждалъ,
И взоромъ въ мглу безмолвно погружаясь
Все слушалъ и невольно трепеталъ;
А дождь шумѣлъ и молнья извиваясь
Сверкала, море вѣтеръ воздымалъ —
Пустое!.. ей не страшны непогоды,
Она царица, ей покорны воды...

*

Клубится валъ и скорбно буря стонетъ,
Сверкнула молнія и видѣнъ челнъ
Жемчужный... онъ то вынырнетъ, то тонетъ,
Несомый по хребтамъ сердитыхъ волнъ,
И голову рыбакъ на руки клонитъ,
Глаза закрывъ трепещетъ страха полнъ.
Царица жъ скиптръ янтарный простирала,
Но море все упрямясь бушевало.

*

Все чаще молнья свѣтитъ надъ водою,
Удары грома все сильнѣй, сильнѣй,
Несется челнъ надъ бездной роковою
Все ближе къ берегу, и все страшнѣй
Играетъ море дѣвой молодою;
Рыбакъ ужъ руки простираетъ къ ней...
Она чуть слышно средь грозы взываетъ,
По вѣтру кудри русыя летаютъ.

*

„Рыбакъ! я гибну, надо мной
Свершится наказанье,
За то, что, мой рыбакъ, съ тобой
Дѣлила я лобзанья.
Рыбакъ! я гибну, съ жизнью мнѣ
Ахъ! страшно разставаться;
Рыбакъ, я скроюсь въ глубинѣ,
Намъ больше не видаться.
Рыбакъ! я гибну—но молить
Не стану погибая,
И про любовь еще твердить
Все буду умирая."

*

Сверкнула молнья яркою стрѣлою—
И дѣвы нѣтъ—и только тяжкій стонъ
Промчался грустно, грустно надъ водою;
Казалось выходилъ изъ моря онъ
То дѣвы водъ взрыдали надъ сестрою...
Рыбакъ не зналъ то правда или сонъ,
На берегу стоялъ остолбенѣлый;
Кругомъ гроза все злилась и шумѣла.

*

И слышно было въ бурномъ завываньи
Какой то голосъ тайный говорилъ,
Что за любовь земную наказанье
Царицѣ богъ верховный присудилъ.
Но голосъ смолкъ—и моря волнованье
Стихало—вѣтеръ буйный ужъ не выл,
Съ небесъ дождемъ не такъ ужъ крупно лило
И туча черная все далѣ уходила.

*

На утро небо вовсе чисто стало;
Заря была румяная ясна,
На все кругомъ привѣтный лучь бросала;
А на морѣ лежала тишина,
Какъ будто бъ послѣ бури отдыхала
Его таинственная глубина.

Орелъ взвился надъ ближнею скалою,
Кружилась чайка съ крикомъ надъ водою.

*

Царицы тѣло съ русою косою
Носилося безъ жизни по водамъ;
Взоръ сомкнутъ былъ дремотой вѣковою;
Блуждала будто грустно по устамъ
Улыбка. Тихо къ рыбаку волною
Принесся трупъ и легъ къ его ногамъ,
Какъ будто въ нёмъ еще душа любила,
Рвалася къ другу, безъ него грустила.

*

И палъ рыбакъ предъ трупомъ на колѣни
И кудри русыя въ тоскѣ лобзалъ,
И въ тщетномъ дѣву милую моленьи
Опять къ любви и жизни призывалъ,
И тщетно руку бѣлую, въ волненьи,
Слезами горько, долго обливалъ....
И было суждено ему богами
Всю жизнь провесть надъ трупомъ предъ волнами.

*

Но вѣкъ его не длиненъ былъ, и вскорѣ
Рыбакъ тоску и жизнь свою забылъ,
И въ часъ кончины обнялъ трупъ и въ морѣ
Съ нимъ вмѣстѣ навсегда похоронилъ
Свою любовь, и молодость, и горе,
И все о чёмъ скорбѣлъ и что любилъ...
И оба трупа дѣвы водъ сокрыли
На днѣ морскомъ и много слёзъ пролили...

*

Съ тѣхъ поръ уже царица молодая
Не выходила изъ подъ синихъ волнъ,
Рыбакъ её на брегѣ ожидая
Средь ночи не стоялъ, любовью полнъ;
И только много лѣтъ спустя, играя,
Жемчужный дѣти отыскали челнъ
И скиптръ янтарный, матерямъ казали
И долго ими, рѣзвые, играли.

2.

Изъ безднъ скорбей, изъ безднъ мученья,
Изъ безднъ грѣховной суеты
Къ тебѣ взываю Богъ спасенья
Въ твои святыя высоты;
Взываю сердцемъ сокрушеннымъ,
Взываю робкою душой,
Взываю разумомъ смущеннымъ,
Но съ полной вѣрой въ промыслъ твой.
Упалъ я твердостію духа,
Упалъ подъ тяжестью скорбей;
Но твоего достигнуть слуха
Смиренной дай мольбѣ моей.
Молю: ты вновь пошли мнѣ силы
Мой крестъ безъ ропота нести,
Чтобъ могъ до рубежа могилы
Я твердымъ быть въ земномъ пути,
Чтобы я могъ взглянуть съ презрѣньемъ
На смуты этихъ краткихъ дней,
Чтобъ могъ съ любовью и терпѣньемъ
Идти во слѣдъ твоихъ стезей,
Чтобы душа въ огнѣ страданій
Ввѣкъ несгараема была,
И противъ бури испытаній
Стать волей сильною могла.
О! сердцу силы дай живыя
Тебя любить, мой Боже, вновь,
Чтобы я всѣ любви земныя
Могъ слить къ тебѣ въ одну любовь;
Тогда душа лишь встрепенётся
Небесной жизнію полна
И величаво разнесётся
По ней святая тишина.

3.

Городъ.

Смеркаться начинаетъ,
Ужъ звѣзды надо мной,—
И вотъ мы подъѣзжаемъ
Къ заставѣ городской.

*

Дома стоятъ рядами,
Огонь мелькаетъ въ нихъ,—
И стукъ отъ экипажей
Несется съ мостовыхъ.

*

Вся скука городская
Приходитъ мнѣ на умъ,
И какъ гнѣтётъ здѣсь душу
Заботъ вседневныхъ шумъ.

*

Скорѣй! на сквозь чрезъ городъ,
Ямщикъ, скачи же ты:—
Тамъ—снова безконечность
И вольный міръ мечты.

4.

[Изъ „Гамлета"].

Офелія.

Средь толпы—кѣмъ я любима
Какъ узнать бы мнѣ того?
По одеждѣ ль Пилигрима,
По сандаліямъ его?

*

Вѣдь онъ умеръ—вы не знали?
Вѣдь ушелъ, вѣдь умеръ онъ:

Въ головахъ все дёрнъ настлали,
Въ ноги камень положёнъ.

*

Саванъ бѣлъ какъ снѣгъ нагорной,
Самъ онъ убранъ весь въ цвѣтахъ;
Такъ онъ лёгъ въ могилѣ черной,
А любовь по нёмъ въ слезахъ.

День святаго Валентина!
Съ раннею зарёй
Этотъ день пришла дѣвица
Праздновать съ тобой.

*

Онъ проснулся и одѣлся,
Дверь ей отворилъ,
Отъ себя жъ её дѣвицей
Онъ не отпустилъ.

*

Ахъ, святая Катерина!
Дурно вѣдь оно.
Вотъ мужчины! всѣ такіе,—
Право, имъ грѣшно.

*

„Ты меня вѣдь обѣщался
Взять себѣ женой?“
онъ отвѣчаетъ:
Я и взялъ бы, да напрасно
Ты спала со мной.

Въ гробу его открыто проносили,
Гей но нонни! нонни гей нонни!
И много слёзъ въ могилу уронили.

Ужель онъ не вернётся?
Ужель онъ не вернётся?

Нѣтъ! ужъ умеръ онъ,
Лёгъ на долгій сонъ,
Онъ больше не вернётся!

*

Былъ онъ съ бѣлой бородой,
Мягокъ локонъ завитой:
Онъ ушелъ въ свой тёмный домъ,
Чтожъ и плакать намъ по нёмъ?
Боже, душу упокой!

Пѣсня могильщика.

Я смолоду любилъ, любилъ,
Мнѣ сладко было это,
Я чудо время проводилъ:
Да тутъ и дива нѣту.

*

А старость и пришла тайкомъ,
Да въ когти и забрала,
Да въ даль и увезла потомъ:
Меня какъ не бывало.

*

Лопату взяли бъ, заступъ, ломъ,
Да крышкой бы накрыли,
Да яму вырыли бъ потомъ,
Вотъ гостя бъ угостили.

5.

Что ты вдали готовишь предо мною,
Грядущее въ туманной мглѣ твоей?
Не тучь ли вьешся черной пеленою,
Иль радость шлёшь въ среду печальныхъ дней?

Но ты молчишь въ безвѣстномъ отдаленьи,
И что несешь, сокрыто предо мной;
Чтобъ ни было—тебѣ, о провидѣнье,
Ввѣряю я смиренно жребій мой!...

6.

Мнѣ было скучно въ разговорѣ
Натягивать мой бѣдный умъ,
Чтобъ толковать о всякомъ вздорѣ
Какъ ни попало, на обумъ...
И я урвался одинокой
Къ зеленымъ рощамъ и полямъ,
И тамъ бродилъ въ тиши глубокой
Печальнымъ преданный мечтамъ.
Мнѣ было грустно—вспоминалъ я
Другія рощи и поля,
Гдѣ, милый другъ, съ тобой блуждалъ я
И сладко такъ любилъ тебя.
О! тяжело забыть душою
Любви плѣнительный привѣтъ,
И день и ночь съ одной тоскою
Себѣ твердить: её здѣсь нѣтъ,
И отвыкать отъ женской ласки,
И ночью тихо не лобзать
Полузатворенныя глазки,
Лобзаньемъ утра не встрѣчать,
Проститься съ тѣмъ, что было мило,
Грустить безмолвно каждый часъ...
О! тяжело... слеза уныло
Рукой стирается не разъ.

7.

Что мнѣ въ сей жизни скучной?
Я лучше же уйду,
У лошади подручной
Взявъ тонкую узду.
Не хуже подсѣдельной
Она меня домчитъ
Туда, гдѣ неподдѣльно
Сіяетъ жаръ ланитъ;

Гдѣ дѣва—coeli lumen—
Невинностью дыша,
Точь въ точь святой игуменъ
Не любитъ антраша;
Бѣжитъ отъ шума свѣта,
Одну любовь любя,
Огнемъ души согрѣта
Живетъ внутри себя,
И чувствуетъ оттуда,
Что пусть залогъ небесъ
И путь укажетъ чуда
Въ безвѣстный край чудесъ.

8.

О ты! котораго вчера
Ушибъ я больно очень,
О чёмъ я съ самаго утра
Пре много озабоченъ;—
Пришли мнѣ съ симъ посланникомъ
Табакъ и щетки три,
Три гребня и подштанники
И только. Да смотри
Сходи теперь немедленно,
Купи что нужно мнѣ
И принеси, мнѣ въ 9 часовъ будетъ нужно.

9.

Миннезенгеръ.

Нѣтъ у пѣвца страны родной,
Изъ края въ край далёкой
Онъ съ арфой звонкой за спиной
Блуждаетъ одиноко.
Нѣтъ встрѣчь отрадныхъ для него

И горькой нѣтъ разлуки;
Но въ глубинѣ души его
Все сны, да сны, да звуки.

*

Но въ сердцѣ какъ святыню онъ
Чудесный образъ носитъ,
И тщетно и безумно онъ
Любви и счастья проситъ.
Изъ глубины души его
Встаютъ и сны и звуки
И пѣсня звонкая его
Полна любви и муки.

10.

Длинный день проходитъ вяло,
Скучны люди, жизнь узка
И живетъ въ душѣ усталой
Безпокойная тоска.

Но опять полно стремленья
Сердце въ поздней тишинѣ
И желанное видѣнье
Предстаетъ въ блаженномъ снѣ.

А на утро все пропало,
Скучны люди, жизнь узка
И опять въ душѣ усталой
Безпокойная тоска.

11.

Паукъ.

Я проснулся, а солнце въ окно мнѣ давно ужъ свѣтило,
Яркимъ лучемъ на тепло измѣнивъ холодъ трепетной ночи.
А окно мнѣ искусной паукъ затянулъ паутиной:

Началъ съ того, что крестъ на крестъ онъ нитки провелъ изъ угловъ;
Послѣ провелъ между ними другія онъ нитки вкругъ центра;
Послѣ дальше и дальше отъ центра межъ ними все плёлъ онъ,
Правильный сплелъ наконецъ онъ въ окнѣ моемъ многоугольникъ.
Въ уголъ самъ притаился, мохнатыя высунувъ лапки,
Мухи неопытной съ жадностью дикой и злой поджидая.
Блестками солнце играло по тонкой его паутинѣ;
Я же смотрѣлъ удивляяся силѣ таинственной жизни.

12.

Тускло сквозь сѣренькихъ тучекъ
Мѣсяцъ глядитъ съ небесъ,
Тянется возлѣ дороги
Длинный еловый лѣсъ.

*

Снѣгъ навалился на вѣтви,
Мракъ въ глубинѣ лѣсной;
Кони мои приустали,
Дремлетъ ямщикъ сѣдой.

*

Помню давно я здѣсь ѣхалъ
Въ свѣтлой ночной тиши,
Ѣхалъ я къ близкимъ мнѣ людямъ,
Пѣлъ соловей въ глуши.

13.

Air: Allons enfants de la patrie.

Илья Васильичь Селивановъ
Безъ Фавстовны своей жены,
И безъ мальчишки изъ болвановъ,
И безъ сіянія луны,
Къ намъ изъ Мореева нежданой
Пріѣхалъ, жаждущій Москвы,
И разсказалъ, что дочку съ раной
Покинулъ онъ среди Мордвы.

*

Его васаллы жили мирно,
Но съ той поры клянутъ судьбу,
Какъ вдругъ онъ съ выставки всемірной
Добылъ клестирную трубу.
Съ тѣхъ поръ, когда ему досужно,
Собственноручно, безъ препонъ,
Кому и нужно и ненужно
Клестиры смѣло ставитъ онъ.

*

Какъ либералъ, презрѣвъ утраты,
Какъ врагъ всѣхъ барщенныхъ трудовъ,
Онъ по найму безъ всякой платы
Пахать заставилъ мужиковъ.
Онъ ихъ разпродалъ половину,
Чтобъ свергнуть рабственный ярёмъ,
И выгадавъ на рубль полтину
Купилъ весьма доходный домъ.

*

Ручаюсь я: онъ не за взятки,
Не по познаньямъ иль уму;
Но ссыльнымъ жилъ недавно въ Вяткѣ,
Не знаю право почему.
Тамъ гордый мученикъ гоненій,
Пробывъ полгода съ Середой,
Безъ всякихъ дальнихъ приключеній
Обратно въ домъ пріѣхалъ свой.

14.

[Н. А. Огаревой.]

[Отрывокъ.]

О! ради нашихъ прошлыхъ дней
Погибшаго, погубленнаго счастья,
Не разрушай въ душѣ моей
Къ прошедшему послѣдняго участья!

Прости меня! я виноватъ,
Я погубилъ твой возрастъ юный
Я порвалъ всѣ святыя струны,
На умъ навѣялъ праздный чадъ,
Я развилъ волей иль неволей
Духъ неразумныхъ своеволій,
Я допустилъ въ душѣ твоей
Тревогу мелкихъ нетерпѣній
И сухость мстительныхъ волненій
И необузданность страстей.
Прости меня! передъ тобою
Клонюсь преступной головою,
Но я любилъ, но я былъ слабъ,
Я былъ не старшій братъ—а рабъ.
О! ради нашихъ прошлыхъ дней
Погибшаго, погубленнаго счастья,
Не разрушай въ душѣ моей
Къ прошедшему послѣдняго участья!
Твой слухъ на голосъ мой склони,
Пойми всю ширь сердечнаго прощенья
И тихой грустію благоволенья
Порывы злобы замѣни.
Чтобъ ты пришла къ уразумѣнью
Какъ много я надѣлалъ зла
Моей потворственною лѣнью
И мнѣ простить её могла—
Сойди въ себя! Отвергни оправданья,
Очисти жизнь слезою покаянья.
Вчера—ты помнишь ли—вчера
Еще ты ночью говорила,
Что знать за то, что ты забыла
Понятье правды и добра—
Тебѣ дочернее страданье
Дано судьбою въ наказанье?
Ужель опять—ни страхъ передъ судьбой
Ни мягкая надежда исцѣленья
Не взяли верхъ надъ мелкой и сухой,
Презрѣнною тревогой озлобленья?

Подумай—оглянись назадъ:
Безумный вихрь, ревнивый чадъ...
Сердечной лаской не пригрѣты—
Двѣ дѣвочки [1] забудутъ кровъ родной;
Нарушены предъ урной гробовой
Тобою данные обѣты [2].
Ужель на жизнь своихъ дѣтей
Навѣешь ты все то же роковое
Дыханье злобы и страстей,
Туманный вихрь, съѣдающій живое,
Ума лишающій людей?
Пойми, что злоба на всѣ лицы,
Что праздно бѣшеная кровь—
Тревога дикая волчицы—
Еще не женская любовь.
О! слухъ на голосъ мой склони!
Пойми всю ширь любви и умиленья
И тихой грустію благоволенья
Порывы злобы замѣни!
О! сдѣлай, сдѣлай ради бога,
Чтобъ я, когда иду къ больной,
Я не стоялъ бы у порога,
Терзаемъ думою одной,
Что—вотъ войду—и вновь тревога—
И вкругъ пойдетъ разсудокъ мой,
И я, встрѣчая сердца малость,
Забуду и любовь и жалость.
О! дай же плакать мнѣ надъ ней,
Надъ бѣдной Лизою моей,
Любуясь цаловать ей руки—
Безъ заднихъ думъ проклятія и муки.
У ногъ твоихъ, еще любя,
Рыдаю и молю тебя—
Сойди въ себя, отвергни оправданья,
Очисти жизнь слезою покаянья...

[1] [Наташа и Ольга Герценъ.]

[2] [Гробовая урна покойной жены Герцена, Наталіи Александровны; обѣтъ Н А. Огаревой—замѣнить дѣтямъ Герцена мать.]

О! ради нашихъ прошлыхъ дней,
Погибшаго, погубленнаго счастья,
Не разрушай въ душѣ моей
Къ прошедшему послѣдняго участья!

. . . . . .

Но тщетно все! Я знаю, голосъ мой—
Пустынный бредъ души моей больной,
И я слова мои напрасно трачу—
Склоняю голову и плачу....

15.

Наташѣ.

И день и ночь, дитя моё,
Я занятъ мысленно тобою;
Ищу уныніе твоё
Разсѣять любящей рукою.
Невольно взгляда твоего
Я вспоминаю выраженье,
И голосъ словъ твоихъ, его
Неуловимое значенье;
Я узнавать въ тебѣ привыкъ
И каждой мысли слѣдъ летучій,
И каждый затаённый крикъ
Нѣмыхъ скорбей и страсти жгучей.
О! дай уныніе твоё
Разсѣять любящей рукою;
Молю тебя, дитя мое,
Не мучься ложною тоскою;
Святыни сердца своего
Не трать въ порывахъ малодушно;
Люби меня, люби *его*,
Люби свѣтло и простодушно,
Безъ притязаній, безъ обидъ,
Безъ подозрительности ложной,
Безъ жала мелкихъ Немезидъ,

Безъ яда ревности тревожной.
О! жизнь намъ тяжело далась,
Довольно было огорченій,
Довольно рушилось у насъ
Надеждъ, и чувствъ, и убѣжденій...
Ты нашъ союзъ благослови
Любви безоблачнымъ привѣтомъ,
Нашъ вечеръ мирно оживи
Неугасимо-кроткимъ свѣтомъ,
И пусть остатокъ нашихъ дней—
Союза нашего достоинъ—
Въ живыхъ лучахъ любви твоей
Пройдетъ торжественно-спокоенъ!
Такъ смыслъ торжественный храня,
Развалины твердыней Рима
Въ вечернемъ озареньи дня
Еще живутъ невозмутимо.

16.

(Съ копіи.)

Безлунною ночью плылъ трупъ по рѣкѣ.
Увязъ, зацѣпившись въ подводномъ пескѣ,
И годы лежалъ онъ на этомъ погостѣ,
Покуда остался голыя кости.
Я знаю, чей плылъ это трупъ молодой,—
Трупъ женщины, рушенной горькой бѣдой.
Не выдержалъ мозгъ—столько жизнь не легка,—
Ее утопила любовь да тоска.
А вытащилъ [тѣло] не другъ, не родной,
А просто квартальный, шпіонъ площадной.

V.

Т. Г. Шевченко и кн. В. Н. Репнина.

Еще одно свѣтлое видѣніе встаетъ изъ прошлаго—образъ княжны Варвары Николаевны Репниной, не увѣковѣченный никакими созданіями, которыя сохранили бы ея имя, весь излучившійся въ ежедневномъ; и если бы не довелось ей встрѣтить на своемъ пути двухъ поэтовъ, Гоголя и Шевченку, и вплести нѣсколько „небесныхъ розъ“ въ ихъ земную жизнь, ее постигла бы участь столькихъ прекрасныхъ женщинъ прошлаго,—забвеніе. Но слава, какъ костеръ въ ночи, освѣщаетъ все, что вступило въ ея кругъ; въ яркой славѣ Пушкина намъ отчетливо видны фигуры и движенія ничтожныхъ людей, копошившихся вокругъ него и обреченныхъ иначе навѣки утонуть во тьмѣ. Тѣмъ веселѣе историку, когда свѣтъ чужой славы вдругъ озаряетъ лицо милое и значительное, каково лицо В. Н. Репниной.

Она родилась въ 1808 году; ея отецъ, кн. Ник. Григ. Репнинъ, въ 1813—14 гг. управлялъ Саксоніей, и съ 1816 по 1834 г. былъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ; мать, Варвара Алексѣевна, была дочерью гр. Алексѣя Кирилловича Разумовскаго. Варвара Николаевна получила очень хорошее домашнее образованіе. Ни роскошь, въ которой она выросла, ни высокое положеніе отца, ни знатность рода не исказили ея характера: она была проста и любила простое. Эти строгіе вкусы она, повидимому, унаслѣдовала отъ отца, прекраснаго, просвѣщеннаго, гуманнаго человѣка, горячаго защитника крестьянъ, а страстный темпераментъ, пылкость чувствъ—отъ матери. Въ молодости она испытала большое страданіе. Левъ Абрамовичъ Баратынскій, младшій братъ поэта, былъ съ 1829 года адъютантомъ Репнина; онъ полюбилъ Варвару Николаевну, а она — его, но Репнина-мать нашла, что Баратынскій еще слишкомъ молодъ (онъ былъ на

два года старше В. Н—вны). Баратынскій удалился отъ любимой дѣвушки, выйдя въ отставку, въ 1834 году; Б. Н. Чичеринъ говоритъ о немъ въ своихъ Воспоминаніяхъ: „Сердечная исторія принудила его выйти въ отставку и поселиться въ деревнѣ“ [1]; онъ никогда не женился. Въ 1834 г. кн. Репнинъ былъ уволенъ отъ должности генералъ-губернатора и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта; затѣмъ онъ надолго уѣхалъ съ семьею за-границу. Они жили въ Дрезденѣ, Римѣ и Флоренціи; тамъ съ ними сблизился Гоголь, тамъ сестра Варвары Николаевны, Елизавета, была выдана за П. И. Кривцова. Въ Женевѣ В. Н. подружилась съ Шарлемъ Эйнаромъ, изъ той извѣстной семьи филантроповъ, чье имя до сихъ поръ носитъ женевскій естественно-научный музей (Palais Eynard); вліяніе Эйнара въ значительной мѣрѣ опредѣлило ея глубокую религіозность. Въ 1842 г. Репнины вернулись въ Россію и поселились въ своемъ родовомъ помѣстьи Яготинѣ, Пирятинскаго уѣзда Полтав. губ., гдѣ ихъ и застаетъ нашъ разсказъ [2].

Лѣтомъ 1843 г., когда Шевченко впервые появился въ Яготинѣ, ему было 29 лѣтъ, Варварѣ Николаевнѣ 35. Шевченко незадолго передъ тѣмъ послѣ многихъ лѣтъ впервые снова пріѣхалъ въ Малороссію изъ Петербурга. Трудные годы были позади; съ 1838 г. онъ былъ свободнымъ человѣкомъ, и свобода окрылила его: раскрылся талантъ поэтическій, и въ 1840 году быстро другъ за другомъ были изданы „Кобзарь“, „Катерина“ и „Гайдамаки“; онъ учился въ Академіи Художествъ и былъ въ числѣ любимыхъ учениковъ Брюллова; онъ много читалъ, вращался въ образованномъ кругу и усвоилъ его манеры. Такимъ, въ расцвѣтѣ силъ и надеждъ, явился онъ на Украйну, и демократическіе круги встрѣтили его здѣсь радушно, а мѣстами и восторженно.

Впервые Шевченко пріѣхалъ въ Яготинъ по предложенію извѣстнаго малороссійскаго богача-мецената Г. С. Тарновскаго, заказавшаго ему копію съ портрета кн. Репнина, привезъ же его туда другъ Репнинскихъ, помѣщикъ А. В. Капнистъ, у котораго онъ въ это время гостилъ [3]. Изъ нижеслѣдующихъ матеріаловъ видно, что это первое

[1] „Рус. Арх.“ 1890, I, стр. 509.

[2] Біографію В. Н. Репниной см. въ „Русск. Біограф. Словарѣ“, т. „Рейтернъ-Рольбергъ“, СПБ. 1913, стр. 68 (тамъ-же біогр. ея отца, стр. 118—125, и матери, стр. 125—127); также—Д. Д. Языковъ, „Обзоръ жизни и трудовъ рус. писателей и писательницъ“, вып. 11-й, СПБ. 1909, стр. 172—173.

[3] Н. Стороженко, „Первые четыре года ссылки Шевченка“, „Кіев. Старина“, 1888, октябрь, стр. 2—3.

его посѣщеніе было мимолетнымъ. Вторично онъ пріѣхалъ въ октябрѣ, и на этотъ разъ прожилъ долго, до 9 декабря; наконецъ, третье его посѣщеніе продолжалось съ 23 декабря по 10 января 1844 г. Кромѣ упомянутой копіи, онъ писалъ еще портреты малолѣтнихъ дѣтей кн. Василія Ник. Репнина, брата Варвары Николаевны, который въ это время, со своей женою, урожд. Балабиной, жилъ въ Яготинѣ; написалъ также два портрета Варвары Николаевны [1].

Уже то одно, что въ домѣ Репниныхъ не давали себя чувствовать тогдашніе соціальные предразсудки, что разночинецъ, недавній крѣпостной Шевченко могъ такъ быстро стать своимъ человѣкомъ въ княжеской семьѣ, достаточно характеризуетъ простоту и порядочность, господствовавшіе въ этомъ домѣ. И меньше всѣхъ, разумѣется, учитывала разницу положеній Варвара Николаевна; напротивъ, въ ея глазахъ, при ея отвращеніи къ крѣпостному праву, прошлое Шевченка окружало его особеннымъ ореоломъ. Притомъ, она любила людей и умѣла остро воспринимать своеобразіе и красоту чужой личности; среди окружавшей ее покойной и ровной жизни кипучая жизненность молодого поэта предстала ей какъ яркое явленіе, и самая порывистость его движеній, его измѣнчивыя и капризныя настроенія, пугая, вмѣстѣ съ тѣмъ плѣняли ее. Онъ былъ сдержанъ въ выраженіи своихъ чувствъ, почти замкнутъ, но въ его стихахъ, читаемыхъ имъ самимъ, предъ нею раскрывался его духовный міръ, и она съ страстнымъ сочувствіемъ внимала этимъ задушевнымъ и скорбнымъ звукамъ, голосу его сердца. И тутъ случилось чудо: глубокая неудовлетворенность, томившая ее самое, нашла себѣ исходъ въ этомъ чувствѣ; ей показалось, что Шевченко поетъ о *ея* мукахъ, о *ея* одиночествѣ. Съ какой горькой отрадой она слушала стихи, въ которыхъ онъ изображалъ самого себя („Тризна“):

„Грусти тайной,
Тоски глубокой, не случайной
Ни съ кѣмъ страдалецъ не дѣлилъ.
Друзья любили всей душою
Его какъ кровнаго; но онъ
Непостижимою тоскою
Былъ постоянно удрученъ...

[1] К. Шероцкій, „Шевченко-художникъ“, въ „Русск. Библіофилѣ“ 1914, кн. 1, стр. 39; одинъ изъ этихъ двухъ портретовъ находится у кн. Репниныхъ, другой — въ Черниговскомъ музеѣ.

И думалъ онъ: „зачѣмъ я тутъ?
И что мнѣ дѣлать между ними?
Они всѣ пляшутъ и поютъ,
Они родня между родными,
Они всѣ равны межъ собой:
А я!....
Вездѣ одинъ... тоска, томленье!..."

Въ его тоскѣ она узнавала свою.

Въ то время, когда Шевченко жилъ въ Яготинѣ, общество здѣсь состояло изъ слѣдующихъ лицъ: стараго князя, часто хворавшей княгини, Варвары Николаевны, ея брата Василія Николаевича и его жены. Жилъ здѣсь еще домашній врачъ Фишеръ и компаньонка Варвары Николаевны, француженка Рекордонъ. Лучшимъ другомъ Варвары Николаевны была Глафира Ивановна Псіолъ, молодая дѣвушка, лѣтъ трехъ взятая въ домъ Репниныхъ, у нихъ выросшая и ставшая какъ бы младшей сестрою Варвары Николаевны. Она была талантливая художница—и мечтала объ артистической дѣятельности. Мы увидимъ ниже, что какъ-разъ вслѣдъ за пребываніемъ Шевченка въ Яготинѣ Глафира Ивановна по любви вышла замужъ за Дунинъ-Борковскаго; скажемъ здѣсь же, что мужъ ея скоро умеръ и она вернулась къ Репнинымъ [1].

Одновременно съ Шевченкой, въ его третій пріѣздъ, т. е. на Святкахъ 1843—4 г., нѣсколько дней гостилъ въ Яготинѣ П. Д. Селецкій. Въ своихъ Запискахъ [2] онъ такъ изображаетъ обитателей Яготина. Старая княгиня была тѣломъ стара, но привѣтлива и любезна; князь былъ еще очень бодръ; „отлично образованный, замѣчательно умный, привѣтливый и гостепріимный.... не было новой книги мало-мальски замѣчательной, которую князь не прочелъ бы; разговоръ его бывалъ интересенъ и поучителенъ". „Княжна Варвара Николаевна, энергичная, легко увлекавшаяся дѣвица зрѣлыхъ лѣтъ, худая, тоненькая, съ большими, живыми выразительными глазами.... Добрая, остроумная, милая и любезная, она была провидѣніемъ бѣдныхъ и несчастныхъ, раздавала, что у ней было, и принимала самое теплое участіе во всѣхъ прибѣгавшихъ къ ея помощи и совѣту".

[1] О сестрахъ Псіолъ см. „Русск. Арх." 1897, II, стр. 490 прим., и „Кіев. Стар." 1888, окт., стр. 8 прим.

[2] „Записки П. Д. Селецкаго", ч. I, Кіевъ, 1881, стр. 170—172.

„Изъ постороннихъ,—разсказываетъ Селецкій,—въ то время жили въ Яготинѣ двѣ личности, обращавшія на себя вниманіе. Въ качествѣ домашняго доктора находился постоянно Фишеръ, вывезенный княземъ изъ Саксоніи, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Гуфланда, очень умный, образованный, симпатичный человѣкъ и отличный медикъ. Проживалъ временно въ Яготинѣ въ одномъ изъ многочисленныхъ флигелей Шевченко, живописецъ по профессіи и поэтъ по призванію. Средняго роста, широкоплечій, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія, рябой, съ мутными карими, неглупыми глазами, угловатый, неуклюжій, не чесанный, не мытый, болѣе чѣмъ небрежно одѣтый—вотъ наружность Тараса Шевченки, далеко не изящная... Старые князь и княгиня удалялись тотчасъ послѣ вечерняго чая въ свои комнаты; мы, оставшись съ молодыми Репниными, съ княжной, заставляли Шевченку читать Катерину и неизданныя имъ стихотворенія; расходились рано“.

Нѣсколько иначе изображаетъ Шевченку познакомившійся съ нимъ тогда же, въ 1843 году, Афанасьевъ-Чужбинскій [1]: онъ былъ „средняго роста, плотный; на первый взглядъ лицо его казалось обыкновеннымъ, но глаза свѣтились такимъ умнымъ и выразительнымъ свѣтомъ, что невольно я обратилъ на него вниманіе.... Держалъ себя онъ въ обществѣ свободно и съ тактомъ и никогда не употреблялъ тривіальныхъ выраженій“. Эта послѣдняя характеристика подтверждается и приводимыми ниже сообщеніями кн. Репниной, и ея позднѣйшими воспоминаніями, опубликованными проф. Н. И. Стороженко [2].

Варвара Николаевна увлеклась Шевченкою. Отчасти вѣроятно возрастъ—она была уже немолода,—главнымъ же образомъ ея пылкая религіозность, сдѣлали то, что ея чувство сразу приняло материнскій характеръ. Она хотѣла видѣть Шевченку всегда духовнымъ и свѣтлымъ. А онъ былъ живой, легко увлекающійся, любилъ и подурачиться, и поухаживать за барышнями, и особенно покутить въ веселой холостой компаніи. Извѣстно, что какъ-разъ въ это время онъ подружился съ отставнымъ гусаромъ Закревскимъ, основателемъ „общества мочемордія“, и сдѣлался частымъ посѣтителемъ его пьяныхъ вечеринокъ [3]; онъ и изъ Яготина исчезалъ на день, на два, и

[1] А. Чужбинскій, „Воспоминанія о Т. Г. Шевченкѣ“, СПБ. 1861, стр. 6 и 28.
[2] Указ. статья.
[3] См. Чужбинскій, указ. м., стр. 8—9.

возвращался туда съ явными слѣдами усерднаго служенія Бахусу. Варвара Николаевна глубоко страдала; она видѣла въ его паденіяхъ тяжкій грѣхъ противъ генія, какимъ одарилъ его Богъ, и считала своимъ святымъ долгомъ напоминать ему о его высокомъ призваніи; она и прямо увѣщевала его, и писала ему аллегорическія назиданія, и наединѣ горячо молилась о немъ. Но иногда сквозь этотъ христіанскій идеализмъ, сквозь материнскую заботу, пробивается подлинная страсть, чувственная и бурная, готовая разорвать всѣ узы; и со свойственной ей правдивостью Варвара Николаевна открыто признается въ этомъ своему духовному отцу, Эйнару, и даже не пробуетъ оправдаться.

Варвара Николаевна вѣроятно правильно опредѣляла положеніе, когда писала Эйнару: „если бы я видѣла съ его стороны любовь, я можетъ быть отвѣтила бы ему страстью". Шевченко былъ тронутъ, умиленъ—но и только. Имъ руководило вѣрное чутье: ему нужна была въ спутницы не княжна Репнина, хотя и чудесный человѣкъ, а дѣвушка вродѣ той хорошенькой 16-лѣтней Федосьи Григорьевны, дочери священника въ его родной Кирилловкѣ, къ которой онъ и посватался неудачно осенью 1844 года. Чувство, зародившееся въ Варварѣ Николаевнѣ, не могло разгорѣться, тѣмъ болѣе, что люди, окружавшіе ее, употребили всѣ усилія, чтобы погасить это чувство. Она сама, въ приводимыхъ ниже писаніяхъ ея, достаточно ярко характеризуетъ и свою мать, и Капниста, и сестру свою, Елизавету Николаевну, въ замужествѣ Кривцову. Еще 20 лѣтъ спустя гр. С. Д. Шереметевъ видѣлъ старую княгиню не-сломленною и властною. Она сидѣла „съ большой тростью въ рукахъ и окруженная приживалками. Сѣдые волосы ея были гладко опущены, на глазахъ надѣтъ былъ зеленый зонтикъ. Видъ у нея былъ строгій и властный. Когда я подходилъ къ ней, она окинула меня быстрымъ взглядомъ съ ногъ до головы и, пристально взглянувъ въ глаза, твердымъ голосомъ произнесла привѣтствіе..." [1] Она имѣла, конечно, огромную власть надъ дочерью. Капнистъ твердилъ Варварѣ Николаевнѣ, что она дурно ведетъ себя съ Шевченкою, что она забылась, и пр.; сестра увѣщевала ее совершенно отречься отъ самой себя, и къ такому же самоотреченію настойчиво звалъ ее въ своихъ письмахъ благочестивый Эйнаръ. Затѣмъ Шевченко уѣхалъ, и несмотря на дѣятельную

[1] Гр. С. Д. Шереметевъ „Княжна В. Н. Репнина", въ „Рус. Арх." 1897, II, стр. 474.

переписку, которую вела съ нимъ весь слѣдующій годъ Варвара Николаевна [1], разлука конечно ослабила ея чувство; былъ ли Шевченко въ Яготинѣ во второй свой пріѣздъ на Украйну (1844), мы не знаемъ [2], а когда онъ весною 1845 г. въ третій разъ посѣтилъ свою родину, В. Н. была слишкомъ поглощена своимъ домашнимъ горемъ: въ январѣ этого года умеръ ея отецъ, старый князь.

Печатаемые здѣсь матеріалы впервые освѣщаютъ полнымъ свѣтомъ эту исторію. Большое письмо Варвары Николаевны къ Эйнару, отъ 27 января 1844 г., которое мы помѣщаемъ цѣликомъ, не только важно для біографіи Шевченка: оно прекрасно само по себѣ, какъ исповѣдь души глубокой и чистой. Дальнѣйшіе отрывки изъ ея переписки съ Эйнаромъ за 1844 и 1845 годы уясняютъ ея душевное состояніе въ ближайшіе мѣсяцы послѣ ея знакомства съ Шевченкою и характеръ вліянія, которое заочно оказывалъ на нее Эйнаръ.

Много лѣтъ спустя Варварѣ Николаевнѣ пришлось прочесть въ „Кіевской Старинѣ" статью, гдѣ ея отношенія къ Шевченкѣ опредѣлялись, какъ „нѣмая любовь" [3]; тогда она сочла нужнымъ публично опровергнуть это толкованіе: никакого романа не было, а была только дружба между нею и симпатичнымъ поэтомъ, и съ ея стороны—откликъ на поэтическія выраженія его наболѣвшей души [4]. Любви дѣйствительно не было ни въ ней, ни въ Шевченкѣ, но ея чувство было, какъ видимъ, сложнѣе и глубже, нежели простая симпатія дружбы.

Приводимое ниже письмо Варвары Николаевны къ А. В. Капнисту отъ 13 апрѣля 1845 г. даетъ право думать, что Шевченко въ это время либо былъ въ Яготинѣ, либо предувѣдомилъ о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Пріѣзжалъ ли онъ сюда дѣйствительно около этого времени—неизвѣстно.

Исторія дальнѣйшихъ отношеній Варвары Николаевны и Шев-

[1] Ея письма къ Шевченкѣ за время съ мая 1844 по мартъ 1845 г. напечатаны въ „Кіев. Стар." 1897, II, стр. 157 - 169.

[2] См. А. Я. Конисскій, „Жизнь Т. Г. Шевченка", Одесса, 1898, стр. 178.

[3] Ѳ. Камінскій, „Еще шепотка на могилу Шевченка", въ „Кіев Старинѣ" 1885, мартъ, стр. 522—526. О стих. „До сестры", которое онъ неправильно приписываетъ Шевченкѣ, В. Н. Репнина писала въ цитируемой ниже замѣткѣ: „Стихи *До сестры* вовсе не посвящены мнѣ и написаны не Шевченкомъ, а одной моей знакомой [вѣроятно, Александрой Ив. Псіолъ, сестрою Глафиры Ив.] къ ея младшей сестрѣ". — Срв. В. Доманицький, „Критичний розсѣдь надъ текстомъ „Кобзаря". У Кіевѣ 1907 р., стр. 5.

[4] „Къ біографіи поэта Шевченка" въ „Рус. Арх." 1887, кн. 6, стр. 258.

ченка неразъ излагалась. Извѣстно, что они еще дважды видѣлись мимолетно—въ 1847 и 1858 гг. [1], что во время долгой ссылки Шевченка онъ переписывался съ В. Н. [2], что она много хлопотала за него передъ властями.

Кромѣ писемъ В. Н. къ Эйнару и выдержекъ изъ его писемъ къ ней, кромѣ письма Шевченка къ ней отъ 17 сент. 1845 г. и ея письма къ Капнисту, мы печатаемъ ниже, къ сожалѣнію, не вполнѣ сохранившуюся повѣсть, въ которой В. Н. пыталась изобразить свой „романъ“ съ Шевченкою. Объ этомъ В. Н. писала Эйнару въ письмѣ 19—31 марта 1844 г.: „Послѣ отъѣзда Шевченка я начала переводить на русскій языкъ книгу св. Августина о Евангеліи ап. Іоанна, но принуждена была прервать эту работу изъ-за болѣзни мамы, затѣмъ папы, который сильно хворалъ; потомъ мнѣ пришла охота написать романъ о Шевченкѣ, и на это я употребляла немногіе свободные часы, какіе у меня были“ [3]. Слѣдовательно повѣсть писана непосредственно послѣ изображаемыхъ событій, что̀ придаетъ ей большую цѣнность. Она прибавляетъ много новыхъ конкретныхъ чертъ къ тому, что̀ разсказано въ большомъ письмѣ Варвары Николаевны къ Эйнару; выдумки въ ней нѣтъ вовсе,—напротивъ, она фотографически вѣрна дѣйствительности. Повѣсть печатается съ собственноручной чистовой рукописи. Съ подлинныхъ же рукописей печатаются и всѣ остальные матеріалы.

Поэма „Тризна“, писанная Шевченкою по-русски въ Яготинѣ, въ ноябрѣ 1843 г., и посвященная Варварѣ Николаевнѣ, была уже въ февралѣ слѣдующаго года напечатана въ „Маякѣ“, а въ апрѣлѣ издана, съ поправками, отдѣльной брошюрою. Одинъ экземпляръ этой брошюры оказался въ бумагахъ кн. В. Н. Репниной: въ немъ вписаны неизвѣстной рукою стихи, не разрѣшенные цензурою. Въ письмѣ отъ 19 іюня 1844 г. [4] Варвара Николаевна писала Шевченкѣ

[1] Чалый, указ. м., стр. 48; Н. И. Стороженко, указ. м., стр. 20—21.

[2] Семь писемъ Шевченка къ ней изъ ссылки, 1847—1851 гг., напечатаны въ „Кіев. Стар.“ 1893 г., кн. 2, стр. 262—273, теперь также въ „Твори“ Шевченка изд. В. Яковенка, т. II.

[3] „J'ai entrepris depuis le départ de Cheftchenko la traduction en russe des traités de st. Augustin sur l'Evangile de st. Jean, mais j'ai dû interrompre cet ouvrage à cause de la santé de Maman, puis de Papa qui a été bien souffrant; puis il m'a pris une envie d'écrire un roman sur Cheftchenko et le peu d'instants que j'ai eu je les ai employé à cela“.

[4] „Кіев. Стар.“ 1897, II, стр. 159.

по поводу „Тризны": „Сама же я въ моемъ экземплярѣ возстановила все то, что не было пропущено цензурой". Такъ какъ рукопись „Тризны" утеряна и поэма донынѣ перепечатывается съ пропусками [1],—мы приводимъ въ факсимиле вписанныя строки.

1.

[Кн. В. Н. Репнина — Ш. Эйнару.]

Jagotine ce 27 J^r. 1844.—

Bon et cher Directeur, j'ai à vous remercier dans des termes que je ne saurai jamais rendre assez vifs pour votre chère et affectueuse lettre du 4 Janvier. Mais avant de m'étendre sur ce chaud rayon de soleil que vous m'avez envoyé de votre Pise, écoutez une histoire, une histoire, bon Directeur, et non pas un conte. N'est-ce pas que vous vous attendez à un récit depuis que vous avez ma dernière lettre entre les mains? J'aurai voulu la faire suivre imédiatement de celle-ci, mais je n'ai pû encore y parvenir, car je n'écrit pas les nuits maintenant que je suis si enrhumée, et la journée finie je tombe sur mon lit come un plomb, fatiguée d'avoir toussé comme un bouc. Mais au fait, me dites-vous. Oh que ne suis-je là, bon chéri Directeur, sous votre oeil bleu si incisif, si calme, si encourageant, si droit, si sévère, *si* tout ce qu'il me faut à moi, pauvre créature faible, ayant besoin de force et de tendresse, d'indulgence et de sévérité, et ne trouvant depuis que je vous ai quitté que l'une ou l'autre de ces choses et jamais les deux réunies — et alors..... Mais est-ce une raison de faillir? non, car Celui qui est Tout est là et c'est à Lui qu'il faut crier..... Sur la terre j'ai, mais par rares moments, M. Capnist qui est une ombre colorée de vous.—Mais au fait, au fait:—Un jour l'année passée au mois de Juillet je vais au jardin avec Maman vers 6 h. du soir peut-être, elle dans son grand chapeau avec son abat-jour, moi ne regardant rien—de façon que nous nous mettons en marche sans remarquer ce qui se faisait au Ciel;—nous n'avions pas fait 100 pas que nous rencontrons M. Capnist et un autre que je ne connaissais pas;—M. C. nous dit: mais il va écla-

[1] Павелъ Зайцевъ, „Русскія поэмы Т. Г. Шевченка", въ „Вѣстникѣ Харьк. Историко-Филолог. Общ.", 1913, вып. 3, стр. 28 и далѣе.

ter un violent orage, regardez le Ciel; effectivement de grands nuages noirs sembloient prets à crêver sur nos têtes.—Maman cependant ne se rendait pas: nous aurons peut-être le temps de faire le tour de la pelouse:—or les pelouses de nos jardins russes sont des prés. Pendant tous ces pourparlers, l'orage avance et éclate; la pluie tombe en grosse gouttes, M. Cap. s'empare du bras de Maman et se met à courir, moi je suis bravement au pas, l'inconnu reste..... nous arrivons à la maison, M. C. retourne au jardin pour retrouver son compagnon..... je me mets sur le balcon de Maman et je les vois bientôt revenir trempés come des rats.—M. Cap. qui était établi chez-nous pour une partie de l'été à cause de son fils malade, demande, s'il peut conduire son compagnon un artiste dans le salon p. lui montrer les tableaux; come de raison on dit oui—et c'est tout ce que j'en ai sû p. le moment; - un artiste-peintre, un poëte, plus poëte que peintre encore, et se nomant Cheftchenko. Retenez ce nom, chéri Directeur,—il apartient à mon horizon étoilé!—M. Cap. revient seul le soir p. le thé et avec sa charmante expression qui le rend beau quoiqu'il soit très-laid, il nous parle de Cheftchenko, de son originalité, de ce qu'il est poëte jusque dans ses allures. Maintenant, p. comprendre au moins quelque peu tout ce que j'aurai à vous dire, il me faut vous faire un petit bout de biographie. L'année 1814 le 25 f. dans le g^d de Kiew, dans un village nomé Tschigirine, qui a joué un g^d et glorieux rôle dans l'histoire de la petite Russie, qui a été la résidence de Boguedane Hmélnitzky, un des hétmanes et des héros de l' Uckraine, naissait dans une pauvre cabane de paysan un jeune enfant qui reçut le nom de Tarassi qui est le patron du jour. Tout ceci est un début qui va bien pour la biographie d'un poëte—mais cette cabane de paysan n'était point come celle du Canton de Vaud, mais ce paysan auquel sa feme donnait un fils n'était pas un Cochard,—c'était un pauvre serf. Oh vous noble fils d'un pays libre, vous ne pouvez comprendre dans toute son étendue l'horreur de ce mot!—Hé bien donc ce fils, ce Tarrassi, c'était Cheftchenko, le poëte génial que la pluie de Jagotine a mouillé, c'était lui, c'est lui. Oh mon bon Directeur, aucune plume ne peut décrire la disharmonie de ces deux mots que jamais je n'aurai pû me décider à assimiler ensemble que dans une lettre à Vous, et encore ma main n'est pas aussi ferme que de coutume, ces deux mots—Cheftchenko—et serf.—Oh horreur! Mon Dieu, où la foi, l'espérance, la conviction que tout doit se suporter p. l'amour de Toi, sont-elles plus nécessaires qu'ici, dans ce malheureux pays— et..... Bref Cheftchenko a quatorze ans n'avait plus de mère, plus de Père—il

restait une belle-mère—méchante—comme elles le sont presque toutes—il avait trois soeurs, deux frères;—il fuit et vient à Vilna vers le temps de la révolution de Pologne—puis à Varsovie—puis à P[illegible]—puis là il gaspille la science, sans guide, sans direction, il butine sans ordre, mais le mot, l'affreux mot, c'était lui encore—et alors se passe une affreuse chose—je ne puis la décrire, bref—des artistes, Joukofsky, un de nos poëtes, s'intéressent à lui et le rachètent.—Infamie! Mon Dieu, si j'étais quelque chose, je sais bien ce que je ferais.—Enfin c'est un home p. les autres; il y a longtemps qu'il en était un ayant passé p. le creuset de souffrances inouies!—Il devient peintre par le conseil d'un individu qui s' intéressait à lui—il devient poëte parcequ'il était né tel; et quel poëte!—Tout cela et plus en détail, je l'aprends ne le connaissant pas. Je pars avec mes parents p. Sedneff.—Pendant notre absence Cheftchenko était revenu à Jagotine chez mon frère et ma belle-soeur p. voir le portrait de Papa p. Hornung, dont on lui avait comandé deux copies.—Il part et promet de revenir p. quinze jours.—Nous revenons—et un soir d' O[illegible] entre mon frère suivi d'un individu qu'il présente à mes parents,—c'était lui,—puis il dit: Voici ma soeur. Je lui rapelle la pluie à travers laquelle je l'ai entrevu il y a quelques mois, et nous causons; je le trouve simple, sans façon. Il devient tout de suite de ces individus come il en faut à la campagne, qu' on est charmé de voir dans le salon, que l'on y laisse sans craindre qu' ils prennent la mouche.—Cheftchenko parrait enchanté de Glaphira, il n'est pas encore épris, mais il aurait pû le devenir à la première circonstance.—Arrive ma soeur—quelques jours après son arrivée j'apprends la mort de mon cher Chrouchtoff;—le lendemain je prends cette névralgie dont je vous ai parlé, je reste dans ma chambre une huitaine de jours. Cheftchenko avait lû pendant ce temps un de ses poëmes, toutes ces dames en étaient enchantées.—Je reparais sur l'horizon—il me parle avec intérêt de mes souffrances, je le revois de nouveau tous les jours—il me plait—mais calmement, bien comme cela devait et pouvait être. Glaphira continue à être son astre, elle à se conduire bien et avec tact. Un soir il propose de nous lire un autre poëme intitulé l'aveugle. Ma soeur reste chez Maman devant laquelle nous n'aurions pas voulu qu'on lût une chose qui l'aurait ramené à la pensée de l'état de ses yeux; il lit. Oh que ne puis-je vous rendre tout ce que cette lecture m'a fait éprouver! quels sentiments, quelles pensées, quelle beauté, quel charme, quelle douleur!—Mon visage était inondé de larmes, heureusement, car j'aurais crié si mon émotion n'avait pas trouvé cette issue; j'avais une douleur poi-

gnante à la poitrine;—je ne dis rien après la lecture; vous savez que moi si verbeuse, quand je suis émue, je perds l'usage de la parole. Et quelle suave et ravissante manière de lire, c'était une entrainante musique chantant des vers mélodieux dans notre belle et expressive langue. Plus tard, quand je pus parler, je lui dis: Quand Glaphira vendra son premier tableau et qu'elle m'en donnera l'argent, come elle compte le faire, je l'emploierai à en faire une plume d'or que je vous donnerai.—Le soir je priai avec tant de ferveur, j'aimais si chaudement tout le monde, j'étais si bonne—mais je le crains, trop bonne p. moi.

Cheftchenko avait pris place dans mon coeur, je pensais à lui souvent, je lui voulais du bien, je voulais lui en faire et, avec ma pétulance, tout de suite, exsessivement; je me sentis jalouse obscurément, d'une manière non avouée, de la préférence qu' il accordait à Glaphira. La joie avait peut-être été trop bonne — la tristesse comencait à devenir mauvaise. Un soir il se met en frais de bavardage, il ne dit que des riens, que des sottises; moi, qui l'avais vû grand une fois, je le voulais grand toujours, je le voulais d'emblée saint, lumineux, répandant la vérité p. le moyen de son incomparable talent, et je voulais ce résultat p. mon moyen,—oh ruse et pièges du moi, de cet insatiable moi qui ne veut pas mourir et que je ne veux pas assez franchement tuer! Je lui dis: Oh est-ce possible que vous auquel il a été donné d'être tellement bien, vous puissiez trouver du plaisir à devenir ce que vous êtes maintenant; le jour où vous nous avez lu l'aveugle j'ai si chaudement prié p. vous!—Et lui de faire un bond, de prendre ma main et d'y imprimer un baiser. Vous savez de reste si cela m'a fait plaisir:—c'était une voile de plus p. accelérer la course rapide de ma nacelle!—Encore quelques jours de passé—et j'aprends p. Maman qui déjà ne quittait plus son apartement, qu' à une soirée qui avait lieu à propos d'une noce, et come je vous l'ai dit, nulle part on n'aime le plaisir, je crois, come chez-nous, Cheftchenko s'était laissé entrainer à boire plus qu'il ne fallait.— Un fer aigu m'entra dans le coeur: il faut lui en faire la remarque — mais coment? — Je m'étais chargée de lui copier des vers—et j'en profitte p. y joindre quelques lignes allégoriques que je vais transcrire ici. Sur un côté de la feuille il y avait: „La lyre n'est pas la part de tous, ni même le flageolet—mais ceux „qui ont un coeur, aiment à prêter l'oreille aux accords des chantres „inspirés ou de ceux qui gémissent douloureusement, et en réponse à leur „or, ils ont p'. les possesseurs du sublime une chaude prière et des „voeux sincères.—Ceux là donc qui ont un coeur et qui attendent de

„nouvelles beautés—s'écrieront: „Pauvre Oksano (c'est le nom de l'héroïne „du poëme) les hom̄es t'ont perdue et ton poëte t'oublie!"—Sur l'autre côté de la feuille il y avait: „Un ange gardien abat tristement son vol „audessus de la tête du poëte alourdi par un som̄eil pécheur; il s'ar- „rête, son regard est plein d'un amour douloureux:—il le couvre de „ses ailes, et une prière qu'un habitant du Ciel peut seul articuler, car seul „il peut concevoir en plein ce qu' est la vue de Dieu, s'arrache de ses „lèvres p. ce vase qui lui a été confié et dans lequel le Créateur a mis „du si sublime; le péché et la tentation s'efforcent de renverser le vase et „la source pure et d'or est arrivée jusqu' au bord, prête à se répandre „et à être engloutie par la boue de la corruption..... Une larme „amère tombe de l'oeil de l'ange sur le coeur du poëte; elle l'a brulé „d'outre en outre—et la renouvellé. Il ne sera pas perdu—le répentir „revêt un vêtement blanc pareillement à l'innocence!"—

C'est une informe traduction de ce que j'avais écrit à Chef: en russe; il ne s'agit pas avec vous de mon style, mais de mes pensées, et vous en aurez une idée. Je lui remets donc la copie des vers quand il vient diner, et je lui dis qu' elle renferme encore quelque chose que j'ai écrit; il me remercie. Le soir p. grand extraordinaire Maman vient au salon p. le thé, j'étais émue; je prends un bas que je tricotte p. vous; il me plaisante sur cette occupation si peu poëtique; puis il parle de choses et d'autres; on en vient à Kosloff, le poëte aveugle, Glaphira va chercher ses oeuvres, et il nous en lit des fragments avec tant d'âme, avec une si sincère admiration que Maman même a été charmée de lui. Au moment d'aller nous coucher je reste un moment après les autres dans le salon, sous le pretexte de prendre des livres, et je lui demande, si il est faché contre moi; il me dit non, me remercie—mais d'un ton qui ne me persuade pas. Le lendemain il ne revient pas; ainsi se passent quatre jours qu' on lui aportait à diner chez-lui: j'étais tourmentée, je pensais que je l'avais blessé, je voulais m'occuper de lui, et redoutant de le faire avec la plume, puisque cela m'avait si mal réussit en aparence, je me mis à lui tricotter une écharpe en laine; Maman me donna la laine.—Enfin ma belle soeur chez laquelle il venait déjeuner (ma belle-soeur en été et en autômne occupe un pavillon ne tenant p. à la g^{de} maison) lui dit que je le crois faché contre moi; il dit au contraire; et le soir il vient. Il n'y avait d'être vivant que Glaphira, Tania, moi et lui, car Mlle Recordon, surtout quand on

parle russe, est non avenue.—Je lui dit bonjour, je lui remets l'écharpe, je lui dis ma crainte de l'avoir faché; le thé fini, enlevé, Mlle R. s'en va; nous restons à nous quatre; il dit mille paroles vides, je lui dit qu' il est domage qu' il ait rompû sa réclusion puisqu' il dit tant de bêtises; ladessus un silence complet—personne ne souffle le mot. Un ange paisible a passé, dit Chef: C'est une expression russe p. dire que personne ne parle. Vous qui savez converser avec eux, dis-je à mon tour, redites-nous ce qu' ils vous aprenent;—il saute de sa place, va chercher un encrier, s'empare d'une feuille de papier qui gisait sur la table, et écrit; il me donne le papier en m' annonçant que c'est la dédicace d'un ouvrage qu' il me donnera plus tard; il y avait sur ce papier ce qui suit en beaux vers harmonieux en russe, ce qui veut dire que c'était suave et délicieux: —

En souvenir du 9 n-bre (c'était le jour de ma remarque). „Une ame, „dont la vocation est le beau, doit aimer, suporter, souffrir et arroser de „larmes le don du Seigneur, l'inspiration.—Cette parole vous est com-„préhensible: pour vous j'ai oublié avec joie mes entraves profanes, j'ai „*sacerdoté* de nouveau et j'ai répandu des larmes pures. Votre bon ange „m'a abrité sous ses ailes immortelles et par de douces et harmonieuses „paroles il a réveillé en moi les rêveries du paradis."—

Il me passa le papier, je lus; une belle et pure joie m'inondée le coeur et si j'avais suivi l'élan de mon âme, je lui aurais sauté au cou. Je me dis: il faut réfléchir; je relus une seconde fois p. m'en donner le temps, je sautai de ma place,—lui marchait p. la chambre,—je lui dis: donnez moi votre front, et j'y déposai un baiser,—un baiser saint, car je le donnai devant Tania et Glaphira. La soirée qui avait comencé si désagréablement s'acheva délicieusement.—Le lendemain je racontai le tout à Maman le baiser excepté. Et les journées s'écoulaient doucement, lui toujours ouvert avec moi, mais bien ni fat, ni empressé, pas du tout sentimental; nous ne nous touchions même pas la main en nous disant bonjour.—Il partit avec mon frère p. Andreievka, je lui donnai la veille de son départ une prière qui exprimait les voeux que je formais p. lui. Il revient au bout de dix jours, pendant lesquels j'avais beaucoup pensé à lui, en tout à la langue russe; je ne pouvais plus écrire qu'en cette langue, je ne pouvais débrouiller ce qui se passait en moi, et voilà pourquoi je ne vous écrivait pas.— Enfin ils reviennent. Nous étions au thé quand il entra dans la chambre; M. Capnist était chez-nous; en le voyant entrer je m'élance toute droite, mais voyant qu'il m'adresse un salut général, je me rassoit avec un senti-

ment très-désagréable. Lui et mon frère ne dirent que des sottises, enfin à une absurdité intolérable du second, je saute sur le canapé, je passe derrière M. Capnist, car j'étais enfermée des deux côtés, et je m'élance p. terre—puis je vais chez Maman, où je dis que Basile et Cheftchenko radottent tellement, que je ne puis plus y tenir. Beaucoup plus tard, quand Papa était couché, Basile vient chez Maman et ma belle-soeur m'engage à retourner dans le salon, que Chef: va lire son nouveau poëme, celui qu'il m'a dédié;—j'étais si mécontente de lui, que je ne voulais pas venir; elle me dit: venez donc, c'est p. vous; — je vais;—il n'y avait plus que le poëte, M. Capnist, Lise, Tania et Glaphira;—M. Cap. me dit: qu'est-ce que vous avez, je dis: je suis de mauvaise humeur;—il faut tacher de se surmonter.—Chef. comence— j'étais en disposition de trouver tout mauvais — mais encore une fois j'ai été vaincue. Oh quel don magnifique que celui qui lui a été donné! Je ne puis retenir un sanglot, M. Capnist était silencieux, Lise aussi, Tania presqu' émue, Glaphira pétrifiée, moi l'oeil brillant, le teint en feu.—M. Cap. rapella auprès de lui Chef. qui s'était arrêté debout vis-à-vis de moi,— et il comença, ce cher M. Cap., qui est tout coeur, à disséquer, à raisonner le poëme—il s'est fait froid, raisonneur, positif, mais cela ne lui réussit pas. Chef. me donna le cahier tout écrit de sa main; il me dit qu' à ce manuscrit apartenait encore le portrait de l'auteur, qu'il me le donnerait demain; je le remerciai avec beaucoup de réserve. Tout était comme n'étant pas en moi;—je lui dit que je lui donnerai quelque chose. Le lendemain arrive la P^sse Kékouatoff, et come elle ne veut voir personne d'étrangers quand elle est ici, je l'ai à ma charge p. tout le temps. J'achève de recopier quelque chose que j'avais écrit, que je ne puis vous traduire ici, car ce serait trop long, que j'ai été poussée à écrire sans pouvoir me dire pourquoi;—c'est intitulé la petite fille: c'est l'histoire de mon coeur à quelque chose près et partagé en 4 époques: 12 ans, 18, 25 et 35—puis vient p. cloture une tombe solitaire — et le soir venu j'envoyai cela à Chef. au salon. Le lendemain je ne le vis pas à cause de la P^sse K., mais ma belle soeur et Glaphira me dirent qu'il avait été sombre et tout-à-fait singulier, qu'il était parti tout de suite après le thé. J'étais chez Maman avec la P^sse K., on m'aporte un billet, c'était de lui; je ne puis vous en envoyer la traduction, parceque M. Capnist, qui a été p. moi une ombre de vous tous ces derniers temps, me l'a demandé.— Je ne voulus pas lire ce billet devant Lise K. La conversation tomba sur ce que

j'avais écrit et dont bêtement j'avais fait la lecture à Lise K. Maman me dit: je suis jalouse d'être la seule qui ne lise pas tes oeuvres. Quoique Maman soit la dernière personne à laquelle j'aurais voulu faire cette lecture, come j'aime mieux me jetter à corps perdu dans la mêlée, que d'attendre et de combiner, j'allais chercher mon brouillon et je lû en courant et aussi mal, que Mlle Recordon, cette malheureuse oeuvre, dont Maman loua le style et rien de plus;—mais son visage se revêtit de cette teinte que je connais si bien et qui me serre toujours le coeur. Le lendemain Maman ne dit rien, mais a toujours la même expression. Elle aime passionément qu'on soit ouvert avec elle — elle est tout ce que l'on peut voir de plus boutonné; sachant cela je me dis—pour faire cesser ce malaise je vais lui lire le billet de Chef.—Ce n'était point une missive d'amour, mais un billet de poëte admiratif p. ce qu'il y avait eu de torture en mon âme, et dépréciant son talent qui était incapable de pouvoir exprimer la vie dont il vivait depuis la lecture de mon oeuvre. Je lu ce billet en sotte et fut bien aise d'être à la fin. Ce que j'avais prévu arriva—Maman n'avait que cela en tête, mais elle voulait que moi je vins donner le branle à cette conversation. Elle me dit des choses justes et bonnes sur ma facilité de m'épancher, à cela je lui répondis courageusement, que Chef. n'était point un étranger p. moi, que je l'aimais beaucoup et que j'avais beaucoup de confiance en lui;— la dessus elle dit qu'il y avait de l'impudeur à dire ce que j'avais dit, oh mon Dieu, elle a des mots qui brulent et font tordre le coeur! puisque moi qui aimait tant la vérité je ne l'avais pas maintenu en parlant de douleurs dont je n'avais pas éprouvé la plus g^de partie. Oh ma mère! peut-elle me connaitre si peu, si je n'avais éprouvé que cela! il y en a de ces douleurs qui viennent et reviennent, que jamais ma plume ne pourra transcrire même à vous!—les larmes coulaient le long de mon visage— mais Dieu était là et je criais à lui, je me ressouviens que vous me dites un jour, que j'avais à pleurer p. suite d'une injustice, de prendre l'humiliation non méritée pour le moment présent come une chose qui m'est due p. tant de fautes qui sont restées inconnues—et cette pensée me fit un g^d bien. Maman, voyant probablement l'effort que je faisais sur moi, me dit de lui lire l'Evangile, et c'était 2 chap. de St Paul que j'eus à lire; ils étaient si bien apropriés à moi, que je regardais cela come une nouvelle grace de Dieu, et je fus reconfortée. Mais voilà que Chef., que je revois, ni ne me parle de mon oeuvre, ni n'est

plus ni causant, ni naturel avec moi; il semble m'éviter; cela frape ma belle-soeur qui me demande ce qu'il a; je lui réponds—je n'en sais rien. Cet état de chose était ridicule: nous avions l'air d'amants qui se boudaient. Je voulus faire cesser ce malaise—et un soir, me trouvant seul avec lui dans le salon, je le vois prendre un air sombre et arpenter la chambre—je le laisse faire un moment, puis je lui dis: pourquoi ne me parlez-vous plus? Je ne puis pas, je ne le puis pas, me répondit-il; puis il se calma, s'arrêta auprès du piano, contre lequel j'étais apuyée, et me dit que jamais il n'avait éprouvé ce qui se passait en lui depuis la lecture de mon oeuvre. Je ne me rapelle plus ce que nous dîmes encore, mais je me souviens que je l'assurai de mon amitié et que je le priais de me considérer come sa soeur; de plus j'ajouttais que si il s'intéressait à moi, que je pouvais l'assurer que depuis le temps, que j'avais la foi, j'étais tranquille et heureuse. Puis je lui dit: il me faut retourner auprès de Maman; il me tendit la main et me dit: adieu, ma soeur. Je me rapelle qu'en me parlant de ma composition il me dit: oui, c'est de la poësie, de la terrible poësie. Le lendemain il avait l'air heureux, cordiale, ouvert avec moi, de mon côté j'entrais avec délice dans cette situation de confiance, mais bientôt il redevint silencieux, froid—toujours doux quand je lui parlais. Je fis plusieurs traductions p. lui; toute la journée j'étais retenue auprès de Maman, mais une fois rentrée dans ma chambre je ne pouvais plus écrire que du russe, et mes prières, où il était beaucoup question de lui, finirent p. devenir une série presque ininterrompue de distractions, et cette espèce de fièvre, où me mettais sa bizarerie et enfin, il faut le dire, la malheureuse faiblesse qu'il a de boire quelques fois un verre de plus qu'il ne faut, faiblesse qui m'attristait, que je désirais corriger en lui, cette fièvre, dis-je, me rendit tiède et me fit arriver à cet état de pétrification qui m'effraya et sous l'influence du quel je vous écrivit ma dernière lettre, que j'étais bien résolue de faire suivre de celle-ci tres-incessament, mais j'ai été malade pendant tout le mois de Janvier et une bonne partie de celui de fevrier, puis, à peine remise à demi, que Papa est tombé malade et je le veillais de 2 nuits l'une; cela m'a passablement fatigué—puis j'ai si bien soigné les trois premières feuilles de cette lettre que je ne savois plus coment les retrouver; enfin hier soir je les découvris dans une liasse de lettres et aujourd'hui, quoiqu'il soit près d'onze heures du soir, je me mets à l'oeuvre p. l'avancer si je ne puis l'achever.—Enfin Chef. auquel j'avais donné ma Bible qui lui a fait

beaucoup de plaisir, devint si silencieux, si froid avec moi, que j'en devins non seulement triste, mais malade; pendant huit jours il m'a presque été impossible de manger quoi que cela soit; ma belle-soeur et Glaphira étaient frapées de mon changement, lui ne l'a seulement pas remarqué je pense.—Nous voilà arrivé au quatre D^bre, jour de ma fête et de celui de Maman. En Russie on célèbre les jours de fêtes. Le matin nous allons à l'Eglise et Chef. après la messe s'aproche de moi et me baise la main avec tant d'affection et un air si ouvert que j'ai senti la joie rentrer dans mon coeur.—Dans le courant de la matinée arrivent M. et Mme Capnist; j'allais sortir du salon de Maman au moment où M. Cap. y entre; il me dit bonjour avec beaucoup de cordialité, me demande des nouvelles de ma santé; je lui dis que cela va bien a présent, que j'ai été souffrante—et nous continuons notre route chacun en sens contraire. Le soir M. Cap. me demande de montrer à sa femme les vers que Chef. m'avait fait. M. Cap. savait que je lui avais écrit des allégories p. le corriger, que je lui avais tricotté une écharpe; il me parle de lui—je lui réponds avec beaucoup d'intérêt; il me dit qu'il a peur que je ne lui fasse du mal, que ces témoignages d'intérêt et d'attention peuvent lui tourner la tête et croyez-vous que cela soit suffisant p. le corriger?—la grace fera le reste, lui-dis-je;—la grace est sévère (ou exigeante), me répondit-il avec solennité; et vous vous avez été égoiste, car vous vous êtes livré au plaisir que vous éprouviez, sans penser aux suites que cela pourrait avoir p. lui. Cette remarque de M. Cap. qui ne m'avait jamais parlé d'une manière intime et avec lequel j'éprouvais toujours un certain embarras, m'a frapé. Il me tendit la main en me demandant excuse de se permettre de me parler ainsi; je lui dis que je le remerciais beaucoup. Toute la nuit je ne dormis pas ou presque pas; le lendemain ma belle-soeur me demanda, coment je me trouvais, je lui dis que grace a M. Cap. je n'avais pas dormi; il me demanda pourquoi, je lui promis de le lui dire dans le tête a tête. Après diné nous nous trouvâmes seuls, et je lui dis que ses paroles m'avaient donné beaucoup à penser, que je croyais qu'il avait raison, mais que je pensais que vû mes 35 ans je pouvais me permettre des choses que je n'aurais pas fait étant jeune; que je ne voulais être que l'amie, la soeur de Chef.—Il me dit de bonnes, d'excellentes choses, me parla de vous, apuya beaucoup ses exhortations de votre opinion, qui aurait sans doute, dit-il, étoit comme la sienne; il me dit qu'il ne fallait pas du tout se confier à cet âge de 35 ans,

que cela ne prouvait rien, qu'il y avait toujours du danger dans les dénominations de soeur et frère entre une feme et un jeune home, que la chose pouvait être possible que Chef. prit une passion p. moi, et qu'alors ce serait son malheur, ou que sa vanité seule fut flattée de mes attentions, et alors qu'il trouvait que je devais être sur mes gardes;— bref, le résumé de tout ce qu'il dit, fut que Chef. devait partir et qu'il se chargeait de l'emmener chez-lui, d'obtenir sa confiance, de le faire parler et de lui faire sentir qu'il ne devait plus séjourner à Jagotine.— Cette décision me serra le coeur et me jetta dans un tel état d'abattement, que M. Cap. me dit: si j'avais sû que ce fut si sérieux, je n'aurais pas eu le courage de vous parler come je l'ai fait. - Depuis ce jour cet excellent Cap., qui me dit avoir été frapé de ma mauvaise mine, fut parfait p. moi. Nous avions beaucoup de monde chez-nous et cela m'arrachait nécessairement à la chambre de Maman et me donnait beaucoup plus de liberté; il trouvait moyen tous les jours et plusieurs fois de causer a parte avec moi; il me fortifiait, me consolait, m'engageait à vous écrire, en disant que cela me soulagerait, me ferait du bien,—mais je ne le pouvais pas encore; puis il vous souhaitait là auprès de moi p. prier avec moi, regrettant de ne pas avoir lui le don de la prière — aussi je ne pourrai jamais vous dire, combien il a été excellent avec moi. Enfin au bout de 4 ou 5 jours de séjour il a emené Chef. avec lui. L'avant veille de leur départ j'ai suplié Chef. de donner sa confiance à M. Cap., de le choisir p. son ami, de suivre ses conseils; il me dit y être fort disposé— mais que toujours quelque chose était venu se mettre entre eux deux.—Au moment du départ Chef. me mit entre les mains un papier en me disant: par les droits de frère..... J'ai lu; c'était un billet qu'il avait écrit en vousoyant, puis qu'il avait corrigé et rendu tutoyant, un billet de frère, où il m'exhortait come frère à renfermer en moi les richesses que Dieu avait mis dans sa plus belle créature. Je ne puis vous envoyer la traduction de ce billet, parce que cet horreur de Cap. a fait main basse sur toutes les lettres de Chef. voulant, dit-il, me les montrer dans un an. Souvent dans mes conversations avec Chef. il m'assurait que c'était chose impossible de dire toute sa pensée, et d'articuler ses convictions dans ce monde,—opinion à laquelle je ne me suis jamais rangée ni en théorie, ni en pratique, et il a souvent été témoin de mes sorties virulentes.—Ils partirent donc. M. Cap. revint au bout de quelques temps, mais seul; il me dit avoir été content de Chef.—mais qu'il s'était aperçu qu'il n'avait pas été tout

ouvert p. lui; il acquéra la certitude que Chef. était persuadé que j'avais p. lui un profond sentiment d'amour. Je lui montrais le billet, il le désaprouva, et me dit qu'il me laissait à choisir de ce que Chef. revienne, mais seulement p. peu de jours, p. achever les peintures qu'il avait comencé, ou qu'il ne revint pas du tout; — je voulais me soumettre complettement à la décision de M. Cap., mais il décida de concert avec moi que la non venue de Chef. étonnerait tout le monde dans la maison, et qu'il fallait donc qu'il revint, mais p. quelques jours seulement.—Une quinzaine de jours après son départ, il revint donc à Jagotine; nous avions du monde, il fut vraiment joyeux de me revoir; le soir même il repartit p. une course, mais qui ne le retint dehors qu'un jour, il revint, et mon frère et ma belle-soeur partirent p. Pl[illegible]. J'eus beaucoup de conversations avec lui, je lui parlais franchement de mes sentiments p. lui, qui étaient tout ce que j'avais ressenti de plus desinterressé, que je sentais que je pourrai beaucoup aimer sa femme s'il se mariait; que je le voulais bon, pur et grand. Je fus souvent très-contente de lui, d'autre fois je le revoyais froid et silencieux, indifférent. Enfin un jour il eut un grand chagrin: un individu qu'il considérait come son ami, come son frère, l'humilia d'une manière barbare, basse, vilaine, en lui reprochant son extraction. Il me demanda un soir après le thé de causer avec moi à part--je le suis dans le g[d] salon, et là ce cher Cheftchenko, qui est si bon, si cordial, que persone ce semble n'aurait le courage de lui faire de la peine, me conte l'affreuse déception que lui a causé le billet de ce faux ami; il me le conte en pleurant de douleur... Voir pleurer un home, et un home p. lequel on a une vive affection, sentir qu'on l'a humilié, oh, c'est une poignante douleur! Je ne savais que lui dire, que lui faire pour le consoler; j'apuyais sa tête sur ma poitrine, je l'embrassais, je lui baisais la main, je lui aurais baisé les pieds,—je voulais lui prouver que si il s'était trouvé un misérable, qui, aulieu de souffrir de cet affreux ordre de choses et de se réjouir, d'être fier et heureux qu'un génie de son pays y ait échapé, pouvait le lui reprocher--qu'il y avait une persone qui mettait audessus des accidents de la naissance l'élévation de sentiment, le feu sacré. Je parvins à le calmer: il devint gai, rayonnant--passant avec une étonnante mobilité de la tristesse à la joie. Le lendemain il partit, fut absent 2 jours et demi, revint, quoique personne ne crut à un si prompt retour que moi. J'eus plusieurs conversations avec lui, où mon sentiment p. lui se manifestait de plus en plus; il y répondait

affectueusement quelques fois — mais jamais passionément. Glaphira se mit en route avec ses deux frères pour aller visiter des tantes à elle, soeurs de son père, qui sont établies près de Poltava; cette absence dura plus d'un mois; je ne la vis pas partir de sang froid; Chef. qui était présent à son départ, qui vit ma tristesse, parut y être tout-à-fait indifférent; Capnist m'aurait dit à sa place une parole d'affection. Pendant 2 jours il fut silencieux et froid, quoique je passais presque toute ma journée avec lui, parce qu'il travaillait dans l'attelier de Glaphira aux portraits des enfants de mon frère et que je les faisais tenir tranquilles en les amusant;— mais les 3 derniers jours de son séjour il fut cordial, fraternel, bon.— Enfin le jour, le moment de son départ arriva; je me jettais à son cou en pleurant — je lui fis le signe de la croix sur le front — et il s'enfuit de la chambre! — Depuis j'ai eu une lettre de lui qui a mis Cap. en fureur, que je comprends tout autrement: ce n'est point une lettre d'amour—c'est une lettre, où il m'apelle soeur et où il me tutoye il est vrai, mais que l'on ne doit pas juger come si c'était un élégant qui me l'eut écrite: Chef. est un enfant de la nature, n'ayant aucune idée des usages; come il a beaucoup de tact, de la bonté, du respect p. ce qui est saint — il est poli avec toul le monde—respectueux avec les personnes agées—aussi se fait-il aimer de tout le monde. Maman même qui l'a si peu connu est très-bien disposée p. lui. Papa l'aimait beaucoup.— Depuis le 10 Janvier, jour qu'il nous a quitté, il est resté encore tout un mois dans la contrée sans revenir chez-nous: est-ce de la légereté — ou de la délicatesse, je n'en sais rien. Maintenant il est à P^bourg à l'Academie des Arts! Voila mon histoire. Aprésent il faut que je vous dise que Cap. est persuadée que j'éprouve de l'amour pour lui, que ma tête est montée;—j'ai beaucoup d'affection p. lui, je ne nie pas que si de son côté il y avait eu de l'amour, ce serait peut-être venu du mien de la passion — mais n'ayant pas pû un seul instant me faire illusion ladessus, j'ai tout de suite classé ce sentiment parmi ceux que l'abnégation épure, et je ne me le serais pas du tout reproché, si je n'étais obligée de confesser qu'il m'a tellement absorbé, que j'ai négligé ma Bible, que je suis devenue tiède et inexacte dans mes prières, beaucoup moins sévère dans mes lectures — et à cause de cela froide — et pendant un temps si effrayament disposée, qu'il me paraissait avoir perdu la foi. M. Cap. me demandait de vous écrire; je lui répondis: je ne le puis, je suis démoralisée; cette parole vous prouve, me répondit-il, que ce qui se passe en vous est

mauvais. — Dans ce même temps de mes préocupations et agittations Cheftchenko j'avais beaucoup de choses pénibles, que je ne souffrais pas comme je l'aurais probablement fait, si mon âme avait été plus près de Dieu. — J'ai beaucoup souffert et Capnist a été excellent au delà de tout ce que je pourrai vous dire. Malheureusement voilà bientôt deux mois que je ne l'ai pas vû: comme il compte aller dans l'Etranger avec son fils malade, il a eu beaucoup de courses à faire. Nous l'attendons journellement; j'espère qu'il pourra aller en Suisse vous voir: je serai si heureuse de vous savoir ensemble, vous avec l'aide de Dieu dissipant les quelques points obscurs qui se trouvent encore dans son âme, lui pouvant vous parler de cette pauvre Russie d'une manière à vous interresser, et de votre Varette de manière à vous prouver qu'elle a en lui un véritable ami.—Que je vous transcrive, mon bon Directeur, quelques passages d'une excellente lettre que ma soeur m'a écrite en réponse à une, où je lui parlais de mes chagrins — non par raport à Cheftchenko, mais des choses bien plus poignantes... „Ah si tu pouvais, ma „bonne Varette, aulieu d'aprofondir tes souffrances, tacher d'y renoncer „p. amour p^r Dieu, t'occuper de Lui et te détacher des homes, oui, te „détacher de ton père, de ta mère..... En ne comptant pas sur eux tu les „aimerais mieux, tu ne les aimerais pas p. toi, tu les aimerais p. eux-„mêmes! Ah je sens que ce que je te dis est plus que je ne pourrais „peut-être faire, mais c'est Dieu qui peut agir en toi! Je crois que lors-„que l'on s'efforce de parraître autre que l'on n'est, l'on s'efforce en vain. „Tu te réprimes beaucoup, mais tu ne réprimes pas assez peut-être le „principe du mal, tu veux concentrer en toi ton mécontentement, et ton „mécontentement, tout muet qu'il est, tout concentré que tu le fasses, „est plus âpre, est plus méprisant, est plus jetté à la face de celui qui „le provoque, que si tu le laissais éclater en paroles. Ta phisionomie, ta „manière d'être, provoqueraient souvent l'éloignement des personnes &.

„Voilà ce que j'ai à te reprocher, certes je n'irai pas te reprocher de „ne pas travailler sur toi, de ne pas te faire violence, mais aulieu de „succès tu ne fais qu'en souffrir, c'est qu'aulieu de réprimer l'expression „de ta sensibilité, tu devrais la reprimer elle-même en renonçant à „la satisfaire et en t'apauvrissant de ton propre gré pour enrichir les „autres. Ce peut-il que tu crois ne rien faire en consacrant ton tems à „Maman? comprends moi bien, ne supose pas que je ne te comprenne „pas: je sais tout ce que tu souffres et moralement et phisiquement, je „sais come le manque d'activité visible est pénible et difficile p. toi,

„mais ne réprimes tu pas cette tendance aulieu de n'y renoncer que p. „sacrifice, ne penses tu pas que tu ne peux avoir un mobile d'activité „morale plus élevé que le sacrifice de ta vie p. Maman? Oh ma bonne „Varette, ne me reproche pas de te parler de la sorte, ne pense pas „que je le fasse froidement. C'est que je suis embrasé d'amour p. toi, „c'est que si je pouvais te donner tout et porter tes croix, je ne „crains pas de te dire que je le ferai, parceque si je ne savais pas „le faire parfaitement, ce n'est pas faute d'un désir sincère; ainsi je „ne présume pas de moi-même en te disant cela.—Je ne vois pas „de ménagement possible pour toi. Dieu t'a mis sur la voie, aussi tu „ne pourrais reculer qu'en renonçant à Lui: voilà pourquoi je ne vois „pas la possibilité de te proposer autre chose, que l'accomplissement „de tout ce qui t'es pénible. Mon amour de soeur d'ici bas me ferait „désirer de te voir hors du centre de tes souffrances — mais ce même „sentiment épuré par la grace de Dieu me pousse à te parler come „je l'ai fait".—

Et quand on pense que tout cela est écrit par une feme *vraie*, p. une feme qui dit toujours moins qu'elle ne sent, oh que je suis-je moi? ingrate envers Dieu qui m'a tant donné. Je me fais mal au coeur le soir en pensant à tant de vrais biens, à Vous, à elle, à Capniste, à la douceur de Maman, à son imense confiance en moi, à l'indulgence de Papa, à cette chère Glaphira qui va si bien, qui avance, qui est une amie!—Oh honte et tristesse sur moi!—

Maman ne sait rien des détails de mon histoire sur Cheftchenko: c'est une joie qui m'a été refusée. Maman ne me comprend pas, et Capniste a été de l'avis de ne pas lui faire le récit de tout cela, puisqu'il lui donnerait de la tristesse, car elle irait bien plus loin que Capniste encore. La lettre de ma soeur, quoique Maman sait que je l'ai, je ne la lui ai pas montré lui disant que c'était un sermon que Lili me faisait.—Maman a beaucoup de soucis, beaucoup de tracas, beaucoup d'inquiétudes sur la santé de Papa, qui a extrêmement baissé. Vous seriez frapé du changement qui s'est opéré en lui depuis ces deux ans:— c'est un vieillard tout-à-fait cassé. Il vient d'avoir été passablement malade, pendant plusieurs nuits je l'ai veillé. Maman a été souffrante une partie de l'hiver, puis elle a quitté sa chambre pour soigner Papa. Il est fortement question qu'ils aillent l'un et l'autre à Berlin consulter Schönlein et de la, si c'est son avis, à Carlsbad; moi je reste à Jagotine; Maman veut être seule avec Papa p. être plus à

même de pouvoir agir sur lui soit p. le bien de son corps, soit p. celui de son âme. Il est probable alors que je leur donnerai Glaphira p. la conduire et l'établir à Dresde chez le frère de M. Fischer, pasteur et marié, afin qu'elle puisse se vouer en entier à l'art: elle se dessecherait ici au milieu de notre désert sans reponse au coeur; d'ailleurs ne sachant pas ce que j'aurai moi-même, je ne sais ce que je pourrai lui assurer. Il faut qu'elle se fasse un chemin: elle a un frère militaire qui grille de quitter le service et d'étudier à l'université malgré ses 21 ans; mais il faut de l'argent p. vivre, et l'idée de pouvoir en gagner p. lui tout en étudiant l'art stimule aussi Glaphira. Ce me sera une douloureuse séparation:—mais il le faut. Oh si j'avais de l'argent, de ce vil et noble métal, comme je serai venue, profitant de ma liberté, me jetter dans vos bras, chéri Directeur! Il est trop tard p. que je vous parle de Lise Kékouatoff, qui me semble bien cheminer, de Galagane que j'ai revu, de quelques peu de choses interressants: ce sera p. ma prochaine.

[Quand Vous répondrez à ce cahier, adressez votre réponse A Son Excellence Mademoiselle Annette Bantisch-Kamensky, au coin de la Mahavoi et de la Pantéliémone, dans la maison de Tischner

à Pétersbourg

p. faire tenir à la P^ne^ Varette Repnine.] [1]

Quelle bêtise:—adressez la bien mieux à Madame la Princesse Elisabeth Kékouatoff à Néjine G^d^ de Tschernigoff.

Il faut nécessairement ajoutter du Russe, car en Province les bureaux de poste ne savent p^s^ le français; voici ce qu'il faut mettre:

Княгинѣ Кекуатовой, урожденой Лукашевичевой, въ Нѣжинъ Черниговской Губерніи.

Adieu donc et à bientôt, chéri Directeur, j'embrasse Sophie bien bien tendrement et les enfans, qui sont bien gentils de ne pas m'avoir oublié. Du bien affectueux à Mlle Cholet. Avez-vous vû la soeur Agnèce? Oh priez, priez beaucoup pour votre coupable pupille, et que Dieu vous rende ce que vous êtes p. elle. Oh quelle bonne, quelle chère lettre que la Vôtre! J'espère que je sens mes torts puisque je ne puis me réjouir de l'avoir provoqué, Maman en a été toute touchée. Adieu, cheri Directeur, je vous baise les mains en retour du

[1] [Строки, взятыя у насъ въ скобки, въ подлинникѣ зачеркнуты.]

baiser que vous me donnez p. ma tante Zénéide: mais moi c'est bien p. moi que je vous les baise. Est-elle heureuse cette ennuyeuse femme de vous écrire et de vous connaître.

Ce 1/13 Mars 1844. Votre pupille Varette Repnine.

[Переводъ.]

Яготинъ, 27 января 1844 г.

Дорогой учитель! Я никогда не найду достаточно горячихъ словъ, чтобы благодарить васъ за ваше дорогое и сердечное письмо отъ 4 января; но прежде чѣмъ говорить объ этомъ тепломъ солнечномъ лучѣ, который вы прислали мнѣ изъ вашей Пизы, выслушайте исторію исторію, дорогой учитель, а не сказку. Не правда-ли, вы ждете отъ меня разсказа съ тѣхъ поръ, какъ получили мое послѣднее письмо? Я хотѣла тотчасъ послать вслѣдъ за нимъ и это, но до сихъ поръ не могла, потому что теперь я не пишу ночью: я такъ сильно простужена, и такъ устаю за день отъ мучительнаго кашля, что вечеромъ падаю на постель какъ свинецъ. Но я слышу вашъ голосъ: къ дѣлу! О, зачѣмъ я не съ вами, дорогой учитель, подъ взглядомъ вашихъ голубыхъ глазъ, который такъ проницателенъ, такъ спокоенъ, такъ ободрителенъ, честенъ и строгъ, въ которомъ — все, что нужно мнѣ, бѣдному, слабому созданію! потому что мнѣ необходимы сила и нѣжность, снисхожденіе и строгость, а съ тѣхъ поръ, какъ я оставила васъ, я встрѣчаю лишь то или другое, но никогда не оба вмѣстѣ, и оттого... Но развѣ это даетъ право впадать въ уныніе? Нѣтъ, — ибо Всемогущій здѣсь, и къ Нему должно взывать. Единственной поддержкой служитъ мнѣ, но только изрѣдка, Каннистъ, который — тѣнь, окрашенная вами. Но къ дѣлу, къ дѣлу.

Однажды въ прошломъ году, въ іюлѣ, я вышла въ садъ съ мамою; было вѣроятно часовъ шесть; она была въ своей большой шляпѣ съ абажуромъ, какъ всегда, а я не глядѣла кругомъ, такъ что мы не замѣчали, что дѣлалось на небѣ. Мы не прошли и ста шаговъ, какъ встрѣтили Каннеста съ какимъ-то незнакомымъ мнѣ человѣкомъ. Каннистъ говоритъ намъ: „Вѣдь собирается сильная гроза, взгляните на небо“. Дѣйствительно, большія черныя тучи, казалось, были готовы разразиться надъ нашей головою. Однако мама не сдавалась: можетъ быть мы еще успѣемъ обойти лужокъ,— лужками въ русскихъ садахъ называются сѣнокосные луга. Пока шли эти переговоры,

гроза надвинулась и разразилась, пошелъ крупный дождь, Капнистъ схватилъ мамину руку и побѣжалъ, я храбро слѣдовала за ними шагомъ, а незнакомецъ остался... Когда мы пришли домой, Капнистъ вернулся въ садъ за своимъ знакомымъ; я вышла на маминъ балконъ и скоро увидала, какъ они возвращались мокрые насквозь. Капнистъ, поселившійся у насъ на часть лѣта ради своего больного сына, попросилъ разрѣшенія провести своего знакомаго, художника, въ гостиную, чтобы показать ему картины; разрѣшеніе, конечно, было дано, и въ ту минуту я узнала только, что это художникъ-живописецъ и поэтъ, причемъ даже больше поэтъ, нежели живописецъ, и что зовутъ его Шевченкой. Запомните это имя, дорогой учитель, оно принадлежитъ къ моему звѣздному небу. Вечеромъ Капнистъ одинъ пришелъ къ чаю, и съ тѣмъ очаровательнымъ выраженіемъ, которое дѣлаетъ его красивымъ наперекоръ его уродству, принялся разсказывать намъ о Шевченкѣ, объ его оригинальности, о томъ, что онъ поэтъ даже въ своихъ вившихъ ухваткахъ. Теперь, для того чтобы мой дальнѣйшій разсказъ былъ хоть сколько-нибудь понятенъ, я должна вкратцѣ изложить вамъ его біографію. 25 февраля 1814 года въ Кіевской губерніи, въ селѣ Чигиринѣ, игравшемъ видную и славную роль въ исторіи Малороссіи, бывшемъ резиденціей Богдана Хмѣльницкаго, одного изъ гетмановъ и героевъ Украйны, родился въ бѣдной крестьянской хижинѣ ребенокъ, которому было дано имя Тарасъ по святому того дня. Это начало очень хорошо идетъ къ біографіи поэта, но та крестьянская хижина не была похожа на хижины кантона Во, и этотъ крестьянинъ, которому его жена родила сына, не былъ Кошаромъ; это былъ бѣдный крѣпостной. Вы, благородный сынъ свободной страны, едва-ли можете понять во всемъ его объемѣ страшный смыслъ этого слова. Этотъ-то мальчикъ Тарасъ и есть геніальный поэтъ Шевченко, котораго вымочилъ дождь въ Яготинѣ. О, дорогой учитель, никакое перо не способно изобразить противоположность этихъ двухъ словъ, которыхъ я никогда не рѣшилась бы сопоставить, если бы писала объ этомъ не вамъ,—да и теперь моя рука не такъ тверда, какъ обыкновенно. Эти два слова: Шевченко—и крѣпостной, о ужасъ! Господи! гдѣ еще такъ нужны человѣку вѣра, надежда, убѣжденіе, что слѣдуетъ все переносить изъ любви къ Богу, какъ въ этой несчастной странѣ!

Словомъ, въ четырнадцать лѣтъ у Шевченки уже не было ни матери, ни отца; оставалась въ живыхъ только мачеха, злая, какъ

почти всѣ мачехи. У него были три сестры и два брата. Онъ бѣжитъ—сперва въ Вильну, около того времени, когда вспыхнула польская революція, затѣмъ въ Варшаву, затѣмъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ, безъ руководителя, набрасывается на знаніе и поглощаетъ его урывками, безпорядочно, но страшное имя все тяготѣетъ на немъ. Тутъ случилась ужасная вещь — я не могу разсказать о ней коротко, и вотъ, нѣсколько художниковъ и одинъ изъ нашихъ поэтовъ, Жуковскій, заинтересовались имъ и выкупили его. Какой позоръ! О, Господи! имѣй я какую-нибудь власть, я знаю, что я сдѣлала бы!

Такъ наконецъ онъ сталъ человѣкомъ для другихъ; но существу-человѣкомъ онъ былъ давно, пройдя чрезъ горнило неслыханныхъ страданій. Онъ сдѣлался художникомъ по совѣту одного человѣка, принимавшаго въ немъ участіе, и поэтому потому, что родился имъ.

Все это и многое другое я узнала въ подробностяхъ уже послѣ того, какъ познакомилась съ нимъ. Затѣмъ я уѣхала съ родителями въ Седнево [1]. Въ наше отсутствіе Шевченко снова побывалъ въ Яготинѣ, у моего брата и моей невѣстки, чтобы посмотрѣть портретъ папа, писанный Горлингомъ, такъ какъ ему заказали двѣ копіи этого портрета. Уѣзжая, онъ обѣщалъ еще разъ пріѣхать на двѣ недѣли. Затѣмъ мы вернулись, и однажды вечеромъ, въ октябрѣ, входитъ мой братъ вмѣстѣ съ господиномъ, котораго онъ тутъ же представляетъ моимъ родителямъ: это былъ онъ. Потомъ братъ говоритъ: „Вотъ моя сестра". Я напомнила ему нашу первую встрѣчу подъ дождемъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, и мы разговорились. Онъ показался мнѣ простымъ и непритязательнымъ. Онъ сразу сталъ у насъ своимъ человѣкомъ, однимъ изъ тѣхъ, которые такъ удобны въ деревнѣ, кого пріятно видѣть въ гостиной и кого можно оставлять одного, не боясь, что онъ щепетильно обидится. Глафира [2] понравилась очаровала Шевченку; онъ еще не былъ влюбленъ, но могъ влюбиться при первомъ удобномъ случаѣ. Тутъ пріѣхала моя сестра. Спустя нѣсколько дней послѣ ея пріѣзда я узнала о смерти моего дорогого Хрущова; на слѣдующій день я заболѣла той невралгіей, о которой писала вамъ; дней восемь я не выходила изъ моей комнаты. Въ теченіе этого времени Шевченко прочиталъ одну изъ своихъ поэмъ, и всѣ дамы были въ восхищеніи. Я снова появляюсь на

[1] [Имѣніе А. И. Лизогуба.]
[2] [Глаф. Ив. Неіолъ.]

горизонтѣ — онъ съ участіемъ справляется о моемъ нездоровьи, я опять вижу его ежедневно—онъ мнѣ нравится—но спокойно, именно какъ это могло и должно было быть. Глафира по прежнему — его солнце, а она держится просто и съ тактомъ. Однажды вечеромъ онъ предлагаетъ прочитать намъ другую свою поэму подъ заглавіемъ „Сѣѣпая“ [1]. Сестра осталась съ мамою: мы не хотѣли, чтобы въ ея присутствіи читалась вещь, которая напомнила бы ей о состояніи ея глазъ. И вотъ онъ начинаетъ читать. О, если бы я могла передать вамъ все, что́ я пережила во время этого чтенія! Какія чувства, какія мысли, какая красота, какое очарованіе и какая боль! Мое лицо было все мокро отъ слезъ, и это было счастіемъ, потому что я должна была бы кричать, если бы мое волненіе не нашло себѣ этого выхода; я чувствовала мучительную боль въ груди. Послѣ чтенія я ничего не сказала; вы знаете, что при всей моей болтливости я отъ волненія теряю способность рѣчи. И какая мягкая, чарующая манера читать! Это была плѣнительная музыка, пѣвшая мелодическіе стихи на нашемъ красивомъ и выразительномъ языкѣ. Позднѣе, когда я могла говорить, я сказала ему: „Когда Глафира продастъ свою первую картину и отдастъ мнѣ эти деньги, какъ она обѣщала, я закажу на нихъ золотое перо и подарю его вамъ“. Передъ сномъ я такъ горячо молилась, я такъ страстно любила весь міръ, я была такъ добра, боюсь, даже добрѣе, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ.

Шевченко занялъ мѣсто въ моемъ сердцѣ, я часто думала о немъ, я желала ему добра и желала сама сдѣлать ему добро, притомъ, по моей горячности,—сейчасъ и какъ можно больше. Я втайнѣ и не сознавая того чувствовала ревность изъ-за предпочтенія, которое онъ оказывалъ Глафирѣ. Моя радость была, можетъ быть, слишкомъ добра, грусть начинала становиться недоброй. Одинъ вечеръ онъ дурачился, болталъ вздоръ и глупости. Видѣвши его разъ великимъ, я хотѣла всегда видѣть его великимъ; я хотѣла, чтобы онъ былъ неизмѣнно святъ и лучезаренъ, чтобы онъ распространялъ истину силою своего несравненнаго таланта,— и хотѣла, чтобы это сдѣлалось чрезъ меня. О, хитрость и коварство „я“, этого ненасытнаго „я“, которое не хочетъ умереть и котораго я не въ силахъ

[1] [Поэма „Сѣѣпая“ была написана Шевченкою по-русски осенью 1842 г.; она оставалась неизданной до 1886 г.]

смѣло убить!– Я говорю ему: „Возможно ли, чтобы вамъ, которому дано было быть столь благимъ, доставляло удовольствіе стать тѣмъ, что̀ вы теперь. Въ тотъ день, когда вы намъ читали „Слѣпую“, я такъ горячо молилась за васъ!“ Тутъ онъ вскочилъ, схватилъ мою руку и поцѣловалъ ее; нечего вамъ говорить, доставило ли это мнѣ удовольствіе. Это былъ лишній парусъ, чтобы ускорять быстрый бѣгъ моего челна. Проходитъ еще нѣсколько дней, и я узнаю отъ мамы, которая уже не покидала своей комнаты, что на одной свадебной вечеринкѣ (я уже говорила вамъ, что нигдѣ такъ не любятъ веселиться, какъ у насъ) Шевченко имѣлъ слабость выпить больше, чѣмъ слѣдовало. Словно острый ножъ пронзилъ мнѣ сердце. Надо попенять ему за это,—но какъ? Передъ тѣмъ я взялась переписать ему стихи; и вотъ я воспользовалась этимъ и прибавила тамъ нѣсколько аллегорическихъ строкъ, которыя хочу переписать вамъ здѣсь [1]. На одной сторонѣ листа было написано: „Немногимъ даны въ удѣлъ лира и свирѣль, но имѣющіе сердце любятъ вслушиваться въ брящаніе пѣвцовъ восторженныхъ или жалобно вопіющихъ, и въ отвѣтъ за ихъ золото есть у нихъ для обладателей высокаго таинственная молитва и искреннія желанія, и они (имѣющіе сердца), чающіе въ будущемъ прекраснаго, воскликнутъ: бѣдная Океана (это—имя героини поэмы)! люди тебя погубили и твой поэтъ забываетъ тебя!“ На другой сторонѣ листа было написано: „Ангелъ-хранитель поэта уныло летаетъ надъ головой его, отягченной грѣшнымъ сномъ. Онъ остановилъ полетъ свой, взоръ его полонъ болѣзненной любви. Онъ осѣняетъ его крылами—и молитва, какую только могутъ сложить небожители, постигающіе вполнѣ, что̀ есть созерцаніе божества,—вырывается изъ устъ его за вѣрный ему сосудъ, въ который Создатель влилъ сто̀лько прекраснаго! Грѣхъ и соблазнъ стараются пошатнуть сосудъ и чистая, золотая струя на самомъ краѣ готова выкатиться изъ него и быть поглощенной грязью разврата... Горячая слеза упадаетъ изъ очей ангела на сердце поэта—она его прожгла и обновила: онъ не погибнетъ! И раскаяніе облекается въ бѣлую одежду, какъ невинность“.

Это—плохой переводъ того, что̀ я написала Шевченкѣ по-русски; но вамъ вѣдь нуженъ не мой стиль, а мои мысли,—объ нихъ переводъ

[1] [Воспроизводимъ эту „аллегорію“ съ русскаго подлинника, какъ онъ сообщенъ въ книгѣ Чалаго, стр. 50, подъ заглавіемъ „Пророчество.“]

дастъ вамъ представленіе. Итакъ, когда онъ пришелъ къ обѣду, я отдала ему копію его стиховъ и сказала, что въ ней есть еще что-то, писанное мною; онъ поблагодарилъ меня. Вечеромъ, сверхъ всякаго ожиданія, мама вышла къ чаю въ гостиную; это меня радостно изволновало. Я принялась за чулокъ, который вяжу для васъ; онъ началъ подсмѣиваться надъ моимъ не-поэтическимъ занятіемъ; потомъ онъ сталъ говорить о разныхъ вещахъ; рѣчь зашла о сѣномъ полѣ Козловѣ, Глафира принесла его произведенія, и онъ прочиталъ намъ оттуда нѣсколько отрывковъ такъ задушевно, съ такимъ искреннимъ восхищеніемъ, что даже мама была очарована имъ. Въ ту минуту, когда надо было идти спать, я на мгновеніе задержалась въ гостиной послѣ всѣхъ, какъ-будто для того, чтобы взять кое-какія книги, и спросила его, сердится ли онъ на меня; онъ отвѣтилъ: нѣтъ, и поблагодарилъ меня, но такимъ тономъ, который меня не убѣдилъ. На слѣдующій день онъ не явился; такъ прошло четыре дня, ему все посылали обѣдъ въ его комнату; я мучилась, думала, что оскорбила его, хотѣла дѣлать что-нибудь для него, и боясь писать ему, такъ какъ это повидимому совсѣмъ не удалось, принялась вязать для него шерстяной шарфъ; шерсть дала мнѣ мама. Наконецъ моя невѣстка, у которой онъ завтракалъ (лѣтомъ и осенью она занимаетъ у насъ флигель, не примыкающій къ большому дому), сказала ему, что я думаю, что онъ на меня сердится. Онъ отвѣтилъ, что напротивъ, и вечеромъ пришелъ къ намъ. Не было никого, кромѣ Глафиры, Тани [1], меня и его, потому что m-lle Рекордонъ [2] въ счетъ не идетъ, особенно когда говорятъ по-русски. Я поздоровалась съ нимъ, отдала ему шарфъ и сказала, что боялась, не сердится ли онъ на меня. Когда убрали чай, m-lle Рекордонъ ушла, и мы остались вчетверомъ; онъ сталъ болтать вздоръ, и я сказала ему, какъ жаль, что онъ оставилъ свое уединеніе, потому что онъ говоритъ столько глупостей; послѣ этого водворилось полное молчаніе, никто не проронилъ слова. „Тихій ангелъ пролетѣлъ", сказалъ Шевченко: это — русская поговорка, означающая общее молчаніе. „Вы умѣете разговаривать съ ангелами, — сказала я; разскажите же намъ, что они вамъ говорятъ". Онъ вскочилъ съ мѣста, и обѣжалъ за чернильницей, схватилъ листъ бумаги, лежавшій на столѣ, и сталъ писать,

[1] [Сестра Глафиры Ив.]
[2] [Компаньонка Варвары Ник.]

потомъ подалъ мнѣ эту бумагу, говоря, что это — посвященіе къ одному произведенію, которое онъ вручитъ мнѣ позже. На листѣ было написано слѣдующее, въ красивыхъ и мелодичныхъ стихахъ по-русски, а это значитъ наѣнительно и сладко:—Въ память 9 ноября (въ этотъ день я написала ему тотъ выговоръ) [1].

Душѣ съ прекраснымъ назначеньемъ
Должно любить, терпѣть, страдать,
И даръ Господній—вдохновенье
Должно слезами поливать.
Для васъ понятно это слово...
Для васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
Священнодѣйствовалъ я снова
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихоструйными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ.

Онъ передалъ мнѣ листъ, я прочла; чистая и сладкая радость наполнила мое сердце, и если бы я поддалась обуревавшему меня чувству, я бросилась бы ему на шею. Но я сказала себѣ: надо подумать; чтобы выиграть время, я вторично перечитала стихи, потомъ вскочила съ мѣста,—онъ въ это время ходилъ по комнатѣ,—и сказала ему: „Дайте мнѣ вашъ лобъ", и поцѣловала его чистымъ поцѣлуемъ, потому что это было сдѣлано въ присутствіи Тани и Екатерины. Вечеръ, начавшійся такъ непріятно кончился восхитительно. На слѣдующій день я разсказала мамѣ все, исключая поцѣлуя.

Дальніе дни потекли мирно, онъ все время былъ со мною открытъ, но безъ всякаго фатовства или ухаживанья, безъ всякой чувствительности; мы даже не подавали другъ другу руки, здороваясь. Онъ уѣхалъ съ моимъ братомъ въ Андреевку [2], и наканунѣ его отъѣзда я дала ему молитву, въ которой выражалось то, чего я желала бы для него. Онъ вернулся чрезъ десять дней, въ теченіе которыхъ я много

[1] [Это посвященіе къ русской поэмѣ Шевченка „Тризна"; воспроизводимъ его по печатному тексту, гдѣ оно озаглавлено: „Посвященіе" и помѣчено: „Яготинъ. 11 Ноября 1843". Однако на шмуцтитулѣ поэмы значится: „На память 9-го Ноября 1843 года, Княгинѣ Варварѣ Николаевнѣ Репниной".]

[2] [Имѣніе В. Н. Репнина.]

думала о немъ, и все по-русски; я не могла тогда писать ни на какомъ другомъ языкѣ, я не могла разобрать, что во мнѣ происходило,— вотъ почему я вамъ не писала. Наконецъ они вернулись. Мы сидѣли за чаемъ, когда онъ вошелъ въ комнату; Капнистъ былъ у насъ; увидавъ его, я вскочила во весь ростъ, но замѣтивъ, что онъ обращаетъ ко мнѣ общій поклонъ, я сѣла на свое мѣсто съ очень непріятнымъ чувствомъ. Онъ и мой братъ говорили все глупости, наконецъ, послѣ одной нестерпимой глупости брата, я вскочила на диванъ, прошла за спиною Капниста, потому что я была заперта съ обѣихъ сторонъ, спрыгнула на полъ и пошла къ мамѣ, которой я сказала, что Базиль и Шевченко болтаютъ такой вздоръ, что я больше не могу выдержать. Много позднѣе, когда папа уже легъ, Базиль пришелъ къ мамѣ, и моя невѣстка позвала меня назадъ въ гостиную, такъ какъ Шевченко будетъ читать свою новую поэму, ту, которую онъ посвятилъ мнѣ. Я была такъ недовольна имъ, что не хотѣла идти; она мнѣ сказала: „Иди-же, вѣдь это для тебя". Я пошла. Въ гостиной были только поэтъ, Капнистъ, Лиза, Таня и Глафира,— больше никого. Капнистъ спросилъ меня: „что съ вами?" я сказала, что я дурно настроена. „Надо стараться превозмогать себя". Шевченко началъ; я была въ такомъ расположеніи духа, что мнѣ хотѣлось все находить дурнымъ; но я снова была побѣждена. О, какой чудесный даръ ему данъ! Я не могла сдержать рыданія, Капнистъ молчалъ, Лиза тоже, Таня была почти растрогана, Глафира окаменѣла, у меня блестѣли глаза, лицо горѣло. Капнистъ подозвалъ къ себѣ Шевченку, который остановился-было предо мною,—и тутъ этотъ милый Капнистъ, который весь—сердце, началъ расчленять и обсуждать поэму, хотѣлъ выказать себя холоднымъ, разсудочнымъ, положительнымъ, но это ему не удалось. Шевченко отдалъ мнѣ тетрадь, всю писанную его рукою, и сказалъ, что къ этой рукописи принадлежитъ еще портретъ автора, который онъ и вручитъ мнѣ завтра [1]. Я поблагодарила его очень сдержанно; все происходило какъ бы внѣ меня; я сказала, что дамъ ему кое-что. На слѣдующій день пріѣхала княгиня Кекуатова [2], и такъ какъ, гостя у насъ, она не же-

[1] [Это—тотъ портретъ Шевченка, который воспроизведенъ въ книгѣ Чалаго.]

[2] [Имѣніе Кекуатовыхъ Бѣгичъ находилось вблизи Седнева, гдѣ Шевченко не разъ гостилъ у Лизогуба; отсюда онъ ѣздилъ къ Кекуатовымъ въ началѣ 1847 г. и тамъ писалъ портретъ княгини, дошедшій до насъ; см. Конисскій, указ. м., стр. 213, и Щероцкій, указ. м. и стр.]

лаетъ видѣть никого изъ посторонних, то мнѣ пришлось на все время взять ее на себя. Я кончила переписывать мое писанье, котораго не могу вамъ перевести здѣсь, такъ какъ это было бы слишкомъ длинно; меня что-то толкало писать эту вещь, я не могла дать себѣ отчета—что. Она озаглавлена: „Дѣвочка". Это почти точная исторія моего сердца, раздѣленная на 4 эпохи: 12 лѣтъ, 18, 25 и 35, и въ заключеніе—одинокая могила [1]. Когда насталъ вечеръ, я послала свое писаніе Шевченкѣ въ гостиную. На слѣдующій день я его не видѣла изъ-за княгини Кекуатовой, но невѣстка и Глафира сказали мнѣ, что онъ былъ мраченъ и очень страненъ, и что онъ ушелъ тотчасъ послѣ чая. Я была у мамы вмѣстѣ съ княг. Кекуатовой, тутъ мнѣ принесли записку; она была отъ него. Я не могу послать вамъ ея переводъ, потому что у меня ее выпросилъ Капнистъ, который все это послѣднее время былъ для меня вашей тѣнью [2]. Я не хотѣла читать эту записку при Лизѣ Кекуатовой; разговоръ зашелъ о томъ, что я написала: дѣло въ томъ, что я имѣла глупость прочитать это Лизѣ Кекуатовой. Мама сказала мнѣ: „Я ревную; мнѣ одной ты не читаешь своихъ писаній". И хотя мамѣ я меньше всего хотѣла-бы прочитать написанное мною, но такъ какъ я предпочитаю очертя голову бросаться въ сѣчу, нежели выжидать и разсчитывать, то я пошла за своей черновой и прочитала это несчастное писаніе наскоро и такъ скверно, какъ читаетъ m-lle Рекордонъ. Мама похвалила слогъ, и больше ничего; но на ея лицо нашла та тѣнь, которую я такъ хорошо знаю, и которая всегда сжимаетъ мнѣ сердце. — На слѣдующій день мама ничего не сказала, но ея лицо сохраняло то же выраженіе. Она страстно желаетъ, чтобы съ нею были откровенны, а сама замкнута въ высшей степени. Зная это, я подумала: чтобы разсѣять ея непріятное чувство, прочитаю ей записку Шевченки. Это отнюдь не было любовное письмо, но записка, гдѣ поэтически высказывалось благоговѣніе предъ моей душевной болью и горечь сознанія, что его талантъ слишкомъ слабъ, чтобы выразить чувства, обуревавшія его послѣ чтенія моей рукописи. Я читала эту записку, какъ дура, и была очень рада, когда кончила. Что я предвидѣла, то и случилось. Мама была всецѣло занята этимъ, но хотѣла, чтобы разговоръ начала я. Она мнѣ сказала много вѣрнаго и хорошаго о томъ, что я слишкомъ

[1] [В. Н. вставила „Дѣвочку" въ свою повѣсть о Шевченкѣ, см. ниже.]

[2] [Эта записка Шевченка напечатана въ книгѣ Чалаго, стр. 42. Ее приводитъ и В. Н. въ своей повѣсти, см. ниже, стр. 239.]

легко пускаюсь въ сердечныя изліянія; я храбро отвѣчала ей, что Шевченко для меня не чужой, что я очень люблю его и вполнѣ ему довѣряю. На это она мнѣ сказала, что говорить то, что́ я говорила,— безстыдство. О, Боже! у нея есть слова, которыя жгутъ и выворачиваютъ сердце! Я, такъ любящая истину, будто-бы измѣнила истинѣ, распространяясь о страданіяхъ, которыхъ бо́льшую часть я вовсе не испытала! Не ужасно ли, что мама такъ мало меня знаетъ! какъ-будто я испытала только это! Есть вѣчно возобновляющіяся страданія, которыхъ мое перо никогда не могло бы изобразить даже вамъ.—Слезы текли по моему лицу, но Господь былъ со мною, и я воззвала къ нему. Я вспомнила, какъ однажды, когда я плакала изъза какой-то несправедливости, вы сказали мнѣ, что я должна смотрѣть на униженіе, не заслуженное мною въ данномъ случаѣ, какъ на законную кару за многіе мои грѣхи, оставшіеся мнѣ неизвѣстными. Эта мысль сильно поддержала меня. Мама, вѣроятно замѣтивъ, какое усиліе я дѣлаю надъ собою, попросила меня почитать ей Евангеліе. Мнѣ пришлось читать двѣ главы изъ ап. Павла; онѣ такъ хорошо подходили къ моему положенію, что я сочла это новою милостью Господа, и утѣшилась.—Но вотъ я снова увидѣлась съ Шевченкою; онъ ничего не говоритъ мнѣ о моемъ писаніи, и вообще не разговорчивъ и не простъ со мною; онъ видимо избѣгаетъ меня. Моя невѣстка съ удивленіемъ спрашиваетъ меня, что́ это значитъ; я отвѣчаю ей, что сама не понимаю. Положеніе было странно до смѣшного: мы имѣли видъ двухъ влюбленныхъ, которые поссорились. Я рѣшила положить конецъ этому недоразумѣнію, и разъ вечеромъ, когда мы съ нимъ были вдвоемъ въ гостиной и онъ съ мрачнымъ видомъ шагалъ по комнатѣ, я минуту помедлила, а потомъ сказала ему: „Почему вы перестали разговаривать со мною?“—„Не могу, не могу“, отвѣчалъ онъ; затѣмъ онъ овладѣлъ собою, остановился у рояля, о который я опиралась, и сказалъ, что никогда не переживалъ того, что́ испытываетъ съ тѣхъ поръ, какъ прочиталъ мое писаніе. Не помню, что́ мы говорили дальше, но помню, что я увѣряла его въ моей дружбѣ къ нему и просила его смотрѣть на меня какъ на сестру. Я прибавила еще, что если онъ интересуется мною, я могу его увѣрить, что съ тѣхъ поръ, какъ я пріобрѣла вѣру, я спокойна и счастлива. Потомъ я сказала ему, что мнѣ надо идти къ мамѣ; онъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: „Прощайте, сестра“. Припоминаю, что, говоря о моемъ сочиненіи, онъ сказалъ: „Да, это поэзія, страшная

поэзія".—На слѣдующій день у него былъ счастливый видъ, со мною онъ держался сердечно и открыто; я, съ своей стороны, съ радостью вошла въ это настроеніе взаимнаго довѣрія. Но скоро онъ опять сталъ молчаливъ и холоденъ, хотя все еще кротокъ, когда я заговаривала съ нимъ. Я сдѣлала для него нѣсколько переводовъ. Весь день мнѣ приходилось быть возлѣ мамы, но какъ только я оставалась одна въ своей комнатѣ, я могла писать только по-русски, и мои молитвы, въ которыхъ онъ занималъ большое мѣсто, превратились въ концѣ концовъ почти въ одинъ непрерывный рядъ разсѣяній. Я была точно въ лихорадкѣ; меня мучило его своенравіе, а также не скрою—и его несчастная слабость выпивать иной разъ лишній стаканъ вина, слабость, которая меня огорчала, отъ которой я хотѣла исцѣлить его; и это лихорадочное состояніе сдѣлало меня вялой и наконецъ ввергло меня въ окаменѣлость, которая испугала меня; подъ вліяніемъ этого чувства я и написала вамъ мое послѣднее письмо. Я хотѣла тотчасъ вслѣдъ за нимъ послать вамъ это, но весь январь и часть февраля я прохворала, затѣмъ, когда я еще не вполнѣ оправилась, заболѣлъ папа и я черезъ ночь дежурила при немъ; это крайне утомило меня; потомъ оказалось, что я такъ хорошо спрятала первые три листа этого письма, что никакъ не могла ихъ найти; наконецъ вчера вечеромъ я ихъ нашла въ грудѣ писемъ, и сейчасъ, хотя уже почти 11 часовъ ночи, сажусь писать, чтобы, если не окончить, то, по крайней мѣрѣ, продолжить его.

Я дала Шевченкѣ мою Библію, и она доставила ему большое удовольствіе. Подъ конецъ онъ сталъ такъ молчаливъ и такъ холоденъ со мною, что я отъ этого не только впала въ уныніе, но заболѣла. Восемь дней я почти ничего не могла ѣсть; я такъ измѣнилась, что моя невѣстка и Глафира поражались, а онъ, вѣроятно, и не замѣтилъ этого. Такъ продолжалось до 4 декабря, моего и мамина дня ангела. Въ Россіи празднуютъ именины. Утромъ мы отправились въ церковь; послѣ обѣдни Шевченко подошелъ ко мнѣ и поцѣловалъ мнѣ руку съ такой любовью и чистосердечіемъ, что я снова ощутила радость въ сердцѣ. Еще до обѣда пріѣхали г. и г-жа Капнистъ; я какъ-разъ выходила изъ маминой гостиной, когда въ нее вошелъ Капнистъ; онъ сердечно поздоровался со мной, спросилъ, какъ мое здоровье; я отвѣтила, что я была больна, а теперь поправилась, — и мы разошлись въ противоположныя стороны. Вечеромъ Капнистъ попросилъ, чтобы я показала его женѣ стихи, которые по-

святилъ мнѣ Шевченко. Капнистъ зналъ, что я писала Шевченкѣ аллегоріи съ цѣлью исправить его, и что вывязала ему шарфъ. Онъ заговорилъ со мною о немъ, и я очень оживленно отвѣчала ему. Онъ сказалъ, что опасается, какъ бы я не сдѣлала вреда Шевченкѣ, такъ какъ эти изъявленія участія и интереса могутъ ему вскружить голову: „И неужели вы думаете, что этого достаточно, чтобы исправить его?“— Я отвѣтила, что поможетъ милость Божія. — „Милость Божія строга (или взыскательна),—возразилъ онъ торжественно,—а вы поступали эгоистически, такъ какъ вы дѣлали то, что доставляло вамъ удовольствіе, не думая о послѣдствіяхъ, какія это можетъ имѣть для него“.—Этотъ упрекъ со стороны Капниста, который никогда не говорилъ со мною въ интимномъ тонѣ и предъ которымъ я всегда чувствовала нѣкоторое смущеніе, поразилъ меня. Онъ протянулъ мнѣ руку, прося извиненія за то, что позволилъ себѣ такъ говорить со мною; я отвѣчала, что искренно благодарю его. Эту ночь я почти не спала. На слѣдующій день невѣстка спросила меня, какъ я себя чувствую; я отвѣтила ей, что по милости Капниста провела безсонную ночь; онъ спросилъ, почему, и я обѣщала сказать ему это наединѣ. Послѣ обѣда мы остались одни и я сказала ему, что много думала о его словахъ, что я считаю его укоръ справедливымъ, но думаю, что въ 35 лѣтъ могу себѣ позволить многое, чего въ юности не сдѣлала бы, и что я хочу быть только другомъ, сестрою Шевченки. Онъ отвѣчалъ мнѣ умно и сердечно, говорилъ о васъ, подкрѣплялъ свои увѣщанія ссылкою на ваши взгляды, которые, по его мнѣнію, навѣрное совпали бы съ его взглядами, говорилъ, что мнѣ отнюдь не слѣдуетъ полагаться на свои 35 лѣтъ, что возрастъ ничего не доказываетъ, что когда женщина и молодой мужчина называютъ другъ друга сестрою и братомъ, въ этомъ всегда есть опасность, что Шевченко, можетъ быть, влюбленъ въ меня, и это было бы несчастіемъ для него, или же его самолюбію льститъ мое вниманіе, и въ такомъ случаѣ я, по его мнѣнію, должна быть осторожна. Словомъ, выводъ изъ всего сказаннаго имъ былъ тотъ, что Шевченкѣ надо уѣхать и что онъ берется увезти его къ себѣ, добиться его довѣрія, заставить его высказаться, и дать ему понять, что ему болѣе нельзя жить въ Яготинѣ. Отъ этого рѣшенія у меня сжалось сердце; я до такой степени пала духомъ, что Капнистъ сказалъ мнѣ: „Если бы я зналъ, что это такъ серьезно, я не рѣшился бы говорить съ вами такъ, какъ говорилъ“. Съ этого дня милый Капнистъ, сказавшій

мнѣ, что былъ пораженъ моимъ плохимъ видомъ, относился ко мнѣ какъ нельзя лучше. У насъ было много народу; это естественно освободило меня отъ обязанности неотлучно находиться въ маминой комнатѣ и дало мнѣ гораздо больше свободы. Онъ ухитрялся ежедневно по нѣсколько разъ говорить со мною съ глазу на глазъ; онъ укрѣплялъ и утѣшалъ меня, совѣтовалъ мнѣ написать вамъ, говоря, что это облегчитъ меня и поможетъ мнѣ,—но это мнѣ было еще не подъ силу; онъ говорилъ еще, что хотѣлъ бы, чтобы вы были возлѣ меня, чтобы молиться вмѣстѣ со мною, и жалѣлъ, что самъ лишенъ дара молитвы; словомъ, не могу вамъ передать, какъ добръ и нѣженъ онъ былъ ко мнѣ. Наконецъ, пробывъ 4 или 5 дней, онъ увезъ съ собою Шевченку. За два дня до ихъ отъѣзда я умоляла Шевченку довѣриться Капнисту, сдѣлать его своимъ другомъ, слѣдовать его совѣтамъ; онъ отвѣчалъ, что самъ желаетъ этого, но что каждый разъ что-нибудь становилось между ними. Въ минуту отъѣзда Шевченко вручилъ мнѣ какую-то бумагу, со словами: „По праву брата". Я прочитала, — это была записка, писанная сначала на „вы", потомъ исправленная имъ на „ты", письмо брата, гдѣ онъ, какъ братъ, увѣщевалъ меня хранить въ себѣ богатства, которыя Богъ вложилъ въ прекраснѣйшее изъ своихъ созданій. Я не могу послать вамъ переводъ этого письма, потому что гадкій Капнистъ забралъ у меня всѣ письма Шевченки съ тѣмъ, чтобы показать ихъ мнѣ черезъ годъ. Часто во время моихъ бесѣдъ съ Шевченкой онъ увѣрялъ меня, что въ этомъ мірѣ невозможно высказать всю свою мысль, изъяснить свои убѣжденія, съ чѣмъ я никогда не считалась ни въ теоріи, ни на практикѣ, и онъ не разъ бывалъ свидѣтелемъ моихъ рѣзкихъ выпадовъ.

Итакъ, они уѣхали. Нѣкоторое время спустя Капнистъ опять пріѣхалъ, но одинъ. Онъ сказалъ мнѣ, что доволенъ Шевченкой, но замѣтилъ, что онъ не вполнѣ откровененъ съ нимъ; онъ увѣрился, что Шевченко убѣжденъ въ томъ, что я сильно люблю его. Я показала ему то письмо, оно ему не понравилось, и онъ сказалъ, что предоставляетъ мнѣ на выборъ, вернуться ли Шевченкѣ, но только на нѣсколько дней, чтобы кончить начатыя имъ картины, или совсѣмъ не вернуться. Я хотѣла вполнѣ подчиниться рѣшенію Капниста, но онъ рѣшилъ заодно со мною, что непріѣздъ Шевченка удивитъ всѣхъ домашнихъ и что поэтому надо, чтобы онъ вернулся, но только на нѣсколько дней. И вотъ, недѣли чрезъ двѣ послѣ своего отъѣзда онъ вернулся въ Яготинъ. У насъ были гости; онъ искренно обрадовался

свиданію со мною. Въ тотъ же вечеръ онъ уѣхалъ по дѣлу, но только на одинъ день; когда онъ вернулся, мой братъ съ женою уѣхали въ Петербургъ. Я много разъ говорила съ нимъ, откровенно говорила ему о чувствахъ, которыя питаю къ нему,—самыхъ безкорыстныхъ, какія во мнѣ есть,—что я чувствую, что могла бы искренно любить его жену, если бы онъ женился, что я хотѣла бы, чтобы онъ былъ добръ, чистъ и великъ. Часто я бывала очень довольна имъ, въ другіе же раза онъ по-прежнему былъ холоденъ, молчаливъ, безучастенъ. Наконецъ однажды онъ былъ сильно огорченъ: человѣкъ, котораго онъ считалъ своимъ другомъ и братомъ, оскорбилъ его грубо, низко, подло, попрекнувъ его его происхожденіемъ [1]. Разъ вечеромъ послѣ чая онъ сказалъ мнѣ, что хотѣлъ бы поговорить со мною наединѣ. Я пошла съ нимъ въ большую гостиную, и тутъ мой милый Шевченко, такой добрый и сердечный, что, казалось бы, никто не рѣшился бы причинить ему боль, разсказалъ мнѣ ужасную обиду, которую нанесло ему письмо этого ложнаго друга, и разсказывая, плакалъ отъ боли. Видѣть мужчину плачущимъ, особенно если горячо любишь его, чувствовать, что его унизили, это очень больно; я не знала, что сказать, что сдѣлать, чтобы утѣшить его; я прижала его голову къ моей груди, обняла его, поцѣловала его руку, цѣловала бы его ноги. Я хотѣла ему доказать, что если нашелся негодяй, который, вмѣсто того, чтобы скорбѣть о такомъ ужасномъ положеніи вещей и радоваться, гордиться и чувствовать себя счастливымъ, видя, что геніальный сынъ его родной страны избавился отъ этого позора, ставитъ ему его въ вину, то есть существо, ставящее благородныя чувства и священный огонь выше случайностей рожденія. Мнѣ удалось успокоить его [2]. Онъ развеселился и оживился, съ удивительной легкостью перейдя отъ грусти къ веселости. На слѣдующій день онъ уѣхалъ, пробылъ въ отсутствіи два съ половиною дня, и вернулся, хотя, кромѣ меня, никто не ждалъ, что онъ такъ скоро вернется. Я разговаривала съ нимъ нѣсколько разъ, причемъ мое влеченіе къ нему обнаруживалось все болѣе и болѣе; онъ отвѣчалъ мнѣ иногда теплымъ чувствомъ, но

[1] [Рѣчь идетъ о Платонѣ Лукашевичѣ. Этотъ случай разсказанъ у Чалаго, стр. 39—40; см. также слѣд. примѣч.]

[2] [Шевченко не забылъ ея участія; 28 февр. 1848 г. онъ писалъ ей изъ Оренбургской крѣпости: „Не вспоминалъ (васъ), а помнилъ, со дня или вечера, когда я вамъ жаловался на сосѣда вашего П. А. (да проститъ ему Господь)..."]

страстнымъ никогда. Глафира со своими двумя братьями уѣхала навѣстить своихъ тетокъ, сестеръ ея отца, живущихъ близъ Полтавы; она пробыла въ отсутствіи больше мѣсяца. Я была разстроена ея отъѣздомъ; Шевченко, бывшій при ея отъѣздѣ и видѣвшій мою грусть, остался, повидимому, совершенно безучастнымъ; Капнистъ на его мѣстѣ сказалъ бы мнѣ дружеское слово. Два дня онъ былъ молчаливъ и холоденъ, хотя я проводила съ нимъ почти весь день, потому что онъ работалъ въ мастерской Глафиры надъ портретами дѣтей моего брата, а я занимала ихъ, чтобы они сидѣли смирно; но послѣдніе три дня его пребыванія онъ былъ сердеченъ, братски-нѣженъ и добръ. Наконецъ, наступилъ день и часъ его отъѣзда. Я со слезами бросилась ему на шею, перекрестила ему лобъ, и онъ выбѣжалъ изъ комнаты. Съ тѣхъ поръ я имѣла отъ него одно письмо, которое привело Капниста въ бѣшенство, но которое я понимаю иначе: это—не любовное письмо; въ этомъ письмѣ онъ называетъ меня сестрою и, правда, говоритъ мнѣ „ты", но это письмо нельзя оцѣнивать такъ, какъ если бы его написалъ мнѣ какой-нибудь кавалеръ. Шевченко—дитя природы и не имѣетъ никакого представленія о приличіяхъ; но у него много такта, доброты и почтенія ко всему святому, оттого онъ со всѣми учтивъ, почтителенъ къ старшимъ, и всѣ его любятъ. Даже мама, такъ мало знающая его, очень расположена къ нему, а папа его даже любитъ.

Онъ уѣхалъ отъ насъ 10 января. Послѣ того онъ еще цѣлый мѣсяцъ пробылъ въ нашихъ мѣстахъ, но къ намъ больше не заѣзжалъ; легкомысліе ли это, или деликатность, я не знаю. Теперь онъ въ Петербургѣ въ Академіи Художествъ.

Такова моя исторія. Теперь я должна вамъ сказать, что Капнистъ убѣжденъ, что я люблю его и что я потеряла голову. Я же очень привязана къ нему и не отрицаю, что если бы я видѣла съ его стороны любовь, я можетъ быть отвѣтила бы ему страстью, но такъ какъ я ни одной минуты не могла заблуждаться на этотъ счетъ, то я тотчасъ отвела этому чувству мѣсто среди тѣхъ, которыя очищаются отреченіемъ, и мнѣ нисколько не пришлось бы упрекать себя за него, если бы я не должна была сознаться, что оно слишкомъ захватило меня, такъ что я забыла мою Библію, стала вяла и неисправна въ молитвахъ и гораздо менѣе строга въ моемъ чтеніи, а потому холодна и одно время такъ убійственно настроена, что мнѣ казалось—я утратила вѣру. Капнистъ просилъ меня написать вамъ; я отвѣтила ему: не

могу, я испорчена. „Это слово доказываетъ вамъ,—возразилъ онъ,— что то, что происходитъ въ васъ, дурно". Въ это самое время, когда я такъ была занята Шевченкой и такъ волновалась изъ-за него, меня еще мучили разныя вещи, которыя я вѣроятно легче переносила бы, если бы моя душа была ближе къ Богу. Я сильно страдала, и Капнистъ былъ такъ хорошъ, какъ я не могу и передать. Къ несчастью, скоро уже два мѣсяца, что я его не видала: такъ какъ онъ собирается за-границу со своимъ больнымъ сыномъ, то у него было много разъѣздовъ; мы ждемъ его со дня на день. Надѣюсь, что онъ сможетъ побывать въ Швейцаріи и увидаться съ вами; я была бы такъ рада, чтобы вы были вмѣстѣ, чтобы вы съ Божіей помощью вытравили тѣ немногія темныя точки, какія еще есть въ его душѣ, а онъ разсказомъ объ этой бѣдной Россіи возбудилъ въ васъ участіе къ ней и разсказомъ о вашей Варѣ доказалъ бы вамъ, что она имѣетъ въ немъ истиннаго друга.

Хочу переписать вамъ, мой добрый наставникъ, нѣсколько мѣстъ изъ прекраснаго письма, которое написала мнѣ сестра [1] въ отвѣтъ на мое, гдѣ я писала ей о своихъ огорченіяхъ, не по поводу Шевченки, но по поводу нѣкоторыхъ гораздо болѣе мучительныхъ обстоятельствъ. „Ахъ, милая Варя, если бы, вмѣсто того, чтобы углубляться въ свои „страданія, ты постаралась отбросить ихъ изъ любви къ Богу, за„няться Имъ и отрѣшиться отъ людей,—да, отрѣшиться отъ твоего „отца, отъ твоей матери... Если бы ты не разсчитывала на нихъ, ты „лучше любила бы ихъ, потому что тогда ты любила бы ихъ не ради „себя, а ради нихъ самихъ. Я чувствую, что то, что я пишу тебѣ, — „больше, чѣмъ, можетъ быть, я сама могла бы сдѣлать, но тебѣ въ „помощь благодать Божія. Я думаю, что когда человѣкъ старается „казаться инымъ, чѣмъ онъ есть, онъ старается напрасно. Ты во „многомъ себя обуздываешь, но, кажется, ты недостаточно пода„вляешь въ себѣ самое начало зла; ты хочешь замкнуть въ себѣ „твое недовольство, но чѣмъ безгласнѣе твое недовольство, чѣмъ „болѣе ты замыкаешь его въ себѣ, тѣмъ оно острѣе, тѣмъ болѣе „насыщено презрѣніемъ, тѣмъ рѣзче ты кидаешь его въ лицо тому, „кѣмъ оно вызвано, нежели если бы ты дала ему излиться въ сло„вахъ. Выраженіе твоего лица и твой образъ дѣйствій часто отталки„вали бы отъ тебя людей; и т. д. Вотъ въ чемъ я упрекаю тебя.

[1] [Елиз. Ник. Кривцова.]

„Конечно, я не могу упрекать тебя въ томъ, что ты мало работаешь „надъ собою и не пересиливаешь себя, но вмѣсто того, чтобы „успѣвать въ этомъ, ты только терзаешь себя; потому что ты должна „подавлять не изъявленія твоей чувствительности, а ее самое, отка„зываясь удовлетворять ее и добровольно умаляя себя, чтобы обо„гащать другихъ. Какъ ты можешь думать, что ничего не дѣла„ешь, посвящая свое время мамѣ? Пойми меня правильно, не думай, „что я тебя не понимаю; я знаю, какъ много ты выносишь и мо„рально, и физически, знаю, какъ гнететъ и мучитъ тебя отсутствіе „видимой дѣятельности, но развѣ ты не подавляешь въ себѣ это „стремленіе, принося его въ жертву, вмѣсто того, чтобы отказаться „отъ него, развѣ ты не думаешь, что могла бы найти болѣе высо„кое поприще дѣятельности, нежели жертвовать своей жизнью для „мамы? Не сердись на меня, милая Варя, за то, что я говорю съ „тобой такъ, не думай, что я дѣлаю это холодно. Я горю любовью „къ тебѣ, и если бы я могла, я бы все отдала тебѣ и понесла бы твой „крестъ; говорю тебѣ это смѣло, потому что если бы я не смогла дѣ„лать это вполнѣ, то не по недостатку искренняго желанія; такъ что „я не изъ похвальбы говорю тебѣ это. Я не вижу способа облег„чить твою тяготу. Богъ поставилъ тебя на этотъ путь, поэтому „свернуть съ дороги значило бы отречься отъ Него; вотъ почему „тебѣ нельзя посовѣтовать ничего другого, какъ только исполнять „все, что тебѣ въ тягость. Моя земная сестрина любовь заставляетъ „меня желать тебѣ удаленія отъ источника твоихъ мукъ, но то же „самое чувство, очищенное благодатью Божіей, велитъ мнѣ сказать „тебѣ то, что я говорю".

И ежели подумать, что все это пишетъ *настоящая* женщина, женщина, которая всегда говоритъ меньше, нежели чувствуетъ, то кто же я?—неблагодарная по отношенію къ Богу, который столько далъ мнѣ. Я терзаюсь по вечерамъ, размышляя о томъ, какъ много истинныхъ благъ дано мнѣ, вспоминая васъ, сестру, Капниста, мягкость мамы и ея безграничное довѣріе ко мнѣ, снисходительность папы, милую Глафиру, которая такъ хорошо подвигается впередъ и такъ предана мнѣ. Стыдъ и горе мнѣ!

Мама ничего не знаетъ о подробностяхъ моей исторіи съ Шевченкой: этой радости я лишена. Мама меня не понимаетъ, и Капнистъ совѣтовалъ не разсказывать ей обо всемъ этомъ; она разстроилась бы, потому что она пошла бы въ своихъ предположеніяхъ

еще гораздо дальше, нежели Капнистъ. Письма сестры я мамѣ не показала, хотя она знаетъ о его полученіи; я сказала ей, что Лили читаетъ мнѣ мораль. У мамы много заботъ и огорченій, она сильно озабочена здоровьемъ папы, которое очень подалось. Васъ поразило бы, если бы вы видѣли, какъ онъ измѣнился за эти два года; онъ совсѣмъ дряхлый старикъ. Онъ былъ довольно сильно боленъ, я много ночей провела у него. Мама часть зимы хворала, потомъ она оставила свою комнату, чтобы ходить за папой. Серьезно обсуждается вопросъ, не поѣхать ли имъ обоимъ въ Берлинъ посовѣтоваться съ Шёнлейномъ, а оттуда, если онъ велитъ,—въ Карлсбадъ. Я останусь въ Яготинѣ. Мама хочетъ быть одна съ папою, въ надеждѣ, что это дастъ ей возможность успѣшнѣе вліять на него какъ въ отношеніи физическаго, такъ и въ отношеніи его душевнаго состоянія. Въ этомъ случаѣ я вѣроятно поручу имъ Глафиру, чтобы они отвезли ее и устроили въ Дрезденѣ у брата г. Фишера, женатаго пастора, гдѣ она можетъ всецѣло посвятить себя искусству. Въ нашей пустынѣ она увянетъ, не находя отвѣта сердцу. Къ тому же, такъ какъ неизвѣстно, какія средства будутъ у меня самой, то я не знаю, что̀ я смогу давать ей; поэтому необходимо, чтобы она проложила себѣ дорогу. У нея есть братъ, военный, который горитъ желаніемъ бросить службу и поступить въ университетъ, хотя ему уже 21 годъ; но ему нужны деньги на жизнь, и мысль о томъ, чтобы, занимаясь искусствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ зарабатывать для поддержки брата, также соблазняетъ Глафиру. Мнѣ будетъ горько разставаться съ нею, но это необходимо. Будь у меня деньги, этотъ презрѣнный и благородный металлъ, о, какъ я полетѣла бы, пользуясь моей свободой, броситься въ ваши объятія, мой дорогой учитель! Уже очень поздно, поэтому не буду теперь писать вамъ о Лизѣ Кекуатовой, которая, на мой взглядъ, подвигается впередъ, о Галаганѣ, съ которымъ я опять видѣлась, и еще о нѣкоторыхъ интересныхъ предметахъ; объ этомъ — уже въ слѣдующемъ письмѣ.

(Когда вы будете отвѣчать на эту тетрадь, адресуйте ваше письмо Ея Превосходительству Г-жѣ Аннѣ Бантышъ-Каменской, на углу Моховой и Пантелеймоновской, въ домѣ Тишнера, въ Петербургѣ, для передачи княжнѣ В. Репниной.) [1]

[1] [Эти строки въ подлинникѣ зачеркнуты.]

Какая глупость: адресуйте лучше княгинѣ Елизаветѣ Кекуатовой въ Нѣжинъ Черниговской губ. Надо непремѣнно прибавить и русскій текстъ, потому что въ провинціальныхъ почтовыхъ конторахъ не понимаютъ по-французски; вотъ какъ надо написать:

Княгинѣ Кекуатовой, урожденной Лукашевичевой, въ Нѣжинъ Черниговской Губерніи.

Итакъ, до скораго свиданія на письмѣ, дорогой наставникъ. Нѣжно обнимаю Софью [1] и дѣтей; съ ихъ стороны очень мило, что они не забыли меня. Сердечный привѣтъ m-lle Шолэ. Видѣлись ли вы съ сестрой Агнесой? Молитесь, молитесь усердно за вашу грѣшную духовную дочь, и да вознаградитъ васъ Богъ за все, что вы есть для нея. Какъ мило и какъ дорого мнѣ ваше послѣднее письмо! я тѣмъ болѣе чувствую свои вины, что не могу льстить себя мыслью, что я его вызвала; мама была очень тронута имъ. До свиданія, дорогой учитель, цѣлую ваши руки въ отвѣтъ на поцѣлуй, который вы прислали мнѣ чрезъ мою тетю Зинаиду, но я цѣлую ихъ вполнѣ за себя. Какое счастье выпало на долю этой скучной женщинѣ — писать вамъ и знать васъ!

Ваша духовная дочь Варвара Репнина.

[1] 13 марта 1844 г.

2.

[Повѣсть.] [2]

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

И что мнѣ дѣлать между ними?
Они всѣ пляшутъ и поютъ.

Ярко освѣщена зала въ домѣ помѣщика Радимова. На всѣхъ лицахъ улыбки, но не всѣ улыбки искренны, не всѣ они изъявленіе душевнаго чувства... Наблюдателю нетрудно было бы понять, что

[1] [Жена Эйнара.]

[2] [См. выше, стр. 186. Псевдонимы этой повѣсти нетрудно разгадать: *Березовскій* — Шевченко, *Вѣра* — сама Варвара Николаевна, *Софія* — Глафира Ивановна, *Мухринъ* — Капнистъ. Только Ольга и Языковъ остаются неразгаданными. В. Н. не все описала Эйнару: муки ревности она утаила отъ него.]

улыбка Вѣры не иное что, какъ личина свѣтскаго приличія или *забрала* закрывающая отъ докучливыхъ глазъ равнодушныхъ тайну, которую она передать не хочетъ и которую можетъ быть ни одинъ изъ нихъ не понялъ [бы]. Но если она повелѣла устамъ своимъ глаголить нѣмую ложь, не въ её власти было принудить къ подобной неправдѣ глаза, вѣрные и свободные *глашатые* души, они рѣзко разнствуютъ съ небрежною безцвѣтною улыбкою и полны мрачнаго огня, глубокой тоски. Все кружится, пестро перемѣшивается, мущины исключая нѣсколькихъ очень молодыхъ вяло прислонены къ Фортепіану, къ столамъ, какъ будто ноги имъ отказываютъ поддерживать ихъ усталыя и скукою поддернутыя фигуры, дѣвицы сплетясь руками ходятъ по залѣ и говорятъ обо всемъ, исключая того что ихъ тайно занимаетъ, дамы шумно толкуютъ межъ собой и наконецъ, истощивъ довольно скудный свой запасъ разговора, подзываютъ съ позволенной имъ свободою молчаливыхъ кавалеровъ, которые шаркая и улыбаясь придвигаются къ групѣ дамъ, и разговоръ снова оживляется. Вѣра изъ приличія или можетъ быть слѣдуя тайному влеченію занимается въ сторонѣ молодою Ольгою, съ которою она доселѣ не сходилась. Отъ чего же эта перемѣна? Ольга пріѣхала съ родителями къ Радимовымъ и нѣсколько словъ по видимому весьма не замѣчательныхъ сказанныхъ Ольгою Вѣрѣ, превратили совершенное равнодушіе ея къ первой въ нѣкоторое доброе расположеніе, а слова эти вотъ какія: „Березовскій много про васъ говорилъ, онъ вами восхищенъ!“ Ольга сидитъ—Вѣра стоитъ и хотя разговоръ ихъ живой, однако взоръ Вѣры перекинулся черезъ головку Ольги быстрымъ сводомъ и остановился на дверяхъ вопросительнымъ знакомъ: будетъ ли онъ? или не будетъ? и слухъ въ тайномъ согласіи со взоромъ старается узнать въ разнообразномъ шумѣ знакомую походку—Наконецъ онъ является и громкое А встрѣтило улыбающагося и быстро входящаго молодого человѣка; то былъ Березовскій:—онъ кому кланяется, кому отвѣшиваетъ поклонъ, кому жметъ руку, кому улыбается—Вѣра къ нему подходитъ и онъ ей протягиваетъ руку какъ другимъ, но когда опять всѣ усѣлись по мѣстамъ и снова завязались прерванные его приходомъ разговоры, Березовскій подошелъ къ столу возлѣ котораго опять сидѣла Ольга и къ которому прислоненна была Вѣра, и взявъ её за обѣ руки съ глубокимъ чувствомъ пожалъ ихъ и сказалъ ей что то въ полголоса. Она посмотрѣла на него кротко и грустный взоръ ея оживился

радостнымъ огнемъ. Начались танцы въ которыхъ ей должно было принять участіе, и прежняя давящая грусть запала въ ея сердце и опять исчезла изъ очей ея минутно загорѣвшаяся радость. Кто не вѣритъ предчувствіямъ? Кто не испыталъ въ жизни своей этой невѣдомой, неизъяснимой тоски обливающей сердце кровію по среди шума веселостей, стелющей передъ взорами воображенія мрачное покрывало, приводящей насъ въ содроганіе безъ надлежащихъ причинъ, выжимающей изъ глазъ нашихъ жгучія слезы прежде чѣмъ горесть коснулась насъ! Этою тоскою сжалось сердце Вѣры, когда кружась въ вальсѣ она по наружности только принадлежала къ числу веселящихся. Кончились танцы; дворецкой обявилъ что кушанье на столѣ, и всѣ длинной вереницей потянулись къ ужину. Опять Вѣрѣ пришлось сидѣть возлѣ Ольги; по другую сторону послѣдней сѣлъ Березовскій:—разговоръ былъ веселый, острый, Березовскій говорилъ и мило и увлекательно—онъ замолчалъ—и немного спустя наклонился къ Ольги и что то ей шепнулъ. Она покраснѣла и улыбаясь отвѣчала, что поэты привыкли говорить любезности, на что Вѣра насмѣшливо возразила что къ счастію есть поэты которые не унижаютъ свой даръ до такихъ пошлостей предоставляя подобное занятіе паркетнымъ франтамъ.

Ольга глупенько улыбалась; Березовскій взглянулъ на Вѣру съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, но въ тоже время взоръ его изъявлялъ сочувствіе къ сказанному ею:—но красота Ольги и бокалы шампанскаго вовлекли его опять въ пустой изпещренный блестками разговоръ и заставили его отвести глаза отъ не много строгаго взора Вѣры. Она молчала и предалась вся раздумью которое наводило на выразительное лицо ея то печаль, то негодованіе—потомъ оно смягчилось, глаза наполнились влажностію и говорили доброе. Ужинъ кончился, возвратились въ залу, и скоро маменьки дали знакъ дочерямъ своимъ:—всѣ простились съ хозяевами и отправились въ приготовленные для нихъ покои. Вѣра спѣшитъ въ свою комнату. О какъ ей нравится уединеніе, но ей нѣ до сна, она отворяетъ окно и жадно впиваетъ свѣжій воздухъ. Она смотритъ въ темную даль, глубокій вздохъ вырывается изъ груди ея и она возклицаетъ: возможно ли? Погрузясь въ мечтаніи она долго сидѣла разбирая свое и его поведеніе, ей дѣлалось и грустно и досадно—вдругъ чело ея прояснилось, она встала, затворила окно, спустила занавѣсь и ставъ на колѣни передъ кіотой она

молилась долго, просила себѣ и ему благодати и успокоенно предалась сладкому сну.—

Утро, колоколъ сзываетъ всѣхъ гостей къ завтраку. Софія спѣшитъ туда: ей предоставлена обязанность разливать чай: она входитъ, никого, и обрадованная тѣмъ, что никто не упередилъ ее, Софія самодовольно улыбается при мысли, что не проспала, хоть танцовала не менѣе, а можетъ быть и больше другихъ. Софіи всѣмъ нравится, она не красавица, но открытое умное исполненное жизни лицо, ласковый и иногда огненный взглядъ, темно каштановые волосы осѣняющіе густыми кудрями свѣжія ланиты, привлекаютъ всѣхъ; присовокупимъ къ сказанному, что этими наружными достоинствами не оканчивается описаніе Софіи. Она умна, очень умна, понятлива, добра и щедро одарена для всего изящнаго; но вотъ дверь отворилась и взошелъ Березовскій. Добраго утра Софія Павловна, сказалъ онъ съ веселымъ видомъ, останавливая взоръ на молодую дѣвушку, которая радушно но съ нѣкоторымъ ей самой невѣдомымъ смущеніемъ отвѣтствовала на его привѣтъ. Каковъ былъ вчерашній вечеръ? и не дождавшись ея отвѣта, Березовскій присовокупилъ: „Какъ хороша Ольга Петровна, какъ мила". Да, она очень хороша, сказала простодушно Софія; „Не знаю право, кого должно провозгласить царицею бала, васъ или ее". Софія посмотрѣла на Березовскаго гордо и на устахъ ея показалась полунасмѣшливая и полупрезрительная улыбка;—Пожалуста сказала она, избавьте меня отъ опаснаго соперничества, я съ радостію и чистосердечно признаю Ольгу Петровну царицею бала и кажется всѣ съ нами будутъ за одно—и отворотясь къ самовару Софія занялась приготовленіемъ чая.—У Березовскаго отъ ея взгляда и всей ея наружности внушающей невольное почтеніе отпала охота продолжать разговоръ на начатой ладъ и о другомъ не зналъ какъ завести рѣчь. Они молчали и Софія призывала тайнымъ желаніемъ кого нибудь себѣ на помощь. Послышались голоса; Ольга Петровна въ сопровожденіи семейства своего и Языкова, сосѣда Радимовыхъ взошла въ залу.—Она жеманно гнула голову, говорила протяжно, давала замѣтить что очень устала и томно отвѣчала на привѣтствіе Софіи и на поклонъ Березовскаго. Языковъ шутилъ надъ ней и въ то самое время значительно посмотрѣлъ на Березовскаго, который понялъ его и не могъ скрыть удовольствія ощущаемаго имъ при мысли что онъ отчасти причиною задумчивости Ольги Петровны. Это щикотало его

самолюбіе, онъ сталъ пристально смотрѣть на Ольгу и улучивъ минуту когда ни кто не обращалъ на нее вниманія онъ подошелъ къ ней и сказалъ ей на ухо: О какъ вы прелестны! Она улыбнулась и взглянула на него привѣтливо и между ними начался нѣмой разговоръ очей. Онъ былъ веселъ, говорливъ, она молчалива и внимательна къ нему одному. Дверь снова отворилась, вошла Вѣра. Она извинялась передъ дамами въ томъ что они её опередили, поклонилась мущинамъ, взглянула на Березовскаго, на Ольгу и поняла что легкомысленная кокетка запутываетъ въ свои сѣти еще легкомысленнѣе ее поэта. Туча набѣжала на чело ея, но она старалась стряхнуть ее и предалась разговору съ дамами сидящими кругомъ чайнаго стола. Мало по малу всѣ гости собрались и сдѣсь будетъ у мѣста познакомить читателя съ нѣкоторыми лицами нашего разказа начнемъ съ Березовскаго. Онъ былъ изъ малаго числа избранныхъ, которые будучи богато одарены Провидѣніемъ не имѣютъ нужды принадлежать ни къ какому сословію общества и бываютъ приняты всѣми съ особеннымъ вниманіемъ. Онъ былъ поэтъ; если эти баловни природы всѣ имѣютъ между собою нѣкоторое сходство, то также каждый изъ нихъ отличается особенными чертами. Березовскій былъ поэтъ во всей обширности этаго слова: онъ стихами своими побѣждалъ всѣхъ, онъ выжималъ изъ глазъ слушающихъ его слезы умиленія и сочувствія, онъ настраивалъ души на высокій діапазонъ своей восторженной лиры, онъ увлекалъ за собою старыхъ и молодыхъ, холодныхъ и пылкихъ. Читая дивныя свои произведенія онъ дѣлался обворожительнымъ; музыкальный голосъ его переливалъ въ сердце слушателей всѣ глубокія чувства, которыя тогда владычествовали надъ нимъ. Онъ одаренъ былъ больше чѣмъ талантомъ, ему данъ былъ геній, и душа его чувствительная и добрая настроивала его цѣвницу на высокое и святое. Молва разносила печальные слухи о его дѣтствѣ и юности, говорили, что онъ много страдалъ, что онъ купилъ ужасными испытаніями право громить сильныхъ... говорили межъ собой, но ни кто не смѣлъ коснуться повѣсти его жизни въ разговорахъ съ нимъ: онъ былъ всѣми любимъ и всѣ ему желали счастія и успѣха—многіе довольствовались тѣмъ, что выражали это на словахъ, иные и болѣе всѣхъ Вѣра желали ему достигнуть высокой цѣли:—она познала, что онъ можетъ быть великимъ, и всѣми силами души хотѣла чтобы онъ всегда и во всемъ былъ великимъ. Вѣра не хороша и не молода, но на ея лицѣ отра-

жается истинная доброта, которая иногда однако затмѣвается выраженіемъ презрѣнія, негодованія, гнѣва.... Она чувствуетъ огненно, глаза ея блистятъ умомъ, но большею частію выражаютъ глубокую грусть и какъ двѣ яркія звѣзды на облачномъ горизонтѣ озаряютъ блѣдное, изнуренное лицо, которое не безъ прелести для тѣхъ кто не страшится осеннихъ вьюгъ, кладбищъ и остоновъ. Вѣра устала жить, она почувствовала, что чистыя и высокія радости еще нашли бы звучные отголоски въ ея сердцѣ. Но она ихъ подавляла: иногда однако заклепы и затворы, которые она наложила на душу свою какъ вириги, отторгались пламеннымъ, ничѣмъ неудержимымъ чувствомъ и оживляли, обмоложали грустную мертвенную Вѣру. Явленіе Березовскаго въ Луганово принадлежало къ тѣмъ эпохамъ жизни ея, когда она противъ собственной воли отторванна была отъ однообразной безцвѣтной жизни, чтобы снова пуститься на почти забытомъ морѣ впечатленій, фантазіи и душевныхъ порывовъ! Мы описали Березовскаго какъ поэта, остается сказать намъ нѣсколько словъ о немъ какъ о человѣкѣ и мы опасаемся что окончаніе нашей снимки охладитъ читательницъ къ герою нашего повѣствованія. Березовскій ѣлъ, пилъ, какъ всѣ смертные, и кто бы взошелъ въ комнату гдѣ онъ находился съ другими молодыми людьми, какихъ такъ много увы, никакъ не могъ бы поставить его на высшую степень отъ прочихъ: онъ могъ предаватся цѣлые часы самому пустому, пошлому разговору и даже какъ казалось увлекаться имъ. Онъ былъ добръ до слабости и душевно легкомысленъ до жестокости, не рѣшителенъ и вмѣстѣ необдуманъ въ дѣйствіяхъ своихъ. Его нельзя было не любить, для тѣхъ кто истинно любилъ его онъ былъ источникомъ заботъ, безпрерывныхъ переходовъ отъ восторга къ негодованію, отъ сочувствія къ охлажденію!

Вѣра привязалась душею къ его душѣ послѣ услышанія его поэмы, она полюбила его святымъ высокимъ чувствомъ материнской любви, зародышъ котораго всякая женщина носитъ въ своемъ сердцѣ: но у многихъ оно не находитъ случая развернутся. Въ Вѣрѣ же оно вспыхнуло со всею силою страсти и горѣло съ самоотверженіемъ своиственнымъ лишь женской душѣ. О какъ молила она Бога, одарившаго Геніемъ ея любимаго поэта, чтобы Онъ помогъ ему достигнуть высокой цѣли предназначенной ему; чтобы Онъ озарилъ и лучами славы и лучами счастія земной путь ея любимца, а его она просила только вѣрить ея безусловной дружбѣ. Березовскій давно

уже гостилъ у Радимовыхъ и до частаго появленія въ домѣ ихъ Ольги Петровнѣ, красивой, вѣтренной холодной и очень обыкновеннаго ума дѣвицы онъ весь былъ преданъ семейству Радимовыхъ: задумывался иногда глядя на Софію, искалъ всегда случая сблизиться съ нею и заря чистой поэтической любви загорѣлась въ немъ. Съ Вѣрою же онъ подружился какъ съ добрымъ товарищемъ; онъ казалось такъ былъ увѣренъ въ непоколебимости ея чувствъ, что съ своей стороны не прилагалъ ни какого старанія чтобы ихъ лелѣять и поддерживать, и если это спокойное искренно-душевное расположеніе дарило Вѣру минутами высоко цѣнимой ею довѣренности, то оно не всегда удовлетворяло ея ревнивую пламенную взыскательность, не понимающую въ чувствѣ, какъ бы его не называли, любовью ли, или дружбою, этихъ пароксизмовъ холодности и очужденія, которыя она такъ часто встрѣчала въ Березовскомъ. Мы оставили всѣхъ гостей около чайнаго стола: Березовскій любезничалъ съ Ольгою, весьма благосклонно внимающей его сладкимъ рѣчамъ. Софія говорила съ Языковымъ о новыхъ книгахъ и плѣняла его умнымъ, живымъ и основательнымъ разговоромъ, Вѣра старалась занимать дамъ и успѣвала вести съ ними бесѣду, хотя мысли ея были обращены совсѣмъ на другой предмѣтъ: вѣтренность, тщеславіе Березовскаго ея огорчили, она съ нетерпѣніемъ ожидала отъѣзда всѣхъ гостей что бы изъясниться съ нимъ; но что она ему скажетъ, какое она имѣетъ право запрещать ему влюбляться въ кокетку? Какое? Право искренней дружбы готовой жертвовать ему многимъ! Но пойметъ ли онъ всю силу, всю чистоту ея чувства?.. и невольное язвительное сомнѣніе сжало сердце Вѣры.... ей не возможно было разговаривать объ одномъ и думать о другомъ, и на вопросъ сдѣланный ей матерью Ольги, она отвѣчала такъ не въ попадъ, что всѣ разхохотались. Языковъ замѣтилъ, что не одна Ольга Петровна задумывается сегодня, и Вѣра Львовна тоже не своя.... Яркой румянецъ покрылъ щеки Вѣры - Березовскій засмѣялся дерзко—и острый ножъ прошелъ душу Вѣры и слезы которыя она не искала скрыть навернулись на глазахъ - Софія страдала, видя что подруга ея выставленна на сцену, и поспѣшно сказала смотря съ негодованіемъ на Языкова: „Не удивительно что Вѣра не своя, она такъ утомилась отъ вчерашняго вечера, что почти утвердительно можно сказать что она сегодня страдаетъ головою". Вѣра приведенная Софіею въ память взглянула на неё съ благодарностію и сказала: да, я очень устала

Не угодно ли, продолжала она обращаясь къ дамамъ, воспользоваться хорошею погодою и погулять въ саду: въ Сентябрѣ нельзя пренебрегать хорошими днями. И всѣ встали и послѣдовали за Вѣрой.— Вы у насъ обѣдаете, сказала она Ольги, которая смѣясь и жеманясь удалилась отъ Березовскаго и подошла къ Вѣрѣ. Да, но сейчасъ послѣ стола маменька хочетъ ѣхать и я намѣренна съ позволеніемъ вашимъ совершить похищеніе.—Сердце вѣщунь; Вѣра поняла о чемъ идетъ дѣло, но притворясь она сказала, какое? Скажите откровенно, возразила Ольга, вы не будете на меня сердится? Не думаю.... что бъ могли вы увезти чѣмъ бы я такъ дорожила? Ни что, а кого Кого? мнѣ сдѣсь ни кто не принадлежитъ, слѣдовательно я не въ правѣ дать вамъ на намѣреваемое похищеніе моего соизволенія.—О какъ же вы хитро отдѣлываетесь: вы меня поняли!.. впрочемъ мы обойдемся и безъ соизволенія вашего, ибо слово похищеніе означаетъ дѣйствіе самоуправное; и такъ Алексѣй Алексѣевичъ, закричала она Березовскому, вы ѣдите съ нами... и вспорхнувъ вѣтреница избавила Вѣру отъ непріятнаго чувства имѣть возлѣ себя несносную ей особу... Она подавила всѣ горькія чувства которыя возбужденны были въ ней разговоромъ съ Ольгою, и снова съ принужденною веселостію говорила о пустякахъ съ прочими гуляющими. Возвратясь домой Вѣра спѣшила въ свою комнату, но Ольга и туть ее прислѣдовала и вбѣжавши за ней слѣдомъ она просила позволенія одѣтся къ столу у нея, подъ предлогомъ что сестра и мать ея занимаютъ мѣсто и всѣ зеркала; Вѣра согласилась и опять принужденна была отложить разборъ своего сердца до удобнѣйшаго случая. Зазвонили къ столу; Вѣра была весела, любезна, говорлива съ дамами;—лишь только возвратились въ гостинную какъ семейство Ольги стало раскланиваться, Ольга обняла Вѣру очень горячо, отъ того можетъ быть, что при всей своей недальновидности она поняла что причинила ей неудовольствіе, и поцѣлуй ея изъявлялъ особеннаго роду благодарность и торжество. Березовскій, который былъ такъ несносно веселъ весь день, подошелъ къ Вѣрѣ; во взорѣ его отражалось раскаяніе и нѣжность: —онъ пожалъ ей руку и пошелъ за Ольгою уже не съ видомъ самодовольнаго франта, но съ выраженіемъ принужденности... Но и послѣ ихъ отъѣзда Вѣра не была свободна, Языковъ еще оставался, онъ подошелъ къ ней и сталъ оговаривать сей часъ только вышедшихъ изъ гостинной. Нельзя не смѣятся, говорилъ онъ, глупости матери Ольги Петров-

ны которая не видитъ что подъ ея носомъ дочь ея терпитъ весьма благосклонно волокитство бѣднаго поэта, который никогда не можетъ быть для нее партіею. Отъ того что она его не стоитъ, сказала Вѣра съ горькою улыбкою. Она его не стоитъ? возразилъ Языковъ: помилуйте.... Она Графиня, она богата, хороша, а онъ, что въ немъ?... Что въ немъ? Геній, доброта, высокая душа, онъ весь поэзія!—И, помилуйте; положимъ что и въ самомъ дѣлѣ онъ обладаетъ этими качествами, они всё таки не достаточны чтобы позволить ему и подумать искать руки Ольги Петровны, которая принадлежитъ высшему кругу. Оставимъ этотъ безполезный споръ, сказала Вѣра съ негодованіемъ, я съ вами никогда не соглашусь чтобы санъ и деньги были предпочтительны генію и благородству душевному. Да и хлопочемъ мы по напрасну, никогда Березовскій и не помышлялъ объ Ольги Петровнѣ и она также далека отъ всякаго нѣжнаго чувства къ нему;—она кокетка, онъ мущина, и всѣ вы Милостивые Государи, и поэты и прозаики, попадаетесь въ западни подставленныя вашему тщеславію. Алексѣй Алексѣевичъ весьма счастливъ что имѣетъ такую умную и усердную заступницу, возразилъ Языковъ съ двусмысленною улыбкою,—скажите мнѣ, берете ли вы на себя трудъ защищать и его пороки? Я пороковъ не защищаю, но могу ихъ извинить когда они не происходятъ отъ злаго и испорченнаго сердца, сказала Вѣра, и блѣдныя губы ея задрожали отъ негодованія. — Я не вхожу въ такія нравственныя подробности, отъ злаго или отъ добраго сердца происходятъ пороки, а только сомнѣваюсь чтобы умная и воспитанная женщина прощала пьянство, возразилъ сухо и злобно Языковъ.—Вѣра ужасно страдала, но она не хотѣла прервать разговора доведеннаго съ намѣреніемъ до злословія; она считала бы малодушіемъ замолчать тогда какъ явными нападками старались поколебать доброе расположеніе ея къ Березовскому, и она рѣшилась пламенно, благородно опровергать рѣчи Языкова, мало заботясь какое выведетъ онъ изъ того мнѣніе о ея чувствахъ къ Березовскому Кто говоритъ о пьянствѣ, сказала она съ притворнымъ спокойствіемъ? Я—и не безъ намѣренія; я назвалъ этотъ гнусный порокъ, потому что вашъ любимецъ-поэтъ ему подверженъ не менѣе простыхъ нашихъ поселянъ. Это сущая ложь, Милостивый Государь, возопила Вѣра... Я Березовскаго знаю лучше васъ; онъ у насъ прожилъ долгое время и никогда никто его не видѣлъ въ унизительномъ положеніи о которомъ вы

говорите. Очень можетъ статся, что въ обществѣ молодыхъ людей онъ увлекся иногда, выпилъ лишнюю рюмку—съ кѣмъ это не случалось—на вѣрно и съ вами не разъ: мнѣ сказывали что всѣ вы мущины въ жизни вашей хоть разъ были въ такомъ положеніи, за которое приходите въ ярость когда то случается съ вашимъ слугою. Это доказываетъ лишь вашу несправедливость, слабость памяти вашей и увеличительныя стеклы чрезъ которые вы смотрите на ближняго... вы... Извините меня Вѣра Львовна, что я васъ такъ разстроилъ, еслибы я предполагалъ что предмѣтъ нашего разговора такъ близокъ вашему сердцу, я бы никогда не позволилъ себѣ коснутся его такъ не почтительно и ни когда бы не вздумалъ разказать вамъ похожденіе А. А. Березовскаго, какъ то было намѣреніе мое, сказалъ тонко улыбаясь Языковъ. — Вы очень справедливо думаете что Березовскій близокъ моему сердцу, сказала Вѣра съ благородною откровенностію и съ глазами сіяющими яснымъ святымъ чувствомъ. Все наше семейство его полюбило за его истинную доброту. Я же его люблю какъ брата, мнѣніе мое не можетъ перемѣниться ни чьими усиліями, и такъ не лишайте себя удовольствія окончить начатое вами. Вы приказываете;—не пѣняйте же потомъ на меня если сказанное мною не будетъ вамъ пріятно:—Вчера послѣ бала, когда всѣ порядочные люди отправились на покой Г. Березовскій въ сопровожденіи Завербіева отправились къ извѣстному любителю Бахуса и тамъ они всю ночь пили, такъ что ихъ къ утру привели домой;—сами же они никакъ не могли бы сохранить прямую линію: — признайтесь, что это не можетъ назватся увлеченіемъ и что это просто рѣшительный вкусъ.... Вы не вѣрите, хотите я вамъ приведу Доктора, который возвращался отъ больного тогда какъ человѣкъ Завербіева велъ подъ руки своего барина вслѣдъ за Березовскимъ, которому оказывалъ подобную услугу кучеръ. Не нуженъ мнѣ вашъ докторъ; я не терплю доносовъ, возразила Вѣра, вѣрить всякому слуху значило бы обрести себя на нестерпимую муку.

Камердинеръ Радимова взошелъ съ докладомъ что коляска Языкова готова. Онъ откланялся вѣжливо улыбаясь—Вѣра отвѣчала сухимъ поклономъ и спѣшила въ свою комнату, въ которую она заперлась на ключь; все горькое, раздирающее ея сердце, подавленное ею въ теченіи цѣлаго дня воспрянуло и она залилась слезами! Возможно ли, сказала она, опять! Она знала по опыту что словамъ

Языкова нельзя вѣрить безпрекословно и что онъ всегда изъ мухи дѣлаетъ слона, но разительная перемѣна которую она замѣчала въ Березовскомъ съ тѣхъ поръ какъ онъ короче познакомился съ Ольгою Петровною и подружился съ двоюроднымъ братомъ ея Завербяевымъ, была предметомъ ея удивленія, негодованія и горести, потому что она любила искренно Березовскаго не только какъ человѣка умнаго, добраго, съ пылкою душею и привязавшаго ее къ себѣ своею довѣренностію, но и какъ лучь славы ея родины, и еще какъ одного изъ тѣхъ, на которыхъ она возлагала прекрасныя высокія надежды, надежды утѣшающія душу ея разтерзанную при видѣ подлостей и страданій окружающихъ ея. Всякой разъ какъ Завербяевъ бывалъ въ селѣ Лугановѣ, Березовскій видимо удалялся отъ Вѣры; взоръ его столь лучезарный, глубоко выразительный и говорящій о прекрасномъ дѣлался туманнымъ и дерзкимъ и если по истинѣ Вѣра не видала никогда Березовскаго въ положеніи подобномъ тому которое описывалъ Языковъ, однако она должна была болезненно признатся что видѣла его часто при Завербяевомъ не въ такомъ видѣ какъ ея дружеская взыскательность того желала. Завербяевъ былъ человѣкъ какихъ на свѣтѣ бываетъ сотнями—ни глупъ и не уменъ, ни добръ и ни золъ, гуляка, пустомеля и просто пьяница, и это пустое твореніе ворочитъ Березовскимъ, увлекаетъ, сводитъ его съ дороги благородныхъ трудовъ на истоптанную и грязную стезю низкихъ удовольствій. О, и въ этомъ я должна согласится, что Березовскій слабъ до непозволительности, продолжала про себя Вѣра, а слабость въ мужчинѣ порокъ и порокъ отъ котораго рождаются множество другихъ..... и которые помрачаютъ, уничтожаютъ всѣ его хорошія качества, всѣ его добродѣтели! Какъ прелестенъ онъ бываетъ иногда, порою какъ сіяетъ геній на высокомъ открытомъ его челѣ, какой чистой, свѣтлый огонь горитъ въ его глазахъ! Какое добродушіе, какая простота въ обхожденіи, какъ онъ беззаботно уменъ, какъ увлекательно добръ.... О не ужели всѣ эти сокровища дарованны ему въ тунѣ! Неужели онъ погибнетъ и погибнетъ черезъ Завербяева, этого отвратительнаго ходячаго боченка, и черезъ холодную кокетку.... И тутъ еще какъ показалъ себя Березовскій. Онъ видимо занятъ былъ Софіею, цѣнилъ ея достоинства, плѣненъ былъ ея привлекательною наружностію—является Ольга и ея безстыдныя задирки до того его марочаютъ, что онъ хотя все еще не равнодушенъ къ Софіи, однако какъ послушная собаченка слѣдуетъ всюду за пове-

лительницею своею, которая торжествуетъ что завербовала поэта въ ополченіе своихъ поклонниковъ; а въ тотъ день когда она найдетъ другой предметъ питающій болѣе ея тщеславіе, она отворотится съ презрѣніемъ отъ бѣднаго Березовскаго... который расточаетъ свое чувство тамъ, гдѣ и не подозрѣваютъ чего требуетъ его душа. Но и Софія меня сердитъ, она такъ горда, такъ боится быть разгаданна, такъ страшится чтобы кто либо могъ подумать что онъ ей нравится, что она иногда и часто даже кажется холодною, нецѣнящей высокое и доброе; видъ ея такъ сухъ, такъ презрителенъ что сердце готовое на вѣки закабалиться ей отскакиваетъ на версту... надобно внезапную и пламенную страсть, которую она и очень можетъ зажечь, и въ этомъ соглашаюсь, чтобы рѣшится выдержать продолжительный карантинъ у порога ея сердца—и выдержавши остается еще узнать, дозволится ли терпѣливому поклоннику взойти въ это святилище! У меня же совсѣмъ напротивъ: — мнѣ такъ легко любится, я чувствую въ себѣ такую обширную способность любить, что ее стало бы кажется на всю вселенную еслибы вся вселенная была мила но и то правда что все особое, завѣтное остается на днѣ души для одного избраннаго, передъ которымъ бы все прочее бледнѣло, но кто этотъ избранный? Она призадумалась—сердце забилось шибче и она тихо произнесла имя Березовскаго! Нѣтъ, продолжала она, еслибы онъ захотѣлъ онъ могъ бы быть избранникомъ души моей, но теперь навѣрно чувство мое къ нему ничто иное какъ дружба: мнѣ не нужно его присутствіе, мнѣ не нужна его любовь — я хочу лишь видѣть его счастливымъ, славнымъ, добрымъ—я чувствую что могла бы любить его жену:—нѣтъ я люблю его какъ брата и слава Богу что не иначе, онъ побоялся Софіи, онъ меня не понялъ! Софія сама себя уподобила весьма удачно замерзлой рѣкѣ которая быстро течетъ подъ льдомъ, и прибавлю что она влечетъ съ собою золото, но не всякъ рѣшается обождать пока весеннее солнце разтворитъ этотъ ледъ; Березовскому, который судилъ о ней поверхностно, дѣлалось холодно когда Софія уничтожала его однимъ словомъ, онъ не находился, и одинокій, жаждущій солнечнаго луча, съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ онъ не сумѣлъ подождать:—кто знаетъ, можетъ быть рѣка бы растаяла—тутъ же подоспѣла такъ не въ попадъ Ольга со всею артилерією своихъ взглядовъ, со всѣми своими жеманствами, и бѣдный добрый поэтъ принялъ всю эту мишуру за золото, весь этотъ фосфорическій блескъ за истинный огонь и оттолкнулъ Софію бро-

сился къ Ольгѣ, которая его не согрѣетъ, но развратитъ съ помощію негоднаго своего брата.—О какъ ему помочь, онъ не долженъ погибнуть, не даромъ Богъ допустилъ чтобы я его полюбила отъ души.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что я вамъ сдѣлала? любила.

Въ началѣ нашего разказа, мы представили Вѣру принужденно улыбающуюся со взоромъ исполненнымъ мрачнаго огня и глубокой тоски; возвратимся къ этой минутѣ.—Она не разъ замѣчала съ грустью что Березовскій имѣлъ большую наклонность къ пороку, о которомъ распространялся Языковъ съ такою сатаническою радостію. Это открытіе показывающее ей Березовскаго съ столь неблагопріятной стороны не перемѣнило однако ея добраго расположенія къ нему, но присовокупило къ радостному чувству живой дружбы—суетливо-болѣзненное чувство женской попечительности. Она видѣла Березовскаго надъ пропастію, она слышала какъ хладнокровно люди не принимающіе большаго участія ни въ поэтѣ ни въ поэзіи, но впрочемъ благоразумные и достойные уваженія, утверждали что если Березовскій не отстанетъ отъ сей пагубной привычки, то долженъ непремѣнно года черезъ два погибнуть, т. е. лишиться творческаго своего дара—однимъ словомъ спиться!—Съ тѣхъ поръ какъ мысль о возможности такаго несчастія поселилась въ душѣ Вѣры, жизнь ея была отравленна безпокойствіемъ, всѣ ея родные и знакомые дивились перемѣнѣ случившейся съ ней, она никому неоткрывалась, но денно и ночно думала какъ ему помочь. Молитвою! и она горячо молилась за него,—но увлеченная то радостнымъ, живительнымъ чувствомъ, когда она видѣла Березовскаго такимъ какимъ она его желала всегда, или разтроенна частыми его паденіями, она безпрерывно переходила отъ свѣта къ тьмѣ, и миръ души ея нарушился до того, что она не умѣла болѣе молиться. Она стала придумывать какъ бы остановить его на краю бездны, къ которой онъ такъ безразсудно приближался. Она боялась его оскорбить, боялась можетъ быть, хотя не давала себѣ въ томъ отчету, удалить его на всегда изъ Села Луганова. Вѣра жадно искала новаго случая сблизится съ нимъ, и не находя его, она рѣшилась сама создать этотъ случай. Не разсуждая дальше, съ свойственною ей необузданностію и скоростію,

она не называя себя написала повѣсть своей жизни, и посвятила ее Березовскому, надѣясь этимъ душевнымъ подаркомъ привести его къ довѣренности, къ желанію съ своей стороны открыться ей въ дружеской бесѣдѣ, и выслушать правдивые ея совѣты. Вотъ эта повѣсть.

ДѢВОЧКА.[1]

Всему я вѣрила, всему
Но кто повѣрилъ моей вѣрѣ?

12 лѣтъ.

Она помнитъ что когда то въ дѣтствѣ ей случилось видѣть двухъ влюбленныхъ; тогда въ мысляхъ ее не такъ называлось; она не знала словъ, ея мысли бывали живыя, рѣзкія, разноцвѣтныя но безименныя; передавать ихъ было некому, къ чему же слова; они ей не нужны, она не чувствуетъ желанія перелить ни въ кого кроткое, неясное, но свѣтлое и тихотрепетное чувство: она бережетъ его для себя. Она помнитъ о влюбленныхъ, она когда то нашла записку отъ *нея* къ *нему* и читала съ дѣтскимъ смѣхомъ, съ какимъ то восторгомъ потому что это бѣсило ея наставницу, но сердце не смѣется чувству, оно его пріемлетъ какъ свое знакомое, родное и въ душѣ 9 лѣтней дѣвочки глубоко и на всегда запала память этой завѣтной записочки которую женихъ уронилъ и нынѣ навѣрно забылъ.... Но она ничего не забыла.... она помнитъ садъ тѣнистый, уединенный, куда ее водили подальше отъ людей (ея воспитывали тѣнисто и уединенно) и въ этомъ саду она встрѣчаетъ новобрачныхъ, тѣхъ самихъ которымъ принадлежала записка: они ходили обнявшись! и этого она не забыла. И вотъ ей 12 лѣтъ, и рѣзвая, легковѣрная дѣвочка уже не засыпаетъ сей часъ когда ее отводятъ ко сну, но мечтаетъ и безименная любовь киваетъ ласково головою какъ знакомой,—и она будетъ любить и ей весело, и она тихо засыпаетъ подъ шопотъ своихъ собственныхъ сладкихъ рѣчей. При ней разказываютъ о молодомъ человѣкѣ, его хвалятъ, и она не видавши его никогда, полюбила его, сочеталась съ нимъ въ мысляхъ, пишетъ къ нему мысленно записки, ходитъ съ нимъ обнявшись въ тѣнистомъ саду!... днемъ она безпечное дитя, она рѣзвится, учится, подвергается выговорамъ, плачетъ, играетъ—вечеромъ она зародышъ страстной женщины она принимается вновь за свою

[1] [См. выше, стр. 211.]

мечту, засыпаетъ съ нею.—Но вотъ мысли другихъ мало по малу тѣснятся въ ея голову, и она начинаетъ страдать: (безъ крови не бываетъ прививанія), она боится новаго слова, котораго смыслъ умъ ея неможетъ вполнѣ постичь, это слово страшно стоитъ въ ея уютномъ сердцѣ какъ чужой угрюмый пришлецъ, оно осуществляется въ ея воображеніи чѣмъ то неизвѣстнымъ, недобрымъ. Оно тревожитъ ея сонъ, оно отгоняетъ ея радостныя, тайныя безименныя мечты, но что это за слово? иногда одно, иногда другое; однажды заговорили ей объ антихристѣ.... и толковали ей, какъ говорится по дѣтски, т. е. не ясно, ей, которой ясность нужна какъ птичкѣ воздухъ, какъ рыбкѣ свѣжая струя, и она стала боятся Антихриста. Іисусъ такой добрый, онъ любитъ дѣтей, Антихристъ не онъ, онъ противъ Іисуса, Іисусъ—Богъ страшно быть противъ Бога, и тотъ котораго въ дѣтскомъ бреду она боится увидѣть въ каждомъ темномъ углу, явится можетъ быть ей, потому что она грѣшна! Она поняла грѣхъ—и прелесть грѣха. О увы, увы, Ева скушала не всѣ запрещенное яблоко, и своимъ позднимъ потомкамъ оставила доѣсть его! Мечта любви, которую она и родной матери стыдилась бы передать, представляется ей въ первыя грѣхомъ, и она чувствуетъ что грѣхъ имѣетъ прелесть, что она не въ силахъ его преодолѣть, она чувствуетъ это и боится Антихриста, и гонимая страхомъ и терзаніемъ, она встаетъ съ дѣтскаго ложа и ложится съ сестрою, чтобы наполнить присутствіемъ живаго существа ужасную пустыню гдѣ страшно рыкаютъ не ея мысли, но мысли чужія съ именами, съ страшными именами!... Проходятъ дни, проходятъ годы, она играетъ и страдаетъ, она принимаетъ данный видъ, переданныя мысли, она ничто, она безцвѣтная дѣвчонка какъ всѣ дѣвчонки, и вотъ ей 18 лѣтъ.

18 лѣтъ.

О сердце, сердце, куда рвешся увы! Она задумывается смотря на звѣздное небо, прислушивается шелесту листьевъ, щелканію соловья, журчанію ручейка, она уже не довольствуется внутреннею мечтою, ей нужна бесѣда, природа ей вторитъ такъ кротко, такъ привѣтно, такъ сладко...

Но вотъ она вступаетъ въ свѣтъ, она смотритъ на людей, она всѣмъ улыбается, она благодарна за все, отъ нея требуютъ приличія, она не должна быть ни слишкомъ веселой, ни задумываться, безцвѣтность въ которую старались облекать дѣвочку, дѣлается обязан-

ностію дѣвицы! Забыли что въ ней бьется сердце, что проснулась душа, что уста хотятъ воспѣть гимнъ благодарности и счастія,—что все въ ней кричитъ: любовь, любовь! о ней то ни слова, эту святыню стараются преобразить въ постыдную слабость, привратно понимая въ чемъ состоитъ нравственность и невинность для женщины, ея развращаютъ; она мотылькомъ перелетала съ цвѣтка на цвѣтокъ, пила медъ — играла золотою пылью — и оставляла ядъ не замѣчая даже его, онъ къ ней не льнулъ... онъ отъ нея отдѣлился какъ масло отъ воды, но вотъ опять болѣзненно прививаютъ ей мысли новыя съ названіями грозными, приводящія ее въ краску, судорожно давящія ей сердце, выжимающіе изъ ней ея жгучія слезы... ей не велятъ именемъ добродѣтели любить, возхищатся, плакать!... Только что въ сердцѣ ея вспыхнулъ такъ весело чистый огонь восторга ко всему прекрасному, и что прекраснѣе любви, какъ его заливаютъ, тушатъ, но не все погибло; въ глубокомъ недосягаемомъ пріютѣ сердца укрылась одна искра, она хранится до времени, она мала и безсильна, но она будетъ владычествовать..... Что съ нею? сердце у нее такъ отрадно-болѣзненно сжимается потомъ бьется такъ сильно какъ бы хотѣло выскочить, ей жарко, ей холодно, ей такъ весело, такъ благодатно—расчетъ времени ей болѣе не понятенъ.—она бы хотѣла чтобы всегда такъ было. И что же? Она для всѣхъ все та же, одѣта по модѣ, сидитъ возлѣ матери, говоритъ о нарядахъ съ подругами, танцуетъ съ дуракомъ и улыбается ему...—но вотъ она вопрошающе обводитъ взоромъ окружающихъ и вдругъ потупляетъ его. — О счастіе, это онъ... она тихо подымаетъ ресницы и останавливаетъ взоръ исполненный невольной нѣги, радости и надежды на отвѣтномъ взорѣ слѣдившемъ за ней:—она его чувствовала, онъ обдавалъ ее то холодомъ, то жаромъ, подъ напоромъ его она ожила новою жизнію, широкою, раздольною, она понимаетъ самоотверженіе, она переродилась, въ ней любовь убила тщеславіе. Что ей наряды, свѣтъ, красота, успѣхи?.. Ей не надобно ничего кромѣ его! Онъ ею владѣетъ, имъ она чисто радуется, имъ плачетъ, имъ познаетъ тяжесть неодобренія людскаго, имъ она гордится, за него молится, для него желаетъ, для него живетъ! А онъ! Она для него десятая и не послѣдняя.... поигралъ и бросилъ.... „Я его не стоила, и ошиблась, мнѣ показалось что онъ меня любитъ, маменька правду говоритъ что не должно имъ вѣрить!“ Все тускло, все холодно, такъ скучно, такъ грустно..... такъ однообразны дни, такъ безсонны и страшны ночи...

И она поняла что есть на свѣтѣ неправда... и она повѣрила что такъ должно быть, она кротко смирилась, скучала, успокоилась—и покорилась.—И вотъ она опять наряжается, опять пленяется балами и цвѣтами не полевыми, а холодными безжизненными снимками красотокъ матушки-природы! Она слушаетъ пошлые комплименты и надутыя фразы; тщеславіе воскресаетъ и старается завладѣть осиротѣлымъ мѣстомъ любви. Подъ часъ ей грустно, ей плачется и вздыхается о лучезарномъ прошедшемъ... она уже не довѣрчиво и печально, хотя все еще съ благодарностію, пріемлетъ дань сердецъ или даже мимолетное вниманіе:—но вѣра въ счастіе не убита въ ней, она только напугана, и вотъ она опять любитъ, опять страдаетъ, опять ожидаетъ и недождется!... проходятъ дни, проходятъ годы и ей 25 лѣтъ.

25 лѣтъ.

О какъ сказать ужасное страданіе которое содѣлывается насущнымъ хлѣбомъ. Она вянетъ, сохнетъ, старѣетъ, а сердце юное, не измѣнно юное, оплакиваетъ въ уединеніи свое прошедшее! а ни кто не понимаетъ, а она чужая между своими, въ ней бушуютъ страсти, она познала владычество любви, прошла пора смиренной покорности, ревность грызетъ и гложетъ сердце, она то презираетъ себя, то ей такъ жаль себя самой, въ ней клокочетъ любовь— — а жизнь, быть свѣтской, холодной, однообразной, ея томитъ, приводитъ ея въ ярость—она хочетъ любви, она должна быть ея удѣломъ, она можетъ зажечь ее, она изольетъ счастіе на того, который повѣритъ ей.... онъ нашелся— — —но приличіе, эта гидра въ фижмахъ съ румянами и бѣлилами, пугало 12 лѣтней дѣвочки, превращается для нее въ палача и лишаетъ ее счастія.... Онъ остановился и ждалъ.... и прошелъ мимо...., и вотъ онъ любитъ другую, другую онъ называетъ своею. Пустота, робость, усталость..... Но она опять принимается продолжать свой трудный путь. Чистый огонь любви ей измѣнилъ, она ввѣряется блуждающимъ огнямъ, она все что ни попало бросаетъ въ бездну сердца что бы утолить его алчбу—но все напрасно - сердце не принимаетъ не своего - - ему нужна правда, мелкія, но стыдныя призраки разтравляютъ болѣе и болѣе его раны. Страшная мысль вкрадывается въ нее, она боится сдѣлатся не доброй, она знакомится съ подозрѣніемъ, ей кажется что она не любитъ своихъ, что она и мать уже не такъ безотчетно, пламенно, вѣчно любитъ какъ любила..... Она убѣгаетъ себя, ищетъ въ книгахъ хотя

минутное забвеніе страданіямъ, мучительнымъ мыслямъ—и что же находитъ въ нихъ? Нечистый огонь распаляющій ея.... Холодное, приторное описаніе чувства которое ее терзаетъ—не то, не то, и все не то. Не ужели я вѣчно буду что я нынѣ, не ужели я на то рождена? И она опять бѣжитъ себя, страшась ропота..... И вотъ умъ торжествуетъ..... сердце замолкло, устало, перевязываетъ свои раны..... умъ, который совершенно былъ въ отставкѣ, когда она надѣялась и любила, теперь царствуетъ, его пора пришла; жалкое владычество, хорошо когда онъ бываетъ слугою сердца—но возсѣдать на первомъ мѣстѣ—о нѣтъ, его торжества утомляютъ, наводятъ грусть, роютъ глыбже и глыбже бездну души. Она сопротивуетъ, ищетъ, еще надѣится, еще обманута. Она еще стоитъ на горѣ святой, но вотъ вечеръетъ.... туманъ стелится..... тускло въ очахъ ея,—солнце садится—вѣра угасаетъ.... она погружается въ мракъ—и сходитъ съ горы, сперва тихо.... потомъ все скорѣе, скорѣе.... О Боже! Ты одинъ можешь ее остановить—у подошвы горы пропасть—она тамъ погибнетъ, но тебѣ *возможны чудеса* и Ты восхотѣлъ ее спасти, твоя благодать святая остановила страдалицу! Она грѣшна—но Ты святъ! она слаба,—но Ты силенъ! Она погибаетъ—но Ты Спаситель! Она вѣритъ, она спасена, она свободна! Прошли дни, прошли годы, и ей 35 лѣтъ.

35 лѣтъ.

Что такое старая дѣва? Лира съ порванными струнами исключая одной — струны любви христіанской, которая служитъ ей какъ бы мостикомъ перекинутымъ черезъ пропасть, по которому она переходитъ къ людямъ и люди къ ней. Въ этой пропасти сердца теплится истинная вѣра, и всѣ порванныя струны отъ навиванія благодати воспрянули къ небу и та которая выстрадала *здѣсь* свое сердце, ожидаетъ *тамъ* во сто кратъ болѣе славы, радости, любви, чѣмъ какъ могла бы имѣть въ сей обманчивой юдоли, еслибъ остались цѣлыми всѣ струны ея лиры!

Еще прошли годы, и вотъ одинокая могила, на камнѣ гробовомъ изсѣчены слѣдующія слова:

„Пріидите вси труждающіяся и обремененные и азъ упокою вы".

Въ отвѣтъ на повѣсть, посвященную ему Вѣрой, Березовскій написалъ слѣдующія строки: [1]

„Я какъ мастеръ выученный не горемъ, а чѣмъ то страшнѣе, ра-
„сказываю себя людямъ, но расказать вамъ то чувство которымъ
„я теперь живу, все мое горе мастерство безсильно и ничтожно!
„Я страдалъ, открывался какъ братьямъ людямъ, и молилъ униженно
„одной хотя холодной слезы за море слезъ кровавыхъ, и ни кто не
„кинулъ ни одной цѣлебной росинки въ запекшія уста. Я застоналъ
„какъ въ кольцахъ удава; онъ очень хорошо стонетъ сказали—

„И свѣтъ погасъ въ душѣ разбитой

„О бѣдный я и малодушный человѣкъ! дѣвушка просто дѣвушка
„камни застоналибъ и кровью потекли когдабъ они услышали вопли
„этой просто дѣвушки, но она молчитъ, гордо молчитъ, а я—о
„Господи удесятери мои муки но не отнимай надежды на часы и
„слезы которые ты мнѣ ниспослалъ черезъ своего Ангела. О до-
„брый Ангелъ молюсь и плачу передъ тобою, ты утвердилъ доле-
„блемую недоопытомъ во мнѣ вѣру, вѣру въ существованіе святыхъ
„на землѣ. — "

О какою чистою, живою радостію забилось сердце у Вѣры при чтеніи этого посланія: — она подъ предлогомъ нездоровья не вышла въ тотъ день въ гостинную; — ей нужно было прійти въ себя, содѣлатся способною владѣть радостію исполняющую ея душу. Она ждала съ нетерпѣніемъ другаго дня, чтобы въ дружеской бесѣдѣ передать ему возлелѣянные для него въ сердце ея попечительныя предусмотренія, совѣты, и увѣрить его въ не поколебимой дружбѣ и преданности. —

На утро Березовскій является въ обычной часъ, и какое было удивленіе Вѣры! она ни когда не видала его столь холоднымъ, раз-
сѣяннымъ, удаляющимся отъ нея; изумленная такою странностію, она ожидала удобнаго случая чтобы спросить его объ новомъ капризѣ этомъ. Послѣ чаю, вечеромъ, случилось ей быть въ залѣ одной съ нимъ; онъ скорыми шагами искрещалъ полъ, она стояла неподвижно; наконецъ обращаясь къ нему она сказала: Отъ чего вы не хотите со мной говорить Алексѣй Алексѣевичъ? Я не могу, не могу никакъ.... отвѣтствовалъ въ волненіи Березовскій. — Я не пони-

[1] [Подлинное письмо Шевченки; см. выше, стр. 211, прим.]

маю отъ чего бы это, продолжала Вѣра, на меня напала охота писать, присутствіе поэта приводитъ всѣ головы въ броженіе, и всякому хочется погарцовать на томъ поприщѣ гдѣ онъ такъ дивно и восхитительно рыцарствуетъ, только не всѣмъ удается эта смѣлость, и я въ числѣ тѣхъ бѣдныхъ, которые опрокидываются сѣвши не въ свои сани—и Вѣра улыбнулась.

О нѣтъ, нѣтъ, это поэзія, страшная поэзія, возразилъ Березовскій, и остановился возлѣ фортепіано къ которому была прислонена Вѣра. — Какія страданія, и какъ это написано! Я еще никогда не находилъ ни кого, чія душа такъ сопутствовала бы моей душѣ какъ ваша! Если такъ, сказала радостно Вѣра, то считайте меня вашей сестрой, вѣрьте моей дружбѣ, обѣщайтесь слѣдовать моимъ совѣтамъ: — Я страдала въ жизни своей, но страданія эти были полезны душѣ моей; я теперь спокойна, и съ тѣхъ поръ какъ поняла, что истинное блаженство только находится въ живой и теплой вѣрѣ, я счастлива, и вотъ отъ чего я желаю вамъ пріобрести этотъ небесный, внутренный свѣтъ, который васъ переродитъ, который возвыситъ пѣсни ваши и освятитъ вашу лиру! Я не могу вамъ быть полезной какъ бы желала: къ душевному расположенію нужна твердость, я её не имѣю, но прошу васъ, ищите дружбы добраго, умнаго нашего сосѣда Мудрина; отстаньте отъ знакомства съ Завербіевымъ, оно для васъ вредно, простите моей настойчивости и докучливости, я вамъ желаю такъ искренно всего лучшаго.... Березовскій былъ тронуть, онъ увѣрялъ ее что въ полнѣ цѣнитъ ее доброе къ нему расположеніе, что онъ самъ желаетъ сблизится съ Мудринымъ, но что до сихъ поръ не предвидимые случаи всегда ихъ раздѣляли. О Завербіевѣ онъ не сказалъ ни слова: Вѣра слишкомъ была довольна сближеніемъ Березовскаго съ ней, чтобы остановится на этомъ; оно доказывало однако что Березовскій не вполнѣ отвѣчалъ откровенному радушному чувству Вѣры, и что онъ не цѣнилъ названіе сестры какъ оно того стоило. Но пора пришла имъ разойтится, они пожали другъ другу руку, и Березовскій сказалъ Вѣрѣ: Прощайте Сестрица, слово святое для понимающихъ его,—личина для ищущихъ лишь ступеней чтобы добратся до сердца довѣрчивой женщины! Нѣсколько дней Березовскій былъ милымъ человѣкомъ, поэтомъ, откровеннымъ, добрымъ братомъ для Вѣры, она чисто радовалась, она торжествовала въ глубинѣ души, она гордилась Березовскимъ и собою, что успѣла его остановить, презрѣвъ свѣтскія приличія и осторожность; онѣ

казались ей болѣе чѣмъ когда либо изобретеніемъ холодности, себялюбія, подозрѣнія, и она радостно попирала ихъ ногами. Но гордость никогда не остается ненаказанной. Вѣра на алмазѣ увидѣла пятны, и возмечтала что съ помощію одного сердца она возможетъ ихъ стереть:— пятна остались—и самонадѣянная рѣзкими углами ранила себя: Березовскій сталъ опять являтся со взоромъ отуманеннымъ ночными бдѣніями, опять онъ удалялся отъ Вѣры, и однажды объявилъ ей что долженъ непремѣнно ѣхать, не сказавъ куда; та не захотѣла его спросить; отъ другихъ она послѣ узнала, что онъ поскакалъ къ Завербіеву, для того вѣроятно, думала она, что бы при кубки отдохнуть отъ ея надзора и ея проповѣдей. — Она смирилась и простила ему, но не отстала отъ желанія отводить его съ пути погибели на путь чистыхъ, высокихъ и святыхъ занятій. Въ тотъ вечеръ, описаніемъ котораго начинается нашъ разговоръ, Березовскій возвращался съ поѣздки, и Вѣра въ ожиданіи его возвращенія размышляла о его поведеніи, болѣзненно призадумалась посреди шумнаго приготовленія къ веселостямъ.

Хотя Березовскій и показалъ искреннюю радость при свиданіи съ Вѣрою, мы видѣли однако, что онъ скоро отвлеченъ былъ Ольгою и на другой же день опять оставилъ село Луганово, куда вечеромъ довольно уже поздно пріѣхалъ Мудринъ, человѣкъ во всей силѣ жизни, съ благородною, высокою и вмѣстѣ нѣжною душею, съ проницательнымъ умомъ, съ милымъ характеромъ, съ истинными познаніями, добрый мужъ, добрый отецъ, добрый другъ — истинный сынъ отечества, любящій его, трудящійся для блага его.— Онъ пораженъ былъ перемѣною Вѣры, и сдѣлалъ ей о томъ замѣчаніе. Не предвидя вовсе, чѣмъ кончится ихъ разговоръ, онъ говорилъ съ Вѣрою о поэзіи Березовскаго, и не примѣтно бесѣда ихъ перешла въ разборъ сердечныхъ извилинъ, и наконецъ въ настоящую исповѣдь — со стороны Вѣры; она высказала ему все безпокоющее ея, и Мудринъ понялъ что откровенность и довѣріе ея требуютъ отъ него языка правды, и даютъ ему право говорить всю истину, хотябъ она и не ко всемъ могла быть лестна для Вѣры; и онъ смѣло и обширно воспользовался этимъ святымъ правомъ. Видя что безполезно будетъ проповѣдывать Вѣрѣ осторожность именемъ приличія и пугать ее возможностію что Березовскій отвѣчаетъ безкорыстному чувству ея лишь обрадованнымъ тщеславіемъ, онъ упрекалъ ее въ эгоизмѣ, доказывалъ ей что она увлекалась собственнымъ наслажденіемъ, за-

бывая о послѣдствіяхъ которыя моглибы произойти для Березовскаго отъ столь явнаго и постояннаго съ ея стороны вниманія. Вѣра погрузилась въ раздумье и начала разсматривать свое поведеніе съ этой новой точки зрѣнія, слѣдствіемъ этого было рѣшительное намѣреніе взять себѣ путеводителемъ Мудрина, — удалится отъ Березовскаго, предоставивъ себѣ однако искренныя желанія ему счастія и теплыя молитвы: еще въ разговорѣ съ Мудринымъ, она всегда горячо заступалась за Березовскаго, котораго онъ осуждалъ слишкомъ строго. Мудринъ удивлялъ Вѣру своею проницательностію, она тронута была его истинно братскимъ попеченіемъ о ней, но не могла внутренно не улыбатся хитростямъ къ которымъ онъ прибѣгалъ, чтобы потушить въ ней воображаемый имъ пожарь. Мудринъ принадлежалъ къ числу честныхъ, правдивыхъ и истинно смиренныхъ людей, которые не изъ мизантропическаго чувства не вѣрятъ совершенству человѣчества, но испытавъ въ себѣ борьбу между твердыми правилами нравственности и увлеченіями неопытности, случая и страсти, благородно передъ судилищемъ своей совѣсти исповѣдываютъ себя иногда побѣжденными, и по этому знаютъ слабую сторону сердца человѣческаго, и въ правѣ не вѣрить его безгрѣшности. Онъ чистосердечно признавался Вѣрѣ, что осуждая Березовскаго, онъ основывается на опытѣ собственныхъ своихъ проступковъ, и что остерегая ея въ этомъ случаѣ, онъ ни чуть не хочетъ унизить его въ мнѣніи передъ другими, но только открыть ей глаза столькоже касательно женской неопытности, какъ и не насытнаго тщеславія мущинъ. Онъ соглашался съ Вѣрою въ томъ что Березовскій не имѣлъ и не имѣетъ ни какихъ дурныхъ намѣреній, но настаивалъ на томъ что въ сношеніяхъ съ нею онъ не поступалъ со всею честностію которую въ правѣ она была ожидать отъ благороднаго человѣка. Вѣра хотя и не соглашалась съ Мудринымъ, однако обѣщала что послѣдуетъ его совѣтамъ, но съ тѣмъ чтобы онъ былъ для Березовскаго истиннымъ и попечительнымъ другомъ.

. . . . . [1]

у нихъ пустой и пошлый разговоръ, отъ котораго избавимъ нашихъ читателей. Отъ глазъ Вѣры не ускользнуло ничего изъ разсказанной нами сцены. Она поняла что насталъ часъ пробужденія для Бере-

[1] [Въ этомъ мѣстѣ недостаетъ сколькихъ-то страницъ рукописи.]

зовскаго, и сердце ее обливалось кровію при мысли о его горести. Она чувствовала въ душѣ своей такую ненависть противъ Ольги что сама того пугалась, и старалась отклонить мысль и глаза отъ этой холодной вѣтренной дѣвушки. Какъ бы помочь Березовскому, подумала она, онъ такъ отъ меня удалился, что искать сблизится съ нимъ въ подобномъ случаѣ ни какъ не возможно, онъ совершенно можетъ ошибится въ цѣли моей, и тогда я лишь причиню ему досаду и унижу себя по пустому. Мудрина мнѣ надобно, но гдѣ онъ?.... Ахъ, воскликнула Вѣра громко, всплеснувъ руками... такъ что всѣ взглянули на нее; Мудринъ въ это самое время входилъ въ гостинную; Вѣра не много смутилась что обратила на себя вниманіе всѣхъ, но вмѣстѣ отъ души радовалась пріѣзду своего добраго и умнаго совѣтника. Подошедъ къ хозяйки и сдѣлавъ ей должное привѣтствіе, Мудринъ раскланялся на всѣ стороны, и потомъ обратился къ Вѣрѣ, которая приняла его съ лицемъ сіяющимъ отъ радости и со взоромъ исполненнымъ какого то тайнаго лихорадочнаго безпокойства. „Что опять съ вами?" сказалъ онъ въ полголоса, улыбаясь и пожавъ ей дружески руку.—Что со мною! Слушайте, какъ вы знаете Ольга Петровна своимъ безстыднымъ кокетствомъ съ ума свела Березовскаго, отдалила его отъ искренныхъ друзей; между тѣмъ она съ своимъ братцемъ выписываетъ себѣ изъ Петербурга Князя подлеца влюбившагося въ ея богатство; онъ ѣдитъ, сегодня получили они отъ него письмо, я въ этомъ увѣренна, я читала все это на лицахъ ихъ, я видѣла въ глазахъ Березовскаго слезы, онъ начинаетъ приходить въ себя, завѣса спадываетъ съ глазъ его, онъ страдаетъ, онъ будетъ посмѣшищемъ этой подлой, глупой семьи—спасите его отъ этаго позора, сблизитесь съ нимъ, скажите ему всю правду, подкрѣпите его, уговорите его чтобы онъ показывалъ видъ спокойный, холодный, что бы онъ презиралъ Ольгу.....—„Хорошо, прервалъ улыбаясь Мудринъ, что не вы беретесь успокоить его: сомнительно, удалось ли бы вамъ привесть его въ желанное вами состояніе..... вы сами въ такихъ порывахъ". Оставте сегодня ваши нравоученія мой добрый наставникъ, и займитесь Березовскимъ, вотъ онъ взошелъ..... Смотрите какой онъ печальный, я оставляю васъ, и умоляю быть для него попечительнымъ другомъ, и Вѣра вставши хотѣла удалится, но Языковъ попался ей на встрѣчу и попросилъ ее чтобы она со вниманіемъ выслушала то, что онъ считаетъ непремѣнною обязанностію передать ей будучи столько лѣтъ всѣми чувствами уваженія и дружбы при

верженъ къ ея семѣйству. Вѣрѣ сдѣлалось холодно, ибо отъ Языкова она никогда не ожидала ничего хорошаго, но невѣдомая ей сила остановила ее и она должна была сѣсть; возлѣ нея помѣстился Языковъ, и началъ свой разказъ: „Послѣ обѣда, говорилъ онъ, я пошелъ въ свою комнату чтобы немного отдохнуть и расположился уже на диванѣ, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги, потомъ голоса.... одинъ изъ собесѣдниковъ былъ Березовскій, другаго я не узналъ. Они говорили съ живостію.... Я всталъ....“ Лице Вѣры вспыхнуло отъ стыда и негодованія, и вскочивъ съ своего мѣста она сказала: „Я не хочу знать подслушеннаго вами разговора!“—Ахъ какія вы скорія во всемъ, остановитесь, сдѣлайте одолженіе и выслушайте меня. У васъ такія оскорбительныя подозрѣнія, я всталъ съ дивана, потерявъ возможность спать.... вотъ и все.... я не могъ сдѣлатся глухимъ... я слышалъ ваше имя произнесенное Березовскимъ.... Это подстрек [1]

3.

[Кн. В. Н. Репнина—Ш. Эйнару.]

Jagotine ce 19/31 Mars 1844.

Mon bien cher Directeur

Je viens de relire 4 de vos lettres, les premières, et je me suis dit:—il me faut vraiment revoir mon Directeur. Oui, bon, excellent et judicieux ami, j'aurais grand besoin de venir me jetter à genoux à coté de vous et de vous entendre prier.—Décidément il y a beaucoup de mal en moi, et malheureusement je ne le sent pas comme je sens que je devrais le sentir.—Je vais tacher de vous parler clairement, aussi clairement du moins que cela me sera possible.—Retrogradons jusqu' au moment de mon arrivée ici:—Vous vous souvenez de mes lettres d'alors; j'ai eu quelques douces surprises, puis une série d'étonnement en ouissant des choses que j'avais entendus bien des fois avant de quitter la Russie, mais qui ne me faisaient pas le même effet parceque j'étais autre.—

[1] [На этомъ обрывается сохранившаяся рукопись.]

Vous me donniez le conseil de beaucoup fléchir les genoux et de prier avant d'agir, oh que n'ai-je fait ainsi. J'ai voulu beaucoup agir, j'ai beaucoup agi j'ai été beaucoup humilié: tant mieux - - mais aussi j'ai été beaucoup louée: tant pis; - - j'ai regimbé contre le premier, j'ai accueilli avec un secret délice le second — et je suis tombée! Oh, Dieu m'a montré ce que je pouvais sans Lui: rien que le mal. Oh puissais-je le sentir tous les jours davantage,—et puisque je le sens quoique faiblement, cela veut dire qu'Il ne m'a pas tout-à-fait rejetée, n'est-ce pas, chéri Directeur?—Je me sens un peu moins dure que pendant le mois qui a suivi les deux mois Cheftchenko -- mais que j'ai rétrogradé depuis l'année passée! alors j'avais de l'énergie, j'étais souvent sanglante et brisée, mais je voulais vivre et faire vivre les autres; - j'ai eu d'affreuses luttes, de pénibles scènes, mais j'étais plus près de Dieu; c'est que souvent ces scènes naissaient d'un beau et bon sentiment que mon caractère et mes défauts travestissaient, mais qui n'en concevaient pas moins l'empreinte du vrai dont elles émanaient — puis les flots de larmes et de voeux de coeur qu'elles me coutoient devenoient une cure morale p. mon âme. Aux autres je dois paraître plus douce cette année, au tribunal de ma conscience je dois m'avouer moins vivante. Oh, oui, j'étais bien plus vigilante, plus vraie, plus scrupuleuse, plus sérieuse, plus zélée, plus active; oh bon Directeur, je sens que je vous contriste, priez, priez pour moi, demandez à Dieu qu'il me rende ce que j'avais l'année passée,—je suis devenue modeste.—rien que la foi de l'hiver dernier, et avertie, enseignée par cet horrible temps de disette et de ténèbres, je conserverai mon trésor. Oh demandez à Dieu que je vienne auprès de vous si cela peut être nécessaire à mon salut. - Ecoutez mon bon Directeur, il me parrait que ma véritable vocation est d'enseigner. Tant que j'avais le soin de mon école, je valais infiniment mieux; maintenant même lorsque je lis à Maman l'Evangile ou un sermon, je me sens pénétrée en prononçant haut les mêmes paroles qui lues bas m'endormiroient peut-être; d'exhorter les autres me rend vigilante, je m'observe. Je travaillais pour mon Ecole, je priais p. elle, j'étais dévorée du zèle de la maison de mon Père; mais! personne ne m'a tendu la main, personne de vivant pour me soutenir. Tant d'entraves p. le bien, tant de facilité p. le mal. Puis ce malheureux entrainement de mon malheureux coeur! tant de feu p. la créature, tant de glace p. le Créateur! Oh certainement moi seule je suis coupable, car j'avais tant de lumière, Dieu m'avait gardé un an de plus dans cete

chère Suisse sous votre Direction p. le connaitre et lui rester fidèle et j'ai de nouveau laissé le *moi* sur l'autel, je lui ai de nouveau aporté de l'encens! Oh mon Dieu, si du moins cette triste expérience me rendait humble à tout jamais, je l'espère; mais ma sécheresse, ma foi si pâlie, voilà ce qui m'effraie. Oh venez à mon secour de la façon dont Dieu vous l'inspirera, venez avec la verge et toutes les duretés, je sens que je veux sincèrement me soumettre à tout pourvu que je revienne à aimer de nouveau Dieu come p. le passé.

[Переводъ.]

Яготинъ, $^{19}_{31}$ марта 1844 г.

Дорогой наставникъ!

Я только-что перечитала четыре первыхъ вашихъ письма, и сказала себѣ: мнѣ непремѣнно надо-бы повидаться съ моимъ наставникомъ. Да, мой добрый, прекрасный и мудрый другъ, у меня была сильная потребность броситься на колѣни рядомъ съ вами и слушать, какъ вы молитесь. Несомнѣнно, во мнѣ много дурного, и къ несчастью, я не чувствую этого такъ сильно, какъ знаю, что должна была бы чувствовать. Постараюсь говорить ясно, по крайней мѣрѣ такъ ясно, какъ сумѣю. Вернемся къ моменту моего пріѣзда сюда. Вы навѣрное помните мои тогдашнія письма; кое-что пріятно удивило меня, затѣмъ слѣдовалъ рядъ потрясеній, когда до меня доходили вещи, о которыхъ я нерадъ слышала до моего выѣзда изъ Россіи, но которыя тогда не производили на меня подобнаго впечатлѣнія, потому что я сама была другой. Вы совѣтовали мнѣ много разъ склонять колѣни и молиться, раньше чѣмъ дѣйствовать. О, зачѣмъ я не поступала такъ! Я хотѣла много дѣйствовать, и я много дѣйствовала; я испытала много униженій, тѣмъ лучше, но слышала также много похвалъ,—тѣмъ хуже. Первымъ я давала отпоръ, вторыя принимала съ тайной отрадой, и кончилось тѣмъ, что я пала! Да, Господь показалъ мнѣ, на что я способна безъ Него: только на дурное. О, если бы я могла чувствовать это каждый день сильнѣе! Но разъ я это чувствую, хотя и слабо, значитъ онъ не совсѣмъ отвергъ меня,—не такъ ли, дорогой наставникъ? Я чувствую себя нѣсколько менѣе закоснѣлой, чѣмъ въ теченіе мѣсяца, слѣдовавшаго за двумя Шевченковскими мѣсяцами, но какъ далеко я попятилась съ прошлаго года! Тогда во мнѣ было сколько-нибудь энергіи; я часто бывала истерзана и сломлена, но я хотѣла жить и давать жить другимъ. У меня бывали страшныя столкновенія, мучительныя сцены, но я была ближе къ Богу, потому что эти сцены

часто рождались изъ прекраснаго и добраго чувства; въ силу своего характера и своихъ недостатковъ я превратно толковала это чувство, но самыя столкновенія все-же носили на себѣ печать той правды, изъ которой они возникали. Съ теченіемъ времени потоки слезъ и сердечныя сокрушенія, которыхъ они мнѣ стоили, сдѣлались для моей души нравственнымъ врачеваніемъ. Другимъ я должна этотъ годъ казаться болѣе мягкой, но передъ судомъ моей совѣсти я сознаю себя менѣе живою. Да, я была гораздо бдительнѣй, правдивѣй, совѣстливѣй, серьезнѣй, ревностнѣй и дѣятельнѣй. О, дорогой наставникъ! я чувствую, что огорчаю васъ; молитесь, молитесь за меня, просите Бога, чтобы онъ вернулъ мнѣ то, чѣмъ я обладала прошлый годъ: я стала скромна: прошу только той вѣры, которую имѣла прошлую зиму, и наученная этимъ страшнымъ временемъ голода и тьмы, я буду оберегать мое сокровище. Молите Бога, чтобы онъ привелъ меня къ вамъ, если это нужно для моего спасенія. Слушайте, мой добрый наставникъ: мнѣ кажется, что мое истинное призваніе—быть учительницей. Когда я возилась съ моей школой, я была несравненно лучше; даже теперь, когда я читаю мамѣ Евангеліе или какую-нибудь проповѣдь, я чувствую себя тронутой, произнося вслухъ тѣ самыя слова, надъ которыми я можетъ быть уснула бы, если бы читала ихъ про себя. Увѣщевая другихъ, я становлюсь бдительнѣй, я слѣжу за собой. Я трудилась для моей школы, молилась за нее, была обуреваема ревностью къ дому моего Отца. Но никто не протянулъ мнѣ руки, ни одна живая душа не поддержала меня; столько преградъ на пути добра, а доступъ къ злу такъ свободенъ! потомъ это несчастное увлеченіе моего бѣднаго сердца, такой жаръ къ созданію и такой холодъ къ Творцу! Конечно, виновна я одна, такъ какъ у меня было столько свѣта! Господь оставилъ меня на цѣлый лишній годъ въ милой Швейцаріи подъ вашимъ руководствомъ, чтобы я познала его и осталась ему вѣрной, а я снова положила мое *я* на алтарь и снова воскурила ему ѳиміамъ! О, Боже, если бы по крайней мѣрѣ этотъ печальный опытъ смирилъ меня навсегда! Я надѣюсь на это; но меня ужасаетъ моя сухость, оскудѣніе вѣры во мнѣ. Помогите мнѣ, какъ Богъ васъ научитъ; придите съ бичемъ и со всею суровостью,- я чувствую, что благоговѣйно подчинюсь всему, лишь бы мнѣ опять возлюбить Бога, какъ прежде.

4.

[Ш. Эйнаръ — Кн. В. Н. Репниной.]

Naples 25 mai 1841.

Je n'ai point pu repondre encore à vos bonnes grandes lettres, je ne le pourrai de quelques temps encore. Chère enfant, ne vous laissez point abattre et decourager par ces éclipses de votre foi, recommencez avec courage le sillon peniblement tracé; notre vie doit sans cesse être un labeur, un labeur tres fatigant même, et ce n'est jamais quand on travaille et qu'on lutte que l'on perde son temps. Pensez que vous êtes deja eternelle par la foi; vous avez la vie eternelle, ne vous laissez donc pas abattre par le plus ou le moins de difficulté de la route. Vous vous retrouverez un jour telle que vous vous rêvez et que vous vous cherchez. N'ayez pas de craintes. Dieu vous aime et il ne vous laissera point. Que la paix vous soit donnée avec abondance! Qu'elle se fortifie en vous par la vue de tout ce qu'il y a encore a faire et de tout ce que Dieu fait en ne nous laissant point endormir. C'est son amour, son grand amour qui nous cherche et nous travaille ainsi. Confiez vous y avec une nouvelle ardeur. Combien je pense à votre solitude de cet été! Comme elle peut etre precieuse, si vous savez l'employer. Songez que c'est ce que vous avez toujours désiré, que c'est l'obstacle qui vous arretoit qui vous est enlevé. Vous n'etes plus dependante et obligée de vivre pour etre aux ordres et à la moindre volonté de vos chers parents. Eh bien, nous verrons, si c'est bien là ce qu'il vous faut. Dieu vous envoie une reponse à vos prieres. Est ce bien ce qu'il vous falloit? Oui, si vous êtes sage. Soyez le, chere enfant, et que Dieu vous comble de ses meilleures benedictions!

[Переводъ.]

Неаполь, 25 мая 1841 г.

Я до сихъ поръ не могъ отвѣтить на ваши большія добрыя письма, и не смогу еще нѣкоторое время. Дорогое дитя, не поддавайтесь унынію, не отчаивайтесь изъ-за этихъ затменій вашей вѣры; начните снова мужественно борозду, проведенную съ такимъ трудомъ; наша жизнь должна быть неустанной и даже очень утомительной работой,— въ работѣ и въ борьбѣ время никогда не потеряно. Помните, что

вы уже безсмертны чрезъ вѣру, вамъ дана вѣчная жизнь, поэтому бо́льшая или меньшая трудность пути не должна повергать васъ въ уныніе. Настанетъ день, когда вы увидите себя такою, какою вы хотите и силитесь быть. Не бойтесь ничего. Богъ любитъ васъ и не оставитъ васъ. Да низойдетъ на васъ миръ совершенный. Да утѣшится онъ съ васъ сознаніемъ, какъ много еще надо сдѣлать и какъ много дѣлаетъ въ васъ Господь, не давая вамъ уснуть. Такъ отыскиваетъ и формируетъ васъ его любовь, его великая любовь; довѣрьтесь ей съ новымъ жаромъ. Я много думаю объ одиночествѣ, въ какомъ вы проводите это лѣто. Какъ драгоцѣнно могло бы оно быть, если бы вы сумѣли имъ воспользоваться! Помните, что именно этого вы всегда желали, что этимъ устранено препятствіе, преграждавшее вамъ дорогу. Васъ уже ничто не связываетъ, и вы можете посвятить вашу жизнь исполненію малѣйшихъ желаній вашихъ дорогихъ родителей. Посмотримъ, это ли вамъ нужно. Да подастъ вамъ Господь отвѣтъ на ваши молитвы. Этого ли недоставало вамъ? да, если вы разсудительны. Будьте таковы, милое дитя, и да озаритъ васъ Богъ своей благодатью!

5.

[Кн. В. Н. Репнина Ш. Эйнару.]

[Іюнь—августъ 1844 г.]

En revenant de Poltawa, bien cher Directeur, j'ai trouvé votre bonne lettre ici. Comme je vous l'ai dit dans une des miennes que je vous ai expédié à Rolle vous croyant en Suisse, je savais déjà ce qui causait votre silence. Oh mon bon Directeur, que vous êtes heureux et que tout ce qui vous arrive doit donner de la foi! Cette mort si paisible, si édifiante, votre père priant à haute voix auprès de sa femme mourante, cette force répendue sur tous,—oh que vous êtes heureux—et que je suis misérable, aigre, triste pour moi, envieuse, jalouse, insoumise à la volonté de Dieu qui me veut seule! Oui, car je suis bien seule quoiqu'au milieu de ma famille et cette solitude sans silence et sans retraite est si poignante, si difficile, et je ne suis pas au niveau des circonstances, mais au dessous. Je sais ce que vous en diriez, et cependant je suis sotte; — oh j'aurais si besoin d'être retrempée auprès de vous, bon chéri Directeur.

Ce 22 Juillet 1844.

Il y a plus d'un mois, bien chéri Directeur, que cette lettre est commencée; je suis bien aise au fond de ne pas vous l'avoir expédié alors, car je me sens mieux maintenant et ce que j'ai à vous dire de moi vous fera plus de plaisir, car je me sens en paix, plus en ordre, plus disposée à recomencer le deblayement si nécessaire de mon âme. — [1]

Je passe ma journée en g^de partie du moins chez Maman, ce qui fait que je ne fais presque rien avec la plume. Je tache de me lever à 7 h. et p. la plupart du temps j'y réussit.—Je lis alors dans ma Bible, puis je médite un psaume avec la plume, c. à d. que j'écris en forme de prière ce qu'il me suggère verset p. verset. Cela me réussit mieux que de méditer simplement dans ma pensée, mon imagination s'égarant hélas si facilement; puis je lis deux de vos lettres. Ces occupations me prennent quelques fois une heure, quelques fois moins; je réveille la jeune fille qui dort avec moi, puis arrivent Tania et une D^lle qui demeure depuis quelques temps chez-nous ne sachant où donner de la tête:—nous faisons notre culte, qui malgré tous nos relachements se maintient toujours grace à Dieu.— 8 20 Aout... Encore une interruption: ma belle-soeur a été malade, et je me suis transportée pendant 11 jours chez-elle, pour les nuits;- cela m'a enlevé ma dernière ressource, celle d'écrire le soir en rentrant chez moi. J'ai reçu dans cette intervale une affectueuse lettre de Capnist, qui est tout contrit de ne pas faire votre connaissance, puis une excellente de M. Stourdza avec deux manuscrits fort interressants; l'un une instruction parfaite p. les prêtres des hopitaux et des prisons; l'autre les règlements du Couvent établis p. M-me Edling pour l'éducation des filles de prêtre. Il y a un an qu'il frape à la porte du Synode p. obtenir la permission d'imprimer l'instruction des prêtres et qu'il ne l'a pas: jugez par cela de la facilité qu'on a chez-nous de faire le bien! C'est à en pleurer des larmes de sang — et le plus malheureux c'est qu'on ne pleure pas, mais qu'on se fait à un ordre de choses, à une façon de vie, déplorables! J'ai aussi deux lettres de Cheftchenko, deux bonnes lettres fort tristes, car le pauvre home travaille à faire entrer ses frères dans la cathégorie des homes libres! Vous pensez sans que je vous le dise ce que son âme doit éprouver. Nous avons eu sur son compte une explication avec Maman qui quoique n'é-

[1] [Опускаемъ здѣсь сообщенія о предполагавшейся, но отмѣненной поѣздкѣ Репниныхъ за-границу и объ отъѣздѣ отца Варвары Ник. къ Анзогубамъ, и ея брата въ Петербургъ].

tant pas détaillée cõme ma confession à vous, a cependant satisfait ma conscience en ce que je me suis avouée avoir eu tort et désirant sincèrement ne plus être dans le même cas: — Maman a paru contente aussi de moi. — Il y a bien longtemps, mon bon Directeur, que je ne vous ai lû: — votre dernière lettre était celle m'annonçant votre perte et votre retour en Italie: elle est du 25 Mai. J'ai bien des choses à vous dire, mais je ne veux plus remettre d'envoyer cette feuille chiffonnée qui doit vous porter les voeux, la reconnaissance, l'affection, le dévouement de votre pupille qui sent un si grand besoin de vos lettres, de vos gronderies, de vos instructions — et surtout de votre présence: — demandez à Dieu de me l'accorder, peut-être me le faut-il absolument, et alors je l'aurai. Oh priez pour moi, car je me vacille, je prends mon parti de ce qui naguère me mettait hors de moi, je vous assure que ces bourrasques valaient mieux que mon égalité d'aprésent, ma conscience s'est mise en robe de chambre come la plupart des bonnes choses ici; — tout dort — et Satan veille! Oh priez pour nous. J'embrasse Sophie avec toute la tendresse que j'ai pour elle et les enfants aussi, surtout Hilda. Votre Varette.

[Переводъ.]

[Іюнь—августъ 1844 г.]

По возвращеніи изъ Полтавы, дорогой наставникъ, я нашла здѣсь ваше доброе письмо. Какъ я писала вамъ въ одномъ изъ моихъ писемъ, адресованныхъ въ Роллъ, такъ какъ я полагала, что вы въ Швейцаріи, — я уже знала причину вашего молчанія [1]. О, дорогой наставникъ, какъ вы счастливы, и какъ все, что съ вами случается, должно укрѣплять вѣру! Эта тихая и назидательная смерть, видъ вашего отца, вслухъ молящагося подлѣ своей умирающей жены, эта сила, разлитая во всѣхъ, — о, какъ вы счастливы, — и какъ я жалка, недобра, эгоистически-печальна, завистлива, ревнива, непокорна волѣ Бога, желающаго, чтобы я была одна! Но я дѣйствительно одна, хотя и живу въ кругу моей семьи, и это одиночество безъ молчанія и безъ уединенія такъ мучительно, такъ трудно, и я не могу стать въ уровень съ обстоятельствами, но они владѣютъ мною. Я знаю, что вы сказали бы объ этомъ, и все-же я глупа. Мнѣ такъ нужно было бы набраться силъ возлѣ васъ, дорогой наставникъ!

22-го іюля 1844 г. Это письмо начато болѣе мѣсяца назадъ, дорогой наставникъ; и въ сущности я очень довольна, что не послала его вамъ тогда, потому что теперь я чувствую себя лучше и могу

[1] [Смерть матери Ш. Эдвардъ].

сообщить вамъ о себѣ свѣдѣнія болѣе пріятныя для васъ. Я чувствую въ себѣ миръ, во мнѣ больше порядка и готовности приступить къ очищенію моей души, которое такъ необходимо [1].

Большую часть дня я провожу у мамы и вслѣдствіе этого почти совсѣмъ не могу писать. Стараюсь вставать въ 7 час., и обыкновенно это мнѣ удается; тутъ я читаю Библію, потомъ обдумываю какой-нибудь псаломъ съ иеромъ въ рукѣ, т. е. записываю въ формѣ молитвы все, что онъ мнѣ внушаетъ, стихъ за стихомъ. Это мнѣ лучше удается, нежели обдумывать просто мысленно, такъ какъ мое воображеніе къ сожалѣнію слишкомъ легко сбивается съ дороги; потомъ я читаю два ваши письма. Эти занятія отнимаютъ у меня иногда часъ, иногда меньше; затѣмъ я буду дѣвушку, которая спитъ со мною, затѣмъ приходятъ Таня и одна дѣвица, которая съ недавняго времени живетъ у насъ, потому что ей некуда преклонить голову, и мы совершаемъ нашу утреннюю молитву, въ чемъ, несмотря на наше нерадѣніе, мы, слава Богу, остаемся неправы.

8-20 августа. Опять перерывъ. Моя невѣстка была больна, и я 11 дней на ночь перебиралась къ ней; это лишило меня моего послѣдняго утѣшенія—возможности писать вечеромъ, по возвращеніи въ мою комнату. Въ этотъ промежутокъ я получила сердечное письмо отъ Канписта, который очень огорченъ тѣмъ, что ему не удалось познакомиться съ вами, и прекрасное письмо отъ Стурдзы [2] съ двумя очень интересными рукописями: одна—полное наставленіе для священниковъ, состоящихъ при больницахъ и тюрьмахъ, другая — уставъ обители, учрежденной г-жею Эдлингъ [3] для воспитанія дочерей священниковъ. Уже цѣлый годъ онъ тщетно добивается у Синода дозволенія напечатать наказъ для священниковъ; судите по этому, какъ легко у насъ дѣлать добро! Хочется плакать кровавыми слезами, и хуже всего то, что никто не плачетъ, а всѣ мирятся съ этими плачевными порядками. Получила я также два письма отъ Шевченка, хорошія и очень грустныя письма: онъ, бѣдный, хлопочетъ о томъ, чтобы сдѣлать своихъ братьевъ свободными людьми! Вы поймете безъ моихъ поясненій, что должна чувствовать его душа. Я имѣла по его поводу объясненіе съ мамой; хотя оно не было такъ подробно, какъ моя исповѣдь вамъ, однако оно удовлетворило мою совѣсть, такъ какъ я признавалась, что была неправа, и выразила искреннее желаніе не впасть снова въ такую-же ошибку. Мама, кажется, тоже была довольна мною.

[1] [Опускаемъ сообщенія о предполагавшейся, но отмѣненной поѣздкѣ Репниныхъ за-границу и объ отъѣздѣ отца Варвары Ник. къ Лизогубамъ, и он одна — въ Петербургъ.]

[2] [Извѣстный Александръ Скарлатовичъ Стурдза.]

[3] [Дочь А. С. Стурдзы, графиня Р. А. Эдлингъ, съ которою Варвара Ник. была дружна.]

Я давно уже не получала отъ васъ писемъ, дорогой наставникъ. Послѣднимъ было то, гдѣ вы сообщали мнѣ о вашей утратѣ и о вашемъ возвращеніи въ Италію; оно было отъ 25 мая. Мнѣ надо многое вамъ сказать, но не хочу болѣе откладывать отсылку этого памятаго листка, который долженъ принести вамъ выраженіе пожеланій, благодарности, любви и преданности вашей духовной дочери, такъ сильно нуждающейся въ вашихъ письмахъ, укорахъ, наставленіяхъ, и особенно—въ вашемъ присутствіи. Просите Бога, чтобы онъ мнѣ доставилъ его; можетъ быть оно мнѣ безусловно необходимо—и тогда я сподоблюсь его. Молитесь за меня, потому что я шатаюсь; я смиряюсь предъ тѣмъ, что еще недавно выводило меня изъ себя. Увѣрю васъ, эти бурныя вспышки были лучше, чѣмъ мое нынѣшнее спокойствіе. Моя совѣсть надѣла халатъ, какъ почти все доброе здѣсь. Все спитъ, а сатана бодрствуетъ! Молитесь за насъ. Цѣлую Софью со всею нѣжностью, какую питаю къ ней, и дѣтей, особенно Гильду.

Ваша Варя.

6.

[Ш. Эйнаръ—Кн. В. Н. Репниной.]

Castellammare 15 7-b 1844.

M. Kapnist vous a dépeint à M. d'Essuvè, comme toujours aux regrets de la Suisse et de vos amis. J'en suis triste et content, cela me montre que vous n'avez pas encore acquis la conviction que le Seigneur vous a mis là parceque c'est le lieu qui vous convient et ou vous devez apprendre la vie, grand et severe apprentissage qui n'est terminé qu'à la mort, et varié, que lorsqu'on a appris dans chaque classe tout ce qu'elle peut nous donner.. Je n'aimerais donc pas que vous fussiez en lutte avec Dieu et avec sa volonté de vous tenir en Russie, car c'est une chance que vous en sortiez moins vite, et moins heureusement, que je ne vous le souhaite. Ce n'est que par l'acceptation entière de la volonté de Dieu que vous arriverez à la paix, à la joie—et avec la veritable joie, vous aurez peut-être par dessus le marché celle de revoir vos amis. Vous le savez, chère enfant, vous l'avez bien compris, pourquoi ne le faites vous pas? Hélas! votre pauvre coeur se recherche encore, il faut encore quelque epreuve pour achever de vous détacher de ce monde perissable, de ces joies d'un jour, de ces bonheurs pâles,

que votre passion colorait de si riantes couleurs. Il vous faut ces joies invisibles et éternelles qui ne se donnent qu'avec la possession du Sauveur lui-même dans son amour infini. Toutes choses concourent au bien de ceux qui aiment Dieu. Vous n'aimez pas assez encore. Mais pourquoi vous redire tout cela, vous le trouverez dans toutes mes lettres, et cependant vous me le demandez encore. Pauvre petite, que Dieu vous fasse paix!

[Переводъ.]

Кастелламаре, 15 сентября 1844 г.

Судя по тому, что̀ разсказалъ о васъ г. Капнистъ г-ну Эссеню, вы все еще скучаете по Швейцаріи и вашимъ друзьямъ. Это меня огорчаетъ и радуетъ; это показываетъ мнѣ, что вы еще не прониклись убѣжденіемъ, что мѣсто, въ которомъ вы живете, Господь избралъ для васъ какъ наиболѣе для васъ пригодное, гдѣ бы вы познали жизнь, эту трудную и суровую выучку, кончающуюся только смертью и разнообразящуюся только переходомъ изъ класса въ классъ по усвоеніи въ каждомъ всего, что̀ онъ можетъ дать. Оттого мнѣ не хотѣлось бы, чтобы вы спорили съ Богомъ и противились его рѣшенію держать васъ въ Россіи, потому что въ этомъ случаѣ вамъ удалось бы покинуть ее не такъ скоро и не такъ успѣшно, какъ я желаю вамъ. Лишь чрезъ безусловное принятіе воли Божіей вы можете достигнуть мира и радости, и къ истинной радости вамъ, можетъ быть, будетъ въ добавокъ ниспослана также радость свиданія съ вашими друзьями. Вы это знаете, дорогое дитя, вы это хорошо постигли, — почему же вы не поступаете такъ? Увы, ваше бѣдное сердце еще не познало себя, вамъ нужень еще нѣкій искусъ, чтобы вы окончательно отрѣшились отъ этого бреннаго міра, отъ этихъ минутныхъ радостей и блѣднаго счастія, которое ваша страсть расписываетъ въ столь яркіе цвѣта. Вамъ нужны радости невидимыя и вѣчныя, которыя обрѣтаются лишь чрезъ сліяніе съ самимъ Спасителемъ въ его безконечной любви. Все на свѣтѣ споспѣшествуетъ благу любящихъ Бога. Вы еще недостаточно любите. Но зачѣмъ повторять вамъ все это? вы можете найти это во всѣхъ моихъ письмахъ, и однако вы снова спрашиваете меня объ этомъ. Бѣдное дитя, да подастъ вамъ Господь миръ!

7.

[Кн. В. Н. Репнина—А. В. Капнисту.]

Яготинъ, Vendredi
13го Апрѣля 1845. года

Братъ [1] поручилъ мнѣ написать къ вамъ, или лучше сказать я вызвалась передать вамъ его прозьбу, которая состоитъ вотъ въ чѣмъ. Когда онъ былъ у князя Барятинскаго, князь при немъ отправилъ своихъ людей въ Андреевку, откуда Гаврилко долженъ былъ также отправить ремонтъ; но Василька ничего не знаетъ и не получаетъ ни изъ Андреевки, ни изъ Драбова; онъ ожидалъ деньги и боится чтобы не случилось какого нибудь несчастья съ лошадми; — братъ проситъ васъ передать всѣ эти опасенія К. Барятинскому и при первой оказіи извѣстить его объ отвѣтѣ К. Б.

Кажется я исполнила порученость исправно.—Теперь же скажу вамъ, что мы васъ страсно желаемъ по многимъ причинамъ. Сегодня же вечеромъ мнѣ такъ грусно, мое сердце такъ сжато, что я васъ желаю больше чѣмъ когда, потому что вы всегда проясняете хоть на время всѣ *абы*, а наши на гробовой половинѣ подернуты хоть спокойными, но почти неподвижными тучами.—У насъ нѣтъ ничего новаго—но что то невыразимо болезненное гнететъ наши сердца.

Къ чему я увлекаюсь отрадою переливать мою душу въ вашу?—На этотъ вопросъ можно бы отвѣчать цѣлою книгою—а мнѣ пора отложить перо въ сторону и ложится: голова моя, какъ и вся я, не принадлежитъ мнѣ и я не должна подвергать себя мигрени.—Прощайте же, мой добрый Алексѣй Васильевичъ; не бойтесь за Шевченку; я первая буду его просить, чтобы онъ не заживался въ Яготинѣ, ибо у меня нѣтъ своего пристанища,—а тамъ... за тридевять земель онъ будетъ come des cheveux sur la soupe, а я ни хочу, чтобы *мои* были кѣмъ либо подавлены. Милую и добрую Ульяну Дмитріевну [2] обнимаю и еще разъ васъ всѣхъ поздравляю съ праздникомъ.—Душею преданная вамъ

Варвара Репнина.

Сегодня получили посланнаго отъ А. И. Лукашевичевой и съ нимъ я къ вамъ пишу.—

---

[1] [Кн. Василій Ник. Репнинъ.]
[2] [Жена адресата.]

8.

[Т. Г. Шевченко—кн. В. Н. Репниной.]

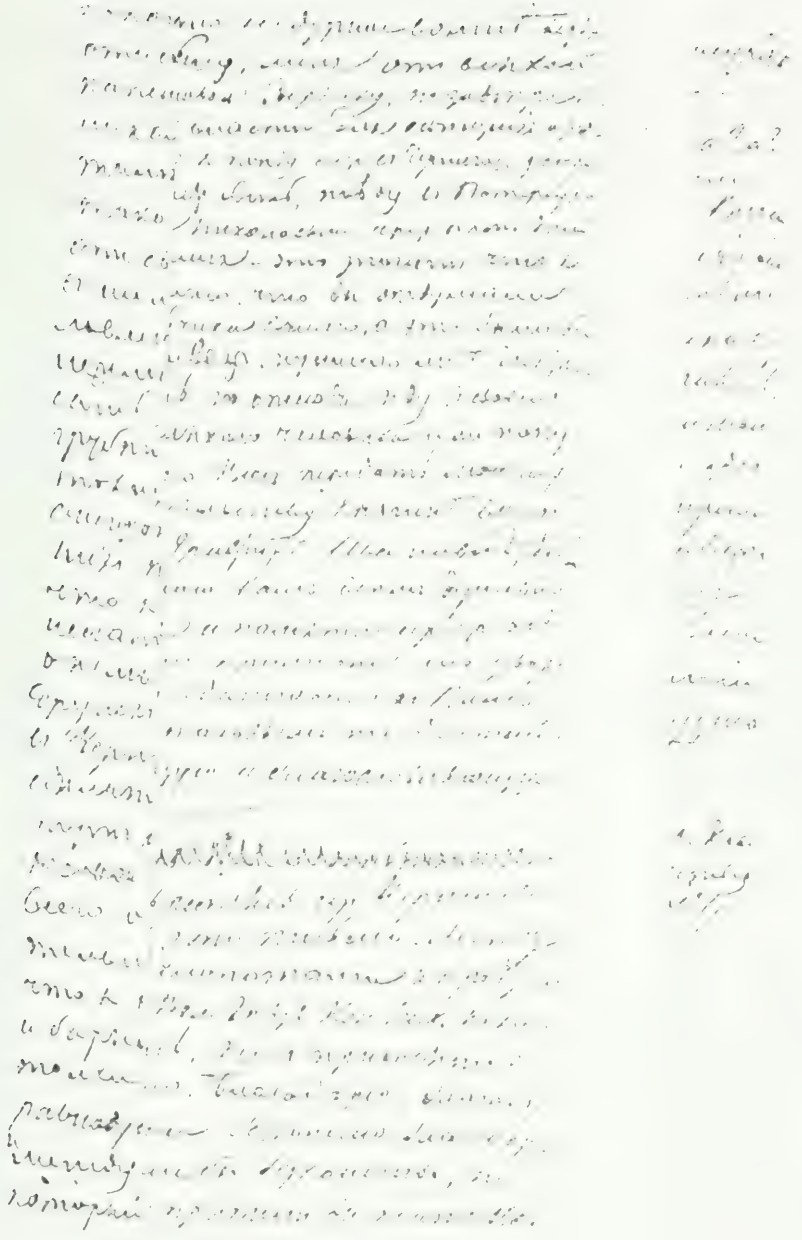
Добрянка Сент. 15-го дня 1845. [1]

Благодарю Васъ, Варвара Николаевна за послѣднія увѣдомленія полученныя мною одно за другимъ: они были такъ въ пору для меня... и съ вашей стороны истиннымъ состраданіемъ къ моей пустынной жизни въ Добрянкѣ. Между прочимъ вы не думайте, что я былъ (какъ) постояннымъ Анахоретомъ. Нѣтъ. Недавно мнѣ удалось по приглашенію и убѣжденію другихъ побывать въ Красномъ Рогѣ у Графини Тол. чтобы надивиться и полюбоваться ея хозяйству и самой хозяйкѣ. Она имѣетъ нужду во мнѣ здѣсь и въ Петербургѣ касательно построекъ. Тамъ у ней видѣлъ присланную отъ маминькѣ вашей собаку, которая, когда я былъ въ саду или на дворѣ, не отставала отъ меня со своими ласками, но которая въ своемъ тяжеломъ состояніи была на исходѣ и уже готовила себѣ уютное мѣсто. Отъ туда на возвратѣ заѣхалъ въ м. Почепъ; осмотрѣлъ достояніе вашихъ предковъ, такъ раздробившееся по всей Черниговской губерніи, въ которой однакожъ не такъ помнятъ ихъ настоящихъ владѣтелей, сколько прошлыхъ. Я провелъ ночь у глав. управляющаго имѣніемъ прекраснѣйшаго человѣка старика, который такъ истинно добромъ вспоминалъ о вашемъ покойномъ Батюшкѣ. Со всѣю охотою отыскиваю бывшихъ знакомыхъ вашему папеньки. Недавно познакомился съ его духовникомъ; ѣздилъ нарочно на Дѣснру увидѣть тамъ умнаго человѣка-чудака вида такого страшнаго [2], который удалясь отъ свѣта, живетъ на высотахъ берега въ шелашкѣ, промышляетъ рыбною ловлею и служитъ съ пользою пріѣзжающимъ съ нимъ посовѣтоваться или написать дѣло. Этотъ человѣкъ повидимому грубѣйшій натуры слѣдитъ многое настоящее и мнѣ разсказывая анегдотъ за анегдотомъ о папенькѣ при одномъ изъ нихъ прослезился, говоря мнѣ, вы видите что я старъ и неспособенъ уже

[1] [Эта строка написана карандашемъ, несомнѣнно рукою Шевченка. Послѣдняя цифра неясна, но конечно это не 1847 г., когда Шевченко уже былъ въ ссылкѣ, а 1845-й, когда въ августѣ и сентябрѣ Ш. разъѣзжалъ по Полтав. и Черниг. губ.; см. Конисскій, стр. 199.]

[2] [Въ этомъ мѣстѣ рисунокъ пером, см. факсимиле письма.]

Благодарю Вас, Варвара Николаевна,
за подробное уведомление, полученное
мною [illegible]. Они были тем в пору [illegible]
[illegible] и Вашим [illegible] и [illegible] со-
[illegible] ко мне [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] в Петербург [illegible]
[illegible]
[illegible] Вашей [illegible]
[illegible]
[illegible] от меня [illegible]
[illegible]
[illegible] и уже [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] которые [illegible]
[illegible]
[illegible] только [illegible]
[illegible]
[illegible] старика, который [illegible]
[illegible]



по моей несчастной фигурѣ плакать, а вотъ плачу о немъ..... Съ такою же охотою я бѣгу другихъ постороннихъ мнѣ знакомыхъ въ Черн... мнѣ говорятъ не худо бы было вамъ сдѣлать визитъ тому и той-то; присядьте тутъ и тамъ; поговорите съ тѣмъ и той и болѣе того; но на всё это чаще всего они и онѣ слышатъ мой отрицательной отвѣтъ: за то вотъ я и самъ слышу что я нелюдимъ, нелюбящій общества барынь и барышень и тому подобное; но какіе бы толки не были обо мнѣ, я къ нимъ совершенно равнодушенъ, но и здѣсь не безъ добрыхъ людей и между ними есть у меня такой адвокатъ (прекрасная дама [?] Губернаторша) который видя мое рѣшительное положеніе одиночества и что-то не дурное во мнѣ вездѣ защищаетъ, какъ слышу, меня отъ всякой молвы. — Государь миновалъ Добрянку, но завтра 16-го прибудутъ сюда разныя власти для освѣщенія и закладки церкви; послѣ чего я поѣду еще въ Черниговъ распростится и оттуда, можетъ быть, поѣду въ Петербургъ. Поэтому если вы, Варвара Николаевна, чрезъ пять дней еще не получите отъ меня—это значитъ что я уѣхалъ. Весьма сожалѣю, что вы отдумали послать со мной мальчика вашего, а это было бы кстати: ибо сюда я привезъ нужнаго мнѣ десятника, котораго и оставляю здѣсь, но отсюда ѣду въ своемъ тарантасѣ одинъ безъ всякаго человѣка или попутчика. Прошу покорно Васъ передать мое глубокое почтеніе Ея сіятельству княгинѣ вашей маменькѣ, а также и Глафирѣ Ивановнѣ, доброй Марфѣ и Мишѣ. Желаю вамъ всѣмъ душевно всякаго благополучія и памяти сердца обо мнѣ. Вмѣстѣ съ симъ примите мое увѣреніе въ всегдашней преданности къ Вамъ, Княжна, остаюсь съ таковымъ же почтеніемъ цѣлую вашу карающую и благословляющую меня руку

Возвратясь изъ Чернигова я тотчасъ написалъ это письмо. Между прочими разного рода хлопотами и проѣздами разныхъ лицъ, а сегодня Вел. Князя Кон. Ник. на Кіевъ я медлилъ его послать; какъ приносятъ еще ваше послѣднее письмо. Благодарю, благодарю Васъ, Вар. Николаевна; безконечно благодарю. Мои отвѣты на нихъ были бы безконечны, но не на этихъ листахъ; притомъ вы ѣдите или уже уѣхали въ Кіевъ, то легко могло случиться, что они не застали бы васъ дома..... Вы не здоровы, пишите ко мнѣ..... а? а? Зачѣмъ ѣдите вы въ Кіевъ по желанію, или по дѣлу?..... вы видѣли отца Архим. Варсанофія? а? Скажите мнѣ: онъ ничего вамъ не говорилъ о моемъ посѣщеніи пустыни? Какъ прекрасна и скромна Густинская

обитель [1] и недалекая отъ ней другая!!! Поклонитесь глубоко, глубоко отцу Архимандриту... Молюсь, молюсь о вашемъ здравіи... Пишите ко мнѣ такъ какъ я прослъ васъ въ первомъ письмѣ. Изъ Петербурга по пріѣздѣ я скоро къ вамъ напишу, и если будете туда писать, то мой адрессъ: на Василье. Острову въ 7-й линіи по набережной въ домѣ г-жи Брокгаузена. Прощайте!!!

Я также былъ уже готовъ отправиться въ Кіевъ но Ген. Губер. К. совѣтовалъ мнѣ остаться лучше здѣсь и ожидать отвѣта отъ Гр. Кисел....

9.

[Кн. В. Н. Репнина Ш. Эйнару.]

Ce 4 N^bre 1845. Jagotine.

Avant de comencer à vous parler de moi il me faut vous faire l'histoire topographique de ma vie.— Encore du vivant de mon bon Papa je m'étais partagée p. différentes nécessités de notre vie; je n'avais pas de chambre à moi, même pas de table à moi; je campais avec d'autres. Non, je me trompe, c'est tout de suite après sa mort que je dûs céder ma chambre à une pauvre demoiselle dont je vous dirai peut-être l'histoire; en m'enlevant ma chambre, elle m'enleva aussi beaucoup de mon temps, que je devais lui consacrer, car de toute la famille à cause de différents antécédens c'était avec moi seule qu'elle était vraiment connu. Bref, démoralisée par cette vie oisive et ne pouvant de jour faire cesser cette oisiveté, j'aurai pû vous écrire la nuit, si j'avais sû vouloir vous écrire, car on peut écrire partout.... Je dûs enfin me partager entre Maman que ma soeur devait abandonner parcequ'elle avait sa petite malade, et toujours cette D^lle, infortunée créature s'il en fut jamais. — J'étais souvent et pour la plupart du temps harrassée, et alors à moins de me relever dans la nuit je n'avais pas même les soirées fort avancées à ma disposition, car une fois que nous avions dit bonne nuit à Maman, nous nous trouvions cinq ensemble dans une petite chambre et la causette allait son train.

[1] [Въ Густынскомъ монастырѣ былъ похороненъ кн. Н. Г. Репнинъ, умершій 7 января 1845 г.]

.... Cependant et dans le courant de cet été contre toute attente celui qu'elle ne croyait pas pouvoir se permettre d'aimer arrive, fait sa déclaration, et la voilà la plus heureuse personne de ce monde, allan épouser celui qu'elle aime et qui l'aimait elle depuis 2 ans. Il se nome Pierre Dounine-Borkofsky; je vous le recomande, c'est un bien brave et digne jeune home qui a pour moi la tendresse d'un fils.— Glaphira est si heureuse que son âme a repris toute son élasticité — et moi je suis si tranquille maintenant sur son sort que je l'en aime moins et moi davantage—ce qui fait que toute rajeunie à ce feu qui jamais n'a été mon partage, voyant ce bonheur à deux si imense et bénie de Dieu et des homes, je me prends à pleurer des larmes de sang de mon isolement je suis envieuse, oui, envieuse de ce bonheur que j'ai cependant désiré si sincèrement. Lisez ce que j'écrivais en pleurant à vous il y a quelques jours après une soirée orageuse — ramenée par la bonté de Dieu au sentiment de mon pêché!

„A force de souffrir, d'être desçue, d'être oisive, de n'avoir aucune comunion d'âme, de ne plus prier, de ne pas lire la parole de Dieu, de m'être laissé depuis Cheftchenko entrainer à mes rêveries d'autre fois, je suis tombée bien bas, je souffre horriblement, je fais souffrir Gl. J'aurais bien besoin de vous! Mais où êtes-vous! pas même en lettre! Ce qu'il y a d'affreux en moi c'est que j'en suis venue à ce que la vue du bonheur me fait mal, m'aigrit, — du bonheur que donne l'amour: — c'est le seul que j'apelle de ce nom; je suis donc dévorée d'envie! Je ne suis pas tombée encore au point de ne pouvoir me sacrifier, et s'il fallait choisir entre mon bonheur et celui d'une autre, de ne pas préférer être sacrifiée moi: mais c'est peut-être une recherche de l'amour-propre. Le feu de l'amour qui brule sous mes yeux me tue—et me brule, mon âme s'est *charnellisée;* je cède lachement des heures entières à l'entrainement de mon imagination qui me présente des tableaux brulants de passion et quelques fois même de volupté. Je suis devenue beaucoup moins sensible, je prêche encore assez bien et même avec chaleur dans mes lettres — mais je ne sais point faire usage de cette foi que je dis être toute puissante, puisque je me révolte de ce que mon sort est tel qu'il est. Lû le 14 N^bre le Chap. VIII du Dentéronome admirablement aproprié à ma personne!" —

O pauvre Directeur, quelle peine ces pages vous feront! Il y a du mieux cependant depuis quelque temps—je suis bien coupable et bien à plaindre d'avoir tant de larmes p. pleurer mes croix et pas une p.

pleurer mes fautes. Il me faudrait votre grave et saisissante sévérité— puis votre tendresse, votre connaissance du coeur humain p. me faire *reaimer* la voie, où vous m'aviez placée et où je croyais pouvoir courir sans aide — oh, présomption fatale je suis tombée, bien lourdement tombée!

[Переводъ.]

Яготинь, 4 ноября 1845 г.

Прежде чѣмъ писать вамъ о себѣ, я должна сообщить вамъ топографическую исторію моей жизни. Еще при жизни моего добраго отца я подѣлила себя на всевозможныя нужды нашей жизни. У меня не было ни своей комнаты, ни даже своего стола; я кочевала изъ комнаты въ комнату вмѣстѣ съ другими. Нѣтъ, ошибаюсь, мнѣ пришлось тотчасъ послѣ его смерти уступить мою комнату одной бѣдной дѣвицѣ, исторію которой я, можетъ быть, разскажу вамъ. Вмѣстѣ съ комнатой она отняла у меня также много времени, которое я должна была посвящать ей, потому что изъ всей семьи, вслѣдствіе разныхъ предшествовавшихъ обстоятельствъ, только я была ей хорошо знакома. Словомъ, развращенная этой праздной жизнью и не имѣя силъ днемъ стряхнуть съ себя эту праздность, я могла бы писать вамъ ночью, если бы чувствовала въ себѣ потребность писать вамъ, потому что писать можно всядѣ.... Въ концѣ концовъ мнѣ пришлось подѣлить себя между мамой, которую моя сестра должна была покинуть, такъ какъ у нея больна была дѣвочка, и все тою же дѣвицей, несчастнѣйшимъ созданіемъ въ мірѣ. Часто и бо́льшую часть времени я была измучена, и тогда, если не вставать ночью, я не располагала даже своими поздними вечерами, потому что, простившись на ночь съ мамой, мы набивались шестеромъ въ маленькую комнату, и начиналась обычная болтовня.

.... Однако, какъ-разъ лѣтомъ, тотъ, кого она [Глафира] не позволяла себѣ любить, противъ всякаго ожиданія пріѣхалъ, сдѣлалъ предложеніе, и вотъ она—счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ, такъ какъ выходитъ за мужъ за человѣка, котораго она любитъ и который ее любитъ два года. Его имя — Петръ Дунинъ-Борковскій; рекомендую его вамъ: — это славный и достойный молодой человѣкъ, привязанный ко мнѣ сыновнимъ чувствомъ. Глафира такъ счастлива, что ея душа снова пріобрѣла свою прежнюю гибкость. А я теперь такъ спокойна на ея счетъ, что стала любить ее меньше, а себя больше, и оттого, сама согрѣвшись у этого огня, который никогда не выпадалъ мнѣ на долю, видя это обоюдное счастіе, столь безмѣрное и благословенное Богомъ и людьми, я плачу горькими слезами о моемъ одиночествѣ. Я завидую, да, завидую ея счастію, котораго я же такъ искренно желала ей. Вотъ строки, которыя я, плача, напи-

сала вамъ нѣсколько дней назадъ послѣ бурнаго вечера, приведенная благостью Божіей къ сознанію своего грѣха.

„Оттого, что я больна, что обманута въ своихъ надеждахъ, что живу праздно, что ни съ кѣмъ не имѣю душевнаго общенія, что перестала молиться, не читаю Слова Божія, что со времени Шевченка отдалась моимъ прежнимъ мечтаніямъ,—я пала очень низко. Я страдаю невыразимо и терзаю Глафиру. Мнѣ бы нужно васъ, но гдѣ вы? даже писемъ отъ васъ нѣтъ! Всего ужаснѣе во мнѣ то, что я дошла до такого состоянія, что видъ чужого счастія меня мучаетъ, раздражаетъ, т. е. счастія, которое даетъ любовь; оно одно по моему достойно этого имени; и оттого меня снѣдаетъ зависть. Я еще не настолько пала, чтобы потерять способность на самопожертвованіе, и если бы пришлось выбирать между моимъ и чужимъ счастіемъ, я бы конечно предпочла принести себя въ жертву; но это, можетъ быть, уловка самолюбія. Пламя любви, горящее передъ моими глазами, убиваетъ меня и жжетъ меня, мою душу обуяла чувственность, цѣлыми часами я лѣниво отдаюсь во власть моего воображенія, которое рисуетъ мнѣ жгучія картины страсти, порою даже сладострастія. Я стала гораздо менѣе чувствительна, я еще довольно хорошо и даже съ жаромъ проповѣдую въ письмахъ, но я не умѣю пользоваться этой вѣрою, которую называю всесильной, потому что я ропщу на то, что моя участь такова, какъ есть. Читала 14 ноября 8-ую главу Второзаконія, удивительно подходящую ко мнѣ".

Какъ огорчатъ васъ эти страницы, мой бѣдный наставникъ! Однако съ нѣкотораго времени наступило улучшеніе. Я очень виновна и очень жалка, потому что у меня слишкомъ много слезъ, чтобы оплакивать свою участь, и ни одной, чтобы оплакать мои вины. Мнѣ нужны ваша суровая, бичующая строгость, и еще ваша нѣжность, ваше знаніе человѣческаго сердца, чтобы я могла снова полюбить тотъ путь, на который вы меня поставили. Я думала, что смогу безъ чьей-либо помощи быстро подвигаться по этому пути,—роковое самообольщеніе! Я упала, и тяжко упала.

10.

[„Тризна“.]

1.

Сходитеся, други, какъ нынѣ сошлись,
Сходитеся долго, и пѣснею новой
Воспойте побѣду безъ злобы и крови!
Благословенъ твой малый путь,
Пришлецъ убогій, неизвѣстный!

2.

Благословенъ! Ты Божью волю
Короткой жизнью осиятилъ;
Безмолвно ты провозгласилъ.

3.

Ты, непорочная, взирала,
Скорбя, на суетныхъ людей.
. . . . . и теперь
На міръ нашъ тёмный и лукавый
Съ тоской невинною глядишь.

4.

Скажи мнѣ тайное ученье
Любить гордящихся людей,
И рѣчью кроткой и смиреньемъ
Да провѣщаю гимнъ пророчій,
И долу правду низведу,

5.

И кроткой мыслію слѣдилъ
Дѣла минувшія народовъ,
Дѣла страны своей родной
И горько плакалъ....... "О Святая!
Святая родина моя!
Чемъ помогу тебѣ родная?
. . . .
И ты заплакала, и я...
. . . .
«Великимъ словомъ Божью волю
Сказать ~~[illegible]~~ [illegible]: — не поймутъ!
И на родномъ прекрасномъ полѣ
Пророка каменьемъ побьютъ!»
[illegible]
И [illegible] ?!
. . . .
[illegible]
. . . .
[illegible]
. . . .
[illegible]
. . . .
=
. . . .
✕ Какъ тучи, мысли расходились,
И слезы капали какъ дождь!...

Блаженъ тотъ на свѣтѣ, кто малую долю,
Кроху отъ трапезы воленъ удѣлить
Голодному брату, и злобнаго волю
Хоть властью суровой возмогъ укротить! —
Блаженъ и свободенъ!.... но тотъ, кто не окомъ
А смотритъ душою на козни людей,
И можетъ лишь плакать въ тоскѣ одинокой
=
О Боже! сильный и правдивый
Тебѣ возможны чудеса.
Исполни славой небеса
И сотвори святое диво
[illegible]
[illegible]
На подвигъ — новый и суровый
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] ✕

6.

Сложите вы псаломъ суровый
Про беззаконія людей; [illegible]
И вольнымъ гимномъ помяните

VI.

Письма Л. Н. Толстого къ С. А. Рачинскому.

Когда познакомился Толстой съ извѣстнымъ радѣтелемъ народнаго образованія, основателемъ Татевской школы С. А. Рачинскимъ, неизвѣстно. Первое изъ печатаемыхъ здѣсь писемъ писано вѣроятно въ августѣ 1861 г.; повидимому, С. А. Рачинскій обратился къ Толстому, прочитавъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ объявленіе объ изданіи имъ съ 1862 г. педагогическаго журнала „Ясная Поляна“. Письма Толстого печатаются съ копій, за доставленіе которыхъ приносимъ искреннюю благодарность Г. А. Рачинскому.

1.

Письмо ваше, любезнѣйшій Сергѣй Алексѣевичъ, одно изъ тѣхъ, которыя я считаю наградой за свою неблагодарную (въ смыслѣ сочувствія публики) дѣятельность. Я и не разсчитываю на эти награды, но тѣмъ пріятнѣе ихъ получать. Вы прочли, поняли и кое съ чѣмъ согласны; *большинство* же говоритъ: это какой Толстой? не Алексѣй? не Оберпрокуроръ? Ахъ да, „Дѣтство“. Онъ мило пишетъ“, и успокоиваются. Стою [1] я на дняхъ пошлю свои книжки. Я его самаго не знаю; но знаю его заведеніе и все таки оно самое интересное и главное единственное почти живое заведеніе изъ всѣхъ нѣмецкихъ школъ. Остальныя вы знаете какъ мертвы совсѣмъ мертвы.—

[1] [Въ 1857 г. С. А. Рачинскій напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, кн. 9, статью объ учебномъ заведеніи Стоя въ Іенѣ.]

Чтобы вы или ваша сестра написали мнѣ въ Я. П. о жизни и развитіи вашей школы. Оттѣнокъ школы подъ женской рукой очень интересенъ; особенно въ вашемъ семействѣ. Учителя въ школахъ всѣ студенты. Всѣ бывшіе семинаристы (ихъ было у меня шесть) не выдерживаютъ больше года запиваютъ или зафранчиваются. Главное условіе, по моему, необходимое для сельскаго учителя это уваженіе къ той средѣ, изъ к—ой его ученики, другое условіе—сознаніе всей важности отвѣтственности к—ую беретъ на себя воспитатель. Ни того ни другаго не найдешь мнѣ нашего образованія (университетскаго и т. п.). Какъ ни много недостатковъ въ этомъ образованіи, это выкупаетъ ихъ. Ежели же этаго нѣтъ, то ужъ лучше всего учитель мужикъ дьячокъ и т. п., тотъ такъ тожественъ въ взглядѣ на жизнь въ вѣрованіяхъ, привычкахъ съ дѣтьми съ кот. имѣетъ дѣло, что онъ невольно не воспитываетъ, а только учитъ. Или учитель совершенно свободный и уважающій свободу другаго, или машина посредствомъ к -ой выучиваютъ чему тамъ нужно. — У меня 11 студентовъ и всѣ отличные учителя. — Разумѣется наши совѣщанія и журналъ содѣйствуютъ этому, но право, сколько я не зналъ студентовъ такая славная молодежь, что во всѣхъ студенческихъ исторіяхъ невольно обвиняешь не ихъ. Разумѣется все зависитъ отъ направленія. Дать извѣстное направленіе навести на болѣе серьезный взглядъ — есть цѣль моего журнала. На дняхъ были у насъ школьные сельскіе учителя студенты не нашего кружка и эти господа увѣряли что библія есть сбродъ нелѣпостей к—ыхъ не нужно передавать ученикамъ, и что цѣль школы есть уничтоженіе суевѣрій. Меня не было, но всѣ наши спорили противъ нихъ. Вы говорите — не студентовъ. А я совѣтую вамъ студентовъ только съ руководителемъ. Студенты на мой взглядъ не имѣютъ и не могутъ имѣть направленій они только люди способные принять направленіе. Я рекомендовать не могу, я бы самъ взялъ и помѣстилъ еще 10 студентовъ к—ыхъ ищу. Совѣтую взять студента и вы увидите какъ вся quasi-либеральная дребедень, яко воскъ отъ лица огня растаетъ отъ прикосновенія съ народомъ.—

Душевно кланяюсь всѣмъ вашимъ и жму вашу руку

7 Августа Л. Толстой

Я переврал ваше отчество, кажется, извините и поправьте.—

2.

5 Апр. 1877 г.

Вы не повѣрите какую истинную и рѣдкую радость мнѣ доставило чудесное письмо ваше, дорогой Сергѣй Александровичъ, читая его я переживалъ свои старыя школьныя времена которыя всегда останутся однимъ изъ самыхъ дорогихъ въ особенности чистыхъ воспоминаній. Воображаю какихъ вы надѣлали и надѣлаете чудесъ.— Я у всѣхъ спрашиваю для чего нужны школы. Обращаясь къ вамъ я могу иначе спросить: на чемъ основывается то наслажденіе, та несомнѣнная увѣренность, что дѣлаешь такое дѣло, которое не важнѣе всѣхъ другихъ, но не менѣе важно чѣмъ какое бы то ни было?

Я получалъ самые разнообразные отвѣты и никогда тотъ который я себѣ давалъ и даю и который мнѣ кажется вы дадите. Попробуйте отвѣтить не читая моего, не сойдемся ли мы.

Учить этихъ дѣтей надо затѣмъ чтобы дать имъ дощечку спасенія изъ того океана невѣжества въ которомъ они плывутъ и не спасенія, они можетъ быть лучше насъ приплывутъ, а такое орудіе посредствомъ котораго они пристанутъ къ нашему берегу, если хотятъ. Я не могъ и не могу войти въ школу и въ сношенія съ мальчиками, чтобы не испытывать прямо физическаго безпокойства какъ бы не просмотрѣть Ломоносова, Пушкина, Глинку, Остроградскаго и какъ бы узнать кому что нужно.

Читая ваше письмо, мнѣ ужасно захотѣлось побывать у васъ и въ вашей школѣ. Я очень тяжелъ на подъемъ и очень зачятъ бываю, но мнѣ этаго очень хочется и я васъ очень люблю.—Пожалуйста напишите мнѣ еще и про себя.

Любящій васъ Л. Толстой

3.

27 Янв. 1878 г.

Очень благодаренъ вамъ, Сергѣй Александровичъ, что вы продолжаете періодически радовать меня вашими письмами и сообщать мнѣ всегда волнующія меня свѣденія о продолжающемся вашемъ увлеченіи вашей школой. Всегда я радуюсь за васъ и немножко завидую и чувствую къ вамъ нѣжность. Радъ бы послѣдовать вашему совѣту пока правда еще не началъ новаго; но есть работа

отвлекающая въ другую сторону. Впрочемъ ваше напоминаніе подѣйствовало на меня а вчера пришелъ въ голову планъ очень меня самаго обрадовавшій и такой, хорошимъ исполненіемъ котораго, вы и главное Терентьевъ и Ануфріевъ остались бы довольны. Но лучше не говорить пока еще и не принимался.

Сужденіе ваше объ А. Карениной мнѣ кажется не вѣрно. Я горжусь напротивъ архитектурой — своды сведены такъ что нельзя и замѣтить того мѣста гдѣ замокъ. И объ этомъ я болѣе всего старался. Связь постройки сдѣлана не на фабулѣ и не на отношеніяхъ (знакомствѣ) лицъ, а на внутренней связи. Повѣрьте что это не нежеланіе принять осужденіе—особенно отъ васъ мнѣніе кот. всегда слишкомъ снисходительно; но боюсь что пробѣжавъ романъ вы не замѣтили его внутренняго содержанія. Я бы не спорилъ съ тѣмъ который бы сказалъ, que me veut cette sonate, но если вы уже хотите говорить о недостаткѣ связи то я не могу не сказать вѣрно вы не тамъ ее ищите или мы иначе понимаемъ связь; но то что я разумѣю подъ связью —то самое что для меня дѣлало это дѣло значительнымъ—эта связь тамъ есть—посмотрите вы найдете. Пожалуйста не думайте чтобы я былъ щекотливъ — право не отъ этаго пишу, а отъ того, что получивъ ваше письмо, все это подумалось мнѣ и хотѣлось сказать вамъ. А первое движеніе est le bon.

Можетъ быть это вызоветъ ваше письмо еще и мы побесѣдуемъ, что для меня истинная радость.

Вашъ всей душой

Л. Толстой

Получивъ ваше письмо, мнѣ хотѣлось къ вамъ ѣхать. Тоже было хорошее движеніе, но не исполнилъ и скоро не исполню его потому что всю эту зиму простужаюсь и хвораю.—

4.

Дорогой Сергѣй Александровичъ

Ради Бога не раздумайте исполнить ваше намѣреніе—побывать у меня. Еслибы я былъ не семейный человѣкъ, я бы давно былъ у васъ.—Всѣ задушевные самые задушевные интересы у насъ съ вами общіе, хотя мы и увѣренъ во многомъ не вполнѣ согласны и наши

интересы теперешніе для меня воспоминаніе, хотя и одно изъ лучшихъ въ жизни. Мнѣ дорого будетъ видѣть какъ много серьезнѣе глубже вы во всей силѣ душевной отнеслись къ тому же самому предмету къ которому я относился такъ первобытно. А вопросы искуства а вопросы религіозные. Если вы будете писать еще мнѣ до свиданія намекните мнѣ какъ вы относитесь къ нимъ. Занимали ли и занимаютъ ли васъ?

Вы пишите, что мои планы? Планы есть но для забавы—любоваться ими, но кажется уже нѣтъ ни силъ ни времени приводить ихъ въ исполненіе.

Планы одни личные душевные—спасти душу. До свиданья. Какъ я буду радъ. Ужасно радъ увидать васъ

Л. Толстой

6 Апрѣля 78

5.

Опять телеграма, дорогой Сергѣй Александровичъ. Оружейная школа очень хороша, но подробности о поступленіи въ нее я не знаю, но на дняхъ увижу начальника и сообщу вамъ. Такъ и не сбылась моя мечта увидать васъ у насъ. Въ первыхъ числахъ Іюня мы ѣдемъ въ Самарскую деревню и пробудемъ тамъ до начала Августа.

А въ Августѣ не можетъ случиться чтобы вы были въ Москвѣ и въ Ясной Полянѣ?

Вашъ Л. Толстой

29 Мая [1878 г.]

VII.

Дневникъ А. Б. Гольденвейзера.

Александръ Борисовичъ Гольденвейзеръ, нынѣ профессоръ Московской Консерваторіи, извѣстный піанистъ, былъ близокъ со Л. Н. Толстымъ и его семьею въ теченіе 14 лѣтъ, съ 1896 г. до смерти Толстого, особенно же въ послѣднія 7 лѣтъ, когда онъ, проводя лѣто на дачѣ вблизи Ясной Поляны—сначала у станціи Засѣка, позднѣе въ имѣніи Александры Львовны, Телятенкахъ, — видался со Львомъ Николаевичемъ почти ежедневно. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ А. Б. регулярно записывалъ свои и чужіе разговоры съ Толстымъ. Дневникъ этотъ цѣненъ своей безусловной достовѣрностью: А. Б. записывалъ слова Толстого неизмѣнно въ тотъ же день, часто—здѣсь же въ комнатѣ, сокращенно, отмѣчая и дату; эти записи, накоплявшіяся на отдѣльныхъ листкахъ, онъ затѣмъ въ первую свободную минуту переписывалъ въ дневникъ [1].

О своемъ первомъ знакомствѣ со Львомъ Николаевичемъ А. Б. сообщаетъ слѣдующее:

„Я въ первый разъ былъ въ домѣ у Льва Николаевича въ январѣ 1896 года. Мнѣ тогда еще не минуло 21 года. Я былъ почти мальчикъ. Привезла меня въ домъ Толстыхъ одна извѣстная въ то время московская пѣвица, бывавшая у Толстыхъ. Привезла, разумѣется, въ качествѣ піаниста...

„Когда человѣкъ имѣетъ несчастье играть на какомъ-нибудь инструментѣ, пѣть, декламировать и т. д., то это является постояннымъ препятствіемъ для непосредственнаго общенія его съ людьми. Съ нимъ не говорятъ, имъ не интересуются, какъ человѣкомъ: его просятъ сыграть,

[1] Помимо личныхъ именъ, замѣненныхъ въ печати буквами, нами сдѣланы небольшія сокращенія въ самомъ текстѣ Дневника, частью по цензурнымъ соображеніямъ, частью въ виду интимности сообщаемыхъ фактовъ или сужденій.

спѣть, прочесть... Отъ этого чувствуешь себя среди людей трудно, неловко.

„Неловко было мнѣ тогда и мучительно страшно. Меня представили. Я пробрался въ гостиную, гдѣ по счастью были 2—3 знакомыхъ лица. Льва Ник-ча я еще не видалъ. Немного погодя онъ вышелъ. Въ блузѣ, руки за поясомъ... Поздоровался со всѣми. Я не помню, говорилъ-ли онъ тутъ со мной. Потомъ я игралъ. Игралъ плохо. Разумѣется, изъ учтивости, меня благодарили и хвалили, отъ чего мнѣ стало невыразимо стыдно.

„И вотъ тутъ, когда я стоялъ среди большой комнаты, такой растерянный, не зная куда дѣваться, не рѣшаясь глазъ поднять, Л. Н. подошелъ ко мнѣ и просто, какъ только онъ умѣлъ говорить, заговорилъ. Говоря о томъ, что я игралъ, онъ спросилъ меня:—Какого композитора вы любите больше всѣхъ?—Я отвѣтилъ:—Бетховена.—

„Онъ посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза и сказалъ какъ-бы недовѣрчиво: — Правда-ли?—

„Похоже было, что я, почти мальчишка, говорю, что всѣ говорятъ. А я правду говорилъ. Л. Н. сказалъ, что едва-ли не больше всѣхъ композиторовъ любитъ Шопена. Онъ сказалъ мнѣ:

— Въ искусствѣ,—я это знаю и на своемъ опытѣ,—трудно избѣжать двухъ крайностей: пошлости и изысканности. Напримѣръ, Моцартъ, котораго я такъ люблю, впадаетъ иногда въ пошлость; недостатокъ Шумана — изысканность. Величіе Шопена въ томъ, что какъ-бы онъ ни былъ простъ, онъ не впадаетъ въ пошлость, и самыя сложныя его сочиненія не бываютъ изысканны.—

„Я ушелъ тогда отъ Толстыхъ со смутнымъ чувствомъ счастья, что увидалъ Л. Н-ча и говорилъ съ нимъ, и какой-то горькой обиды за себя".

1904-й годъ.

14 апрѣля. На Рождество Александра Львовна устроила во флигелѣ для крестьянскихъ ребятъ елку. Не знаю по какому выбору, но за недостаточностью помѣщенія пускали не всѣхъ. Л. Н. со мной и еще не помню кто-то третій пошли позже, когда елка уже была въ разгарѣ. У дверей флигеля стояли непопавшіе въ число приглашенныхъ. При нашемъ появленіи, матери стали просить Л. Н-ча,

чтобы онъ провелъ ихъ ребятишекъ. Онъ взялъ двухъ или трехъ. На елкѣ было жарко, свѣтло, трещали ярко горѣвшія свѣчи, пахло подожженными вѣтками. Мы скоро вышли оттуда. Л. Н. вздохнулъ и сказалъ:

— Какъ это нехорошо. Одни тамъ, а другихъ не пускаютъ. У насъ, когда дѣти были маленькія, Софья Андреевна всегда устраивала елку, и на нее сходились крестьянскія дѣти. Разъ они занесли скарлатину и съ тѣхъ поръ ихъ перестали пускать; только выбирали нѣкоторыхъ, извѣстныхъ. Я помню, разъ наверху была елка, а я внизу лежалъ на диванѣ (тамъ, гдѣ теперь библіотека) и мнѣ было мучительно стыдно и больно думать о столпившихся тамъ за дверьми, которыхъ на елку не пускаютъ. Я помню, я не выдержалъ, вышелъ на дворъ, далъ имъ три рубли [1] и сдѣлалъ, разумѣется, еще хуже,— какъ они стали объ этихъ деньгахъ спорить и ссориться, дѣля ихъ, и какъ это было отвратительно, стыдно и тяжело!—

5 іюня. Въ день нашего пріѣзда 27-го мая, за обѣдомъ, Л. Н. вспоминалъ о декабристахъ, которыхъ онъ зналъ послѣ ссылки (онъ теперь опять изучаетъ ихъ время). Между прочимъ онъ говорилъ о Волконскомъ:

— Его наружность съ длинными сѣдыми волосами была совсѣмъ какъ у ветхозавѣтнаго пророка. Какъ жаль, что я тогда такъ мало съ нимъ говорилъ, какъ-бы мнѣ онъ теперь былъ нуженъ! Это былъ удивительный старикъ, цвѣтъ петербургской аристократіи, родовитой и придворной. И вотъ въ Сибири, уже послѣ каторги, когда у жены его было нѣчто вродѣ салона, онъ работалъ съ мужиками, и въ его комнатѣ валялись всякія принадлежности крестьянской работы.—

Л. Н. не вѣритъ разсказамъ про романъ между Поджіо и Волконской.

— Я не хочу вѣрить,—говорилъ онъ,—такъ часто выдумываютъ такія легенды и чернятъ память людей... Тѣмъ болѣе, что Поджіо такъ любилъ Волконскаго, что когда впослѣдствіи (она уже тогда умерла) почувствовалъ близость смерти, пріѣхалъ къ Волконскому, чтобы у него умереть.

— Съ Волконскимъ я познакомился,—продолжалъ Л. Н.,—во Флоренціи у Долгорукова. Это былъ Кокò Долгорукій—докторъ. Въ то время была рѣдкость, чтобы изъ этого круга кто-нибудь сталъ врачемъ.

[1] Л. Н. и его сестра Марья Николаевна говорили большей частью по старинному: *три рубли.*

Тогда Николай Павловичъ ограничилъ число студентовъ 300-ми и Долгорукій не попалъ на другой факультетъ. Это былъ удивительно ко всему способный человѣкъ: онъ стихи сочинялъ и музыкантъ былъ отличный, и картины писалъ. Женатъ онъ былъ на (?...) Я, когда пришелъ къ нимъ тогда во Флоренціи въ первый разъ, попалъ на такую сцену: жена его и извѣстный маркизъ де Роганъ занимались такой игрой: они дѣлали какую-то замѣточку на стѣнѣ и старались, поднявъ повыше ногу, дотронуться ею до стѣны—кто выше.

— Тамъ еще былъ очень даровитый художникъ Никитинъ. Онъ удивительно рисовалъ карандашемъ. Я помню, у него былъ альбомъ и онъ въ этомъ альбомѣ нарисовалъ портретъ Волконскаго. И мой портретъ тоже тогда нарисовалъ. Не знаю, куда дѣвался этотъ альбомъ. Вотъ-бы его теперь какому-нибудь гробокопателю!—

Тогда-же за обѣдомъ Л. Н. разсказалъ два анекдота изъ своей жизни. Первый, какъ онъ ѣлъ дождевыхъ червей, Л. Н. вспомнилъ по поводу рыбной ловли (ѣздили Александра Львовна, дѣти Ильи Львовича и др.). Л. Н. разсказалъ, какъ онъ несъ въ одной рукѣ червей, а въ другой краюшку чернаго хлѣба; хлѣбъ онъ съѣлъ и потомъ, задумавшись, положилъ червей въ ротъ и сталъ жевать, и не могъ понять нѣсколько времени, что это за гадость.

— Я какъ сейчасъ помню ихъ вкусъ.—

Жена моя спросила его, очень-ли противно было.

— Вкусъ земляистый; впрочемъ, я вамъ не совѣтую пробовать.—

Кто-то чихнулъ, и Л. Н. по этому поводу разсказалъ другой случай:

— Я очень сильно чихаю, и вотъ разъ какъ-то ночью я просыпаюсь и чувствую, что сейчасъ чихну, а С. А. была въ такомъ положеніи и я боялся ее испугать. Я спросонокъ крикнулъ громко: Соня, я сейчасъ чихну! С. А. разумѣется проснулась и испугалась, а я заснулъ сейчасъ-же и такъ и не чихнулъ.—

Въ тотъ-же день Л. Н. говорилъ о воспоминаніяхъ Бѣлоголоваго, который казался Л. Н-чу ограниченнымъ человѣкомъ; Л. Н. говорилъ объ ужасномъ впечатлѣніи, которое оставляетъ описаніе болѣзней и смертей Некрасова, Тургенева и Салтыкова.

— Какъ они боялись смерти; и эти ужасныя отвратительныя подробности болѣзни, особенно Некрасова.—

20 іюня. Какъ-то давно, еще въ маѣ, Л. Н. сказалъ:

Религіи основываются обыкновенно на одномъ изъ трехъ началъ: на вѣрѣ, разумѣ или на обманѣ. Какъ образецъ религіи

разума можно привести стоиковъ, какъ религію обмана—мормоновъ, религія-же пафоса магометанство. Я получаю послѣднее время много писемъ отъ магометанъ. Мнѣ писалъ изъ Каира представитель бабистской секты (образецъ религіи пафоса), изъ Индіи—близкій къ типу религій, основанныхъ на обманѣ, и въ самое послѣднее время муфтій изъ Каира (если не ошибаюсь)—это удивительный, истинно-религіозный человѣкъ. Онъ мнѣ пишетъ, что истинное магометанство представляетъ изъ себя совсѣмъ не то, что обыкновенно думаютъ. Дѣйствительно, я зналъ истинно-религіозныхъ людей магометанъ. А какъ трогательно-просто и возвышенно ихъ богослуженіе!—

Нынче на закатѣ солнца мы шли вдоль сада, гдѣ овесъ.

Говорили о Горькомъ и о его слабомъ „Человѣкѣ". Л. Н. разсказалъ, что въ этотъ день, гуляя, встрѣтилъ на шоссе (онъ любитъ выйти на шоссе, сѣсть на камешекъ, сто-саженный знакъ наблюдать и заговаривать съ прохожими) прохожаго, оказавшагося довольно развитымъ рабочимъ. Л. Н. сказалъ:

Его міросозерцаніе вполнѣ совпадаетъ съ такъ-называемымъ ницшеанствомъ и культомъ личности Горькаго. Это очевидно такой духъ времени. Ницше вовсе не сказалъ чего-либо новаго - это теперь міросозерцаніе очень распространенное.

Потомъ Л. Н. сказалъ:

Когда я былъ мировымъ посредникомъ, въ Крапивнѣ былъ купецъ (?) Гурьевъ, который говорилъ про интеллигентную молодежь: „Да вотъ, погляжу я на вашихъ студентовъ, ученые они, все знаютъ, а только „выдумки" у нихъ нѣтъ." Это выраженіе, я помню, очень нравилось Тургеневу.

По поводу назначенія Андрея Львовича ординарцемъ (онъ какъ-разъ пріѣхалъ проститься, уѣзжая на войну) Л. Н. сказалъ ему:

— Меня одно только утѣшаетъ, что ты навѣрное не убьешь ни одного японца. Ординарецъ постоянно подвергается большой опасности, а самъ въ стрѣльбѣ рѣдко участвуетъ. Я бывалъ много въ Севастополѣ на 4-мъ бастіонѣ; въ дунайской арміи былъ ординарцемъ, и, кажется, стрѣлять мнѣ не пришлось ни разу. Я помню, разъ на Дунаѣ у Силистріи мы стояли на нашемъ берегу Дуная, а была батарея и на той сторонѣ, и меня послали туда съ какимъ-то приказаніемъ. Командиръ той батареи, Шубе, увидавъ меня, рѣшилъ, что вотъ молодой графчикъ, я-жъ его проманежу. И повезъ меня по всей линіи подъ выстрѣлами, и нарочно убійственно медленно. Я

этотъ экзаменъ выдержалъ наружно хорошо, но ощущеніе было очень скверное. Помню также, какъ на бастіонъ въ Севастополѣ пріѣхалъ одинъ изъ высшихъ начальниковъ—Коцебу, и кто-то, кажется Новосильцевъ, хотѣлъ его испытать, и все сталъ показывать ему: „да вы посмотрите, Ваше Пр-во, вотъ тамъ на ихъ линію", заставляя его высовываться изъ-за укрѣпленій. Онъ разъ, другой взглянулъ, а потомъ, понявъ въ чемъ дѣло, сталъ въ свою очередь посылать, какъ начальникъ, того, и уже промучивъ его долго, сказалъ: „Въ другой разъ совѣтую вамъ не сомнѣваться въ храбрости вашего начальства".—

Л. Н. вспомнилъ афоризмъ Лихтенберга, смыслъ котораго тотъ, что человѣчество окончательно погибнетъ, когда не останется больше ни одного варвара. Л. Н. прибавилъ:

— Я думалъ прежде объ японцахъ, но они уже усвоили съ успѣхомъ всѣ отрицательныя черты нашей культуры. Теперь вся надежда на кафровъ.....

Л. Н. вспомнилъ, какъ Марія Александровна Шмидтъ [1] жила около Серпухова.

— Это было ея лучшее время,—сказалъ Л. Н. Мы съ Колечкой Ге— твоимъ отцомъ (Л. Н. обернулся къ П. Н. Ге, бывшей въ комнатѣ) шли изъ Москвы пѣшкомъ въ Ясную Поляну и зашли къ ней. Она жила совсѣмъ одна. Тамъ мужики всѣ уходятъ изъ дому на заработки, а дома работаютъ бабы. Всѣ онѣ, измученныя непосильной работой,—грубыя, несчастныя, многія пьютъ, какъ мужики; дѣти безъ призору, грязныя, умираютъ... И вотъ М. А. вся отдалась помощи этимъ несчастнымъ. Когда у тѣхъ, гдѣ она жила, нечѣмъ было внести подати, и хотѣли продать корову, и стоялъ плачъ, она собрала послѣднія оставшіяся у ней цѣнныя вещи какую-то брошку и браслетъ, продала все это рублей за 50 - 60 и справила имъ подати.

26 іюня. На прошлой недѣлѣ я былъ въ Ясной вечеромъ. Тамъ были Сухотины [2]. Вечеромъ за чаемъ Миша Сухотинъ заговорилъ со Л. Н. о томъ, что по окончаніи училища правовѣдѣнія, онъ хочетъ ѣхать учиться въ Парижъ, и сталъ со Л. Н. спорить. Начала спора я не слыхалъ. Подошелъ я вотъ на чемъ:—... Всякій человѣкъ,— говорилъ Л. Н., это существо совершенно особенное, никогда не бывшее

[1] М. А. Шмидтъ, близкій другъ Л. Н. Толстого.

[2] Дочь Л. Н. Татьяна Львовна съ мужемъ и его дѣтьми отъ перваго брака.

и которое никогда больше не повторится. Въ немъ именно эта его особенность, его индивидуальность, и цѣнна, а школа старается все это стереть и сдѣлать человѣка по своему трафарету. У меня были тульскіе кончившіе гимназисты и спрашивали, что имъ дѣлать. Я имъ сказалъ: прежде всего постарайтесь позабыть все то, чему васъ учили.—

Л. Н. считаетъ русскій университетъ въ Парижѣ совершенно безцѣльнымъ и ни на что ненужнымъ. Онъ сказалъ:

— Лучшее, высшее образовательное учрежденіе, которое мнѣ пришлось видѣть, это Кенсингтонскій музей въ Лондонѣ. Тамъ при огромной публичной библіотекѣ, гдѣ работаетъ много народу, есть по различнымъ спеціальностямъ профессора. Каждый работающій, если у него является какой-нибудь вопросъ, можетъ заявить объ этомъ, и когда накопится нѣсколько такихъ вопросовъ, профессоръ вывѣшиваетъ объявленіе, что онъ будетъ тогда-то читать по такимъ-то вопросамъ, и всѣ желающіе могутъ придти и слушать. Такая постановка дѣла наиболѣе соотвѣтствуетъ назначенію ученія—отвѣчать на вопросы, возникающіе въ умѣ учащихся. Вездѣ-же читаются, въ большинствѣ случаевъ совершенно бездарными профессорами, курсы, которые совсѣмъ не нужны слушателю. Всѣ эти лекторы никогда-бы и не рѣшились напечатать свои лекціи. Гете еще сказалъ: „Когда я говорю, выходитъ лучше, чѣмъ когда я думаю, пишу я лучше, чѣмъ говорю, а когда печатаю—это лучше, чѣмъ то, что я пишу“. Этимъ онъ высказалъ мысль, что то, что человѣкъ печатаетъ, обыкновенно составляетъ лучшее изъ того, что онъ думалъ, то, въ чемъ онъ наиболѣе самъ убѣжденъ. Чѣмъ ѣхать въ Парижъ лекціи слушать, ступай въ публичную библіотеку, и ты двадцать лѣтъ не выйдешь оттуда, если ты только дѣйствительно хочешь учиться. О себѣ собственно говорить не слѣдуетъ, но я вотъ про себя скажу: когда я былъ въ Казани въ университетѣ, я первый годъ дѣйствительно ничего не дѣлалъ. На второй годъ я сталъ заниматься. Тогда тамъ былъ профессоръ..., который заинтересовался мною и далъ мнѣ работу—сравненіе „Наказа“ Екатерины съ „Esprit des lois“ Монтескье. И я помню, меня эта работа увлекла, я уѣхалъ въ деревню, сталъ читать Монтескье; это чтеніе открыло мнѣ безконечные горизонты; я сталъ читать Руссо и бросилъ университетъ, именно потому, что захотѣлъ заниматься. А тамъ я долженъ былъ заниматься тѣмъ и учить то, что меня не интересовало и не было мнѣ ни на что нужно.—

Сергѣй Львовичъ спросилъ Л. Н—ча, почему онъ бросилъ экзамены въ петербургскомъ университетѣ. Л. Н. сказалъ:

— Я сталъ усердно работать, сдалъ два экзамена, получилъ кандидатскіе баллы, но потомъ весна, потянуло въ деревню, ну и бросилъ и уѣхалъ...—

О преимуществѣ людей, не получившихъ школьнаго образованія, Л. Н. сказалъ, что знаетъ двухъ музыкантовъ, не учившихся ни въ какомъ учебномъ заведеніи, а между тѣмъ очень хорошо образованныхъ людей, съ которыми о чемъ ни заговори, все они знаютъ это NN и Сергѣй Ивановичъ Танѣевъ.

Я игралъ. Потомъ Л. Н. разсказалъ, что ему Антонъ Рубинштейнъ говорилъ, что если онъ самъ, играя, взволновался тѣмъ, что играетъ—онъ уже не дѣйствуетъ на слушателя. Это значитъ, что художественное творчество возможно только тогда, когда пережитое отстоялось въ душѣ художника.

Какъ здѣсь разговоръ перешелъ на писательство—не помню, но Л. Н. сказалъ:

— Обыкновенно, когда начинаешь новую работу, она очень самому себѣ нравится и ее дѣлаешь съ большимъ интересомъ. По мѣрѣ того, какъ работа подвигается впередъ, она начинаетъ надоѣдать, и часто, передѣлывая, выбрасываешь и замѣняешь новымъ не потому, что это новое лучше, а потому, что старое надоѣло. Часто даже выбрасываешь болѣе яркое и замѣняешь худшимъ, блѣднымъ...—

Заговорили о Герценѣ. Л. Н. читалъ вслухъ отрывки изъ его книги (сборникъ статей изъ „Колокола"). Л. Н. чрезвычайно любитъ Герцена и цѣнитъ его очень высоко. Онъ говорилъ о несчастной личной жизни Герцена и о той драмѣ, которую онъ долженъ былъ переживать, когда отъ него отшатнулись и перестали его понимать представители (особенно молодые) той партіи, для которой онъ работалъ всю жизнь.

Л. Н. былъ у Герцена, когда онъ жилъ съ Огаревой-Тучковой. Бирюковъ спросилъ Л. Н—ча (для біографіи, которую пишетъ) объ томъ его разговорѣ съ Герценомъ, который Огарева разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Л. Н. говоритъ, что помнитъ многое, о чемъ они говорили, а этого разговора не припоминаетъ.

— Можетъ быть она просто сочинила разговоръ, какъ это часто дѣлаютъ авторы всякихъ мемуаровъ и записокъ,—прибавилъ Л. Н.

Вообще Л. Н. не хвалитъ Огареву, хотя говоритъ, что знаетъ

ее мало. Между прочимъ, онъ получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она разсказываетъ, какъ-бы оправдываясь, исторію съ крестьянами, происшедшую недавно въ ея имѣніи. Тамъ были луга, которыми съ поконъ вѣка пользовались крестьяне. Луга принадлежали юридически помѣщицѣ. Въ имѣніе былъ нанятъ управляющій—полякъ Станиславскій, который загналъ съ этихъ луговъ весь крестьянскій скотъ. Мужики собрались съ дрекольями и пошли выручать скотину, рѣшивъ не уступать луговъ. Они пришли въ усадьбу и стали требовать свою скотину. Въ концѣ концовъ Станиславскій выстрѣлилъ и, не помню, убилъ или ранилъ кого-то изъ толпы. Толпа разсвирѣпѣла и бросилась на Станиславскаго, который хотѣлъ спастись бѣгствомъ, но его нагнали гдѣ-то въ болотѣ и убили звѣрскимъ образомъ. Въ результатѣ этого дѣла былъ военный судъ, и двухъ или трехъ крестьянъ повѣсили. Л. Н. зналъ объ этомъ дѣлѣ и раньше и ужасался на этотъ неслыханный приговоръ.

Потомъ Л. Н. сказалъ:

— Я получилъ недавно письмо отъ одной дамы. Она меня спрашиваетъ, почему собственно такъ дурно убивать. Вѣдь все равно человѣкъ умретъ рано или поздно, не все-ли равно? Я ей отвѣтилъ, что такъ какъ каждый человѣкъ представляетъ собой единственный никогда неповторяющійся случай, то мы совершенно не знаемъ и не можемъ знать—зачѣмъ нуженъ онъ для общей жизни. Въ жизни все такъ мудро устроено, и мы не знаемъ, зачѣмъ эта именно индивидуальность живетъ, и потому уничтоженіе этого единственнаго существа и является такимъ ужаснымъ.—

О страхѣ на войнѣ Л. Н. говорилъ:

Не бояться нельзя, всѣ боятся, но стараются скрыть это. Когда надо уносить раненыхъ съ поля сраженія, на это дѣло является столько охотниковъ, что офицерамъ стоитъ большого труда удержать солдатъ, такъ хочется всякому хотя-бы на время уйти изъ-подъ выстрѣловъ.—

О себѣ Л. Н. говоритъ, что никогда онъ такъ не боялся, какъ въ ночь наканунѣ штурма Силистріи, который потомъ не состоялся. Дальше Л. Н. сказалъ:

— У японцевъ этотъ страхъ меньше, такъ какъ они повидимому гораздо меньше дорожатъ жизнью, чѣмъ европейцы. Отсутствіе страха смерти у нѣкоторыхъ народовъ заходитъ очень далеко. Напримѣръ, если кто-нибудь изъ чукчей хочетъ очень насолить сво-

ему врагу,—онъ приходитъ къ его жилищу и около него убиваетъ себя, зная, что тому придется возиться съ судомъ.—

Пріѣзжалъ издатель какой-то петербургской экономической газеты, г. Бухъ. Когда я пришелъ, я засталъ у него со Л. Н. споръ, во время котораго г. Бухъ старался защищать современную науку. Л. Н. рѣзко нападалъ на науку главнымъ образомъ за то, что „она менѣе всего почти всегда и вездѣ занимается тѣмъ, что нужнѣе всего. Напримѣръ, какъ мало, почти ничего не сдѣлано по вопросу о томъ, какъ нужно жить рабочему, какъ рабочей силѣ, чтобы быть наиболѣе производительнымъ. Мы всѣ знаемъ это о рабочемъ скотѣ, а о людяхъ никто не знаетъ и не думаетъ, а толкуютъ о какихъ-то прибавочныхъ цѣнностяхъ, рентахъ и т. д.“

Потомъ Л. Н. сказалъ:

— Я помню, Страховъ (Н. Н.), котораго я очень любилъ, и Данилевскій спорили о дарвинизмѣ, и я, хотя и тогда не могъ понять важности этого, все-таки изъ уваженія къ нимъ смотрѣлъ на эти вопросы, какъ на серьезное дѣло. Теперь-же я вижу, что это совершенно праздное времяпрепровожденіе. Когда на деревнѣ въ бабки играютъ, то это важнѣе, чѣмъ всѣ эти происхожденія видовъ и т. д.— Разумѣется, справедливо, что изъ всей этой массы научнаго матеріала—спектральныхъ анализовъ и т. д.—можно извлечь, можетъ быть, и кое-что важное; но жизнь человѣка коротка, и силы его ограничены, и съ ними надо обращаться экономнѣе...—

2 и 4 іюля. По поводу полученной американской газеты съ описаніемъ катастрофы на дѣтскомъ увеселительномъ пароходѣ, на которомъ погибло до 1000 человѣкъ, главнымъ образомъ дѣтей и женщинъ — и письма американца, приславшаго эту газету, говорящаго, что такой фактъ гибели тысячи невинныхъ дѣтскихъ жизней можетъ породить невѣріе, съ которымъ трудно бороться какимъ-бы то ни было проповѣдникамъ, Марія Львовна спросила Л. Н—ча:

— Ты будешь ему отвѣчать?—

— Нѣтъ, на всякое чиханіе...—

— Ну, а если-бы отвѣтилъ, что бы ты могъ ему возразить?—

— Главное заблужденіе въ томъ, что люди представляютъ себѣ Бога-творца и промыслителя, который награждаетъ или караетъ за грѣхи, которому можно молиться, прося о чемъ-то. Это отношеніе къ Богу — православное. (Л. Н. на замѣчаніе Софьи Андреевны оговорился, что подразумѣваетъ вообще церковно-догматическое). Я вспо-

минаю всегда удивительную легенду, которую мнѣ разсказалъ одинъ архангельскій мужикъ еще давно. Мнѣ давно хотѣлось ее написать, можетъ быть я это и сдѣлаю когда-нибудь.—Я не буду ее вамъ разсказывать. Кончается она тѣмъ, что ангелъ, убившій ребенка, говоритъ родителямъ, чтобы они не горевали, такъ какъ если-бы этотъ ребенокъ остался живъ,—онъ сдѣлался бы величайшимъ злодѣемъ. Никто не можетъ знать, зачѣмъ нужна его жизнь или смерть [1].

Вообще, по отношенію къ вѣрѣ, къ размышленію о смыслѣ и назначеніи жизни всѣ вопросы личнаго счастья, страданья, смерти не должны ставиться. Это все явленія временныя. Мы представляемъ себѣ жизнь, какъ прошедшее и будущее, а настоящаго представить себѣ не можемъ, а между тѣмъ въ этомъ-то настоящемъ, внѣвременномъ, мы и живемъ. Постоянно разбираемый вопросъ о свободѣ воли мнѣ кажется просто недоразумѣніемъ.—

Л. Н. вспомнилъ очень ему нравящійся афоризмъ Лихтенберга: „Мы гораздо яснѣе сознаемъ, что наша воля свободна, чѣмъ то, что все совершающееся должно имѣть свою причину. Развѣ нельзя было бы обратить это умозаключеніе и сказать: наши понятія о причинѣ и слѣдствіи должны быть очень неправильны, такъ какъ наша воля не могла бы быть свободна, если бы они были справедливы".

Л. Н. сказалъ:

— Разсматривая нашу жизнь во времени, какъ прошедшее и будущее, мы невольно связываемъ ее въ цѣпь причинъ и слѣдствій, и съ этой точки зрѣнія мы, разумѣется, не свободны. Но въ настоящемъ, внѣвременномъ, внѣпричинномъ нѣтъ и не можетъ быть этого вопроса. Жизнь человѣческая есть постепенное освобожденіе духовнаго „я" отъ тѣлесной оболочки. Мнѣ вся жизнь человѣка представляется ввидѣ вотъ какого рисунка (Л. Н. взялъ бумагу и нарисовалъ такой чертежъ:

— Рождаясь, мы наиболѣе тѣлесно сильны—все впереди. Духовно мы безконечно малы. Дальнѣйшая жизнь—постепенное тѣлесное уми-

[1] Изъ этого вышелъ впослѣдствіи разсказъ „Молитва".

раніе и духовный ростъ—освобожденіе. Жизнь тѣлесная, безконечно уменьшаясь, въ смерти равна нулю. Духовная — растетъ и окончательно освобождается только въ смерти. Всякій человѣкъ, ставъ на извѣстную точку духовнаго роста, не можетъ одновременно стоять на высшей, и поэтому не подлежитъ осужденію. Когда приходишь къ этому выводу, становится какъ-то легко и свободно, какъ-будто нѣтъ въ людяхъ добра и зла, за которое можно осуждать ихъ. Человѣкъ не можетъ быть выше своего міропониманія. Не судить его нужно, а стараться освободить его духовное „я" отъ тѣлесныхъ узъ. И въ этомъ безконечномъ освобожденіи духовнаго „я" и есть смыслъ жизни. Оно и есть жизнь.—

8 іюля. Л. Н. сказалъ по поводу своей статьи о войнѣ („Одумайтесь"):

— Мнѣ тяжело чувствовать, что мои слова идутъ мимо людей. Если говорить о такъ называемыхъ людяхъ науки, которые смотрятъ на войну, независимо отъ нравственнаго ея значенія, только какъ на одну изъ стадій эволюціи человѣческихъ отношеній, то тутъ знаешь по крайней мѣрѣ, съ чѣмъ имѣешь дѣло. Но что и какъ говорить людямъ, которые очевидно не могутъ понять моей точки зрѣнія? Что ни говори, все скользитъ мимо нихъ. Они какъ будто смазаны какимъ-то масломъ, такъ что съ нихъ все, какъ вода, сливается, не смачивая ихъ.—

Сказавъ это, Л. Н. прибавилъ, что когда онъ писалъ къ Николаю II (изъ Крыма, зимой 1902—1903), ему было передано что-то въ родѣ того, что „прочиталъ съ удовольствіемъ". Тутъ-же онъ вспомнилъ про письма Герцена къ Александру II. Государю Л. Н. писалъ о земельномъ вопросѣ. Объ отношеніи правительственныхъ людей къ этому вопросу Л. Н. сказалъ:

— Я никакъ не могу стать на ихъ точку зрѣнія. Я помню, когда я былъ молодъ, былъ военнымъ, я не задавался этими вопросами, они какъ-то не возникали у меня; но я не могу себѣ представить, чтобы встрѣтившись съ такимъ воззрѣніемъ, я-бы могъ пройти мимо него. Я помню два такихъ случая съ собою. Разъ, когда мнѣ Василій Ивановичъ Алексѣевъ, въ то время, когда я былъ въ самомъ разгарѣ своей помѣщичьей жизни, впервые высказалъ мысль, что земельная собственность—зло. Я помню, какъ меня поразила эта мысль, и какъ сразу для меня открылись совершенно новые горизонты. Такъ же было, когда не помню кто—французъ какой-то ска-

залъ мнѣ, что проституція вещь ненормальная и не только ненужная, а просто вредная для человѣчества. Шопенгауэръ, напримѣръ, говоритъ, что только благодаря проституціи сохранились еще въ обществѣ людей семейныя отношенія. Я, не думавшій раньше объ этомъ, послѣ словъ француза сразу почувствовалъ истину и уже не могъ идти назадъ. Я могу представить себѣ, что можно не думать въ извѣстномъ направленіи, не знать какой-нибудь точки зрѣнія. Но этой неспособности, нежеланія понять, я не могу объяснить себѣ.—

9 іюля. Говоря объ афоризмахъ Лихтенберга, Л. Н. сказалъ:

— Афоризмы — едва-ли не лучшая форма для изложенія философскихъ сужденій. Напримѣръ, афоризмы Шопенгауэра (Парерга и Паралипомена) гораздо ярче выражаютъ его міросозерцаніе, чѣмъ „Міръ, какъ воля и представленіе". Философъ, излагая цѣлую сложную систему, невольно перестаетъ иногда быть честнымъ. Онъ дѣлается рабомъ своей системы, для стройности которой онъ часто готовъ жертвовать истиной.—

Говоря о прекрасномъ нѣмецкомъ языкѣ Лихтенберга, Л. Н. сказалъ:

— Каждый литературный языкъ доходитъ до своей высшей точки и затѣмъ начинаетъ падать. Въ нѣмецкомъ языкѣ это время было конецъ 18-го и первая половина 19-го столѣтія, также и во французскомъ языкѣ. Теперь тамъ (въ Германіи и Франціи) языкъ сталъ совершенно испорченъ. У насъ въ Россіи мы только находимся на этомъ рубежѣ. Русскій языкъ достигъ недавно своего апогея и теперь начинаетъ рѣшительно портиться.—

Здѣсь Л. Н. очень похвалилъ языкъ Чехова за простоту, краткость и изобразительность. Языкъ Горькаго онъ порицаетъ, находя его искусственнымъ, напыщеннымъ.—Потомъ говорили о японцахъ. Л. Н. сказалъ:

Ихъ религіозно-нравственный уровень мнѣ мало ясенъ. Читая китайскихъ Лао-дзе, Конфуція, не говоря уже объ индійскихъ, чувствуешь связь съ нимъ, онъ отвѣчаетъ на твои вопросы и, если иногда многое неясно и непонятно,—это почти наѣрное можно отнести на счетъ переводовъ, такъ какъ китайскій языкъ по своей конструкціи совершенно чуждъ арійскимъ, и обороты его вѣроятно крайне трудно поддаются передачѣ на европейскіе языки. Въ Японіи совсѣмъ иначе. Ихъ живопись, хотя и странна, но ея своеобраз-

ная прелесть все-таки дѣйствуетъ на насъ. Выразительность лицъ и позъ на ихъ рисункахъ бываетъ удивительная. Что-же касается литературы - тамъ все, что мы знаемъ — совершенно ничтожно и чуждо. А объ ихъ религіозно-нравственныхъ воззрѣніяхъ мнѣ ничего неизвѣстно. Нехорошій признакъ то, какъ быстро и легко они усвоили себѣ всѣ дурныя стороны такъ называемой европейской культуры.

По поводу войны Л. Н. постоянно говоритъ, что несмотря на его отношеніе къ войнѣ и вообще къ патріотизму, онъ въ глубинѣ души чувствуетъ всегда невольную боль при пораженіи русскихъ. Я слышалъ, какъ онъ говорилъ это при Г., Б. и еще при комъ-то; всѣ они энергично отрицали въ себѣ такое чувство невольнаго „патріотическаго пристрастія". Мнѣ кажется, они просто менѣе честны, чѣмъ Левъ Ник.

22 октября. Мечниковъ прислалъ Л. Н-чу свою книгу („Этюды о природѣ человѣка") на французскомъ языкѣ. Л. Н. ее прочиталъ. Нынче онъ сказалъ мнѣ:

— Я много вынесъ изъ этой книги интересныхъ свѣдѣній, такъ какъ М-въ несомнѣнно большой ученый. Только удивительна въ немъ самодовольная ограниченность, съ какой онъ убѣжденъ, что рѣшилъ чуть ли не всѣ вопросы, волнующіе человѣка. Онъ такъ увѣренъ, что счастье человѣка въ его животномъ довольствѣ, что, называя старость зломъ (вслѣдствіе ограниченія въ ней способности физическаго наслажденія), даже и не понимаетъ, что есть люди, думающіе и чувствующіе совершенно наоборотъ. Да я дорожу своей старостью и не промѣняю ее ни на какія блага міра.—

Зашелъ разговоръ о стремленіи всѣхъ женщинъ поступать на курсы. Л. Н. сказалъ, смѣясь:

— Будь я министромъ, я издалъ-бы указъ, по которому всѣ женщины были-бы обязаны поступать на курсы, и лишались-бы права вступать въ бракъ и имѣть дѣтей. За нарушеніе этого распоряженія виновныя подвергались-бы строгому административному взысканію. Навѣрное, всѣ-бы замужъ повыходили!..

Л. Н. съ негодованіемъ говорилъ о писательствѣ (это было еще 28 августа), какъ о профессіи. Рѣдко видѣлъ я его такимъ возбужденнымъ. Между прочимъ, онъ сказалъ:

— Писать надо только тогда, когда каждый разъ, что обмакиваешь перо, оставляешь въ чернильницѣ кусокъ мяса...

1905-й годъ.

13 февраля. О конституціи въ Россіи [1] Л. Н. сказалъ, что едва-ли можно ждать ее теперь. Главнѣйшія препятствія: 1) реакціонная (еще очень сильная) партія и правительство, опирающееся на войска; 2) радикальная партія, считающая конституцію полумѣрой и боящаяся, что слишкомъ многіе на этомъ примирятся; 3) люди христіанскихъ убѣжденій, не въ этомъ видящіе цѣль и смыслъ борьбы, 4) и наконецъ — и это едва-ли не самое главное препятствіе — народъ, въ которомъ еще очень сильна вѣра въ царя, и который объясняетъ всѣ попытки образованныхъ классовъ ограничить царскую власть, какъ противодѣйствіе царю, желающему отнять землю у помѣщиковъ и отдать народу. Кромѣ того въ народѣ еще сильно чувство къ царю, какъ свыше поставленному главѣ, о которомъ говорили славянофилы.

На Святкахъ какъ-то Миша Сухотинъ читалъ книгу профессора Коркунова о государственномъ правѣ. Л. Н. взялъ ее и сталъ просматривать. Просидѣлъ чуть не весь вечеръ и вышелъ взволнованный и возбужденный.

У меня даже перебои сдѣлались,—сказалъ онъ. Въ этой, да и вообще во всѣхъ юридическихъ книгахъ, трактующихъ о разныхъ „правахъ", говорится о чемъ угодно, только не о существѣ дѣла. Говорится о „субъектѣ и объектѣ" права, я никогда не могъ понять, и никто не могъ растолковать мнѣ, что собственно подъ этими словами подразумѣвается,—и тому подобной путаницѣ; но какъ только дѣло доходитъ до существа вопроса, сейчасъ-же авторъ отклоняется въ сторону и прячется за своими объектами и субъектами.—

Дальше Л. Н. сказалъ:

— Вотъ что удивительно: я всю жизнь стремился къ знанію, искалъ и ищу его, а такъ называемые люди науки говорятъ, что я отрицаю науку; я всю жизнь занятъ религіозными вопросами и вижу ихъ не вижу смысла въ человѣческомъ существованіи, а такъ называемые религіозные люди считаютъ меня безбожникомъ...—

Тогда-же, въ январѣ, Л. Н. говорилъ, что ему хотѣлось-бы написать цѣлую серію разсказовъ для „Круга Чтенія", который онъ теперь составилъ, и что у него намѣчено уже много темъ для этого.

[1] Это было въ февралѣ „весны".

— Жить остается только одну минуту, а работы на сто лѣтъ,— сказалъ онъ.

А когда потомъ, вечеромъ, я игралъ прелюдіи Шопена и сыгралъ первую, Л. Н. сказалъ:

— Вотъ какіе надо писать разсказы!—

Былъ тогда-же интересный разговоръ о „Душечкѣ" Чехова, по поводу письма Горбунова [1], отсовѣтовавшаго помѣщать этотъ разсказъ въ „Кругъ Чтенія". Л. Н., наоборотъ, рѣшилъ непремѣнно его оставить и говорилъ съ большой похвалой объ этомъ разсказѣ. Я не стану записывать этихъ его словъ, такъ какъ только на дняхъ Л. Н. написалъ предисловіе къ „Душечкѣ".

О письмѣ Горбунова Л. Н. сказалъ:

— Я чувствую здѣсь женское на него вліяніе. Современное путанное міровоззрѣніе считаетъ устарѣлою, отжившею способность женщины отдаться всѣмъ существомъ любви,—а это ея драгоцѣннѣйшая, лучшая черта и ея истинное назначеніе, а никакъ не сходки, курсы, революціи и т. д.—

О Бетховенской музыкѣ Л. Н. сказалъ, что она иногда пріѣдается ему, какъ это, по его мнѣнію, часто бываетъ съ тѣмъ, что сразу очень поражаетъ. То-же, напримѣръ, было у него съ картинами Ге.

16 іюня. Еще съ февраля записаны у меня слова Л. Н-ча:

— Безсмертіе, разумѣется неполное, осуществляется несомнѣнно въ потомствѣ. Какъ сильно въ человѣкѣ стремленіе къ безсмертію, яснѣе всего видно въ постоянной заботѣ о томъ, чтобы оставить по себѣ слѣдъ послѣ смерти. Казалось-бы, какое человѣку дѣло до того, что объ немъ скажутъ и будутъ ли его помнить, когда онъ исчезнетъ, а между тѣмъ сколько усилій дѣлаетъ онъ для этого.—

Л. Н. говорилъ о молоканахъ, что ему несимпатиченъ ихъ религіозный формализмъ. Онъ проводитъ въ этомъ отношеніи параллель между молоканами и англичанами.

У Л. Н-ча весною былъ Вогюэ-сынъ, о которомъ онъ сказалъ:

— Это—типичный французъ во всемъ—отъ панталонъ до образа мыслей. Его отецъ перевелъ „Три смерти" и писалъ мнѣ давно объ этомъ. У меня на совѣсти осталось, что я ему не отвѣтилъ, и я былъ радъ случаю высказать это сыну.—

[1] И. И. Горбуновъ, редакторъ издательской фирмы „Посредникъ", одинъ изъ ближнихъ друзей Л. Н-ча.

Л. Н—ча очень удивилъ разсказъ молодого Вогюэ о томъ, что его отецъ работаетъ по ночамъ и много при этомъ куритъ. Л. Н. сказалъ:

— Мнѣ представляется, что французъ долженъ утромъ, обтершись одеколономъ до красна, напиться кофе и сѣсть спокойно работать.—

— Я всегда пишу по утрамъ. Мнѣ пріятно было недавно узнать, что Руссо также утромъ, проснувшись, дѣлалъ небольшую прогулку и садился за работу. Утромъ голова особенно свѣжа. Лучшія мысли чаще всего приходятъ утромъ послѣ пробужденія, еще въ постели или на прогулкѣ. Многіе писатели работаютъ по ночамъ. Достоевскій писалъ всегда ночью. Въ писателѣ должно быть всегда двое—писатель и критикъ. И вотъ при ночной работѣ, да еще съ папироской, хотя творческая работа идетъ энергично, критикъ большей частью отсутствуетъ. Это очень опасно.—

О музыкѣ Л. Н. часто говоритъ, что не можетъ найти подходящаго опредѣленія ея. Какъ-то весной онъ сказалъ:

— Музыка—это стенографія чувства. Такъ трудно поддающіяся описанію словомъ чувства передаются непосредственно человѣку въ музыкѣ, и въ этомъ ея сила и значеніе.—

Какъ-то еще довольно давно Л. Н. сказалъ:

— Жизнь—настоящее. Все пережитое человѣкомъ остается въ немъ, какъ воспоминаніе. Мы всегда живемъ воспоминаніями. Я часто сильнѣе чувствую не пережитое мною дѣйствительно, а то, что я писалъ и переживалъ съ людьми, которыхъ описывалъ. Они сдѣлались также моими воспоминаніями, какъ дѣйствительно пережитое.—

Теперь на дняхъ былъ аналогичный разговоръ. Л. Н. сказалъ:

— Въ то время, когда такъ называемыя несчастья случаются, ихъ обыкновенно не чувствуешь, какъ рану въ моментъ ея полученія, и только постепенно сила горя растетъ, сдѣлавшись воспоминаніемъ, т.-е. стань не-внѣ меня, а уже во мнѣ. Однако, проживъ свою долгую жизнь, я замѣчаю, что все дурное, тяжелое не сдѣлалось мною: оно какъ-то проходитъ мимо; а, наоборотъ, всѣ тѣ хорошія чувства, любовныя отношенія съ людьми, дѣтство,—все хорошее—съ особенной ясностью встаетъ въ памяти.—

Татьяна Львовна сказала:

— А какъ-же у Пушкина: воспоминаніе—„свой длинный развиваетъ свитокъ". И дальше: „И съ отвращеніемъ читая жизнь мою, я трепещу и проклинаю" и т. д.

Л. Н. отвѣтилъ:

— Это совсѣмъ другое. Умѣть переживать и живо чувствовать все свое зло съ такой силой—это драгоцѣнное, нужное свойство.... Счастливъ и особенно значителенъ только такой человѣкъ, который умѣетъ это такъ живо переживать, какъ Пушкинъ.—

6 іюля. Ходили на песочныя ямы [1]. Во время прогулки Горбуновъ спросилъ про религіозно-философскую книгу Добролюбова („Изъ книги невидимой"). Л. Н. сказалъ о книгѣ:

— Она неясна, фальшива, искусственна.—

По этому поводу заговорили о писательствѣ. Л. Н. сказалъ:

Удивительно,—по всякомъ, даже маленькомъ дѣлѣ, нужно обдумать все много разъ со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ сдѣлать. Все равно, если будешь рубаху шить, или даже просто дѣлать шахматный ходъ. И если не обдумаешь, сразу все испортишь—рубахи не сошьешь, партію проиграешь. Только писать можно все, что угодно, и не только не замѣчаютъ этого, но можно и писателемъ прослыть....—

Л. Н. говорилъ, что вся работа писателя должна сводиться къ совершенствованію себя.

— Я,—сказалъ Л. Н.,—всегда старался и стараюсь уяснить себѣ занимающій меня вопросъ до такой степени, чтобы почувствовать, что довелъ его до высшей доступной мнѣ степени ясности. Въ этомъ должна заключаться работа писателя. Самая опасная вещь это—учительство. Я думаю, что мнѣ не случалось учительствовать. Нѣтъ, случалось... Но это всегда было дурно.—

И. И. Горбуновъ разсказалъ, что „Посреднику" цензура разрѣшила хорошую книжку, въ которой совершенно безпристрастно описывается путешествіе въ Саровъ.

Л. Н. сказалъ:

- Я не сочувствую, когда такія явленія описываютъ въ тонѣ насмѣшки или грубаго издѣвательства. Здѣсь много искренней, наивной вѣры, съ которой нужно обращаться осторожно. У какой-нибудь наивно вѣрующей старухи, несмотря на все нелѣпое суевѣріе, чувствуешь, что основаніе этой вѣры есть истинное стремленіе къ высшему, къ истинѣ. Ея міросозерцаніе гораздо выше міросозерцанія профессора, который давно уже рѣшилъ всѣ вопросы.—

[1] Мѣсто, гдѣ добывается желтый песокъ.

В. Г. Кристи, гулявшій съ нами, спросилъ Л. Н—ча:

— Что, если такая старуха заговоритъ о вѣрѣ, нужно-ли разрушать ея иллюзіи и говорить съ нею откровенно, что думаешь?—

Л. Н. отвѣтилъ ему:

— Для меня нѣтъ этого вопроса. Если я буду говорить о религіозныхъ вопросахъ, я всегда буду высказывать свои мысли, если я вѣрю въ то, что говорю; а если мои слова будутъ не поняты, это не мое дѣло, но я не могу говорить не то, что думаю.—

Раньше о Серафимѣ онъ сказалъ, что это былъ, кажется, очень хорошій человѣкъ, вродѣ Тихона Задонскаго, и Л. Н. назвалъ еще кого-то, не помню.

Ѳ. И. Маслову [1] Л. Н. сказалъ о книгѣ Джорджа „Рѣчи Г. Джорджа":

— Это прекрасная книга, она такъ хороша, что ее могъ-бы и не ученый написать.—

О томъ, что въ Россіи за послѣднее время дѣлаются министрами люди, до тѣхъ поръ совершенно непричастные къ тому дѣлу, которымъ они должны управлять, Л. Н. сказалъ какъ-то Н. В. Давыдову [2]:

— Попробуйте сшить сапоги, если вы не сапожникъ, или печь сложить, если вы не печникъ. Вѣдь нельзя. А быть министромъ— сколько угодно. Очевидно, что тутъ такъ много дѣла, и такъ запутано и неясно — что собственно нужно дѣлать, что ничего сдѣлать нельзя; а поэтому всякій можетъ завтра стать министромъ чего-угодно.—

13 іюля. Л. Н. сказалъ какъ-то:

— Земледѣльческіе классы это ноги, на которыхъ стоитъ все туловище народа. У западно-европейскихъ народовъ ихъ ноги уже не могутъ держать туловища, и они держатся на чужихъ ногахъ— покупаютъ хлѣбъ. Россія еще стоитъ на своихъ ногахъ, но всѣ стремятся стать туловищемъ, ноги все становятся слабѣе, а туловище все больше.—

Л. Н. читалъ біографію Г. Джорджа, написанную его сыномъ. Онъ сказалъ о Джорджѣ:

— Энергическая дѣятельность Джорджа, его рѣчи, которыя онъ

[1] Ѳ. И. Масловъ, бывшій въ то время предсѣдателемъ одного изъ департаментовъ московской судебной палаты, другъ семьи Толстыхъ.

[2] Н. В. Давыдовъ, въ то время предсѣдатель окружнаго суда въ Москвѣ, старинный другъ Л. Н-ча.

произносилъ иногда по четыре въ день, разъѣзжая по Америкѣ, Англіи, Австраліи, не имѣли того значенія, которое имъ приписывали. Правда, онъ былъ окруженъ атмосферой внѣшняго успѣха, ему пожимали руки, онъ говорилъ толпѣ изъ коляски, но это поверхностное впечатлѣніе не оставляло глубокаго слѣда. На эту дѣятельность только напрасно расходовались силы и здоровье Джорджа. Книги же его, которыя не могли имѣть такого шумнаго внѣшняго успѣха, какъ его рѣчи, имѣютъ огромное, все растущее значеніе. Это невольно наводитъ на мысль, что никакъ не слѣдуетъ стараться искусственно распространять свои мысли, что это не приноситъ хорошихъ результатовъ, а часто совершенно обратные...—

Л. Н. вспомнилъ слова (кажется Джорджа), что какъ прочность цѣпи измѣряется крѣпостью самаго слабаго кольца, такъ и крѣпость народа измѣряется состояніемъ его пролетаріата.

Ко Л. Н—чу приходили еще въ прошломъ году, и теперь снова, двое молодыхъ людей, очень милыхъ, ищущихъ хорошей жизни, которые оказались балетными танцовщиками изъ московскаго Большого театра. Семья мѣшаетъ имъ перемѣнить профессію. Л. Н. очень ихъ хвалилъ. Потомъ онъ въ шутку сказалъ:

— Если-бы у меня теперь были дѣти, я-бы отдалъ ихъ въ балетъ, во всякомъ случаѣ это лучше университетовъ: въ балетѣ имъ могутъ испортить только ноги, а въ университетѣ—голову.—

Говоря о современныхъ планахъ конституціи въ Россіи, Л. Н. замѣтилъ:

— Бѣда въ томъ, что гг. NN. и компанія будутъ стараться только о томъ, чтобы сказать что-нибудь поумнѣе, разыграть изъ себя русскихъ Бебелей, и эта партійная игра составитъ все содержаніе дѣятельности народныхъ представителей.—

Л. Н. сказалъ:

— Удивительно, какъ мы присвоили только извѣстной категоріи свѣдѣній наименованіе образованности. Мужика, который имѣетъ огромный запасъ знаній о растеніяхъ, о животныхъ, о землѣ, погодѣ и т. д., мы почему-то называемъ необразованнымъ, а какого-нибудь невѣжду во всемъ студента—образованнымъ.—

Л. Н. разсказывалъ между прочимъ, какъ въ Самарѣ мужики узнавали плодородіе земли на вкусъ: они ѣли землю и по вкусу рѣшали, хороша-ли она.

Зашла рѣчь о психологіи толпы; Л. Н. сказалъ:

— Это интересный и еще очень мало разработанный вопросъ. Это гипнозъ, имѣющій страшную власть надъ человѣкомъ. Здѣсь есть одинъ моментъ въ началѣ, когда еще можно удержаться. Меня теперь больше не заражаетъ зѣвота, потому что я всегда вспоминаю объ этомъ. Когда видишь бѣгущую толпу, слѣдуетъ вспомнить о томъ, что не знаешь, отчего бѣгутъ, и осмотрѣться; и какъ только выдѣлишь такъ себя изъ толпы, сейчасъ избавишься отъ опасности подпасть подъ гипнозъ.—

Мы играли въ шахматы на террасѣ, а въ залѣ пѣла Софья Николаевна [1] „Wanderer“ Шуберта. Л. Н. сказалъ:

— Ахъ, этотъ Шубертъ! много онъ вреда надѣлалъ!—

Я спросилъ—чѣмъ.

— А тѣмъ, что у него была въ высшей степени способность соотвѣтствія между поэтическимъ содержаніемъ текста и характеромъ музыки. Эта рѣдкая его способность породила множество поддѣлокъ музыки подъ поэтическое содержаніе, а это отвратительный родъ искусства.—

Запѣли Глинку. Л. Н. сказалъ:

— Вотъ, грѣшный человѣкъ...—интересная шахматная комбинація не дала Л. Н—чу докончить фразу. Потомъ онъ сказалъ:

— Въ Глинкѣ я чувствую, что онъ былъ нечистый, чувственный человѣкъ. Всегда чувствуешь самого человѣка въ его музыкѣ. Юноша—свѣтлый, непосредственный Моцартъ, наивный Гайднъ, суровый, самолюбивый Бетховенъ—слышны въ ихъ музыкѣ.—

У С. А—ны былъ проф. N. Л. Н. сказалъ про него, что онъ выпиваетъ, но пріятный человѣкъ.

— Онъ православный, но симпатичнаго типа, нѣсколько народнаго. Но это, какъ большинство медиковъ, совершенно невѣжественный человѣкъ. Онъ ничего не читалъ, не знаетъ. Въ письмѣ — это пустякъ, но типично—написалъ слово „истина“ черезъ два *н*.—

26 іюля. Л. Н. пишетъ статью, которая называется „Начало конца“; у него былъ корреспондентъ какой-то, которому онъ высказалъ нѣсколько мыслей, служащихъ основаніемъ статьи:

— Современное движеніе въ Россіи—движеніе міровое, важность котораго еще мало понимаютъ. Это движеніе, которое, какъ французская революція когда-то, можетъ быть дастъ своими идеями тол-

[1] Жена Ильи Львовича.

чокъ на сотни лѣтъ. Русскій народъ обладаетъ въ высшей степени способностью къ организаціи и самоуправленію. Онъ какъ-бы уступилъ свою власть правительству и ждалъ, какъ раньше освобожденія отъ крѣпостного права, освобожденія земли. Землю ему не дали, и онъ самъ совершитъ эту великую реформу. Наши революціонеры совершенно не знаютъ народа и не понимаютъ этого движенія. Они могли-бы содѣйствовать ему, а они только мѣшаютъ. Въ русскомъ народѣ, мнѣ кажется, и я думаю это не отъ пристрастья,—больше христіанскаго духа, чѣмъ у другихъ народовъ. Вѣроятно причина этому та, что русскій народъ чуть-ли не на 500 лѣтъ раньше европейскихъ узналъ евангеліе, которое на западѣ до реформаціи совершенно не было извѣстно народу.—

27 іюля. Л. Н. выражалъ удивленіе, что историки говорятъ о Гуссѣ, Лютерѣ, а о такомъ, какъ Хельчицкій, даже не упоминаютъ. А между тѣмъ, это удивительный религіозный мыслитель. Л. Н. разсказалъ про американскую секту шэкеровъ. Онъ ихъ хорошо знаетъ и былъ въ перепискѣ съ однимъ изъ нихъ, старикомъ лѣтъ 90. Л. Н. сказалъ:

— Шэкеры — замѣчательная секта. Они строго цѣломудренны. Они говорятъ про себя, что люди дѣлаютъ кирпичи, а мы уже воздвигаемъ зданіе. Они въ основаніе своей жизни кладутъ принципъ непротивленія злу насиліемъ. Однако, живя нравственной, трудовой жизнью, они очень разбогатѣли. Я спрашивалъ ихъ, какъ имъ удается ограждать свою большую собственность безъ насилія, такъ какъ они живутъ среди людей, не признающихъ ихъ ученія. Отвѣты шэкеровъ на этотъ вопросъ всегда отличались сбивчивостью и неясностью. Очевидно они пользовались поддержкой и защитой тѣхъ, кто ограждаетъ собственность силой. Я ѣхалъ разъ въ Москву и вышелъ въ Серпуховѣ въ буфетъ поѣсть. Въ буфетѣ какой-то офицеръ, высокій съ черными усами, очевидно пьяный, шумѣлъ и грубо ругалъ всѣхъ, и лакеевъ, и буфетчика, за дурное кушанье. Сначала мнѣ было отвратительно смотрѣть и слушать его брань; но потомъ я вдругъ почувствовалъ, что едва-ли не благодаря такимъ господамъ можно еще иногда получать на станціяхъ свѣжую пищу. Вотъ на такихъ-же, только въ другой формѣ, опираются шэкеры по отношенію къ собственности. Въ философской сторонѣ ихъ ученія какая-то путаница. Бога, напримѣръ, они считаютъ двойственнымъ: Богъ мужской и Богъ женскій и т. д.—

Л. Н. порицалъ сложность и искусственность современнаго искусства вообще и музыки въ частности.

— Разумѣется,—сказалъ онъ,—если я люблю искусство, то я не могу любить „никакое“ искусство, а люблю то, которое существуетъ. Но передо мною всегда идеалъ высшаго искусства, яснаго, простого, всѣмъ доступнаго.—

Я разсказывалъ, какъ долго и педантично приходится учить ф.-п. пьесы для того, чтобы ихъ хорошо играть. Л. Н. находилъ опаснымъ это „зубреніе“. Онъ сказалъ:

— При этомъ можетъ утратиться то непосредственное свѣжее чувство, съ которымъ относишься къ новому произведенію искусства. Я знаю по себѣ, — когда начинаешь что-нибудь писать, работаешь съ увлеченіемъ, съ интересомъ, и работа идетъ хорошо, а потомъ начинаетъ надоѣдать одно и то же, становится скучно. Разумѣется, любовь къ дѣлу существуетъ, и эта любовь сильнѣе скуки и любовью скуку побѣждаешь, но все-таки скука есть.—

Я говорилъ о сложности нѣкоторыхъ сочиненій Шопена, котораго Л. Н. очень любитъ.

— Ну и онъ ошибается,—возразилъ Л. Н. и улыбнулся.—Это я разъ у Олсуфьевыхъ въ деревнѣ по поводу погоды и уборки хлѣба сказалъ старику лакею, а онъ былъ скептикъ и пессимистъ, что Богъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ, а онъ мнѣ на это отвѣтилъ: „Тоже и онъ ошибается“.—

О творчествѣ Л. Н. сказалъ:

— Хуже всего начать работу съ деталей, тогда въ нихъ запутаешься и потеряешь способность видѣть цѣлое. Надо, какъ Похитоновъ [1], у котораго очки съ двойными, пополамъ раздѣленными (дальнозоркими и близорукими) стеклами, смотрѣть то въ одни, то въ другія, надѣвать то свѣтлыя, то черныя стекла.—

28 іюля. Бирюковъ [2] показывалъ Маріи Николаевнѣ (сестрѣ Л. Н—ча) старыя письма брата Николая (французскія). Л. Н. вспомнилъ при этомъ, что съ дѣтства такъ привыкъ писать по-французски, что уже совершенно взрослымъ сохранилъ эту привычку. Когда онъ жилъ съ Тургеневымъ въ Парижѣ, онъ разъ сѣлъ писать брату письмо. Тургеневъ подошелъ и, увидавъ, что онъ пишетъ по-французски, очень

[1] Извѣстный художникъ.

[2] П. И. Бирюковъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей и біографъ Л. Н-ча.

удивился и спросилъ Л. Н—ча, почему это. Л. Н. говоритъ, что до тѣхъ поръ ему казалось, что иначе нельзя, такъ онъ привыкъ переписываться по-французски.

Недавно вечеромъ І. К. Дитерихсъ и И. П. Накашидзе привели ко Л. Н—чу какого-то инженера-революціонера (не помню фамиліи) и крестьянина Ж., который принадлежитъ къ понимающимъ евангеліе въ его истинномъ смыслѣ. Этотъ Ж. былъ арестованъ и недавно выпущенъ изъ тюрьмы. Теперь онъ очевидно подпалъ подъ вліяніе революціонеровъ, которые ему создаютъ ореолъ изъ его ареста. Я не былъ при разговорѣ на террасѣ, но сидя въ залѣ слышалъ по голосамъ, что Л. Н. очень волнуется. Онъ пришелъ наверхъ очень разстроенный и все твердилъ:

— Зачѣмъ они привели его ко мнѣ?!—

Л. Н. разсказывалъ, что Ж. сказалъ ему:

- Теперь я принялъ крещеніе—(про свое пребываніе въ тюрьмѣ).—

Въ поднявшемся спорѣ инженеръ своими взглядами возмутилъ Л. Н—ча, но особенно больно ему было за Ж—а. Л. Н. сказалъ ему:

— Вамъ стыдно говорить такъ, онъ (инженеръ)—отпѣтый, а вы должны помнить, что Христосъ страдалъ за истину и что за правду по головѣ не погладятъ. И если вы за правду пострадали, то вы радоваться должны.—

Л. Н., по его словамъ, говорилъ съ ними рѣзко, и много разъ въ продолженіе вечера повторялъ, что ему совѣстно за свою горячность.

Какъ-то за обѣдомъ зашла рѣчь о вегетаріанствѣ. Стали въ пользу его приводить разные доводы. Л. Н. сказалъ:

— Во всякомъ случаѣ, есть одинъ самый простой, но несомнѣнный доводъ: когда мы видимъ, что мальчикъ мучаетъ животныхъ, мы отнимаемъ ихъ отъ него и внушаемъ ему, какъ это дурно,—сами-же для своего удовольствія ежедневно мучимъ и убиваемъ животныхъ, чтобы ихъ ѣсть. Это просто и несомнѣнно.

1-е августа. Говорили о ругательныхъ письмахъ, почти всегда анонимныхъ, которыя получаетъ Л. Н. Онъ разсказалъ, что года два подрядъ (кажется) онъ получалъ чуть ли не ежедневно безсмысленныя ругательныя письма изъ Одессы отъ N. Кто-то изъ Одессы узналъ про него и говорилъ, что, по словамъ его жены, его подговариваютъ писать Л. Н—чу какіе-то монахи. Л. Н. пробовалъ отсылать ему безъ марокъ письма обратно, думая, что онъ прекратитъ писать, чтобы не платить за обратную пересылку. Но ничего

не помогало, и онъ ругался пуще прежняго. Кончилъ онъ эффектно. Прислалъ посылку наложеннымъ платежомъ. Она долго лежала на почтѣ, наконецъ кто-то выкупилъ ее, и тамъ оказались наклеенныя на картонѣ изображенія „nues“ въ различныхъ позахъ.

Л. Н. говоритъ, что ему всегда хочется спросить такого корреспондента:

— Ну за что ты меня ругаешь?—

— Разъ — я былъ тогда моложе и горячѣе — сказалъ Л. Н., — я ѣхалъ верхомъ отъ Козловки [1]. Вдругъ какой-то пьяный мужикъ сталъ меня ругать самыми отборными ругательствами. Я отъѣхалъ, а потомъ мнѣ стало досадно и я вернулся назадъ, подъѣхалъ къ нему и спросилъ: за что ты меня ругаешь? что я тебѣ сдѣлалъ? Я помню, это произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ ждалъ, что я его прибью или обругаю. Онъ снялъ шапку и былъ смущенъ и удивленъ.—

Л. Н., по поводу пребыванія Бирюкова, который пишетъ его біографію, и пріѣзда сестры Маріи Николаевны, опять занялся своими воспоминаніями. Онъ сказалъ разъ:

— Удивительно, какъ все прошедшее становится *мною*. Оно во мнѣ, какъ какая-то сложенная спираль. Трудно только быть совершенно искреннимъ. Иногда вспоминаешь все только дурное, другой разъ наоборотъ. Недавно я все только вспоминалъ самое дурное — поступки и событія. Тутъ трудно удержать балансъ, чтобы не преувеличить въ ту, или другую сторону.—

Л. Н. сказалъ:

— О Богѣ знать ничего нельзя, онъ — нужная намъ гипотеза, или вѣрнѣе, единственное возможное условіе нравственной разумной жизни. Какъ астрономъ для своихъ наблюденій долженъ отправляться отъ земли, какъ отъ неподвижнаго центра, такъ и человѣкъ безъ идеи о Богѣ не можетъ разумно и нравственно жить. Христосъ всегда говоритъ о Богѣ, какъ объ отцѣ, т.-е. именно, какъ объ условіи нашего существованія.—

Говорили о математикѣ. Л. Н. сказалъ, что когда онъ училъ мальчиковъ, ему обыкновенно удавалось хорошо объяснять неспособнымъ къ математикѣ. Это происходило оттого, что онъ самъ

[1] Станція „Засѣка“ Моск. Курск. ж. д., ближайшая къ Ясной Полянѣ, раньше называлась „Козловка-Засѣка“.

мало къ ней способенъ, и ему всегда приходилось продѣлывать этотъ процессъ уясненія надъ самимъ собою.

2 августа. Л. Н. и Марія Ник. вспоминали про нѣкоего Воейкова. Онъ когда-то былъ гусаръ, а потомъ сдѣлался монахомъ. Во времена молодости Л. Н-ча онъ постоянно бывалъ въ Ясной, вѣчно пьяный, оборванный, въ монашеской одеждѣ и вралъ немилосердно. Л. Н. вспомнилъ его разсказъ:

— Сидимъ мы въ ложѣ, Михаилъ Илларіоновичъ (Кутузовъ), еще кто-то, Александръ Павловичъ (Александръ I) и я. Поетъ Зонтагъ. Вышла къ рампѣ. Грудь у нея — во (онъ дѣлаетъ жестъ рукой, долженствующій указать размѣры ея бюста). Александръ Павловичъ и говоритъ мнѣ: Воейковъ, что это? А я ему отвѣчаю: организмъ, Ваше величество!...—

— А разъ онъ послѣ всѣхъ юродствъ и вранья вдругъ подсѣлъ ко мнѣ въ саду и говоритъ: „скучно мнѣ, Левочка"...—

Марія Ник. спросила Л. Н-ча, почему онъ никогда не описалъ Воейкова.

— Бываютъ въ жизни, — сказалъ Л. Н., — событія и люди, какъ въ природѣ картины, которыхъ описать нельзя: они слишкомъ исключительны, и кажутся неправдоподобными. Воейковъ былъ такой. Диккенсъ такихъ описывалъ.—

Говорили о спорѣ. Л. Н. сказалъ:

— Когда двое спорящихъ оба горячатся, это значитъ, что оба неправы. Есть люди, съ которыми спорить нельзя. Они неспособны понять истины. О такихъ въ евангеліи жестоко сказано: „не мечите бисера передъ свиньями". Въ „Ученіи 12-ти апостоловъ" сказано по этому поводу очень хорошо: однихъ обличай (тѣхъ, кто можетъ понять, но не сознаетъ еще), о другихъ молись (о тѣхъ, кто глухъ къ истинѣ), съ третьими ищи общенія постоянно.—

3 августа. Зашла рѣчь о Лобачевскомъ и его ученіи о пространствѣ многихъ измѣреній. Л. Н. помнитъ Лобачевскаго, который былъ профессоромъ и ректоромъ Казанскаго университета въ то время, какъ Л. Н. былъ тамъ студентомъ. Дальше стали вспоминать разныхъ математиковъ, среди которыхъ часто встрѣчаются чудаки. Л. Н. вспомнилъ старика князя Урусова, севастопольскаго героя, который былъ математикъ и прекрасный шахматистъ [1].

[1] Во время севастопольской осады кто-то въ шутку предлагалъ рѣшить войну шахматной партіей, и со стороны Россіи выставить Урусова.

— Онъ вставалъ въ 3 часа, ставилъ себѣ самоваръ, который ему съ вечера заготовлялъ деньщикъ и даже вкладывалъ лучину, такъ что оставалось только зажечь, и начиналъ вычисленія. Урусовъ отыскивалъ способъ рѣшать уравненія всѣхъ степеней. Онъ сдѣлался впослѣдствіи положительно маньякомъ. Изъ его вычисленій ничего не вышло. Когда онъ, думая что пришелъ къ положительнымъ результатамъ, рѣшился сдѣлать докладъ въ математическомъ обществѣ, то послѣ его доклада воцарилось неловкое молчаніе, и всѣмъ стало совѣстно...—

Л. Н. сказалъ еще:

— Меня всегда удивляло, что математики, такіе точные въ своей наукѣ, такъ неясны и неточны, когда они пытаются философствовать.—

Л. Н. упомянулъ Некрасова и Б. Б—а онъ зналъ лично. Л. Н. вспомнилъ, какъ онъ былъ однажды вечеромъ у Б—а:

— Жена его была непріятная дама. Въ тотъ вечеръ она была декольте и, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, чувствуешь что-то лишнее, ненужное,—не знаешь, куда глаза дѣвать. Я вспомнилъ, глядя на нее, какъ Тургеневъ разсказывалъ, что въ Парижѣ постоянно покупалъ себѣ утромъ булку, которую ему подавала булочница, протягивая ее обнаженной рукой, похожей больше на ногу.

— Тогда-же вечеромъ былъ у Б. Усовъ-отецъ. Это былъ очень милый человѣкъ, выпивавшій лишнее. Онъ тогда только что прочиталъ „Въ чемъ моя вѣра“ и съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ этой книгѣ.—

20 августа. Л. Н-чу присылаетъ иногда какой-то господинъ (не помню фамиліи) изъ Петербурга книги. Недавно онъ прислалъ „Современникъ“ за 1852 г., годъ напечатанія „Дѣтства“. Л. Н. съ большимъ интересомъ разсматривалъ эти книги и говорилъ, что „Современникъ“ тогда былъ очень интересенъ. Находившаяся въ это время въ Ясной Марія Николаевна (сестра Л. Н.) разсказала, какъ она въ первый разъ прочитала „Дѣтство“. Она жила тогда съ мужемъ въ деревнѣ, въ Тульск. губ., Чернскаго уѣзда, и у нихъ бывалъ Тургеневъ. Братъ Сергѣй Ник. жилъ тамъ-же. Однажды Тургеневъ прочиталъ имъ по рукописи свою повѣсть „Рудинъ“. Въ другой разъ онъ привезъ книжку „Современника“ и говоритъ: „Вотъ появился новый удивительный писатель; здѣсь напечатана замѣчательная его повѣсть „Дѣтство“, и сталъ читать вслухъ. Съ первыхъ-же строкъ Мар. Ник.

и Серг. Ник. были поражены: — Да вѣдь это онъ насъ описалъ! кто-же это?—

— Сначала мы никакъ не могли подумать про Левочку, продолжала М. Н. Онъ надѣлалъ долговъ, и его увезли на Кавказъ. Скорѣе еще мы подумали про брата Николая—[1].

Говорятъ, Тургеневъ въ своемъ „Фаустѣ“ изобразилъ Марію Ник—ну.

Заговорили о ненависти Достоевскаго къ Тургеневу. Л. Н. очень порицалъ пасквиль на Тургенева въ „Бѣсахъ“. Онъ всегда удивлялся этой враждѣ, также какъ враждѣ Гончарова и Тургенева.

Л. Н. сказалъ:

— Я помню, разъ какъ-то сидѣли поздно вечеромъ на балконѣ (кажется въ Ясной Полянѣ) Тургеневъ, Гончаровъ, я и еще кто-то. Раздался какой-то звукъ, и Тургеневъ сталъ говорить о неясныхъ ночныхъ звукахъ, какъ иногда сидишь ночью и кажется, что кто-то позади тебя въ темнотѣ что-то копаетъ. Онъ сказалъ это какъ-то очень картинно, и потомъ, когда онъ вышелъ за чѣмъ-то, Гончаровъ сказалъ:—Вотъ онъ и не дорожитъ этимъ, а изъ него такіе перлы такъ и сыплются... Такъ что,—продолжалъ Л. Н.,—видно, что Гончаровъ высоко цѣнилъ Тургенева; а между тѣмъ они потомъ не могли слышать имени другъ друга. Кто-то у кого-то воспользовался сюжетомъ, какая-то занавѣска раздувалась на окнѣ, и это было очень живо, а другой этимъ воспользовался — и пошло... Главное, удивительно необыкновенное значеніе, которое тогда приписывалось писательству. Это видно, напримѣръ, по письмамъ. Постоянно читаешь: я пишу такой-то разсказъ,—такимъ тономъ, какъ будто это міровое событіе.—

Л. Н. съ сочувствіемъ отозвался о Писемскомъ какъ о писателѣ; онъ особенно цѣнитъ разсказъ „Плотничья артель“.

Еще Л. Н. сказалъ:

— Теперь пишутъ книги люди, которымъ нечего сказать. Читаешь и не видишь того, кто писалъ. Всегда они стараются сказать, какое-то „послѣднее слово“. Они закрываютъ собою настоящихъ писателей и говорятъ, что тѣ устарѣли. Это какое-то нелѣпое понятіе—устарѣть. Книжки современныхъ писателей именно потому и

[1] П. А. Сергѣенко приводилъ какіе-то доводы противъ точности этого разсказа. Онъ предполагаетъ, что М. Н. за давностью лѣтъ перепутала событія.

читаются, что изъ нихъ можно узнать „послѣднее слово“; и это легче, чѣмъ прочесть и знать настоящихъ писателей. Такіе писатели послѣднихъ словъ приносятъ огромный вредъ, отучая отъ самостоятельнаго мышленія.—

Когда потомъ заговорили о Кантѣ, Л. Н. сказалъ:

— Въ Кантѣ особенно цѣнно, что онъ всегда *самъ думалъ*. Читая его, все время имѣешь дѣло съ *его* мыслями, и это чрезвычайно цѣнно.—

По поводу чтенія современной литературы Л. Н. еще сказалъ:

— Я гораздо охотнѣе читаю записки какого-нибудь генерала въ „Русской Старинѣ“; онъ тамъ повретъ немножко, вродѣ Завалишина [1], о своихъ достоинствахъ и успѣхахъ,—это можно простить, а всегда найдется что-нибудь интересное.—

Л. Н. говорилъ, что умственная работа часто очень утомляетъ голову, а утомленный не можешь ужъ такъ плодотворно работать, какъ со свѣжей головой.

— Вообще, прибавилъ Л. Н.,—въ умственной работѣ очень важенъ моментъ. Бываютъ моменты, когда мысли выходятъ вылитыя, какъ изъ бронзы, а другой разъ ничего не выходитъ.—

25 августа. Мой отецъ спросилъ Л. Н-ча, не собирается-ли онъ зимой въ Москву.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Л. Н.,—это какъ одного греческаго мудреца осудили на изгнаніе изъ Аѳинъ, а онъ отвѣтилъ судьямъ, что онъ, покидая городъ, осуждаетъ ихъ на пребываніе въ Аѳинахъ. Вотъ и я васъ всѣхъ осуждаю оставаться въ Москвѣ,—прибавилъ онъ, смѣясь.

По просьбѣ Л. Н-ча мы съ женой играли въ 4 руки симфоніи Гайдна. Л. Н. восхищался Гайдномъ; между прочимъ, онъ сказалъ:

— Едва-ли не самое цѣнное для меня свойство Гайдна—его жизнерадостность; а то теперешній какой-нибудь напьется, испортитъ себѣ желудокъ, а потомъ говоритъ, что жизнь—зло...—

Еще Л. Н. по поводу музыки сказалъ:

— Какъ бываетъ, что вспоминаешь слышанную музыку, а я ее предвкушаю. Вотъ нынче я надѣваю сапогъ, а изъ сапога выскочилъ менуэтъ.—

Потомъ Л. Н. сказалъ, что симфоніи Гайдна доставляютъ ему больше удовольствія на ф.-п. въ 4 руки, чѣмъ въ оркестрѣ.

---

[1] Декабристъ, авторъ записокъ.

На мой вопросъ, почему это такъ, Л. Н. сказалъ:

— Во 1-хъ, возможность совершенства исполненія обратно пропорціональна количеству исполнителей. Самое благопріятное условіе—одинъ исполнитель, меньше два; тріо въ этомъ отношеніи лучше квартета, квартетъ—квинтета и т. д., камерная музыка—оркестра. При многихъ инструментахъ все болѣе утрачивается чистота звука, такъ какъ невозможенъ безусловно чистый строй и интонація, наконецъ ритмическая точность почти недостижима при большомъ числѣ исполнителей. Вторая причина—моя субъективная: для меня яркость красокъ не способствуетъ, а мѣшаетъ силѣ впечатлѣнія. Особенно я замѣчаю это на картинахъ. Я помню, я давно зналъ и любилъ „Тайную вечерю" Ге, а когда увидѣлъ ее на выставкѣ, впечатлѣніе было значительно меньше. Яркіе цвѣта мнѣ просто мѣшали. Есть копія этой картины (черная) Крамского, она въ Румянцевскомъ музеѣ. Будете тамъ, непремѣнно посмотрите. Она на меня производитъ впечатлѣніе гораздо большее. И какъ съ этой картиной, такъ и съ другими.—

Разговоръ перешелъ на картины. Мой отецъ вспомнилъ Сикстинскую Мадонну. Л. Н. спросилъ его, такъ же ли она виситъ въ отдѣльной комнатѣ и такъ же ли стоитъ напротивъ скамейка, на которую каждый садится и старается сказать что-нибудь свое умное про картину. Л. Н. сказалъ, что Сикстинская Мадонна не произвела на него особеннаго впечатлѣнія.

Разсказывая, какъ часто присылаютъ ему разные авторы свои сочиненія, Л. Н. сказалъ:

— Ихъ такъ много, что просто не знаешь, куда ихъ дѣвать. Вотъ Чеховъ нашелъ выходъ, онъ посылалъ всѣ такія книги въ Таганрогъ. Вотъ-бы найти и мнѣ какое-нибудь такое мѣсто...—

31 декабря. Л. Н. разсказывалъ, какъ онъ подсѣлъ на телѣгу къ старику-крестьянину, ѣхавшему изъ Тулы. Старичокъ чуть-чуть выпилъ, такъ что былъ очень разговорчивъ. Л. Н. разсказалъ ему про распредѣленіе земли по Генри Джорджу; мысль эта старику чрезвычайно понравилась. Онъ пришелъ въ восторгъ, и когда Л. Н. сѣлъ уже на поворотѣ въ Ясную съ телѣги, онъ ему въ догонку закричалъ:

— Такъ ты ужъ похлопочи, приложи труды, постарайся объ этой части...—

Говорили какъ-то за обѣдомъ о бракахъ по разсчету и сватовству.

Л. Н. полу-шутя, полу-серьезно сказалъ, что такіе браки естественно могутъ быть счастливыми, такъ какъ молодые люди влюбленные не могутъ зачастую взвѣсить всѣхъ условій для согласной жизни, а родители, зная свойства дѣтей, могутъ выбрать подходящую невѣсту или жениха.

— Часто бываетъ,—прибавилъ Л. Н.,—что у знаменитыхъ писателей возьмутъ какой-нибудь пріемъ, да еще въ большинствѣ случаевъ слабый пріемъ, и пользуются имъ кстати и некстати. Чаще всего это дѣлали по отношенію къ Гоголю. Вотъ и въ этомъ случаѣ: Гоголь высмѣивалъ свахъ, и съ его легкой руки писатели стали выводить ихъ въ смѣшномъ видѣ, а между тѣмъ это препочтенная профессія...

Л. Н. говорилъ полу-шутя и смѣялся, но доля серьезности несомнѣнно была въ его словахъ.

Л. Н. тогда-же сказалъ, что его всегда интересовало слѣдить за тѣмъ, что̀ можетъ въ литературѣ устарѣть.

— Мнѣ интересно, что̀ въ теперешнихъ писаніяхъ будетъ казаться такимъ же устарѣвшимъ, какъ намъ теперь какіе-нибудь Карамзинскіе—„о сколь!“ и т. д. Вотъ на моей памяти, стало невозможнымъ написать длинную поэму въ стихахъ. Мнѣ кажется, что со временемъ вообще перестанутъ *выдумывать* художественныя произведенія. Будетъ совѣстно сочинять про какого-нибудь вымышленнаго Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели, если они будутъ, будутъ не сочинять, а только разсказывать то значительное или интересное, что имъ случилось наблюдать въ жизни.—

Въ началѣ декабря Л. Н. сказалъ мнѣ какъ-то:

— Это только кажется, будто правительство имѣетъ какой-то планъ, искусно заманиваетъ, а потомъ ничего не даетъ и т. д. Оно просто мечется и не знаетъ, что̀ ему дѣлать. Когда смотришь на слѣды зайца на снѣгу, можно подумать: какой онъ умный — дѣлаетъ прыжокъ, вертится на одномъ мѣстѣ, потомъ скакнетъ, и опять, такъ что слѣдовъ не найдешь. А между тѣмъ, ничуть не бывало: просто онъ днемъ идетъ, вдругъ испугается чего-нибудь, присядетъ, потомъ прыгнетъ въ сторону и т. д. А мы говоримъ: какой онъ умный! Такъ и правительство. Они тамъ, если о чемъ и думаютъ и желаютъ чего, такъ это, какъ нѣмцы говорятъ: „Wenn es nur immer bliebe!“—

Потомъ Л. Н. сказалъ еще:

— Хотя мнѣ это на томъ свѣтѣ ни на что не пригодится, а все-таки я радъ, что дожилъ до революціи. Очень интересно это все!...—

Андрей Львовичъ пріѣхалъ изъ Тамбова и разсказывалъ, какъ ужасно пороли мужиковъ.

Л. Н. сказалъ по поводу этого:

— Зло не пропадаетъ, а всегда возвращается на того, кто его совершаетъ. Ужасно, если они возбудятъ злобу въ русскомъ мужикѣ; а злоба возбуждается, и зло все растетъ, и это ужасно!..—

1906-й годъ.

22 іюля. Вчера я засталъ въ Ясной Н. В. Давыдова. Л. Н. въ разговорѣ съ нимъ сказалъ:

— Теперь моментъ, когда Россія, шедшая всегда позади другихъ странъ, какъ-бы призвана стать впереди всѣхъ проведеніемъ земельной реформы (Генри Джорджъ). Крайніе революціонные элементы только и сильны поддержкой народа. Народъ же, если прекратится вѣковая несправедливость владѣнія землей, какъ собственностью, несомнѣнно оставитъ ихъ и вернется къ мирной жизни.—

Давыдовъ говоритъ, что сейчасъ взаимныя убійства и ненависть дошли до такой степени, что остановить ихъ не знаешь чѣмъ.

Л. Н. сказалъ:

Гдѣ-то въ одной изъ американскихъ республикъ, кажется въ Аргентинѣ, чуть не сто лѣтъ подрядъ продолжалась революція. Всѣ жители такъ измучились, что когда явился наконецъ какой-то диктаторъ, переказнилъ и перевѣшалъ безъ конца народу и водворилъ порядокъ, такъ его чуть не боготворить стали... Такъ и у насъ въ роли Наполеона явится какой-нибудь Т....., поставитъ на каждомъ перекресткѣ висѣлицу и пулеметовъ, водворитъ порядокъ, и ему еще пожалуй памятникъ въ Кремлѣ поставятъ...—

— Наше правительство теперь какъ дикій звѣрь, котораго повалили вверхъ ногами, и онъ отбивается всѣми лапами во всѣ стороны безъ всякаго смысла.—

По поводу ареста С. Т. Семенова[1], Л. Н. сказалъ:

— Правительство теперь совершенно не знаетъ и не можетъ знать, кого арестовать. Собственно теперь въ Россіи всѣ разъ-

[1] Сергѣй Терентьевичъ Семеновъ, извѣстный писатель, вышедшій изъ народа.

ляются на подлежащихъ аресту и арестующихъ. Вотъ и мы съ вами,—обратился онъ къ Давыдову,—я долженъ быть арестованъ, а вы—арестующій (Предсѣдатель Окружнаго суда).—

Л. Н. говоритъ, что все зло происходитъ отъ того, что мы, какъ народъ говоритъ, „Бога забыли".

У Л. Н—ча были въ этотъ день фабричные, съ которыми онъ тщетно пытался говорить на эту тему.—Л. Н. сказалъ:

— Я чувствую, что когда начинаешь говорить о нравственныхъ вопросахъ, о Богѣ, то это проходитъ мимо такъ, старичокъ изъ ума выжилъ.—

Дальше Л. Н. сказалъ:

— На моей памяти отцы моего поколѣнія исполняли церковные обряды только внѣшнимъ образомъ. Засунулъ голову попу подъ фартукъ, пошлялъ вина съ водой и все... Но внутри у нихъ былъ свой, правда довольно низменный, нравственный кодексъ—дворянскія традиціи, честь и т. д. Теперь-же ничего нѣтъ, и это ужасно.

— Когда я былъ маленькій, лѣтъ около 70 тому назадъ, въ Казани, пришелъ разъ изъ гимназіи Володя Милютинъ (рано умершій братъ Д. А. и Н. А. Милютиныхъ) и сообщилъ намъ, какъ новость, которую онъ только что узналъ въ гимназіи, что Бога нѣтъ. Такъ и теперешнее поколѣніе.—

25 іюля. Л. Н. сказалъ мнѣ вчера:

— Мы часто говоримъ: я этого не могу. Между тѣмъ мы не имѣемъ на это никакого права. Мы можемъ только говорить: я не *могъ*. Передъ человѣкомъ всегда можетъ открыться возможность того, что *было* невозможно. Все можетъ оказаться возможнымъ. Въ области матеріальной желаніе неосуществимо, такъ какъ его осуществленіе зависитъ отъ цѣпи причинъ. Въ духовной области желаніе также неосуществимо, но возможно постепенное приближеніе къ совершенству. Вопросъ о такъ называемой свободѣ воли неправильно поставленъ. Здѣсь смѣшивается видимое, временное, пространственное съ духовнымъ. Между тѣмъ въ мірѣ матеріальномъ свободы нѣтъ, такъ какъ все находится въ причинной зависимости одно отъ другого. Въ области же духовной вопроса не можетъ быть, такъ какъ въ духовной жизни нѣтъ зла, а одно благо, такъ что нѣтъ свободы. Добро-благо въ духовной жизни только одно, а если является зло, то это уже не духовная жизнь, слѣдовательно опять не можетъ быть рѣчи о свободѣ.—

— Я повторяю послѣднее время старыя мысли,—сказалъ Л. Н.,— труизмы, и нахожу въ нихъ новое. Я какъ будто глубже въ нихъ проникаю. Напримѣръ слова: „всѣ люди, всѣ человѣки". Я съ особенной ясностью вижу теперь, до какой степени всѣ люди: японцы, китайцы, русскіе, каффры—всѣ одинаковы. Вездѣ тѣ-же страсти, тѣ-же слабости, тѣ-же стремленія.

Л. Н. разспрашивалъ Давыдова про Боборыкина, про котораго сказалъ при этомъ:

— Боборыкинъ писатель, по произведеніямъ котораго можно будетъ изучать бытъ современнаго общества. Въ этомъ отношеніи его писанія являются цѣннымъ матеріаломъ. Впрочемъ, у него есть одинъ разсказъ, не помню, какъ онъ называется, тамъ описана акушерка, которую разорилъ родственникъ (кажется мужъ дочери), и кончилось тѣмъ, что она дошла до ночлежнаго дома. Тамъ, лежа въ полномъ отчаяніи на нарахъ, она вдругъ услыхала, что внизу женщина рожаетъ. (Л. Н. не могъ говорить, его душили слезы). Она спустилась внизъ, стала помогать этой женщинѣ и поняла, что жизнь не кончена... Этотъ разсказъ можно пожалуй помѣстить въ „Кругъ Чтенія".

— Странныя наши личныя отношенія съ Боборыкинымъ, прибавилъ Л. Н.—Я былъ еще совсѣмъ молодъ, когда вышла его первая вещь, кажется, „Въ путь-дорогу". Я прочиталъ этотъ романъ и, помню, онъ тогда мнѣ очень понравился. Я даже пришелъ въ такой восторгъ, что рѣшилъ написать автору, и написалъ, но потомъ почему-то письма этого не отправилъ. Недавно я нашелъ у себя это письмо.—

— Вы это разскажите ему,—прибавилъ Л. Н., обращаясь къ Давыдову.

— Потомъ, уже значительно позже, Боборыкинъ былъ у меня въ Москвѣ. Помню, все ходилъ по комнатѣ и говорилъ разныя похвалы моимъ произведеніямъ. Послѣ этого онъ какъ-то еще бывалъ у меня, и вдругъ пересталъ. Онъ кажется враждебно относится ко мнѣ, какъ будто что-то противъ меня имѣетъ. Впрочемъ, за послѣднее время былъ случай, о которомъ онъ узналъ и, мнѣ говорили,—ему это было пріятно. Когда меня выбрали въ академію, то мнѣ, какъ и другимъ членамъ, прислали предложеніе назвать шесть лицъ, которыхъ я считалъ-бы достойными избрать въ академики. Я отослалъ листъ и написалъ на немъ шесть разъ Петръ Боборыкинъ.

О Боборыкинѣ Л. Н. сказалъ еще:

— Вотъ какъ говорятъ: „chaque défaut a sa qualité et chaque

qualité a son défaut". Эта культурность, это обиліе всякихъ часто ненужныхъ познаній въ различныхъ областяхъ, несмотря на свои отрицательныя стороны, имѣетъ одно важное преимущество — скромность и осторожность въ сужденіяхъ. Кто много знаетъ, тотъ видитъ, какъ осторожно надо высказывать свое сужденіе, чтобы не ошибаться. А нахватавшійся верховъ самоучка съ необыкновенной смѣлостью судитъ обо всемъ.—

Наканунѣ мы со Л. Н. играли въ шахматы и онъ сказалъ почти то-же самое:

Автодидакты всегда съ необыкновенной дерзостью и смѣлостью высказываютъ свои, какъ имъ кажется, новыя мысли, совершенно не подозрѣвая, какъ уже много люди объ этомъ думали...

28 іюля. Въ книгѣ „Въ чемъ моя вѣра" Л. Н. разсказываетъ, какъ ему раввинъ говорилъ, что всѣ заповѣди Христа, часто въ весьма близкихъ выраженіяхъ, можно найти въ ветхомъ завѣтѣ. Не оказалось только заповѣди о непротивленіи. Л. Н. снова разсказалъ этотъ случай по поводу письма какого-то молодого профессора или доцента московской духовной академіи, который пишетъ ему о своей диссертаціи, написанной на эту тему („Ученіе Новаго Завѣта въ библіи"). Этотъ профессоръ говоритъ, что нашелъ и зап вѣдь о непротивленіи у кого-то изъ пророковъ, и цитируетъ это мѣсто. Л. Н. сказалъ:

— Это совершенно естественно. Нравственный, божескій законъ одинъ во всѣхъ людяхъ и у всѣхъ народовъ, только выраженіе и пониманіе его часто скрыто за большимъ количествомъ лишняго, ненужнаго, ложнаго. Вотъ напримѣръ талмудъ: это цѣлая пропасть книгъ [1]. Я сколько ни пробовалъ, гдѣ ни открою, такая чепуха, такъ ненужно, запутано. А между тѣмъ я знаю, что тамъ есть удивительныя мысли, только онѣ перемѣшаны съ ненужнымъ, лишнимъ.—

Говорили о патріотизмѣ. Л. Н. сказалъ:

— Насколько я испытываю чувство часто близкое къ ненависти къ русскому правительству, настолько мнѣ близокъ и дорогъ народъ. Я можетъ быть и пристрастенъ и преувеличиваю въ этомъ своемъ чувствѣ. Впрочемъ, когда я жилъ въ Соденѣ съ братомъ Николаемъ — тогда соденскія воды считались полезными отъ чахотки — я тамъ старался сходиться съ народомъ, ходилъ косить съ крестья-

[1] Л. Н. недавно кто-то прислалъ полный переводъ талмуда на русскій языкъ.

нами. И тамошніе крестьяне мнѣ были почти такъ-же близки. Мѣшала только меньшая свобода общенія изъ-за чуждаго языка. Помню также изъ разговоровъ съ Ауэрбахомъ, котораго я такъ любилъ всегда за его пониманіе и любовь народа, я видѣлъ, что народъ вездѣ одинъ и тотъ-же.—

Л. Н. часто теперь повторяетъ:

— Я только теперь понялъ истину простую, какъ дважды два, что всѣ люди въ существѣ своемъ одинаковы. Въ каждомъ есть возможность всего того, что̀ есть въ тебѣ и другихъ. Какъ-бы чуждъ или далекъ ни былъ человѣкъ отъ того, что̀ тебѣ ясно, никогда нельзя знать, что̀ еще передъ нимъ откроется...—

Л. Н. разсказывалъ про Телятенскаго мужика, сапожника Осипа Цыганова (братья его Петръ и Федоръ и сейчасъ живутъ въ Телятенкахъ):

— Онъ жилъ съ семьей, хорошо работалъ, и вдругъ въ одинъ прекрасный день бросилъ работу, надѣлъ какой-то халатъ и пошелъ по міру. Про него говорили мужики, что онъ пошелъ „по древности", т.-е. сталъ, какъ въ старину бывали юродивые. Многіе его считали помѣшаннымъ. А онъ вовсе не былъ помѣшанный, а передъ нимъ вдругъ открылись вся ложь и неправда жизни, и онъ не могъ больше продолжать жить такъ. Помню, разъ онъ пришелъ ко мнѣ. Въ первый разъ я ему просто далъ, въ другой разъ разговорился. Халатъ на немъ весь расползся отъ ветхости продольными полосами. Я далъ ему что-то и спрашиваю: „Что-же, ты смерти боишься?"

— А нешто я отъ *него* отрекся?—

— Когда онъ умиралъ, я былъ у него. Онъ умиралъ совершенно сознательно и спокойно. Когда его хотѣли приготовить къ смерти, причастить, онъ отказался и сказалъ:

— Мнѣ ничего не нужно. Хозяинъ не обманетъ.—

— Такъ и каждому человѣку всегда можетъ открыться истина.—

12 августа. Говорили о дѣтской литературѣ, о Жюль-Вернѣ и занимательности его разсказовъ. Кто-то сказалъ, что чтеніе его разсказовъ даетъ много полезныхъ свѣдѣній.

— Ну, это ужъ не искусство,—возразилъ Л. Н.,—„смѣшивать два эти ремесла есть тьмы охотниковъ",—я не изъ ихъ числа".—

Л. Н. припомнилъ, какъ ему разсказывалъ Тургеневъ, что разъ у Віардо были гости и долженъ былъ пріѣхать Жюль-Верн. Всѣ съ нетерпѣніемъ его ждали.

— И представьте,—разсказывалъ мнѣ Тургеневъ,—это оказался самый глупый человѣкъ во Франціи...—

Какъ-то въ другой разъ, говоря объ замѣчательной плеядѣ американскихъ писателей: Чаннингъ, Паркеръ, Эмерсонъ, Гаррисонъ, Торо,—Л. Н. сказалъ:

— А между тѣмъ, какъ это принято думать, что у англичанъ есть великіе писатели, а въ Америкѣ ихъ не было. Я помню, Тургеневъ, который былъ очень образованный человѣкъ, совершенно серьезно говорилъ, что въ Америкѣ совсѣмъ не было значительныхъ писателей...—

Какъ-то, говоря о Герценѣ, Л. Н. выразилъ удивленіе, что Герценъ, зная съ дѣтства Евангеліе, могъ увлечься и быть подъ такимъ вліяніемъ запутанной, неясной и схоластической философіи Гегеля. Душанъ Петровичъ[1], слышавшій этотъ разговоръ, заключилъ изъ этого, что Л. Н. сталъ отрицательно относиться къ Герцену, и такъ какъ онъ все записываетъ, переспросилъ въ другой разъ объ этомъ Л. Н—ча.

Л. Н. сказалъ, что это не такъ. Особенно цѣнитъ Л. Н. въ Герценѣ его пониманіе русскаго народа.

— Герценъ какъ-бы совершилъ этотъ кругъ: началъ съ увлеченія западной философіей Гегеля и западно-европейскими революціонными теоріями, а въ концѣ концовъ обратился къ общинному складу жизни русскаго народа и въ немъ увидалъ спасеніе. Я думаю, что для Россіи большое несчастье, что Герценъ не жилъ здѣсь и что писанія его проходили мимо русскаго общества. Если-бы онъ жилъ въ Россіи, его вліяніе, я думаю, спасло-бы нашу революціонную молодежь отъ многихъ ошибокъ.—

21 августа. Говоря объ искусствѣ, Л. Н. сказалъ:

— Великія произведенія искусства внѣ времени. Они есть. Ихъ надо только освободить, снять лишнее, какъ говорилъ Микель-Анджело.—

По поводу этихъ словъ Микель-Анджело, Л. Н. вспомнилъ про одного мужика, который прекрасно вырѣзалъ самоучкой изъ дерева разныя фигуры, и на удивленіе его искусству сказалъ совершенно то-же, что Микель-Анджело:—Она тамъ, а я только съ нея снимаю.—

Л. Н. разсказывалъ, что Тургеневъ, восхищаясь описаніемъ смерти

[1] Д-ръ Маковицкій.

Ленскаго, говорилъ, что удивительная рѣма—раненъ, страненъ,—какъ-бы предопредѣлена.

Потомъ Л. Н. припоминалъ нѣкоторыя стихотворенія Тютчева, котораго онъ чрезвычайно высоко цѣнитъ. Я спросилъ его, зналъ-ли онъ Тютчева. Л. Н. сказалъ:

— Когда я жилъ въ Петербургѣ послѣ Севастополя, Тютчевъ, тогда знаменитый, сдѣлалъ мнѣ, молодому писателю, честь и пришелъ ко мнѣ. И тогда, я помню, меня поразило, какъ онъ, всю жизнь вращавшійся въ придворныхъ сферахъ—онъ былъ другомъ императрицы Маріи Александровны въ самомъ чистомъ смыслѣ—говорившій и писавшій по французски свободнѣе, чѣмъ по русски, выражая мнѣ свое одобреніе по поводу моихъ севастопольскихъ разсказовъ, особенно оцѣнилъ какое-то выраженіе солдата; и эта чуткость къ русскому языку меня въ немъ удивила чрезвычайно.—

По поводу непротивленія злу насиліемъ Л. Н. сказалъ:

— Мнѣ всегда дѣлаютъ это возраженіе,—что если-бы ребенокъ хотѣлъ прыгнуть изъ окна, или сумасшедшій кого-нибудь зарѣзать, какъ тутъ обойтись безъ насилія. Я помню, когда у меня былъ Брайанъ[1]—мнѣ почему-то кажется, что онъ будетъ президентомъ въ Соединенныхъ Штатахъ—мы ѣхали верхомъ; онъ мнѣ тоже привелъ это возраженіе, а я ему сказалъ: мнѣ все приводятъ одинъ примѣръ, что если-бы кто-нибудь на моихъ глазахъ хотѣлъ изнасиловать дѣвочку, а у меня былъ-бы револьверъ, - было-бы зломъ выстрѣлить, чтобы спасти ее? Я могу только сказать, что живу ужъ скоро восемьдесятъ лѣтъ и ни разу такого случая съ дѣвочкой, который-бы оправдывалъ насиліе, не встрѣчалъ, а между тѣмъ на каждомъ шагу, ежедневно, наблюдаю зло, производимое насиліемъ. Этотъ примѣръ въ лучшемъ случаѣ только доказываетъ, что на всякое положеніе можно подыскать возраженіе, или—что всякое правило имѣетъ исключеніе. Для меня нисколько не умаляетъ значенія заповѣди о непротивленіи злу насиліемъ то, что можно подыскать одинъ изъ милліоновъ случаевъ, когда со зломъ иначе, какъ насиліемъ, бороться нельзя.—

Михаилъ Сергѣевичъ[2] говорилъ по поводу политическихъ убійствъ

---

[1] Извѣстный сѣверо-американскій политическій дѣятель, пріѣзжавшій въ Ясную Поляну.

[2] М. С. Сухотинъ, мужъ Татьяны Львовны.

о той опасности, съ которой они сопряжены, и о томъ нервномъ напряженіи, которое должны переживать ихъ исполнители, скрываясь на лихачахъ и т. п.

Л. Н. сказалъ:

— Да, да, и это несомнѣнно смягчающее обстоятельство. Я помню, на Кавказѣ считалось особеннымъ молодечествомъ ѣздить ночью на дороги и тамъ убивать встрѣчныхъ немирныхъ татаръ. И эта опасность, рискъ, совершенно закрываютъ собою для идущихъ на нихъ весь ужасъ такого дѣла. Я помню, что я даже колебался, не отправиться-ли мнѣ. Такъ затемнено во мнѣ было сознаніе...

О книжкѣ Менделѣева „Къ познанію Россіи" Л. Н. сказалъ:

— Поразительно, какъ такой ученый и знатокъ въ своей области, который не позволитъ себѣ въ своей химіи слова сказать, не обосновавъ его, рубитъ съ плеча, что̀ попало, разсуждая объ общихъ вопросахъ. Въ его книжкѣ много интереснаго матеріала, но его выводы ужасаютъ своей глупостью и пошлостью. Достаточно сказать, что идеаломъ человѣческаго существованія онъ считаетъ размноженіе. Я понимаю, что о кроликахъ можно говорить такъ, но сказать про человѣка, что его идеалъ — возможно большее размноженіе—просто удивительно. И онъ разсуждаетъ, какъ когда человѣчество такъ размножится, что негдѣ будетъ хлѣбъ сѣять, будутъ питаться химическимъ способомъ. Ну, а когда, какъ по Мальтусу, люди будутъ стоять вплотную другъ къ дружкѣ—какъ тогда? И не понимать простой и давно извѣстной истины, что идеалъ человѣчества никакъ не размноженіе, а цѣломудріе, и цѣломудріе не во имя разсужденій о тѣснотѣ—это мерзость, а во имя нравственнаго сознанія.—

Раньше какъ-то, говоря со мной объ этой-же книжкѣ (мы сидѣли вдвоемъ въ его комнатѣ), Л. Н. сказалъ, возмущаясь на такъ называемыхъ людей науки:

— Это чортъ знаетъ, что такое [1], одинъ (Мальтусъ), чтобы спасти человѣчество, совѣтуетъ он-мъ заниматься, а другой придумываетъ химическое питаніе! - и не могутъ понять той простой истины, что идеаломъ, къ которому человѣчество должно стремиться, можетъ быть только возможное цѣломудріе....—

[1] Л. Н. чрезвычайно рѣдко употреблялъ это общераспространенное выраженіе.

1907-й годъ.

10 іюля. Еще прошлымъ лѣтомъ, шли мы разъ передъ вечеромъ со Л. Н—чемъ по дорожкамъ у нижняго пруда въ Ясной. Л. Н. сказалъ:

— Я люблю это мѣсто. Вотъ вы свою мать любили. А я не помню своей матери... Это, говорятъ, ея любимое мѣсто было. А здѣсь вотъ, мы съ братомъ (Сергѣемъ) гуляли и Ѳедоръ Ивановичъ (Карлъ Ивановичъ изъ „Дѣтства") по той дорожкѣ шелъ. Мы зовемъ его, а онъ кричитъ:—не подходите ко мнѣ, отъ меня пахнетъ.—Онъ былъ боленъ и подъ себя ходилъ. Онъ совсѣмъ ужъ былъ старъ и слабъ, а все еще мечталъ, что поступитъ камердинеромъ къ какому-нибудь знатному богачу и уѣдетъ съ нимъ заграницу.

Тогда-же, гуляя у пруда, Л. Н. сказалъ мнѣ:

— Не знаю, ясна ли будетъ вамъ моя мысль. Я хочу сказать, что добро человѣкъ можетъ сдѣлать только другому, а зло—наоборотъ—только себѣ. Разумѣется не физическое зло—боль. Эта мысль на первый взглядъ парадоксальная, но по моему глубоко вѣрная.—

Въ тотъ же день за обѣдомъ на высказанную Л. Н—чемъ какую то мысль о религіи NN отвѣтила очень рѣзкой репликой, характерной для ея нерелигіозной натуры. Гуляя со мною, Л. Н. сказалъ по этому поводу:

— Въ духовной жизни несомнѣнно существуетъ свойство, которое въ церковной религіи называютъ откровеніемъ, благодатью, французское „grâce". Это то, что можно назвать религіознымъ чувствомъ. Есть люди по природѣ своей какъ-бы совершенно лишенные этого чувства. Съ ними нельзя говорить,—они не понимаютъ. Какъ собака понимаетъ, какъ открыть дверь и войти, но не можетъ притворить ее за собой, и безполезно ее этому учить, такъ и тутъ... Они глухи...—

Тутъ-же Л. Н. сказалъ о могуществѣ любви при общеніи съ людьми:

— Любовь растворяетъ сердца.—

Недавно Илья Львовичъ и Бирюковъ говорили про какого-то тифознаго мужика и о томъ, что онъ весь во вшахъ. Л. Н. по этому поводу вспомнилъ:

— Разъ въ Москвѣ былъ у меня вечеромъ сынъ Сютаева. Собрался онъ уходить. Я оставляю его ночевать, а онъ отказывается,

говоритъ: „признаться, я давно въ банѣ не былъ, вшей на мнѣ много“....— Я ему сказалъ: вы съ нами подѣлитесь.—

Л. Н. сказалъ еще:

— Такіе люди живутъ въ трудѣ, въ грязи,—насколько ихъ жизнь можетъ быть намъ примѣромъ! Единственная возможность нравственной жизни—это жизнь на землѣ.—

Нынче Л. Н. вспоминалъ про Севастополь. Между прочимъ, онъ разсказалъ:

— Когда Малаховъ курганъ былъ взятъ и войска спѣшно переправлялись на Сѣверную сторону,—тяжело раненыхъ оставили на „Павловскомъ мысѣ“, гдѣ была батарея. Это сильная батарея, съ которой можно было обстрѣлять весь городъ. Когда сообразили, что нельзя ее такъ отдавать французамъ, то рѣшили ее взорвать. Я былъ у Голицына, тамъ еще Урусовъ сидѣлъ, и тутъ-же крѣпко спалъ добродушный, здоровый офицеръ Ильинъ. Мнѣ сказали, что онъ только что вернулся изъ опаснаго порученія—взорвать „Павловскій мысокъ“. Мысокъ былъ взорванъ съ батареей и со всѣми ранеными, которыхъ нельзя было увезти, а батарею отдать непріятелю нельзя было.... Потомъ пытались отрицать это, но я знаю, что это было такъ.—

Л. Н. сказалъ недавно о Т.

— Пока онъ не занимался проповѣданіемъ, онъ во всемъ сомнѣвался. Помню, еще въ Москвѣ, по поводу Евангелія и чудесъ, онъ станетъ, прижметъ меня къ стѣнѣ и отдыху не дастъ. Только что скажу ему, какъ я себѣ объясняю какое-нибудь чудо, онъ опять съ вопросомъ: ну, а это какъ?... А теперь, съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ проповѣдывать, онъ ни въ чемъ не сомнѣвается.

На этихъ дняхъ Л. Н. сказалъ В. Г. Черткову:

— Знанія безъ религіозно-нравственной основы ничего не значатъ. Я представляю себѣ знанія, какъ трубу; если она направлена къ свѣту—она собираетъ, концентрируетъ свѣтъ, а если ее направить въ сторону, то она ни къ чему не нужна...—

Во время этой же бесѣды Л. Н. сказалъ еще:

— Послѣднее время я все болѣе стараюсь, и кажется это мнѣ иногда удается, вступая въ общеніе съ человѣкомъ, всегда помнить въ немъ Бога. И тогда все дѣлается ясно и просто. Тогда не думаешь о послѣдствіяхъ, такъ какъ что изъ этого выйдетъ, не въ твоей власти.—

Когда я пріѣхалъ съ Кавказа и въ первый разъ во время обѣда

пріѣхалъ въ Ясную, я присѣлъ около Л. Н-ча. Разговоръ шелъ объ убійствѣ приказчика въ имѣніи у З., и вообще о теперешнихъ событіяхъ. Л. Н. сказалъ мнѣ:

— Какъ хорошо думать, что скоро ухожу... Къ старости такъ ясно видишь, что̀ одно нужно людямъ, и какъ всѣ и вездѣ дѣлаютъ все, только не это одно нужное. Это ужасно! Но разумѣется люди поймутъ это, но только когда это будетъ?!—

Говорили объ измѣненіи формъ жизни. Л. Н. сказалъ:

— Я себѣ всегда въ упрекъ ставлю, что слишкомъ много говорилъ объ измѣненіи формъ жизни. Все временное, внѣшнее, то, что̀ будетъ, и то, что̀ есть, не зависитъ отъ насъ. Человѣкъ долженъ только стремиться къ тому, что̀ онъ считаетъ правдой, а что̀ выйдетъ изъ этого, не въ его власти.—

Чертковъ справедливо возразилъ, что Л. Н. въ своихъ писаніяхъ именно всегда говорилъ о путяхъ и оговаривался, что что̀ изъ этого выйдетъ, знать нельзя, и что жизнь найдетъ соотвѣтствующія измѣнившемуся сознанію людей формы.

Я игралъ на дняхъ Шопена. Л. Н. сказалъ:

— Вотъ за это одно можно поляковъ любить, что у нихъ Шопенъ былъ!—

Потомъ онъ прибавилъ:

Когда слушаешь музыку, это побуждаетъ къ художественному творчеству.—

12 іюля. Вчера Л. Н. разсказывалъ Д. В. Никитину [1] (по поводу завѣщанія г-жи Архангельской на устройство чего-нибудь для крестьянъ), что когда онъ былъ мировымъ посредникомъ, онъ разъ поѣхалъ въ Москву и остановился тамъ въ гостинницѣ Шевалье. Тамъ ему принесли отъ неизвѣстной дамы 1000 рублей на устройство школы. Л. Н. устроилъ школу (не помню, гдѣ именно), которая содержалась на проценты съ этихъ денегъ. Когда Л. Н. бросилъ посредничество, школу закрыли:

— Очевидно рѣшили: Толстой—либералъ, значитъ школу надо закрыть. А 1000 рублей куда-то исчезли...—

Л. Н. разсказывалъ про нѣкоего Я—ва, который былъ ихъ опекуномъ послѣ смерти ихъ отца и дѣлалъ это съ большими злоупотребленіями. По этому поводу Л. Н. сказалъ:

[1] Докторъ, лечившій Л. Н—ча, близкій семьѣ Толстыхъ.

— По моему, глупая поговорка — de mortuis aut bene, aut nihil. Вотъ про живыхъ не слѣдуетъ дурно говорить, а про мертвыхъ,— наоборотъ, все можно.—

За обѣдомъ Л. Н. въ шутку сказалъ:

— Вотъ увидите, она меня непремѣнно пристрѣлитъ.—

— Кто она?—

— Пристрѣлитъ непремѣнно,—повторилъ онъ еще разъ.

Оказывается, какая-то дама прислала ему свою повѣсть съ предисловіемъ, въ которомъ говорится о свободѣ творчества генія и т. п. Л. Н. говоритъ, что ея повѣсть просто ужасна:

— Я ей написалъ, что какъ мнѣ ни непріятно, но я долженъ сказать, что у нея нѣтъ рѣшительно никакого дарованія, и заниматься этимъ дѣломъ ей не стоитъ. —

Л. Н. перечитываетъ книгу Ольденбурга объ индусской философіи. Онъ говоритъ, что это хорошая и интересная книга, но онъ порицаетъ ея „научный" тонъ, ссылки на литературу, на то, кто и на какой страницѣ и какого сочиненія когда и что сказалъ по этому поводу.

— Я не понимаю, какъ можно такимъ тономъ говорить о важнѣйшихъ вопросахъ человѣческой жизни, вопросахъ такъ близкихъ сердцу человѣка.—

Ставя чрезвычайно высоко ученіе Будды, Л. Н. говоритъ:

— Ученіе Христа является дальнѣйшимъ (можетъ быть какъ болѣе позднее) и высшимъ еще развитіемъ тѣхъ же идей. У Будды о любви говорится только отчасти, между прочимъ. У Христа-же любовь поставлена въ основаніе всего, ею проникнуто все его ученіе.—

Какъ-то говорили о писательскомъ гонорарѣ. Л. Н. обратился къ П. И. Бирюкову и сказалъ:

— Я понимаю плату за работу вродѣ вашей біографіи, но мнѣ всегда казалась странной и несправедливой плата писателямъ за художественныя произведенія. Человѣкъ писалъ—наслаждался, и вдругъ за это наслажденіе требуетъ себѣ 500 рублей за печатный листъ!...—

3 августа. Все шли дожди. Сѣно убрать не успѣли. Л. Н. говоритъ разъ:

— Знаете пословицу—сѣно черное, каша бѣлая? Когда объ эту пору дожди, для сѣна это дурно—оно чернѣетъ, зато гречиха бываетъ особенно хороша.—

Сегодня ко мнѣ пришелъ странный человѣкъ,—сказалъ Л. Н.,—

безъ усовъ, безъ бороды, видъ скопца. Я спросилъ его, не скопецъ ли онъ? Онъ взволновался, заплакалъ и сталъ говорить, что онъ отъ природы лишенъ половыхъ свойствъ, и что это—горе его жизни,—что въ молодости надъ нимъ смѣялись, и онъ ужасно всегда отъ этого страдалъ. Онъ мнѣ жалуется, а я говорю ему: какой вы счастливый! Онъ оказался очень умнымъ. Когда я сталъ по поводу земли говорить съ нимъ о проектѣ Генри Джорджа, то онъ съ полслова все понялъ и самъ договорилъ:—Вотъ-бы землю податью обложить, „они" тогда напляшутся!—

Недавно по поводу какой-то выходки N. Л. Н. былъ разстроенъ, да и вообще не въ духѣ. Онъ сказалъ мнѣ:

— Я люблю, когда я не въ духѣ. Это хорошо. Тутъ-то и надо стараться сохранить доброе любовное отношеніе къ людямъ. Въ такія минуты, когда даже пустякъ раздражаетъ,—не нашелъ письма, котораго искалъ, уронилъ что-нибудь и хочется сказать—а, чортъ!—вотъ въ такія минуты стараться сдержать себя важно и полезно.—

Какъ-то мы со Л. Н. были у Николаева [1] на деревнѣ. Вышли пройтись. Шли вдоль задовъ деревни. Мужики и бабы сѣно возили. Еще тутъ такая славная молодайка увидала свою дѣвочку лѣтъ 6—7 съ большимъ здоровымъ полуторагодовалымъ братомъ на рукахъ и такъ хорошо обрадовалась:

— Сынокъ ты мой, сыночекъ!...—

Николаевъ сталъ разсказывать что-то про яснополянскаго мужика Ларіона. Л. Н. сказалъ:

— Мы привыкли часто всѣхъ ихъ соединять въ одно собирательное „народъ" и относиться съ уваженіемъ къ этому собирательному. И за этимъ понятіемъ „народъ" мы часто не видимъ Ларіона, Ивана, Петра—живыхъ людей. И тутъ часто, у меня по крайней мѣрѣ, бывали разочарованія....—

29 августа. Еще въ началѣ лѣта Л. Н. какъ-то сказалъ мнѣ:

— Такъ ясно я вижу, какъ можно было-бы успокоить революцію осуществленіемъ проекта Генри Джорджа, что непонятно и удивительно, какъ люди этого не видятъ. Хотя я и знаю, что никто не обратитъ вниманія и что изъ этого ничего не выйдетъ, но чувствуешь непреодолимое желаніе сказать, написать объ этомъ. Если-бы не было

[1] С. Д. Николаевъ, переводчикъ Генри Джорджа, одинъ изъ близкихъ друзей Л. Н—ча.

противно обращаться къ этимъ людямъ, я все собирался написать письмо....

Я знаю, что Л. Н. все-таки писалъ Столыпину. Разумѣется письмо не имѣло никакихъ результатовъ. Хотя Столыпинъ и выразилъ желаніе поговорить съ Николаевымъ, какъ съ знатокомъ Джорджа, но ихъ свиданіе такъ и не состоялось.

Л. Н. написалъ новую статью „Не убій никого". Когда онъ ее кончилъ и хотѣлъ послать по возможности во многія газеты, Чертковъ убѣдилъ его отложить это, чтобы статья одновременно появилась въ Россіи и заграницей. Это предполагается 8-го сентября. Сначала Л. Н. хотѣлъ, чтобы статья вышла поскорѣе [1], и вспомнилъ по этому поводу, какъ когда онъ въ семидесятыхъ годахъ написалъ комедію и прочелъ ее Островскому, тотъ нашелъ, что кое-что слѣдовало-бы исправить.

— Я ему на это и говорю,— сказалъ Л. Н.,—да, это вѣрно, да хотѣлось-бы поскорѣй напечатать ее, чтобы не упустить время.—

— А ты, что-жъ, боишься, что они поумнѣютъ? — спросилъ Островскій.

У Черткова бываютъ собранія съ крестьянами. Когда Л. Н. былъ тамъ въ первый разъ, какъ-то изъ бесѣды ничего не вышло, было неловко и неестественно. Однако было много и интереснаго, особенно споры съ революціонно-настроенной молодежью.

Одинъ парень сказалъ Л. Н., что если не насиловать, то тебѣ на шею сядутъ. Л. Н. отвѣтилъ ему:

— Ну и пускай сядутъ. И въ этомъ и состоитъ задача, что когда онъ у тебя на шеѣ сидитъ, а ты старайся убѣдить его, что это нехорошо. И высшее счастье, когда онъ сойдетъ и поблагодаритъ, что ты научилъ его... А не сойдетъ, что дѣлать!.. Вы простите меня, но я скажу вамъ, что думаю. А думаю я, что въ этомъ озлобленіи всѣхъ въ основаніи часто лежитъ дурное, злое чувство — зависть... Зависть къ богатымъ. Русскій народъ въ годъ пропиваетъ около милліарда рублей. Значитъ они еще не совсѣмъ нищіе. И почти всякій изъ народа, сдѣлавшись богатымъ, дѣлается такимъ-же насильникомъ, какъ тѣ, противъ которыхъ онъ теперь борется. Все дѣло въ религіозномъ сознаніи человѣка. Какъ сказано: „Ищите

[1] Статья эта полностью никогда напечатана не была, а появилась только въ сильно урѣзанномъ видѣ въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ.

царствія Божія и правды его, а остальное приложится вамъ". Человѣкъ можетъ быть звѣремъ и можетъ быть святымъ. Каждый человѣкъ, какъ сказано въ Евангеліи, сынъ Божій. Побѣждать въ себѣ звѣря и освобождать, проявлять сына Божія — въ этомъ назначеніе человѣка.—

Л. Н. какъ-то сказалъ:

— Я все больше убѣждаюсь, что разумный человѣкъ познается въ смиреніи. Самомнѣніе несовмѣстимо съ умомъ.—

Л. Н. перерабатываетъ „Кругъ Чтенія". Перна[1], который помогаетъ ему въ технической сторонѣ работы, спросилъ его, почему у него среди рубрикъ, по которымъ распредѣляются мысли, нѣтъ рубрики „зло".

— Потому что зла нѣтъ,—отвѣтилъ Л. Н.—Существуютъ только соблазны, а зло, если вдуматься, всегда только уклонившееся отъ истиннаго направленія добро. Какое-бы зло ни взять, всегда въ его основаніи лежитъ добро. Напримѣръ: скупость происходитъ отъ бережливаго обращенія съ предметами, т. е. съ трудомъ тѣхъ, кто ихъ произвелъ; развратъ произошелъ изъ естественнаго стремленія къ продолженію рода человѣческаго. И такъ можно прослѣдить всюдѣ.—

Л. Н. сказалъ при мнѣ Черткову: — Я какъ-то все больше остерегаюсь дурно говорить и думать о людяхъ. Когда осуждаешь кого-нибудь, только вспомни, что въ немъ Богъ, что онъ братъ твой.—

Вчера былъ день рожденія Л. Н-ча. Ему 79 лѣтъ. Вечеромъ были: Чертковъ, Досевъ, Жихаревъ, Картушинъ, Перна, еще кто-то, такіе все хорошіе, сильные. Хорошо говорили.

Л. Н. сказалъ:

— Богъ въ человѣкѣ, но мнѣ всегда непріятно сказать, что въ человѣкѣ *частица* божества. Все есть проявленіе Бога, и человѣкъ, и собака, и растеніе, и звѣзда. Но въ человѣкѣ я это проявленіе понимаю, сознаю — въ звѣздѣ нѣтъ. Богъ въ человѣкѣ проявляется любовью. Но онъ не любовь, онъ—нѣчто большее любви, то, чего мы не знаемъ, гдѣ мои разсужденія оканчиваются — это предѣлъ, о которомъ мнѣ знать не дано.—

Л. Н. сказалъ между прочимъ о молитвѣ, что для него лучшія

---

[1] Учитель сына В. Г. Черткова.

молитвенныя слова, кромѣ нѣкоторыхъ евангельскихъ, слова изъ посланія Іоанна: „Кто не любитъ, тотъ не позналъ Бога, потому что Богъ есть любовь. Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ и любовь его совершенна въ насъ", и т. д.

— Какъ это странно и непонятно,— сказалъ Л. Н. вчера.— Людямъ дано благо, отъ нихъ зависитъ осуществить его, а они все дѣлаютъ, чтобы помѣшать ему. Разумѣется не удастся, а такъ-бы хотѣлось сказать это людямъ, разъяснить это заблужденіе.—

7 сентября. Послѣдній вечеръ провели въ Ясной. Третьяго дня Л. Н. сказалъ:

— Не знаю, можетъ быть это пройдетъ, но теперь особенно по утрамъ, у меня какъ праздникъ какой, такая радость, такъ хорошо...—

Тогда-же онъ еще сказалъ мнѣ:

— Я думалъ о философскихъ вопросахъ и между прочимъ о пространствѣ и времени и вспомнилъ свое давнишнее опредѣленіе, которое я еще совсѣмъ молодымъ сдѣлалъ. Теперь я его еще расширилъ и дополнилъ. Я думалъ нынче о васъ и вмѣстѣ съ этимъ подумалъ, что вамъ это будетъ интересно и вы поймете меня.

— Пространство — это наша способность видѣть (воспринимать) два (или нѣсколько) предмета въ одно и то-же время. Время — это наша способность видѣть (воспринимать) два (или нѣсколько) предмета на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Для пространственныхъ впечатлѣній необходимымъ условіемъ является то, что мы называемъ матеріей, для впечатлѣній во времени такимъ условіемъ является движеніе. Я помню, еще Страхову (Н. Н.) очень нравилось это опредѣленіе. Разумѣется въ немъ есть тотъ недостатокъ, что оно для опредѣленія пространства уже предполагаетъ время и наоборотъ (*Petitio principii*).

Въ тотъ-же день Л. Н. разсказывалъ, что утромъ онъ особенно болѣзненно почувствовалъ враждебное отношеніе живущихъ въ деревнѣ противъ нихъ и противъ него лично.

— Я пошелъ съ цѣлью поговорить съ тѣмъ, кого встрѣчу, по возможности просто и откровенно... Но на дорогѣ встрѣтилъ прикащика и мужиковъ; между ними произошло столкновеніе по поводу какихъ-то разсчетовъ. Прикащикъ обратился ко мнѣ за совѣтомъ. Я сказалъ ему, что не вмѣшиваюсь въ эти дѣла, но могу только одно

сказать ему, какъ сказалъ-бы это какому-нибудь Кулешовскому прикащику, что нужно во всякомъ случаѣ стараться быть добрѣе и мягче.

— Такъ я на деревню и не пошелъ...—

Л. Н. былъ нынче у З. по дѣлу: просить станового освободить изъ тюрьмы маляра Ивана Григорьевича, и поблагодарить за присланные персики. Тамъ ея дочь кн. В.

— Онѣ все меня хотѣли направить на путь истинный,— сказалъ Л. Н.—Я старался говорить съ полной серьезностью; но сквозь ихъ брилльянты и роскошь едва-ли могло что-нибудь проникнуть. Онѣ задавали мнѣ все разные вопросы. У нихъ печникъ, который бывалъ у меня,—книжки бралъ. И вотъ онъ теперь разсказываетъ имъ, что я говорилъ, что въ Бога вѣрить не надо, и еще разныя несообразности. Я имъ сказалъ, что ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что мои слова такъ искажаютъ. Если даже изъ словъ Христа люди сумѣли вывести церковные обряды, благословеніе убійства и т. п., то что удивительнаго, что наши слова постоянно перетолковываются, искажаются.—

— Потомъ онѣ спросили меня, чѣмъ я объясняю себѣ то, что въ моей семьѣ никто не послѣдовалъ моимъ словамъ. Я сказалъ имъ, что это вѣроятно произошло отъ того, что я какъ фарисей, — живу и не исполняю того, что говорю. Онѣ мнѣ на это не возражали.—

Л. Н. разсказывалъ, что прочелъ нынче въ приложеніи къ „Новому Времени" статью о новой книгѣ о Тургеневѣ. Книга эта (Л. Н. забылъ имя автора), разсказывая ссоры Тургенева со всѣми писателями (Достоевскій, Толстой, Герценъ, Фетъ и др.), носитъ полемическій характеръ, какъ-бы задаваясь цѣлью оправдать Тургенева отъ обвиненій и доказать, что онъ былъ во всѣхъ случаяхъ правъ.

— Странно, правда, что онъ со всѣми ссорился. Онъ былъ очень хорошій, добрый человѣкъ. Только очень слабый, и онъ сознавалъ свою слабость. Разъ, я помню, здѣсь былъ кн. Урусовъ (не севастопольскій герой, а тульскій вице-губернаторъ), мой хорошій другъ. Ихъ было два брата, и ихъ почему-то считали глупыми. И вотъ Тургеневъ, зная это, сталъ съ нимъ спорить свысока, какъ-бы чувствуя свое превосходство, а Урусовъ спокойно, легко и увѣренно разбилъ его. И не удивительно: у него были свои, какія-бы то ни были, но

опредѣленныя, твердыя религіозныя убѣжденія, а у Тургенева не было никакихъ...—

— Я его любилъ,—сказалъ Л. Н. о Тургеневѣ.

С. А. сказала, что Тургеневъ очень любилъ Льва Николаевича.

— Нѣтъ, наоборотъ. Онъ скорѣе любилъ меня, какъ писателя, а какъ человѣкъ я не встрѣчалъ въ немъ настоящей теплоты и сердечности. Да онъ и никого такъ не любилъ, кромѣ женщинъ, въ которыхъ бывалъ влюбленъ. У него не было никого друзей.—

Л. Н. спрашивалъ меня о моихъ работахъ, о томъ, сочиняю-ли я, и говорилъ, какъ дурно, когда изъ себя выжимаютъ, и какъ многіе большіе художники теряютъ отъ того, что, кончая одно сочиненіе, сейчасъ непремѣнно начинаютъ новое. Лучшіе писатели всегда строги къ себѣ. Л. Н. вспомнилъ Пушкина.

— Я,—сказалъ Л. Н.,—передѣлываю до тѣхъ поръ, пока не почувствую, что начинаю портить. А тогда уже, значитъ, надо бросать. А портить начинаешь потому, что сначала, пока наслаждаешься своей работой, пока она твоя, прилагаешь къ ней всѣ духовныя силы. Потомъ, когда основная первоначальная мысль все болѣе и болѣе перестаетъ быть новой и становится какъ-бы чужой, надоѣдаетъ, начинаешь стараться сказать что-нибудь новое и портишь, искажаешь первую мысль.—

Л. Н. разсказалъ:

— Я получилъ нынче письмо отъ какого-то господина, который поздравляетъ (55-лѣтній юбилей) и пишетъ, что такъ любитъ мои сочиненія, что напримѣръ „Войну и миръ“ постоянно открываетъ и перечитываетъ; „а вотъ ваши философскія писанія, сколько ни пробовалъ, ни одного не могъ дочитать до конца“. Онъ убѣждаетъ меня бросить эти писанія.

— Зачѣмъ онъ это все писалъ?—сказалъ Л. Н., смѣясь.—Жилъ себѣ на свѣтѣ и никто не зналъ, что онъ дуракъ, а онъ вдругъ взялъ да и разсказалъ это мнѣ...—

1908 годъ.

12 апрѣля. Какъ-то зимой по поводу полученныхъ писемъ Л. Н. сказалъ:

— Въ старости дѣлаешься равнодушенъ къ тому, что не увидишь результатовъ своей дѣятельности. А они будутъ. Это нескромно съ моей стороны, но я знаю, что они будутъ.—

Татьяна Львовна разсказывала про А. Н. Волкова [1], что онъ пишетъ книгу объ искусствѣ. Л. Н. заинтересовался. Въ книгѣ своей Волковъ говоритъ, что искусство должно слѣпо слѣдовать во всемъ природѣ. Л. Н. сказалъ:

— Это совершенно невѣрно. Всегда такъ бываетъ: когда разсуждаютъ объ искусствѣ, то или говорятъ, что въ искусствѣ все дозволено, все возможно—полная свобода,—какъ декаденты теперешніе... Или, другіе, говорятъ о рабскомъ подражаніи природѣ. И то, и другое совершенно ложно. Какъ всякій человѣкъ—совершенно особенный, никогда неповторяющійся, такъ и его мысли, чувства—всегда новыя, только *его* мысли и чувства. Въ основаніи истиннаго произведенія искусства должна лежать совершенно новая мысль или новое чувство, но выражены они должны быть дѣйствительно съ рабской точностью всѣхъ мельчайшихъ жизненныхъ подробностей.—

Въ тотъ-же день утромъ Л. Н. былъ очень разстроенъ письмомъ Молочникова, котораго предали суду палаты съ сословными представителями за распространеніе книгъ Л. Н—ча. Молочниковъ прислалъ обвинительный актъ. Л. Н. удивлялся, какъ тамъ хорошо изложено въ сжатомъ видѣ содержаніе статей, за распространеніе которыхъ судятъ Молочникова. Только дико выходитъ, что эти простыя, ясныя, очевидныя истины, и такъ просто и хорошо изложенныя, вдругъ оказываются преступными и наказуемыми по такимъ-то статьямъ.

Преданіе Молочникова суду чрезвычайно разстроило Л. Н. Онъ сейчасъ же написалъ Н. В. Давыдову, послалъ ему обвинительный актъ, прося совѣта и выражая желаніе и готовность поѣхать на судъ въ качествѣ свидѣтеля, чтобы заявить открыто суду, что если кого судить, то не Молочникова, а его, Толстого, такъ какъ это книги его, которыя написалъ онъ, и распространенію которыхъ онъ содѣйствуетъ.

Нынче-же, 12-го апрѣля, со Л. Н—чемъ случился второй припадокъ (первый былъ мѣсяцемъ раньше, въ половинѣ марта). Это было такъ: передъ обѣдомъ Л. Н., вернувшись съ прогулки, легъ по обыкновенію отдохнуть. Мы со Львомъ Львовичемъ сидѣли въ столовой—въ шахматы играли. Потомъ Левъ Львовичъ сталъ ходить по комнатѣ, а я разговаривалъ съ Татьяной Львовной. Въ это время Л. Н. выходитъ изъ дверей, ведущихъ на лѣстницу, и говоритъ:

[1] Извѣстный художникъ.

— Я такъ крѣпко спалъ, что все забылъ. Иду сюда, Лева говоритъ, а я не могу понять, кто это говоритъ, и мнѣ кажется, что это голосъ Митеньки (давно умершій братъ Л. Н—ча).—

Потомъ Л. Н. былъ совершенно такой, какъ всегда. Сѣли обѣдать. За обѣдомъ во время второго блюда шелъ общій разговоръ, въ которомъ принималъ участіе и Л. Н. Я сидѣлъ напротивъ него, и вдругъ вижу, что онъ становится все блѣднѣе и блѣднѣе и какъ будто теряетъ сознаніе. Былъ моментъ почти полнаго обморока. И ужасно было, какъ всѣ не замѣчаютъ и продолжаютъ свой разговоръ, а я и Софья Андреевна видимъ въ чемъ дѣло, но Сонмся сказать, чтобы онъ не услыхалъ. Потомъ Л. Н. пришелъ какъ-бы въ себя, но сперва вообще сознаніе, и дольше память не возвращались. Первыя минуты Л. Н. не понималъ, что онъ дѣлаетъ. Онъ сталъ въ кастрюльку со сладкимъ класть кусокъ хлѣба, какъ-бы совершенно не сознавая себя. Черезъ минуту онъ опомнился и говоритъ:

— Со мной что-то странное: я здоровъ, но я ничего не помню. Что это, мнѣ приснилось, или правда здѣсь былъ братъ Митенька?—

Потомъ онъ силился припомнить, кто это сидитъ за столомъ, но чужихъ не могъ узнать. На меня онъ не посмотрѣлъ, но я съ ужасомъ ждалъ, что онъ не узнаетъ меня. Мнѣ было радостно, что потомъ, хотя забывчивость продолжалась весь вечеръ, онъ спрашивалъ про меня, а когда я вошелъ въ комнату, спросилъ:

Гдѣ вы были, Александръ Борисовичъ?—

Вечеромъ Л. Н. сидѣлъ въ большомъ креслѣ у двери въ гостиную и молчалъ. Потомъ онъ сказалъ:

Что вы всѣ такъ безпокоитесь? Мнѣ такъ хорошо... и такое равнодушіе: здоровъ—здоровъ, нездоровъ—нездоровъ, умру—умру. Только мнѣ хорошо, что вы всѣ тутъ... Ну, а теперь, всѣ прощайте. Я пойду совсѣмъ...—

На другое утро Л. Н. былъ совсѣмъ здоровъ; ему видимо было непріятно, что онъ ничего не помнитъ изъ бывшаго наканунѣ.

Л. Н. восхищался маленькимъ разсказомъ Гюго изъ посмертнаго тома—объ городовомъ и толпѣ, хотѣвшей его убить. Онъ перевелъ его въ фонографъ.

Раньше онъ перевелъ также разсказъ Гюго объ анархистѣ. Этотъ переводъ онъ продиктовалъ Гусеву непосредственно передъ первымъ припадкомъ въ мартѣ. Л. Н. восхищался силой мысли и ярко-

стью этого разсказа, несмотря на то, что въ концѣ „вдругъ на полъстраницѣ все разрѣшается".

Л. Н. заболѣлъ въ субботу на Страстной (12 апрѣля), а въ четвергъ по поводу того, что няня Сухотиныхъ стала читать 12 евангелій, онъ удивлялся:

— Почему именно сегодня и почему 12 евангелій? какъ это странно?—

А на другое утро послѣ болѣзни (первый день Пасхи), Л. Н. прочиталъ у себя въ комнатѣ въ заголовкѣ „Руси" о казняхъ, вышелъ назадъ въ столовую, гдѣ сидѣли я и М. С. Сухотинъ, и сказалъ:

— Вотъ эти празднуютъ, какъ должно! Четыре казни въ Нижнемъ-Новгородѣ, три—еще гдѣ-то. А вы говорите—обратился онъ къ Михаилу Сергѣевичу [1] —умирать не надо. Поскорѣй бы умереть...—

Тутъ-же Л. Н. показалъ отвратительное ругательное письмо какого-то купца. Л. Н. заставилъ Мишу Сухотина читать вслухъ.

— А онъ навѣрное разговлялся куличомъ и говорилъ „Христосъ Воскресъ",—замѣтилъ Л. Н.

17 іюня. На дняхъ Сергѣй Львовичъ говорилъ что-то о симфоническихъ поэмахъ Листа и о „Мефисто". Я со Л. Н. въ это время игралъ въ шахматы. Потомъ Л. Н. говоритъ мнѣ (я хвалилъ „Мефисто"):

— Нѣтъ, это нехорошая музыка. У Листа отсутствуетъ эта особенность старыхъ мастеровъ, эта законченность, ясность цѣлаго, когда чувствуешь, что такъ должно, иначе быть не можетъ. А у него все выдумано, неясно.—

Потомъ Л. Н. спросилъ:

— А вотъ этотъ французъ, какъ его?

Я сталъ перебирать разныхъ французскихъ композиторовъ.

— Да еще всѣ московскія барыни у него учились!

— Фильдъ?

— Да, да!

— Онъ былъ англичанинъ.

— Ну, все равно. У него было дарованіе небольшое, а онъ умѣлъ найти простую форму, и его сочиненія не очень значительны, но пріятны... А когда нѣтъ настоящаго таланта, и начинаютъ стараться во что бы то ни стало сдѣлать что-то новое, необыкновенное, тогда искусство идетъ къ чертовой матери.—

[1] Сухотину, мужу Татьяны Львовны.

По поводу пребыванія сыновей на свадьбѣ у К., Л. Н. сказалъ старухѣ графинѣ Зубовой:

— Мы бывало съ Сережей (братомъ) относились свысока и презирали „благородное крапивенское дворянство". А вотъ мои сыновья иначе... Это, разумѣется, было дурное чувство, но въ этомъ хорошо было то, что по крайней мѣрѣ въ деревнѣ жили деревенской жизнью.

На дняхъ мы со Л. Н. играли въ шахматы. Пришелъ Николаевъ. Въ разговорѣ съ нимъ Л. Н. сказалъ:

— Какъ хорошо, какъ радостно! Я никакъ не ожидалъ такого сюрприза. Вотъ если вы доживете, увидите, какъ хороша старость. Чѣмъ къ смерти ближе—все лучше.—

18 іюня. Нынче я пришелъ ко Л. Н—чу въ комнату.—Можно къ вамъ?

— А, здравствуйте, очень радъ. А я Герцена читаю (книгу Вѣтринскаго о Герценѣ, которую Л. Н. читаетъ съ большимъ интересомъ).—

— Л. Н., хотите партію сыграть?—

— Ну давайте.—

— Здѣсь будемъ играть?—

— Да, лучше здѣсь.—

Я принесъ шахматы и разставилъ. Л. Н. сидѣлъ въ креслѣ, я—на кожаномъ диванѣ. Л. Н. сказалъ:

— Мнѣ эти дни невыносимо тяжело. Я никому этого кромѣ васъ не говорилъ. Я нынче въ дневникѣ писалъ. Я просто не могу больше жить такъ. Эта прислуга, роскошь, богатство, а тамъ—бѣдность, грязь. Мнѣ мучительно, невыносимо стыдно. Я никогда съ такой силой не чувствовалъ этого, какъ теперь. Просто не могу больше такъ жить,—повторилъ онъ.—Потомъ, какъ будто докончивъ невысказанную мысль о самомъ дорогомъ для него въ семейной обстановкѣ, онъ сказалъ:

— А тутъ эта добродушная Саша со своимъ смѣхомъ... А мнѣ стыдно, стыдно...

Раньше онъ мнѣ еще сказалъ:

— Я нынче хорошо работалъ (отдѣлка статьи „Законъ насилія и законъ любви"). Я писалъ о насиліи. Можетъ быть я ошибаюсь, но кажется вышло очень сильно.—

Нынче Л. Н. былъ у насъ. Пріѣхалъ верхомъ. Побылъ минутъ 10, но былъ очень хорошъ. Сѣлъ на кресло подъ барометромъ. За-

говорилъ о домѣ Черткова, стараясь подыскать оправданія тратамъ на его постройку. Между прочимъ онъ сказалъ, что Чертковъ хочетъ устроить „pied à terre“ для сына.

Я сказалъ:—А что выйдетъ изъ него? (сына).—

— Кто можетъ знать? Онъ милый малый. Но я не знаю. Да вотъ я и васъ не знаю, обратился онъ смѣясь къ моей женѣ, —что изъ васъ еще будетъ, какое еще вы можетъ быть колѣнце отмочите!.. Вотъ про себя-то я ужъ вѣрно знаю, что изъ меня больше ничего не будетъ. Только трупъ.—

Потомъ онъ сказалъ:

—Нѣтъ, Сашинъ домъ лучше [1]. Я сейчасъ сюда ѣхалъ и припоминалъ про это мѣсто. Въ моей памяти цѣлый калейдоскопъ проходитъ. Сначала, помню, еще при отцѣ, это было имѣніе жандармскаго полковника Огарева. Онъ былъ маленькаго роста, добродушный, и жену его помню. Она была, кажется, поведенія довольно легкаго. А потомъ это имѣніе купилъ Морсошниковъ, а ужъ у него Бибиковъ. Онъ былъ мало-образованный, но очень пріятный, хорошій человѣкъ. А потомъ сынъ его, безпутный малый, промоталъ послѣднее, и вотъ теперь Саша купила... И такъ мнѣ странно, я всѣхъ ихъ такъ помню!..—

Л. Н. опять заговорилъ о Герценѣ. Говорилъ, какой онъ послѣдніе годы былъ несчастный. Его всѣ новые нигилисты бранили. Онъ былъ несчастливъ и въ личной жизни.

— Я на немъ вижу, какъ ужасно въ старости безъ религіознаго чувства. Онъ съ разныхъ сторонъ, стараясь объяснить смыслъ жизни, подходилъ къ религіозному сознанію, но не пришелъ къ нему.—Вы не знаете продолженіе „Доктора Крупова“? Очень сильно, остроумно, но съ еще бо́льшимъ пессимизмомъ. Я еще самаго конца книжки не дочиталъ, приберегъ себѣ на сегодня.—

24 іюня. Вчера былъ въ Ясной. Л. Н. два дня былъ нездоровъ—голова болѣла. Вчера онъ былъ бодръ. Онъ перечитываетъ Пушкина и восхищается имъ.

5 іюля. 28-го вечеромъ мы съ женой были въ Ясной. Тамъ былъ у Л. Н—ча слѣпой, который бывалъ раньше и потомъ писалъ ругательныя письма. Онъ человѣкъ больной—смѣсь вліянія революціо-

[1] Маленькій домикъ въ Телятенкахъ, принадлежавшій Александрѣ Львовнѣ, гдѣ я обыкновенно проводилъ лѣто.

неровъ, православія, апокалипсиса и т. п. Пришелъ съ утра, сѣлъ подъ деревомъ, не пилъ, не ѣлъ съ утра, и сказалъ, что не уйдетъ, пока не обратитъ Л. Н—ча на путь истинный. Л. Н. разсказывалъ, что онъ его (Л. Н—ча) ругалъ и даже подлецомъ назвалъ. Л. Н. сказалъ:

— Ну хорошо. Я такой, но тогда меня пожалѣть надо. Зачѣмъ осуждать? У насъ у всѣхъ есть слабости. Онъ все слушалъ и, кажется, немного смягчился.—

Потомъ Николаевъ увелъ его на деревню. На другой день онъ опять былъ.

Л. Н. сказалъ мнѣ:

— Я теперь читаю, то величайшую премудрость—индусскую книгу (прислалъ авторъ Л. Н—чу на англійскомъ языкѣ), то Пушкина.

Л. Н. въ восторгѣ отъ Пушкина, читалъ отрывки всѣ послѣдніе дни. Восхищался этими „перлами ума". Читалъ вслухъ его записки, анекдоты, мысли. Между прочимъ, восхищался замѣткой объ эгоизмѣ. Въ этотъ вечеръ онъ неподражаемо прочелъ сцену изъ „Пиковой дамы" у графини, приходъ Томскаго и проч. Онъ сказалъ:

— Какъ это все хорошо, повѣсти Бѣлкина. А ужъ „Пиковая дама"—это chef d'oeuvre!—

Когда кончилъ читать, онъ сказалъ:

— Такъ умѣренно, вѣрно, скромными средствами, ничего лишняго Удивительно! Чудесно! И какъ это странно: были Пушкинъ, Лермонтовъ, Достоевскій... А теперь что? Еще милый, но безсодержательный, хотя и настоящій художникъ, Чеховъ. А потомъ ужъ пошла эта самоувѣренная декадентская чепуха. А главное, эта самоувѣренность.—

По поводу индусской книжки Л. Н. сказалъ:

— Въ индусской философіи удивительно соединеніе глубочайшей мудрости съ невообразимой чепухой. Напримѣръ, разсужденіе о пріемахъ, съ помощью которыхъ слѣдуетъ приводить себя въ возвышенное состояніе: нужно сѣсть, прямо держа спину, смотрѣть обоими глазами себѣ на кончикъ носа и повторять слово „Омъ".—

— Эта работа еще предстоитъ въ будущемъ: очистить истину во всѣхъ ученіяхъ—буддійскомъ, конфуціанскомъ, въ христіанствѣ—отъ всего, что̀ устарѣло, ложно, лишнее.—

Жена благодарила Л. Н—ча за книжки, которыя онъ ей прислалъ (мысли по отдѣльнымъ темамъ изъ „Круга Чтенія", изданіе „Посредника"); Л. Н. спросилъ ее:

— А вы читали ихъ? А то, какъ дѣти Николаева. Онъ ихъ зоветъ посидѣть, поговорить, а Валёкъ говоритъ: только, папа, не о добрѣ—мы это ужъ знаемъ.—

Софья Андреевна замѣтила, что дѣти вообще этихъ разговоровъ не любятъ и скучаютъ, когда съ ними ведутъ ихъ.

— Нѣтъ, я въ своихъ занятіяхъ не замѣчалъ этого,—сказалъ Л. Н.—Я думаю, разумѣется, все дѣло въ томъ, кто и какъ говоритъ съ дѣтьми.—

Въ тотъ же вечеръ Л. Н. сказалъ:

— Удивительно! Вотъ я пишу теперь объ этомъ — разумѣется слабо—но это мнѣ кажется важнымъ и нужно сказать,—какъ это думать, что мы призваны устраивать жизнь! Это такое-же суевѣріе, какъ.... Какъ улучшать жизнь другого? Зла онъ мнѣ не можетъ причинить. Зло человѣкъ можетъ только себѣ причинить. Значитъ я самъ виноватъ. Это очень важно въ отношеніяхъ съ людьми—помнить, что самъ виноватъ. И тогда не другихъ будешь исправлять, а себя....—

— Какъ это странно,—сказалъ Л. Н.—молдаване въ Бессарабіи—самые русскіе патріоты. Или въ Индіи, гдѣ народъ погибаетъ, милліоны ежегодно умираютъ отъ голода подъ гнетомъ англичанъ, а изъ 200 тысячъ войска въ Индіи 150 слишкомъ тысячъ—сами-же индусы. А у насъ войско—тѣ-же рабочіе....—

29-го вечеромъ мы опять были въ Ясной. Тамъ были три дамы теософки, изъ которыхъ одна—г-жа У., скрипачка, съ которой я игралъ. Когда мы пріѣхали, Л. Н. сейчасъ-же сталъ со мной играть въ шахматы, но сказалъ, что придется прервать, такъ какъ привезутъ слѣпого, котораго уговорили уѣхать, но онъ хочетъ еще разъ увидать Л. Н-ча. Дѣйствительно, скоро Филька подвезъ его въ шарабанѣ къ дому. Л. Н. вышелъ. Я стоялъ въ столовой у окна и видѣлъ и почти все слышалъ. Слѣпой сидѣлъ въ шарабанѣ рядомъ съ Филиппомъ, а Л. Н. сталъ близко сбоку и, наклонившись, слушалъ. Слѣпой говорилъ раздраженно. Шелъ дождь, Софья Андреевна выскочила на крыльцо и накинула на Л. Н-ча мой плащъ.

— Хотя твое христіанство выше ученія поповъ, но оно ложь. Твои ученики разбойники, и ты атаманъ разбойниковъ. Всѣ вы мерзавцы, и ты первый!—Л. Н. стоялъ согнувшись и кротко, тихо слушалъ. Только что онъ началъ что-то тихо говорить, Софья Андреевна не выдержала и велѣла Филиппу ѣхать. Л. Н. вернулся въ столовую и сказалъ мнѣ:

— Ужасно, сколько я говорилъ съ нимъ эти дни, а подъ конецъ онъ всетаки говоритъ: ты атаманъ разбойниковъ и мерзавецъ. Страшно подумать, что̀ у него дѣлается въ душѣ.... Для меня онъ былъ очень полезенъ. Когда такъ сталкиваешься съ людской злобой во всей наготѣ, то тутъ ясно видишь, что сердиться безсмысленно, что единственное возможное отношеніе къ такому человѣку доброе,—и его жаль. А когда на тебя нападаютъ не такъ грубо, а утонченно, остроумно, тогда невольно поддаешься этому и начинаешь заражаться.—

Л. Н. говорилъ съ теософками о религіи у Юліи Ивановны [1] въ комнатѣ. Я подошелъ къ концу разговора. Л. Н. сказалъ:

— Истинное религіозное чувство можетъ проявиться въ самой нелѣпой формѣ.—

Онъ разсказалъ легенду, которая помѣщена у Побѣдоносцева въ его „Московскомъ сборникѣ“:

— Пастухъ молился и обѣщалъ принести Богу теленка, и молился ему по своему. Моисей сказалъ ему: что̀ ты дѣлаешь? кому нужна твоя жертва и твоя молитва? Тогда Богъ сказалъ Моисею: Что ты сдѣлалъ? Зачѣмъ ты отнялъ у меня этого человѣка?— (У Л. Н-ча слезы подступили къ горлу).

— Я боюсь, что вы пропускаете мимо мои слова,—сказалъ потомъ Л. Н. этимъ дамамъ по поводу его отношенія къ теософіи.

— Когда религіозный человѣкъ, какъ мой другъ Гусевъ, играетъ въ городки, или вотъ другой мой другъ Гольденвейзеръ на фортепіанахъ играетъ, то это очень хорошо. Но когда изъ религіи дѣлаютъ игрушку—это ужасно. Всѣ эти разсужденія о будущей жизни, или о прошедшей, о невидимомъ видѣ, все это ненужно, мѣшаетъ. Нужно только одно: *я*, *мое* отношеніе къ Богу, *моя* жизнь. И зачѣмъ искать еще чего-то? Когда на скрыпкѣ [2] играешь или какое-нибудь другое дѣло дѣлаешь и чувствуешь, что пошелъ впередъ, дѣлается радостно. А въ этихъ дѣлахъ есть предѣлъ. Въ религіозномъ сознаніи нѣтъ предѣла, а безконечный радостный ростъ. Dixi!—

И Л. Н. всталъ и пошелъ въ залу.

За чаемъ Софья Андреевна, вспоминая скрипачей, бывавшихъ въ Ясной, назвала Лясоту, дававшаго когда-то уроки, кажется, Михаилу Львовичу, и сказала, что онъ полякъ. Л. Н. сказалъ:

[1] Игумнова.

[2] Л. Н. произносилъ: скрыпка.

— Я прежде, въ молодости, не любилъ поляковъ. За то теперь я чувствую къ нимъ какую-то особенную нѣжность. Должно быть это, чтобы загладить то дурное чувство, которое прежде во мнѣ было.—

Я разсказалъ, что Пестель въ „Русской Правдѣ" говоритъ, что Польшѣ должна быть дана свобода. Л. Н. вскрикнулъ:

— Ну какъ-же послѣ этого его было не повѣсить!—

Л. Н. разсказалъ, что одна изъ теософокъ разсказала ему про самоубійство ея сына. Онъ повѣсился, да такъ, что перекинулъ веревку черезъ крюкъ, надѣлъ петлю на шею и затянулъ руками. Его нашли на колѣняхъ съ судорожно сжатыми руками, которыми онъ тянулъ веревку.

— Она мнѣ такъ хорошо разсказала,—сказалъ Л. Н.,—что я совершенно понялъ этотъ типъ: способный, сдалъ магистерскій экзаменъ, удивительная память, добрый, но внутренняя пустота, которую нечѣмъ заполнить. Купилъ домъ, сталъ заниматься аферами. То въ банкъ деньги вносить, то ерокъ подошелъ, одно за другимъ, и запутался. Я знаю это. Вѣдь хорошая книжка—это неважно, пустяки. А вотъ деньги, это дѣло серьезное.—

Наканунѣ, когда мы съ женой были, Л. Н. сказалъ ей:

— Анна Алексѣевна, возьмите мальчика.—

Недоумѣніе...

— Правда, я всѣхъ буду спрашивать. У меня былъ слѣпой крестьянинъ, такой хорошій, и съ нимъ мальчикъ, сынъ восьми лѣтъ. Его-бы куда пристроить. Такой хорошій мальчикъ! Я слѣпого спрашивалъ. Онъ живетъ ничего. Трое дѣтей. Что-же жена?—Хорошая женщина. Такъ мнѣ это понравилось, какъ онъ сказалъ. А мальчикъ хорошій. Я все думалъ, что еслибы помоложе, для писателя это такой сюжетъ! Какъ такой мальчикъ попадаетъ въ городъ, въ чужіе люди, и что изъ него потомъ въ жизни выйдетъ...—

На дняхъ былъ корреспондентъ Береншейнъ изъ какой-то большой американской газеты. Кажется еврей. Онъ между прочимъ спросилъ Л. Н-ча о еврейскомъ вопросѣ.—Л. Н. сказалъ ему:

— Съ христіанской точки зрѣнія не можетъ быть никакихъ, ни еврейскихъ, ни польскихъ вопросовъ. Отношеніе къ людямъ не зависитъ отъ ихъ національности.—

Я игралъ какъ-то. Л. Н. сказалъ, что новая музыка послѣ Шопена чужда ему, и что это—паденіе искусства.

— Я все боюсь, что это стариковская черта—признавать все только свое старое. Но вотъ и въ литературѣ, хотя-бы у насъ: послѣ Гоголя, Пушкина,—Леонидъ Андреевъ.—

На дняхъ на балконѣ Л. Н. сказалъ по поводу постройки Черткова:

— Странно, онъ какъ будто дѣлаетъ все это, чтобы устроиться по сосѣдству со мной, а между тѣмъ мое сосѣдство самое отдаленное и очень скоро.—

Гусевъ сказалъ, что Чертковъ увѣренъ, что онъ умретъ раньше Л. Н-ча.

— Какъ это знать?! Какое это важное дѣло—мысль о смерти. Только какъ думать о смерти молодому! Эта мысль слишкомъ противорѣчитъ физической жизни. Вотъ Саша напримѣръ, какъ ей о смерти думать?! Изъ нея мысль о смерти выскакиваетъ, какъ пробка, которую засунули во что-нибудь упругое.—

27 іюля. Какъ-то недѣли двѣ назадъ была въ Ясной г-жа N, жена члена государственнаго совѣта. Дама мало интересная. На балконѣ Л. Н. игралъ со мной въ шахматы, а она, сначала съ Софьей Андреевной, а потомъ не помню съ кѣмъ-то другимъ (кажется Маріей Николаевной, сестрой Л. Н-ча) разглагольствовала о полезности помѣщиковъ и о томъ, что мужики звѣри и, если бы не помѣщики и ихъ культура, озвѣрѣли-бы окончательно. Л. Н. молчалъ, молчалъ, и наконецъ не выдержалъ. Онъ всталъ со стула и сказалъ ей:

— Вы меня извините, но то, что вы говорите, ужасно: этого равнодушно слушать нельзя. Ужъ если кто звѣри, то ужъ конечно не мужики, а мы всѣ, кто ихъ грабитъ и на ихъ счетъ живетъ. А вся „работа“ помѣщиковъ—одно баловство отъ нечего дѣлать....—

Л. Н. очень взволновался и долго потомъ не могъ успокоиться.

Въ тотъ-же вечеръ—N уже уѣхала—за чаемъ говорили о казняхъ. Софья Андреевна пыталась доказать, что всякія убійства такое-же зло, какъ казнь, а объ нихъ не говорятъ. Ей возражала Елизавета Валеріановна, что казнь—убійство, считаемое справедливымъ, и въ этомъ весь ужасъ. Л. Н. сказалъ:

— Если спросить, кто хуже: несчастный палачъ, котораго подкупили, споили, погубили его душу, или тѣ, кто его подкупаетъ и кто присуждаетъ къ казни: прокуроры, судьи, то мнѣ кажется и сомнѣнья быть не можетъ....—

За чаемъ Елизавета Валеріановна сказала Маріи Николаевнѣ, своей матери, чтобы она выпила молока, и та стала пить. Л. Н. сказалъ:

— Какъ это, Машенька, ты пьешь? Во мнѣ, если скажутъ: пей молоко, — захочу хересу, а скажутъ пить хересъ, — я молока захочу....—

Л. Н. тутъ-же за чаемъ разсказалъ про письмо лицейскаго священника Соловьева. Онъ говорилъ, что это было хорошее, доброе письмо, хотя и увѣщавшее возвратиться въ лоно церкви. Л. Н. ему отвѣтилъ и просилъ Гусева прочесть отвѣтъ. Въ письмѣ разсказана легенда изъ сборника Побѣдоносцева, и говорится, что Л. Н. надѣется, что онъ такой-же пастухъ.

— Я хотѣлъ еще прибавить,—сказалъ Л. Н.,—да воздержался, что вы принадлежите къ той церкви, которая людей раздѣляетъ, а та церковь, къ которой я принадлежу, соединяетъ всѣхъ людей.—

Марія Николаевна вспоминала кое-что изъ прошлаго. Когда они вскорѣ послѣ смерти отца въ 37—8-мъ году жили въ Москвѣ на Плющихѣ, Левъ Ник., которому тогда было лѣтъ 8—9, выпрыгнулъ разъ изъ окна второго этажа и расшибся. Л. Н. сказалъ, что хорошо помнитъ это:

— Мнѣ хотѣлось посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ. И я даже помню, что постарался, выскакивая изъ окна, еще подпрыгнуть повыше.—

28 іюля. Вчера мы были въ Ясной съ женой. У Л. Н-ча все нога болитъ. Онъ лежитъ въ креслѣ съ вытянутой ногой. У него воспаленіе и закупорка вены. Нужно, говорятъ, лежать 6 недѣль. Мы были сначала у Николаевыхъ. Въ Ясную пришли часовъ въ 8. Л. Н. сидѣлъ въ креслѣ въ столовой. Игралъ раньше съ Сергѣенко въ шахматы. Мы стали съ нимъ играть. Сергѣенко немножко посмотрѣлъ, а потомъ у круглаго стола вступилъ въ объясненіе съ Софьей Андреевной по поводу дѣтской хрестоматіи изъ сочиненій Л. Н-ча, которую онъ хочетъ издать къ юбилею.

Пріѣхала З. Л. Н. разговорился. Онъ разсказывалъ про отца Черткова:

— Когда ему было лѣтъ 45, у него на пальцѣ ноги сдѣлалась гангрена. Потомъ пошла дальше, пришлось отрѣзать ногу до колѣна. Онъ поѣхалъ въ Англію. Тамъ ему очень искусно сдѣлали ногу, на которой онъ довольно свободно ходилъ. Потомъ сдѣлалось на другой ногѣ, пришлось отнять и эту, и еще разъ—уже выше колѣна. Онъ сидѣлъ въ креслѣ и его возили. Онъ былъ очень терпѣливъ и не стоналъ, но цѣлыми днями качался отъ боли. Къ вечеру

ему впрыскивали морфинъ; онъ оживлялся, читалъ газеты, разговаривалъ. Это былъ блестящій, свѣтскій, остроумный человѣкъ, имѣвшій большой успѣхъ въ свѣтѣ. Его и въ креслѣ продолжали возить на балы. На него была даже мода, онъ бывалъ у императрицы. И въ обществѣ на него приглашали, говоря: „Venez, Mr. Tchertkoff sera ce soir chez nous.“ Онъ скоро умеръ. Онъ ничего не пилъ и не могъ никогда пить, такъ какъ ему вино бросалось въ голову. Но какъ-то за обѣдомъ кто-то пилъ, и онъ съ нимъ выпилъ рюмку водки, и тутъ-же за обѣдомъ внезапно умеръ.—

Почему-то заговорили о клопахъ. Л. Н. сказалъ:

— Перна (живущій у Чертковыхъ учитель Димы), когда есть клопы, не чешется, а лежитъ спокойно—даетъ имъ наѣсться, какъ Будда, отдавшій себя на съѣденіе тигрицѣ,—а потомъ клопы наѣдятся и онъ спитъ спокойно. А встарину, при крѣпостномъ правѣ, когда помѣщики жили довольно грязно и клопы не переводились, если гость оставался ночевать, то на его постель клали сперва лакея, чтобы накормить клоповъ, а ужъ потомъ готовили постель гостю.—

Потомъ я сталъ около Л. Н-ча и онъ поговорилъ со мною. Сначала онъ, смѣясь, подмигнулъ на колоссальную шляпу З.

Я спросилъ его, работаетъ ли онъ надъ новымъ „Кругомъ Чтенія“. Л. Н. сказалъ, что уже двадцать первый день дѣлаетъ. Онъ дѣлаетъ одинаковыя числа всѣхъ 12-ти мѣсяцевъ на одну тему. Я сказалъ ему, что читалъ первое число, и мнѣ показалось очень хорошо. Л. Н. сказалъ:

— Да, это все еще надо пересмотрѣть. Я въ началѣ каждаго дня помѣщаю мысли, доступныя дѣтямъ или народу. Это очень трудно. Я теперь старый это дѣлаю, а надо было начать съ этого. Надо было писать такъ, чтобы это было по возможности всѣмъ понятно. Это и въ вашемъ дѣлѣ. Да и во всякомъ искусствѣ.—

Я ему сказалъ, что въ музыкѣ самый музыкальный языкъ бываетъ недоступенъ, независимо отъ принадлежности къ интеллигентному кругу, а въ силу непривычки или природной немузыкальности. Л. Н. отчасти со мною согласился, но сказалъ, что это и въ другихъ искусствахъ:

— Бываютъ мысли общепонятныя и нужныя, но выраженныя языкомъ небольшого круга людей. Напримѣръ, какое-нибудь „Я помню чудное мгновенье“, или „Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день“—вы помните? Этого мужикъ не пойметъ.—

Л. Н. сказалъ, что много думалъ въ этотъ день объ искусствѣ и перечелъ свою статью, и долженъ сознаться, согласился со своими мыслями.

Л. Н. читаетъ англійскую біографію (Huneker) Шопена. Біографія ему не понравилась. Онъ сказалъ мнѣ:

— Я давно не читалъ такого рода книгъ. Авторъ не показываетъ Шопена—его внутреннюю жизнь, а щеголяетъ своей эрудиціей, своимъ умѣньемъ ловко, остроумно писать. Полемизируетъ и доказываетъ неправоту другихъ біографовъ. А Шопена здѣсь нѣтъ... Но все-таки есть много интересныхъ фактовъ. Эта жизнь небольшого круга поэтовъ, писателей, музыкантовъ,—какая развращенная, ужасная жизнь! А Жоржъ Зандъ, эта отвратительная женщина!.. Я не понимаю ея успѣха.—

Марія Николаевна, которая слушала, сказала:

— Нѣтъ, у нея есть хорошія вещи. Вотъ, напримѣръ, „Consuello".—

— Нѣтъ, нехорошо. Все фальшиво, дурно, скучно, я никогда не могъ читать.—

29 іюля. Л. Н. чувствуетъ себя плохо, нога не лучше. Боли въ животѣ.

30 іюля. Въ Ясной были: Марія Александровна [1], И. И. Горбуновъ, Евгеній Иванъ. Поповъ. Л. Н. плохо чувствовалъ себя въ смыслѣ пищеваренія. Нога все такъ же. Играли въ шахматы. Потомъ чай пили. Раньше, еще до шахматъ—я только что пришелъ, зашелъ въ залу— Л. Н. разсказывалъ Н. Л. Оболенскому, Маріи Николаевнѣ и тѣмъ, кого я назвалъ раньше, содержаніе романа Анатоля Франса, крайне запутаннаго, преисполненнаго всякихъ злодѣйствъ. Онъ называется кажется „Іокаста". Л. Н. очень подробно передалъ содержаніе, удивлялся нелѣпости, но говорилъ, что написано съ обычнымъ мастерствомъ Франса.

Когда я только что пришелъ, я встрѣтилъ внизу двухъ людей, желавшихъ видѣть Л. Н-ча. Такъ какъ Л. Н. боленъ, къ нимъ пошелъ Гусевъ. Одинъ оказался „безсмертникомъ", а другой черезъ Гусева прислалъ Л. Н-чу очень странную записку, въ которой, ссылаясь на обѣщаніе Буланже дать ему какое-то мѣсто, высказываетъ какъ-то нескладно желаніе быть полезнымъ Л. Н-чу, а въ общемъ— ни цѣли, ни смысла.

[1] Шмидтъ.

Л. Н. сказалъ:

— Удивительно! какъ это они не понимаютъ?! Имъ кажется, что на свѣтѣ только и есть—онъ да я, а между тѣмъ такихъ, какъ онъ, сотни, а я одинъ. И что я могу ему сдѣлать?—

О „безсмертникѣ" Л. Н. заговорилъ за чаемъ. Марія Николаевна спросила, что это за секта. Л. Н. сказалъ ей:

— Безсмертники вѣрятъ, что если они будутъ вѣровать, то никогда не умрутъ. И если кто изъ нихъ умираетъ, говорятъ: значитъ онъ ошибся... Я очень это понимаю. У нихъ безсмертіе отождествляется съ тѣломъ. На низкомъ уровнѣ религіознаго развитія это понятно. Церковное ученіе тоже представляетъ себѣ воскресеніе во плоти...—

Марія Николаевна стала говорить, что вѣритъ, что что-нибудь *будетъ* послѣ смерти. Л. Н. сказалъ:

Прежде всего про состояніе послѣ смерти нельзя сказать, что оно *будетъ*. Безсмертіе не будетъ и не было, оно *есть*. Оно внѣ временныхъ и пространственныхъ формъ... Людямъ, спрашивающимъ, что-же будетъ послѣ смерти, надо отвѣтить: то-же, что *было* до рожденія. Мы не знаемъ, не можемъ и не должны знать, что такое существованіе внѣ тѣла—слѣпіе съ Богомъ, и когда мнѣ начинаютъ разсказывать про это, хотя-бы ко мнѣ явился кто-нибудь съ того свѣта, я-бы не повѣрилъ и сказалъ-бы, что это не нужно. То же, что нужно, мы всегда чувствуемъ и несомнѣнно знаемъ. Надо жить такъ, чтобы моя жизнь содѣйствовала благу людей.

Марія Николаевна сказала, что хотя и не вѣритъ и не допускаетъ существованія рая и ада съ реальными страданіями, тѣмъ не менѣе, для души, постоянное страданіе отъ сознанія совершеннаго въ жизни зла и неисполненнаго добра, и невозможность ничѣмъ этого поправить и есть адъ.

— Я не могу допустить, прибавила она, что человѣкъ, который живетъ дурно и ничего хорошаго не сдѣлалъ, такъ же сольется съ Богомъ, какъ живший хорошо.—

Л. Н. хотѣлъ что-то сказать, Марія Николаевна перебила его. Л. Н. тихо, кротко сказалъ:

— Я тебя, Машенька, выслушалъ, теперь ты меня выслушай. По отношенію къ совершенству Бога та разница, которая существуетъ въ жизни между самымъ праведнымъ человѣкомъ и самымъ дурнымъ, такъ ничтожна, что просто равняется нулю. И какъ я могу допустить,

что Богъ, Богъ, котораго я познаю въ любви, можетъ быть мстительнымъ и наказывать?!—

— А если человѣкъ всю жизнь жилъ дурно и умеръ не раскаявшись?—

— Ахъ, Машенька, да какой-же человѣкъ хочетъ быть дурнымъ? Человѣка, котораго мы считаемъ дурнымъ, мы должны любить и жалѣть за его страданія. Никто самъ не захочетъ жить дурной жизнью и страдать. Его не наказывать надо, а жалѣть, что онъ не знаетъ истины.—

Марія Николаевна всетаки не могла отрѣшиться отъ своей точки зрѣнія. Л. Н. сказалъ ей:

— Очень хорошо, если ты будешь вѣрить тому, что тебя удовлетворяетъ, и этого никакъ нельзя осуждать, лишь-бы только не мѣшать людямъ вѣрить, какъ имъ подсказываетъ ихъ совѣсть, а не стараться заставить ихъ вѣрить иначе, какъ это дѣлаютъ всѣ церковныя исповѣданія: католическое, протестантское, православное, буддійское, магометанское...—

31 іюля. У Л. Н-ча нога лучше. Желудокъ очень плохъ.

1 и 2-го августа мы были съ Сибиромъ [1] и играли. Л. Н. чувствовалъ себя, особенно 1-го, довольно хорошо и очень радовался музыкѣ.

3-го или 4-го мы были съ женой. Л. Н. чувствовалъ себя плохо. Весь вечеръ почти слова не сказалъ. На другой день я собирался играть тамъ Шопена. Пріѣхалъ, а Л. Н. болѣнъ—лежитъ.

5-го августа. Марія Николаевна разсказала, еще кажется въ серединѣ іюля, какъ у Л. Н-ча прикащикъ Фоканычъ укралъ 400 рублей, а Л. Н. отнесся къ этому довольно равнодушно. Вскорѣ послѣ этого Сергѣй Николаевичъ, братъ Л. Н-ча, волновался какъ-то по поводу хозяйственныхъ заботъ, и когда ему сказали: стоитъ-ли изъ-за этого такъ разстраиваться, онъ отвѣтилъ:

— Хорошо Лёвочкѣ,—у него Фоканычъ 400 рублей укралъ, а онъ разсказъ напишетъ и получитъ ихъ, и еще въ разсказѣ этого же Фоканыча опишетъ, а мнѣ взять неоткуда.

Л. Н. сказалъ на это:

— Какъ это, Машенька, ты все это помнишь?! А вотъ я сегодня какое словцо слышалъ, нѣтъ-нѣтъ и вспомню.—

[1] Московскій скрипачъ.

И Л. Н. разсказалъ, какъ въ этотъ день за обѣдомъ пришелъ необыкновенно назойливый нищій, сталъ у балкона, началъ говорить, какъ онъ счастливъ видѣть и привѣтствовать Л. Н-ча, дѣлалъ руку подъ козырекъ. Ему что-то подали, онъ не удовлетворился, пошелъ на кухню и сталъ еще что-то выпрашивать съ необыкновенной назойливостью. Послѣ обѣда, когда Л. Н. проходилъ съ балкона на крыльцо, Илья Васильевичъ [1], указывая на нищаго, сказалъ Л. Н-чу:

— Да, этотъ у попа кобылу выпроситъ!—

Я ушелъ съ балкона и собрался домой. Въ передней я разговорился о чемъ-то съ Александрой Львовной и Гусевымъ. Тутъ же была Варвара Михайловна [2] и еще кто-то. Вошелъ Л. Н.

— Ну, давайте хороводъ водить!—Мы взялись за руки и стали весело вертѣться. Л. Н. смѣялся и звалъ Илью Васильевича присоединиться къ намъ.

Во второй половинѣ іюля пріѣзжали фотографы изъ Петербурга дѣлать снимки для „Новаго Времени“ по поводу юбилея Л. Н-ча. Они снимали цѣлыхъ два дня безпрестанно. На второй день мы съ женой были. Очень было непріятно. Л. Н. чувствовалъ себя очень нехорошо. Онъ сказалъ мнѣ на мой вопросъ, не усталъ ли онъ:

— Нѣтъ, не усталъ, а мнѣ просто стыдно на старости лѣтъ такими глупостями заниматься...—

Л. Н-чу по жребію вышло играть въ шахматы не со мной, а съ Михаиломъ Сергѣевичемъ Сухотинымъ. Мнѣ было обидно, такъ какъ и за шахматами снимали, а я такъ часто играю со Л. Н., что хотѣлось бы имѣть такой снимокъ на память.

Въ этотъ же вечеръ по поводу прекраснаго изреченія Мадзини, помѣщеннаго въ этотъ день въ „Кругѣ чтенія“, Л. Н. сказалъ о Мадзини:

— А вотъ революціонеръ былъ!—

Потомъ еще прибавилъ:

— У меня была его записка. Когда я былъ у Герцена въ Лондонѣ, ему подали записку. Онъ меня спросилъ:—Знаете отъ кого это? Отъ Мадзини.- Я у него выпросилъ эту записку на память, и она у меня долго сохранялась. Какъ-то недавно я ее кажется куда-то бросилъ.—

[1] Сидорковъ, слуга въ домѣ Толстыхъ.
[2] В. М. Осокритова, другъ А. Л. Толстой.

Вечеромъ сидѣли за чаемъ на балконѣ. Л. Н. сказалъ Михаилу Сергѣевичу:

— Какъ хороша старость! Я нынче думалъ: если бы молодые люди могли такъ чувствовать, какъ въ старости. Какъ мой Миша, напримѣръ, и другіе, живутъ ихъ жизнью, они не видятъ всего безумія такой жизни... Но нельзя и требовать, чтобы человѣкъ молодой видѣлъ все такъ же ясно, какъ видишь въ старости.—

Потомъ какъ-то зашелъ разговоръ о русскомъ языкѣ, и Л. Н. выразилъ сожалѣніе, что многія прекрасныя старыя слова и выраженія, которыми такъ богатъ русскій языкъ, выходятъ изъ употребленія. Л. Н. привелъ слово „верста". Верста—верстать, разверстывать, отъ этого и мѣра—верста.

— Есть отличное выраженіе: онъ ему не верста.—

Дня три тому назадъ Л. Н. замѣтилъ, что ни на одномъ языкѣ нѣтъ столькихъ оттѣнковъ для названія старика: старикъ, старичокъ, старецъ, старче, старина, какъ на русскомъ.

Пришелъ Николаевъ. Заговорили конечно о землѣ. Л. Н. сказалъ мнѣ и Николаеву,—мы стояли у входа на балконъ:

— Я радъ, что писалъ царю, а потомъ Столыпину. По крайней мѣрѣ я все сдѣлалъ, чтобы узнать, что къ нимъ обращаться безполезно. Я думаю про Столыпина: какая ограниченность! Онъ могъ-бы въ исторіи сыграть важную роль, а вмѣсто того дѣлаетъ самое ужасное дѣло развращенія народа (по поводу плана правительства о хуторскомъ хозяйствѣ).

10 августа. Л. Н. болѣнъ, у него давно, уже недѣли три, закупорка вены въ ногѣ. Было лучше, а вчера присоединилась простуда—жаръ. Сегодня болѣзнь, почти проходившая, распространилась вверхъ по ногѣ—грозитъ сердцу...

Л. Н. работаетъ надъ третьимъ „Кругомъ Чтенія"; работой этой онъ очень дорожитъ. Онъ работалъ надъ нимъ весь прошлый годъ, потомъ отложилъ. Теперь онъ работаетъ такъ: весь матеріалъ раздѣленъ на 31 отдѣлъ, по числу дней въ мѣсяцѣ. Отдѣлы: „Богъ", „Я—въ настоящемъ", „Смиреніе", „Любовь" и т. д. Въ каждомъ отдѣлѣ 12 дней, т.-е. первыя числа всякаго мѣсяца, потомъ вторыя и т. д., всѣ двѣнадцать на одну тему.

Л. Н. сказалъ:

— Это будетъ, я надѣюсь, совершенно полно и ясно выраженное мое міровоззрѣніе.—

Я прочиталъ два отдѣла. Въ этихъ изреченіяхъ—простота и ясность, соединенныя съ величайшею серьезностью и значительностью.

Л. Н. считаетъ эту работу въ черновомъ видѣ законченной. Онъ послѣднее время работалъ по одному отдѣлу въ день. Вчера сдѣлалъ 29-й. Онъ говорилъ какъ-то Душану Петровичу, что хотѣлъ-бы еще двѣ недѣли прожить, чтобы довести эту работу до конца.

Въ этомъ „Кругѣ Чтенія" почти всѣ мысли самого Л. Н-ча[1].

Какъ-то, въ послѣдній кажется разъ, что Л. Н. верхомъ ѣздилъ, онъ сказалъ вечеромъ за чаемъ:

— Я проѣзжалъ нынче по деревнѣ и любовался на ребятъ. Въ дѣтяхъ—всѣ лучшія свойства человѣка. Особенно—равенство. Для дѣтей нѣтъ даже вопроса о равенствѣ людей. Я думалъ потомъ: только одного свойства нѣтъ въ дѣтяхъ оно вырабатывается въ человѣкѣ самоотреченія. Дѣти—эгоисты.—

Я разъ какъ-то пріѣхалъ вечеромъ. Л. Н. былъ у себя. Когда я не захожу, Л. Н. спрашиваетъ:—Что вы не зашли ко мнѣ?— Я теперь сталъ заходить.

Л. Н. сидѣлъ налѣво за круглымъ столомъ—читалъ что-то. Поздоровались. Я принесъ шахматы. Л. Н-чу нездоровилось. Онъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Какъ хорошо, какъ духовно хорошо!...—

Мы стали играть.

Въ этотъ день къ Черткову пріѣзжалъ И. Д. Сытинъ. Онъ былъ у Л. Н-ча. Л. Н. сказалъ мнѣ:

— Я давно не видалъ Сытина; мнѣ было интересно его повидать. Подумать только,—я помню, какъ онъ начиналъ—у него ничего не было, а теперь у его газеты больше 100 тысячъ подписчиковъ. Онъ мнѣ разсказалъ много интереснаго про книги. Революціонныя и соціалистическія книги лежатъ, никто ихъ не покупаетъ. Много продаютъ порнографическихъ книгъ, но теперь какъ будто тоже стало меньше. А Ерусланы Лазаревичи идутъ все по старому... Вотъ Чертковъ думаетъ, что мы со своими книжками вытѣснили ихъ, а я думаю, что это невѣрно...—

Л. Н. сказалъ это не безъ горечи.

По поводу ругательныхъ писемъ (о статьѣ „Не могу молчать")

[1] Изъ этой работы вышло въ концѣ концовъ собраніе мыслей подъ заглавіемъ „Путь жизни".

и вообще по поводу человѣконенавистнической дѣятельности „истинно-русскихъ“ людей Л. Н. сказалъ мнѣ:

— У этого движенія есть одна положительная сторона: въ дѣятельности этихъ людей со всей очевидностью выступаетъ все зло, которое въ скрытомъ видѣ заключено во всякомъ патріотизмѣ.—

Какъ-то, когда еще у Л. Н-ча нога не прошла, сидѣли послѣ обѣда въ саду за столомъ. Была Марія Александровна. Л. Н. сказалъ ей:

— Хорошо, Марія Александровна?

— Хорошо, Левъ Николаевичъ, очень хорошо!

— А я, Марія Алекс., счастливѣй васъ.—

— Почему?—

— Васъ никто не ругаетъ, а меня ругаютъ.

Когда взошли наверхъ, Л. Н. просилъ Гусева прочитать письмо изъ тюрьмы одного изъ сидящихъ за.... Онъ заболѣлъ чахоткой и видимо скоро помретъ, а письмо хорошее, бодрое.

— Вотъ истинно святые мученики! сказалъ Л. Н.—Въ народѣ идетъ пробужденіе, и удержать его ничѣмъ нельзя. Прежде въ народѣ смотрѣли, что господа, имъ такъ и подобаетъ жить господами, а теперь увидали, что все это не такъ просто и что вовсе имъ такъ не подобаетъ жить. И озлобленіе все растетъ на моихъ глазахъ. Когда мы въ саду обѣдаемъ, и мимо проѣзжаютъ мужики съ сѣномъ, я вижу въ нихъ къ намъ такое нескрываемое презрѣніе... Я отъ жары эти дни на заднемъ дворѣ занимаюсь (въ библіотекѣ, гдѣ окна выходятъ на дворъ) и слышу разговоры: что имъ? не жизнь ихъ, а масленица!—

Въ тотъ же вечеръ Л. Н. сказалъ:

— Меня черносотенцы ругаютъ (по поводу статьи о смертной казни) и революціонеры превозносятъ, а я, признаюсь, совсѣмъ этого не заслужилъ, я имъ такъ же мало сочувствую.—

— А возможно, что черносотенцы меня убьютъ, — прибавилъ Л. Н.

Въ этотъ вечеръ Л. Н. обыгралъ меня въ шахматы. Послѣднее время я все выигрывалъ.

— Вотъ хорошо,—сказалъ онъ,—а то я хотѣлъ совсѣмъ перестать играть: шахматы вызываютъ дурное чувство къ противнику.—

19 августа. Какъ-то, еще въ іюнѣ, мы шли по лѣстницѣ: Л. Н., Сергѣенко, я и еще кто-то четвертый. Наверху на порогѣ въ залу, Л. Н. сказалъ (говорили о любви):

— Я въ своей статьѣ („Законъ насилія и законъ любви“) пишу, что хотя всѣ величайшія ученія нравственности сводятся къ одному,

но ни въ одномъ такъ опредѣленно и ясно не ставится въ основаніе ученіе любви, какъ въ христіанствѣ. Основаніе христіанства—любовь и заповѣдь непротивленія злу насиліемъ. Когда люди называютъ себя христіанами и не признаютъ заповѣди непротивленія, это выходитъ, какъ если-бы кто-нибудь говорилъ: что квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ двухъ катетовъ—я признаю, но что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками—это преувеличеніе, парадоксъ.

Тогда же Сергѣенко собралъ у всѣхъ присутствовавшихъ подписи для присоединенія къ прекрасному письму Рѣпина въ петербургской газетѣ „Слово“ по поводу статьи Л. Н-ча „Не могу молчать“. Всѣ подписались. Но „Слово“ очевидно не рискнуло напечатать ни нашей телеграммы, ни нашихъ подписей.

За чаемъ говорили о современной литературѣ. Л. Н. просилъ Бутурлина прислать, если что найдется новаго, Анатоля Франса, котораго Л. Н. очень цѣнитъ. Онъ опять вспоминалъ „Кренкебиль“.

— Я давно уже не помню, сказалъ Л. Н., чтобы я испыталъ сильное художественное впечатлѣніе отъ литературнаго произведенія. Я думаю, это не отъ того, что я старъ; мнѣ кажется, что современная литература, какъ прежде римская, приходитъ къ концу. Никого нѣтъ, ни на западѣ, ни у насъ.—

Бутурлинъ спросилъ Л. Н-ча, не помнитъ-ли онъ „De profundis“ Уайльда. Л. Н. этой вещи не читалъ, но онъ сказалъ:

— Я забываю теперь все, но все-таки я помню, что я что-то пробовалъ его читать, и осталось такое впечатлѣніе, что читать не стоитъ.—

Говоря о теперешнихъ русскихъ писателяхъ, Л. Н. упомянулъ Куприна.

— У него маленькая область, онъ знаетъ солдатскую жизнь, но все-таки у него настоящіе художественные пріемы. Имъ просто нечего сказать, а они ищутъ какихъ-то новыхъ формъ. Да зачѣмъ ихъ искать? Если есть, что сказать, то только-бы успѣть сказать все, что хочется, а формы искать не придется.—

По поводу книги Эльцбахера „Анархизмъ“, которую Л. Н. перечитывалъ, онъ сказалъ:

— Христіанскій анархизмъ—узкое опредѣленіе христіанскаго міровоззрѣнія, но анархизмъ вытекаетъ неминуемо изъ христіанства въ его приложеніи къ общественной жизни.—

Л. Н. какъ-то лѣтомъ получилъ письмо изъ Японіи, написанное по-японски съ приложеннымъ англійскимъ переводомъ. Письмо его очень тронуло: оно отъ 18-ти-лѣтней японки, и переведено ея другомъ на англійскій языкъ. Въ письмѣ выражается полное сочувствіе идеямъ Л. Н-ча. Л. Н. сказалъ:

— Это такъ странно и такъ радостно, чувствовать свою связь здѣсь, въ Ясной Полянѣ, съ какой-то невѣдомой дѣвушкой за тысячи верстъ въ Японіи.—

27 августа. Л. Н. боленъ и все еще въ постели. Онъ былъ на волоскѣ отъ смерти (нога, отекъ легкаго, пищевареніе), теперь кажется опасность миновала. Были доктора: Никитинъ и хирургъ Мартыновъ изъ Москвы.

Первый день болѣзни я Л. Н-ча не видалъ. На второй я зашелъ на минутку передъ ихъ обѣдомъ, когда онъ пожелалъ видѣть дамъ: Марію Николаевну (сестру), С. А. Стаховичъ, Варвару Михайловну, Марію Николаевну (жену Серг. Львовича). Л. Н. сказалъ мнѣ:

— Хотя вы и не дама, но я радъ васъ видѣть.—

Потомъ я его видѣлъ еще разъ черезъ день. Онъ былъ привѣтливъ, жалѣлъ, что Марія Николаевна лишена моей игры, и просилъ сыграть.

Я сыгралъ 2—3 пьесы. Онъ плакалъ. На другой день я поигралъ немного опять. И опять онъ плакалъ, но радъ былъ слушать. Въ этотъ вечеръ въ Ясной былъ Д. А. Олсуфьевъ. Л. Н. захотѣлъ сыграть въ шахматы и сказалъ кинуть жребій, кому играть съ нимъ, мнѣ или Олсуфьеву. Досталось Олсуфьеву. Л. Н. сказалъ ему:

— Вамъ досталась непріятность играть со мной. —

Л. Н. обыгралъ его, и я былъ очень радъ, такъ какъ это обозначало, что Л. Н. чувствуетъ себя бодрѣе. Послѣ этого я захворалъ (нарывъ на ногѣ) и съ недѣлю не былъ.

Я говорилъ съ Чертковымъ. Онъ говоритъ, что Л. Н., какъ онъ и намекалъ въ статьѣ „Не могу молчать", совсѣмъ уже рѣшился уйти. Но потомъ рѣшилъ, что долженъ нести свой крестъ. Ему было такъ невыносимо тяжело, что онъ сталъ хотѣть смерти. Отъ этого духовно-угнетеннаго состоянія упали физическія силы— онъ умиралъ. Какъ-то онъ не спалъ ночью и радостно чувствовалъ близость смерти. —Такъ хорошо уйти домой,—сказалъ онъ. Но сейчасъ онъ кажется поправляется. Пріѣхалъ Беркенгеймъ [1]. Я былъ тамъ 22-го днемъ. Это

[1] Докторъ, часто лечившій Л. Н-ча.

былъ очень плохой день. Я его не видалъ, онъ диктовалъ Гусеву. Болѣзнь какъ-бы стала проходить, но слабость грозила перейти въ маразмъ.

Въ этотъ день уѣзжала Марія Николаевна—сестра. Она зашла проститься. Никого не было, но она разсказывала, что онъ ей сказалъ, какъ радъ былъ пожить съ ней вмѣстѣ (она съ мѣсяцъ гостила), а потомъ, прощаясь, прибавилъ:

А если мы больше не увидимся... но тутъ голосъ оборвался, онъ заплакалъ. Марія Николаевна не выдержала, зарыдала и вышла.

— Такъ я и не знаю, что онъ хотѣлъ сказать,—прибавила она.

На другой день, 23-го, Л. Н-чу было лучше. Былъ день рожденія Софьи Андреевны. Пріѣхали Татьяна Львовна и Михаилъ Сергѣевичъ, М. А. Стаховичъ и Н. Л. Оболенскій. Я былъ у Л. Н-ча, сыгралъ съ нимъ въ шахматы, онъ выигралъ. Сыгралъ съ нимъ и Михаилъ Сергѣевичъ—ничья. Л. Н. игралъ съ удовольствіемъ и съ удовольствіемъ слушалъ мою игру, хотя я въ тотъ вечеръ игралъ удивительно плохо.

24-го вечеромъ я заѣхалъ на часокъ (я уѣзжалъ въ Москву). Опять сыгралъ партію. Л. Н. былъ еще бодрѣе. Онъ сказалъ мнѣ и Михаилу Сергѣевичу:

— Я сегодня видѣлъ странный, отвратительный сонъ, будто я имѣлъ половое общеніе съ женщиной; я вамъ не назову съ кѣмъ, это все равно,—и самое удивительное, что во снѣ не чувствовалъ никакого отвращенія или сознанія, что это дурно. Этотъ сонъ важенъ для меня тѣмъ, что я ясно почувствовалъ, что нравственное сознаніе и физическая жизнь совсѣмъ какъ бы не связаны. Какъ Кантъ сказалъ: „одно всегда неизмѣнно наполняетъ мою душу изумленіемъ и благоговѣніемъ, это звѣздный сводъ надо мною и нравственное чувство внутри меня". Во снѣ вся матеріальная природа во мнѣ живетъ, а нравственнаго чувства нѣтъ—связь потеряна—и это не жизнь.—

— Во снѣ мозговая умственная жизнь не останавливается. Я еще недавно видѣлъ во снѣ мысли для „Круга Чтенія", и потомъ днемъ записалъ. Паскаль говоритъ, что если бы сны были такъ же послѣдовательны, какъ то, что случается съ нами наяву, то мы не знали бы, что сонъ, а что дѣйствительная жизнь.

28-го августа 1908 года было 80-ти лѣтіе Л. Н-ча. Л. Н. все время передъ этимъ былъ опасно боленъ. Онъ очень страдалъ отъ при-

готовленій и толковъ объ этомъ юбилеѣ. А тутъ еще выскочилъ М. А. С. со своей затѣей пріема какихъ-то европейскихъ депутатовъ и всяческаго шума. Довели Л. Н-ча до того, что онъ въ газетахъ заявилъ о просьбѣ своей не устраивать никакого юбилея. Тѣмъ не менѣе, Л. Н. всетаки опасался возможности шума и хотѣлъ уѣхать изъ Ясной въ Кочеты [1], но захворалъ и никуда не уѣхалъ. Онъ лежалъ неподвижно съ поднятыми кверху ногами (подъ переднія ножки кровати были подложены деревянныя чурки). У него начинались явленія отека легкихъ, и онъ былъ близокъ къ смерти. Но дня за 3—4 до 28-го ему стало лучше. И въ этотъ день онъ сидѣлъ уже въ передвижномъ креслѣ, выписанномъ изъ Москвы во время его болѣзни въ Крыму. Я, зная, что Софья Андреевна говорила, что никого не приметъ въ этотъ день, рѣшилъ поѣхать утромъ и узнать, можно-ли будетъ пріѣхать вечеромъ съ женой. Я поѣхалъ верхомъ.

Въ Ясной было очень оживленно: корреспонденты, фотографы. Со всѣхъ сторонъ снимали виды усадьбы. Былъ у одного и кинематографическій аппаратъ, онъ снялъ Александру Львовну и Варвару Михайловну, ѣдущихъ по деревнѣ, и Маркиза [2]. Александра Львовна ѣздила на деревню раздавать конфекты, много коробокъ съ которыми были къ этому дню съ этой цѣлью присланы изъ Москвы кажется фирмою Жоржъ Борманъ. Еще какая-то табачная фабрика съ юга Россіи прислала множество коробокъ съ папиросами въ очень хорошемъ большомъ картонномъ ящикѣ съ надписью золотыми буквами. Л. Н. написалъ имъ письмо, въ которомъ благодарилъ за вниманіе, но, извиняясь, отослалъ папиросы назадъ, такъ какъ самъ давно не куритъ, а отдать кому-нибудь не хочетъ, считая куреніе вреднымъ. Онъ пишетъ, что оставляетъ себѣ ящикъ [3] и одну коробку папиросъ, которую Софья Андреевна отвезетъ въ музей, куда она отвозитъ все, относящееся къ его 80-ти лѣтію.

Кругомъ дома и въ паркѣ множество народа. Настроеніе праздничное, Л. Н. чувствуетъ себя недурно. Я привезъ ему изъ Москвы механическую чинилку для карандашей. Ему отнесли ее, и онъ по-

[1] Имѣніе М. С. Сухотина.

[2] Собака Александры Львовны.

[3] Въ этомъ ящикѣ до самаго конца хранились разныя текущія и прежнія работы Л. Н-ча. Онъ стоялъ всегда въ комнатѣ, гдѣ раньше жила Ю. И. Игумнова, потомъ Гусевъ, и которую звали послѣднее время канцеляріей.

звалъ меня къ себѣ. Онъ встрѣтилъ меня очень ласково и слезы были у него на глазахъ. Я ему показалъ дѣйствіе машинки. Она ему была пріятна. Онъ вообще по-дѣтски любитъ такія вещи. Софья Андреевна была довольно любезна и звала къ обѣду меня съ женой. Л. Н-ча сняли на балконѣ нѣсколько разъ. Чертковъ былъ тоже съ аппаратомъ.

Съ утра стали получаться сотни телеграммъ. Ихъ было нѣсколько тысячъ и получались они за много дней до юбилея и много дней послѣ, съ десятками и сотнями подписей подъ многими. Очень трогательна была телеграмма, полученная 29-го отъ тульскихъ телеграфистовъ, которые написали, что наканунѣ не спали всю ночь, работая надъ поздравительными телеграммами, но эта работа была имъ радостна, и они шлютъ выраженія своихъ чувствъ и привѣтствія Л. Н-чу, сознавая все значеніе его, какъ мыслителя.

Я позавтракалъ въ Ясной и уѣхалъ домой. Къ обѣду мы пріѣхали съ женой. Было очень людно; столъ стоялъ во всю комнату „глаголемъ". Л. Н. попросилъ, чтобы его привезли въ столовую, и обѣдалъ со всѣми. Его кресло поставили въ сторонкѣ у круглаго стола, и онъ тамъ и обѣдалъ. За обѣдомъ онъ вынулъ записную книжку и что-то сталъ писать. Потомъ онъ сказалъ мнѣ (я близко сидѣлъ):

— Какъ мнѣ радостно видѣть всѣхъ васъ,—и заплакалъ.

Послѣ обѣда Л. Н. отвезли въ его комнату. Онъ сыгралъ 1—2 партіи въ шахматы, но вышло по жребію играть не мнѣ, а Михаилу Сергѣевичу. Л. Н. выигралъ и, я помню, очень торжествовалъ.

Л. Н. попросилъ меня играть. Я сказалъ, что и самъ хотѣлъ, но боялся утомить его. Его опять привезли въ залу. Я игралъ 3 пьесы: два этюда E-dur и c-moll и что-то еще, чуть-ли не вальсъ As-dur, Шопена.

Л. Н. очень волновался отъ музыки, и я безпокоился, не повредилъ ли ему. Скоро послѣ этого онъ отправился совсѣмъ къ себѣ. Я отвозилъ его и такъ старался сдѣлать это поаккуратнѣе, что толкнулъ его обо всѣ притолки и стулья. Я зашелъ еще къ нему, когда онъ уже лежалъ въ постели, и онъ пожалъ мнѣ руку своей большой сильной, несмотря на болѣзнь, рукой. У него были слезы на глазахъ и онъ благодарилъ меня за музыку. Я поцѣловалъ его руку и вышелъ изъ комнаты.

29 августа. Л. Н. говорилъ, что послѣдняя болѣзнь была ему въ высшей степени полезна.

— Я въ 10 лѣтъ не пережилъ-бы всего того, что я пережилъ за это время.—

Софья Андреевна возразила ему:

— Что-жъ хорошаго въ болѣзни и что могъ ты во время нея пережить?—

— Да этого, душа моя, счесть нельзя! Это въ хозяйствѣ какіе нибудь разсчеты, 2—3 тысячи можно сосчитать, а этого учесть никакъ нельзя.—

Софья Николаевна, жена Ильи Львовича, читала вслухъ статью М. О. Гершензона о Кирѣевскомъ въ „Вѣстникѣ Европы". Л. Н. слушалъ съ интересомъ. О Кирѣевскомъ Л. Н. сказалъ:

— Объ немъ просто можно было сказать, что цѣль его жизни была—жить въ единеніи съ Богомъ.—

На другой день, вспоминая о Кирѣевскомъ, Л. Н. удивлялся его странному отношенію къ снамъ, въ которые Кирѣевскій вѣрилъ и придавалъ имъ большое значеніе.

— Я думаю совершенно обратное,—сказалъ Л. Н.,—что во снѣ духовная жизнь какъ-бы прекращается, не проявляется въ человѣкѣ.—

Кирѣевскаго Л. Н. не зналъ. Онъ зналъ и очень цѣнилъ Хомякова. Припоминая славянофиловъ, Л. Н. назвалъ Шевырева и Погодина.

— Я зналъ ихъ хорошо. Это были совсѣмъ пустые люди.—

Я спросилъ объ Аксаковыхъ. Л. Н. сказалъ, что они совсѣмъ не такіе значительные, какъ Хомяковъ и Кирѣевскіе.

— Ихъ дѣятельность была направлена на внѣшнее.—

По поводу телеграммы Гауптмана Л. Н. сказалъ, что изъ-за своей ослабѣвшей памяти совсѣмъ не помнитъ его вещей. Вообще-же онъ говорилъ, что равнодушенъ къ драмѣ.

— Драма это—не чистое искусство. Это смѣшеніе литературы съ другими способами воздѣйствія. Въ музыкѣ это еще больше. Опера—совершенно фальшивый родъ искусства.—

По поводу почти 2000 полученныхъ телеграммъ Л. Н. сказалъ:

— Я съ радостью чувствую, что совершенно потерялъ способность интересоваться всѣмъ этимъ. Прежде, я помню, испытывалъ тщеславное чувство, радовался успѣху. А теперь, и я думаю, что это не ложная скромность, мнѣ совершенно все равно. Можетъ быть это оттого, что слишкомъ много испыталъ успѣха. Какъ сладкое: поѣшь слишкомъ много и пресытишься.—Одно только мнѣ радостно. Во

всѣхъ почти письмахъ, привѣтствіяхъ, адресахъ—все одно и тоже, это просто стало труизмомъ, что я разрушилъ религіозный обманъ и открылъ путь къ исканію истины. Если это правда, то это какъ-разъ то, что̀ я и хотѣлъ и старался всю жизнь дѣлать, и это мнѣ очень дорого.—

Л. Н. опять говорилъ о своемъ новомъ „Кругѣ Чтенія“, что онъ стремился въ немъ къ простотѣ. Особенно въ первыхъ 4—5 изреченіяхъ на каждый день. Л. Н. сказалъ:

— Изложеніе этихъ мыслей, ясныхъ дѣтямъ и народу, въ то-же время проникнутыхъ величайшей серьезностью,—важный и трудный опытъ. У насъ установилась какая-то привычка, традиція говорить не просто о серьезныхъ вопросахъ,—совершенно какъ въ письмахъ: милостивый государь, готовый къ услугамъ, вашъ покорный слуга. Очистить изложеніе, уяснить и упростить мысль—очень трудно. Напримѣръ Кантъ, я его такъ высоко цѣню, изложить его мысли просто и ясно—такая трудная и важная задача.—

Я игралъ. Подъ конецъ Л. Н. попросилъ сыграть d-moll'ную прелюдію Шопена. Я кончилъ и Л. Н. воскликнулъ:

— Das ist Musik!—(Такъ говорилъ какой-то нѣмецъ,—чуть ли не Рудольфъ, описанный въ разсказѣ „Альбертъ“.)

30 августа. Пріѣхалъ Николай Николаевичъ Ге. Они съ Сергѣемъ Львовичемъ опоздали къ обѣду. Пришли. Л. Н. сидѣлъ на кушеткѣ съ вытянутой ногой и отдѣльно обѣдалъ. Ге подошелъ поздороваться. Л. Н. сказалъ:

— Здравствуйте, Колечка, радъ васъ видѣть. Про васъ говорятъ — вы совсѣмъ революціонеромъ стали. А я васъ совсѣмъ не боюсь!—

За обѣдомъ Ге разсказывалъ про свою жизнь въ Швейцаріи, что онъ 55—60 часовъ въ недѣлю даетъ уроки. Наканунѣ я разсказывалъ Л. Н-чу то-же самое про себя. Л. Н. по поводу словъ Ге обратился сначала ко мнѣ, а потомъ къ намъ обоимъ:

— Я думалъ про васъ и вообще про такихъ людей. Зачѣмъ такъ жить? Зачѣмъ давать 55 часовъ въ недѣлю уроки? Надо это какъ нибудь измѣнить, сократить свои потребности. У всякаго изъ насъ только одна жизнь и нельзя ее всю убивать на уроки. У человѣка есть обязанности передъ самимъ собой. Нужно жить для души.—

Ге сталъ объяснять свою жизнь семьею и внѣшними обстоятельствами. Л. Н. возразилъ:

— Да то-же самое говорятъ . . . , судьи, попы, чтобы оправдать свою дѣятельность, но это нисколько не убѣдительно. Вотъ гдѣ настоящая революція!—(въ смыслѣ измѣненія своей жизни согласно убѣжденіямъ), обратился Л. Н. къ Ге.

Немного погодя Л. Н. опять заговорилъ про то-же. Онъ между прочимъ сказалъ:

— Подумать только, вотъ Александръ Борисовичъ будетъ такъ давать, давать уроки, а потомъ умретъ, и вся жизнь на это ушла...

Л. Н., отвѣчая на адресъ австралійскихъ джорджистовъ, приводитъ слова Руссо: „Тотъ, кто первый, огородивъ кусокъ земли, рѣшился сказать: эта земля моя, и встрѣтилъ людей столь простыхъ, что они могли повѣрить этому,—этотъ человѣкъ былъ первый основатель гражданскаго общества. Отъ скольких преступленій, войнъ, убійствъ, несчастій, ужасовъ избавилъ-бы человѣчество тотъ, кто, вырвавъ колья и заровнявъ канаву, сказалъ-бы: берегитесь, не вѣрьте этому обманщику. Вы пропали, если забудете, что земля не можетъ принадлежать никому, и что плоды ея принадлежатъ всѣмъ". Л. Н. сказалъ:

— Это такъ ясно, что возразить нечего. Остается единственное—замалчивать, что и дѣлается.—

Л. Н. сказалъ мнѣ:—А какой у меня нынче чудесный старичокъ былъ, казакъ! Мы съ нимъ оба сидѣли другъ противъ друга и хлюпали.—О чемъ бы вы думали онъ не можетъ говорить безъ слезъ? Этого нельзя придумать. О томъ, что онъ богатъ. Онъ стыдится своего достатка, когда рядомъ люди лишены самаго необходимаго. Онъ былъ съ сыномъ.

Я спросилъ про сына. Л. Н. сказалъ:

— Сынъ—прекрасный молодой человѣкъ, болѣе сознательный.—

— Не сектантъ-ли онъ? спросилъ я.

— Нѣтъ, они не принадлежатъ ни къ какой сектѣ, просто люди, ищущіе правды.—

— А я нынче попросилъ какую-нибудь газету. Мнѣ дали „Новое Время", и я, долженъ сознаться, былъ такъ плохъ, что мнѣ было непріятно читать, что про меня пишутъ Суворинъ и Меньшиковъ.—

Подошелъ Ге. Л. Н., продолжая тотъ-же разговоръ, сказалъ:

— Главное, всегда надо чувствовать, что я дѣлаю не то,—какъ нынѣшній старичокъ. Онъ мучается, что онъ богатъ. А то сознавать, что я залѣзъ въ навозъ, и все-таки буду сидѣть тамъ и барахтаться въ этой fange.—

Говорили о всеобщемъ увлеченіи литературой Шерлоковъ Холмсовъ, Пинкертоновъ и т. п. Л. Н. сказалъ:

— Это важный показатель времени. Современные писатели, вотъ этотъ, напримѣръ, что о Кирѣевскомъ писалъ, говоритъ о философіи, и высшей точкой ея называетъ Карпентера, Метерлинка и Ницше. А Ницше невозможно читать, это ребяческій лепетъ, бредъ сумасшедшей и, главное, самоувѣренной мысли. И это теперь называется философіей!

По поводу сентябрьской книжки „Вѣстника Европы“ Л. Н. очень умилялся стихотвореніемъ Жемчужникова, написаннымъ въ предчувствіи смерти. Про статью Арсеньева Л. Н. говорилъ съ уваженіемъ къ нему:

— Мнѣ понравилось, что, дойдя до моихъ философско-религіозныхъ воззрѣній, онъ говоритъ, что это вопросы настолько серьезные, что онъ не позволяетъ себѣ судить о нихъ въ краткой журнальной статьѣ. Не то, что нынѣшніе газетные писатели, которые всѣ вопросы легко и самоувѣренно рѣшаютъ въ своихъ статейкахъ. Они все давно знаютъ и рѣшили.—

31 августа. Когда я пріѣхалъ, въ передней стояли какіе-то 3—4 человѣка. Оказывается—тульскіе типографщики. Они были у Черткова, и Ч. далъ имъ записку ко Л. Н—чу съ просьбой принять ихъ, если Л. Н. найдетъ это возможнымъ. Л. Н. пригласилъ ихъ въ маленькую гостиную, куда его привезли въ креслѣ. Онъ пробылъ съ ними одинъ минуты три, потомъ вернулся въ залу. Оказывается, они привозили ему адресъ отъ тульскихъ типографщиковъ.

Л. Н. сказалъ:

— Я сегодня писалъ въ „Кругѣ Чтенія“ о суевѣріи, что можно устроить жизнь другого существа, или суевѣріи, что можно убѣдить другого человѣка. Если его мысли иначе направлены, то всѣ ваши слова разобьются объ это. Если онъ говоритъ, что 2 × 2=5, то вы никакъ его не переубѣдите, что 2 × 2=4. Вотъ если человѣкъ ищетъ въ какомъ-нибудь направленіи и встрѣчаетъ передового на этомъ пути, который уже уяснилъ себѣ то, что онъ ищетъ, тогда онъ, разумѣется, съ радостью хватается за его мысль.—

Л. Н. разсказывалъ про статью въ какомъ-то нѣмецкомъ журналѣ по поводу его 80-тилѣтія. Ему понравилось, что авторъ указываетъ на пустоту и безсодержательность современной европейской литературы, противопоставляя ей русскую, въ которой постоянно затроги-

ваются наиболѣе серьезные и важные вопросы человѣческой жизни. По этому поводу разговоръ зашелъ о Художественномъ театрѣ и будущей постановкѣ „Синей птицы" Метерлинка. Горбуновъ кое-что разсказывалъ объ этой вещи со словъ Суллержицкаго. Л. Н., какъ и всѣ остальные, недоумѣвалъ, какимъ образомъ можетъ быть дѣйствующимъ лицомъ пролитое молоко. Онъ сказалъ мнѣ:

— Вы непремѣнно сходите и намъ разскажите. Это очень интересно.—

Говоря по этому поводу о драмѣ, Л. Н. сказалъ:

— Я говорилъ вчера съ Александромъ Борисовичемъ, насколько опера ниже чистой музыки: въ ней къ музыкѣ примѣшиваются посторонніе элементы; такъ и драма—низшій родъ произведеній литературы. Кромѣ того, мнѣ лично мѣшаетъ, что я всегда чувствую механизмъ этого. Я вижу, какъ это сдѣлано, какъ авторъ подгоняетъ дѣйствіе къ нѣсколькимъ моментамъ, въ которые совершается все то, что̀ ему нужно. А потомъ еще эти условности игры: какое слово подчеркнуть, какъ произнести, костюмы, декораціи и т. д.—

Горбуновъ разсказалъ довольно любопытную вещь, что передъ 28-мъ августа московскій градоначальникъ Адріановъ разослалъ во всѣ редакціи полуофиціальное увѣдомленіе, въ которомъ онъ *проситъ* редакціи не упоминать въ статьяхъ по поводу юбилея Л. Н—ча ни слова о смертной казни, такъ какъ въ противномъ случаѣ онъ *вынужденъ* будетъ штрафовать ихъ на 3 тысячи рублей.

У Л. Н—ча былъ нынче, приходившій разъ и въ прошломъ году, очень странный студентъ, теперь преданный суду отчасти за распространеніе сочиненій Л. Н—ча, а главнымъ образомъ за революціонную пропаганду. У этого студента бываютъ какіе-то подозрительные припадки, вродѣ падучей. Чертковъ почему-то думаетъ, что это шпіонъ, и что припадки онъ симулируетъ. Л. Н. этому не вѣритъ и считаетъ его за настоящаго революціонера. Онъ разсказывалъ про свой разговоръ съ этимъ студентомъ.

— Онъ и прошлаго году говорилъ точь въ точь тоже самое, и примѣръ приводилъ тотъ-же самый, почему-то карандаши, что если положить въ кучку тысячу карандашей и сто карандашей, то лучше уничтожить сто, чтобы спасти тысячу, а не наоборотъ!—И это же говорятъ Столыпины: перевѣшать десятки, сотни и избавить отечество отъ рѣзни. И какъ они этого не понимаютъ? Кто ихъ призвалъ выбирать сколькихъ и кого нужно уничтожить? Мое личное

дѣло знать, что убивать никого не нужно, и поэтому никакого выбора я дѣлать не долженъ. Но съ ними говори, не говори, это все идетъ мимо.—

Горбуновъ разсказывалъ, что онъ говорилъ съ этимъ студентомъ, и тотъ сказалъ, что въ жизни не можетъ и не должно быть никакихъ идеаловъ. Идеалы, если есть, то они берутся изъ обыденной жизни. Я вспомнилъ по этому поводу Менгера и объ его общественномъ идеалѣ нравственности. Л. Н. сказалъ:

— Разумѣется, общественный идеалъ есть и можетъ существовать, но только нужно руководящее направленіе, такое нравственное основаніе, которое, какъ говорилъ Кантъ, могло-бы стать руководствомъ поведенія для всѣхъ людей.

Потомъ Л. Н. разсказывалъ, что онъ получилъ письмо отъ В., бывшаго послѣдователя Л. Н—ча, который въ прошломъ году безпрестанно бомбардировалъ Л. Н—ча ругательными письмами за то, что онъ отрицательно относится къ дѣятельности революціонеровъ. Л. Н—чу наконецъ такъ надоѣли эти письма, что онъ пересталъ ихъ распечатывать, собралъ ихъ и просилъ Горбунова отослать ихъ такъ нераспечатанными обратно В., съ просьбой, если можно, больше не писать. Теперь В. сообщаетъ, что у него былъ обыскъ, найдено кое-что компрометирующее и что сынъ его, чтобы выручить отца, взялъ это все на себя, но что нераспечатанныя письма его ко Л. Н—чу попались также въ руки полиціи и что ему это очень непріятно, и кромѣ того, письма эти могутъ служить противъ него уликой.

Л. Н. говоритъ, что письмо озлобленное, написанное тономъ скрытаго упрека.

Л. Н. сказалъ еще:

— Я теперь читаю мистика Angelus Silesius, ученика Бёме, превосходную книгу (объ ней Л. Н. подробнѣе говорилъ на слѣдующій день) и французскій романъ Галеви, гдѣ описанъ M-r le Cardinal, у котораго двѣ дочери, и онъ этихъ дочерей продаетъ. А онъ разсказываетъ это съ шутками, остроуміемъ... Мнѣ это отвратительно и ужасно, и я не могу смѣяться надъ этимъ. Признаюсь, это плохо рекомендуетъ N: онъ далъ мнѣ эту книгу и очень хвалилъ, говоря, что очень остроумно и хорошо написано.—

5 сентября. Во второй половинѣ іюля былъ въ Ясной К., который тамъ игралъ.

Л. Н. лежалъ на кушеткѣ, и послѣ того, какъ К. отыгралъ, мы сѣли около Л. Н—ча. К. сталъ говорить о себѣ, какъ онъ тяготится своей жизнью, какъ ему хотѣлось-бы жить на землѣ, бросить уроки музыки, институтъ. Мѣшаютъ этому отношенія его жены къ отцу, который-бы очень болѣзненно отнесся къ рѣзкой перемѣнѣ жизни. Онъ еще говорилъ, что хотѣлъ бы устроиться съ кѣмъ-нибудь въ общинѣ.

Л. Н. отвѣтилъ ему:

— Зачѣмъ община? Не надо отдѣляться отъ всѣхъ людей. Если въ комъ есть что̀ хорошее, пусть этотъ свѣтъ распространяется вокругъ него тамъ, гдѣ онъ живетъ. Сколько людей устраивались общинами, и изъ этого ничего не выходило. Сначала вся энергія уходила на внѣшнее устройство жизни, а когда устраивались, начинались ссоры, сплетни, и все распадалось... Вотъ вы на институтъ жалуетесь, а въ институтѣ есть швейцаръ, вы можете къ нему хорошо, по-человѣчески относиться, и вы сдѣлаете доброе дѣло. А ученицы? Развѣ мало хорошаго можно сдѣлать изъ этихъ отношеній? А уйти всегда можно, только изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Я говорю такъ не потому, что хочу оправдать свою жизнь. Я живу, знаю, что дурно, но я всегда хотѣлъ и стараюсь жить лучше, только не сумѣлъ... Я уйду къ Богу съ сознаніемъ, что дѣлалъ, что̀ былъ въ силахъ, чтобы улучшить свою жизнь.—

— Никогда не надо впередъ загадывать, какъ устроить жизнь. Иногда кажется, еслибы остался одинъ, что̀ бы я сталъ дѣлать? Вотъ, напримѣръ, сказать Ильѣ Васильевичу: сегодня хорошо, если-бы вы прибрали и подмели комнаты, а завтра я. Вмѣстѣ сталибы обѣдать. А дальше все одно за однимъ, какъ сложится. Только одно помнить, что идеалъ внѣшней жизни вполнѣ осуществить нельзя, также какъ и духовный. Все дѣло въ постоянномъ приближеніи... Если-бы я теперь все бросилъ и ушелъ, Софья Андреевна возненавидѣла-бы меня, и зло отъ этого было-бы, можетъ быть, еще хуже. У васъ вотъ отецъ... и такъ у каждаго.—

Наканунѣ сидѣли вечеромъ на балконѣ. Булыгинъ былъ. Л. Н. разсказывалъ, что получилъ изъ Томска хорошее письмо отъ какого-то простого человѣка, который прочелъ нѣкоторыя его книжки и спрашиваетъ въ концѣ: гдѣ такіе люди, живущіе христіанской жизнью, что онъ все броситъ и отправится жить съ ними. Л. Н. сказалъ, что отвѣтилъ ему приблизительно то-же, что я сейчасъ записалъ изъ разговора съ К. объ общинѣ. Л. Н. прибавилъ:

— Я даже думаю, что если быть женщиной въ распутномъ домѣ, или тюремщикомъ, и то не слѣдуетъ начинать съ того, чтобы бросить дѣло. Разумѣется, человѣкъ, сознающій зло такой жизни, не останется въ ней, но только главное не въ этой внѣшней перемѣнѣ.—

Л. Н. сказалъ, что онъ получилъ въ этотъ день 3 письма: одно отъ г. Г., который посылаетъ свою книгу „Благовѣстіе мира" въ 3-хъ экземплярахъ и говоритъ, что эта книга такъ замѣчательна, что если ее распространить, то она перевернѐтъ жизнь человѣчества. Другое письмо отъ интеллигента, просящаго 800 рублей, и 3-е отъ этого простого безграмотнаго человѣка, хорошее, серьезное. Л. Н. говорилъ, что онъ кромѣ писемъ съ просьбами о деньгахъ постоянно получаетъ такія, гдѣ авторы, посылая свои литературныя произведенія, просятъ, чтобы Л. Н. съ помощью своего авторитета способствовалъ распространенію ихъ твореній.

— Странная мысль,—сказалъ Л. Н.,—что я могу стараться о распространеніи того, чему я не сочувствую и чего не раздѣляю.—

Л. Н. получилъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней письмо отъ сидящаго въ тюрьмѣ за отказъ отъ . . . . . Это письмо Гусевъ читалъ вслухъ. Л. Н. сказалъ:

— Вотъ это счастье—пострадать за свои убѣжденія отъ того правительства, съ которымъ борешься!—

Послѣ разговора на балконѣ о 3-хъ письмахъ, Л. Н. пошелъ наверхъ и легъ на кушеткѣ. Онъ лежалъ тихо. Потомъ онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Подумать только, что̀ дѣлается теперь по всей Россіи! Боже мой, Боже мой, эти казни, эти тюрьмы, эти остроги, эти изгнанія! И воображаютъ, что они что-то измѣняютъ!—

Въ разговорѣ съ К. Л. Н. говорилъ о школахъ:

— Теперешнія школы хуже тюремъ и висѣлицъ. Лучше никакого образованія, чѣмъ это. У насъ въ школахъ преподаютъ ужасающую ложь за истину... И какъ трудно потомъ отъ этой лжи освободиться! Какъ еще Кантъ сказалъ: человѣкъ, которому съ дѣтства внушены ложныя убѣжденія, дѣлается потомъ на всю жизнь софистомъ своихъ заблужденій.—

Факсимиле.

(Объясненіе А. Б. Гольденвейзера.)

Прилагаемый здѣсь автографъ Л. Н. Толстого относится къ 1902—1905 гг. На перегнутомъ пополамъ черновомъ листкѣ изъ „Хаджи-Мурата“ (изъ сцены доклада Чернышева Николаю Павловичу), переписанномъ, кажется, кн. Н. Л. Оболенскимъ и исправленномъ рукою Л. Н-ча, на обратной сторонѣ находится собственноручный списокъ Л. Н-ча различныхъ темъ для предполагаемыхъ работъ, часть которыхъ никогда не была осуществлена. Воспроизвожу его полностью, поясняя въ круглыхъ скобкахъ ( ) то, что мнѣ извѣстно по поводу каждой темы; поставленное въ прямыя скобки [ ] дополняетъ недописанныя слова.

1) *Купонъ.* („Фальшивый купонъ“).

2) *Это ты.* (Напечатано вмѣстѣ съ „Кармой“ въ 1906 г. фирмой „Посредникъ“ съ помѣтой: „съ нѣмецкаго“.)

3) *Церко и старик.*

(Тема эта, насколько мнѣ извѣстно, никогда не была обработана. Однажды Л. Н. разсказалъ мнѣ этотъ сюжетъ. Сущность разсказа-легенды вотъ въ чемъ. Жилъ старикъ праведной жизни, былъ онъ святой, а въ церковь никогда не ходилъ. Дьяволъ много разъ хотѣлъ его соблазнить, но это ему никакъ не удавалось. Братья старика говорили ему: вотъ ты живешь хорошо, а въ храмъ Божій не ходишь. Часто они къ нему приставали съ этимъ, и вотъ однажды въ большой праздникъ онъ согласился отправиться съ ними къ обѣднѣ. Деревня ихъ была отъ церкви довольно далеко, на другой сторонѣ большой рѣки. Братья переправились на лодкѣ, а старикъ пошелъ по водѣ, и вода его держала. Въ церкви было много народу. Старикъ видѣлъ нарядныхъ женщинъ и около нихъ мущинъ, богатыхъ — впереди на лучшихъ мѣстахъ, а бѣдныхъ позади, — деньги на тарелочкахъ, — не могъ удержать въ себѣ осужденія всего этого, и дьяволъ радовался. А когда отправились домой, старикъ хотѣлъ снова пойти по водѣ, но вода уже не держала его, и онъ сталъ тонуть.)

4) *Измѣна жены.* (Въ дневникѣ Л. Н-ча отъ 22-го ноября 1896 года записано [1] „Вспомнилъ два сюжета очень хорошихъ: 1) Измѣна жены страстному ревнивому мужу, его страданія, борьба и наслажденіе прощенія и 2) описаніе угнетенія крѣпостныхъ, а потомъ точно такое-же угнетеніе земельной собственностью или скорѣе лишеніемъ ея.“)

5) [illegible] *убив[шій] ребенка.* (На эту тему былъ впослѣдствіи написанъ разсказъ „Молитва“, напечатанный въ „Кругѣ Чтенія“.)

[1] Ссылки на дневникъ сдѣланы по изданію „Дневникъ Л. Н. Толстого. 1895—99. Подъ редакціей В. Г. Черткова“.

1) Купонъ.
2) Отъ пики,
3) Церковь стари[illegible]
4) Великого времени
5) Влияние [illegible] рев. [illegible],
6) Кавалерда,
7) Александр I
8) ~~[illegible]~~
9) Кто [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].
10) ~~[illegible] [illegible] [illegible]~~ [illegible],

---

1) Трагедия
2) Своя драма,
3) М. М.
4) Отцы [illegible] [illegible],
5) Мать,
6) [illegible] Сухомлиновъ
7) Пересмотровъ
8) ~~[illegible] [illegible] и [illegible],~~
9) Кто я теперь
10) Что ты [illegible] [illegible]
11) Вам и [illegible] [illegible]

6) *Кормилица.* (Помню, что Л. Н. говорилъ объ этой темѣ: о женщинѣ, бросившей своего ребенка и кормящей чужого. Никакихъ слѣдовъ этой работы пока не найдено.)

7) *Александръ I.* („Посмертныя записки старца Федора Кузьмича".)

8) *Разбойникъ кается.* (Зачеркнуто. Можетъ быть объ этой темѣ говорится въ спискѣ сюжетовъ, помѣщенномъ въ дневникѣ отъ 13 декабря 1897, гдѣ подъ № 11 написано: „(прекрасно) разбойникъ, убивающій беззащитныхъ".)

8) (передѣлано изъ 9) *Кто важенъ, что важно, когда?* (Изъ этого вышелъ разсказъ „Три вопроса".)

9) (передѣлано изъ 10) *Алек др Баринъ и крестьянинъ.* (Сверху надписано:) *Трудъ, болѣзнь, смерть* (подъ этимъ заглавіемъ и напечатано.)

---

1) (вмѣсто зачеркнутаго 10) *Трупъ.* („Живой трупъ".)

2) *Своя драма.* („И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ". Очень знаменательно опредѣленіе этой пьесы, какъ *своя* драма.)

3) *Х. М.* („Хаджи Муратъ.")

4) *Дѣти умнѣй стар*[шихъ? иковъ?] (Вѣроятно „Дѣтская Мудрость.")

5) *Мать.* (Сохранились два отрывка этой работы: „Вступленіе къ исторіи матери" и „Записки матери", напечатанныя въ посмертныхъ произведеніяхъ Л. Н-ча.)

6) *Записки сума*[с]*шедшаго.* (Тема, упоминаемая въ дневникѣ Л. Н-ча отъ 26 декабря 1896 и 5 января 1897 года. Сохранилась незаконченная повѣсть Л. Н-ча подъ такимъ же заглавіемъ (1883 г.), напечатанная въ посмертныхъ произведеніяхъ. Неизвѣстно, подразумѣвается ли здѣсь продолженіе той же работы, или же начало новой, одноименной.)

7) *Персіанинова.* (Въ дневникѣ 14 сентября 1896 г. записано: „Вспомнилъ два прекрасныхъ сюжета для повѣстей: самоубійство старика Персіанинова и подмѣна ребенка въ воспитательномъ домѣ". Кромѣ того, въ спискѣ сюжетовъ, помѣщенномъ въ дневникѣ отъ 13 декабря 1897 года, стоитъ подъ № 3: „Персіанинова." Больше объ этомъ художественномъ намѣреніи Л. Н-ча пока ничего неизвѣстно.)

8) *Самара: Башкиры и поселенцы.* (Объ этой темѣ Л. Н. говорилъ неоднократно. Въ дневникѣ 19 іюля 1896 есть запись: „Очень живо представляются картины изъ жизни самарской: степь, борьба кочевого патріархальнаго съ земледѣльческимъ культурнымъ. Очень тянетъ". Къ обработкѣ этого сюжета Л. Н., насколько извѣстно, не приступалъ).

9) *Кто я теперь.* (Пока ничего не извѣстно.)

10) *Что ты пришелъ мучить насъ.* (Евангеліе Матѳея 8. 28–31. Марка 5. 1–19. Объ этомъ сюжетѣ пока ничего неизвѣстно.)

11) *Балъ и сквозь строй.* („Послѣ бала".)

Поправка.

Изъ писемъ Л. Н. Толстого къ С. А. Рачинскому, напечатанныхъ въ этомъ томѣ, четыре послѣднихъ, №№ 2—5 (стр. 266—268), какъ обнаружилось уже по отпечатаніи текста, были раньше помѣщены въ Иллюстрир. Приложеніи къ „Новому Времени", № 13529 отъ 9 ноября 1913 г. Первое наше письмо тамъ отсутствуетъ, но его мѣсто занимаетъ недостающее у насъ короткое письмо отъ 21 февраля 1877 г.

Оглавленіе.

Стр.

I. **С. А. Нѣловъ** 1

II. **Г. С. Батеньковъ** 20

III. **Н. П. Огаревъ, „Profession de foi“** 111

IV. „ „ „ **Неизданныя стихотворенія** 143

V. **Т. Г. Шевченко и кн. В. Н. Репнина** 179

VI. **Л. Н. Толстой: Письма къ С. А. Рачинскому** 264

VII. **Дневникъ А. Б. Гольденвейзера** 269

Портретъ С. А. Нѣлова 1

„ Г. С. Батенькова . . . . . 28—29

„ кн. В. Н. Репниной . . . . . 220—221

Факсимиле Т. Г. Шевченка . . . . . 256—257

„ Л. Н. Толстого . . . . . 350—351

Типо-литография Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., соб. д.
Москва—1916.

За сообщеніе матеріаловъ, напечатанныхъ въ этомъ томѣ, приношу искреннюю благодарность М. В. Безръ и Е. Н. Орловой, А. Б. Гольденвейзеру, Н. П. Киселеву и Г. А. Рачинскому.

23 января 1916 г.

PG 3201 G46 t.2

Gershenzon, Mikhail Osipovich (ed.)
Russkie propilei

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY